

МИР МУХАММЕД АМИН-И БУХАРИ

УБАЙДУЛЛА-НАМЕ

ВСТУПЛЕНИЕ

Во имя аллаха милостивого и милосердного!

/16/ Да будет ведомо просвещенным умам ученых и проницательных людей, что с тех пор, как заложены основы дел мира и доведены до апогея высоты, а здание [сего] преходящего мира сделали возвышенным, — потребностью вечной мудрости и необходимостью бесконечной любви было то, что она ни на одно мгновение не оставляла мир без могущественного правителя. И поскольку божественная милость соединялась с народными вождениями и чаяниями, то людям даровался властитель, покровительствующий подданным, и правосудный государь, в эпоху которого весь мир направлялся к культуре и процветанию, а города и области становились цветущими и населенными.

Ныне в похвалу всевышнему аллаху необходимо [вознести] многие */2a/* благодарности за народы четверти земли и особенно за население Мавераннахра.

Двустиишие:

Велика благодарность творцу за мир,
Когда у мира существует такой владыка мира.

Владыка неизобразимого владения вложил ключи от четвертой обитаемой части земли в могучие длани государя вселенной, повелителя сынов и дочерей Адама, чуда божественного милосердия, оживителя мусульманских законов, восхода солнца справедливости и правосудия, покровителя и пастыря городов и рабов, разрушителя насилия и непослушания, помощи ислама, помощника мусульман, помогающего [абсолютной] истине и [истинной] вере, сейида Убайдуллы Мухаммеда бахадур хана. Он [аллах] украсил процветание мира и существо вселенной **[12]** красотой его справедливости и сострадания и совершенством его могущества и расправы таким образом, что в устройстве правил веры и государства, в закладке зданий царства и нации, в продвижении вперед государственных принципов и установления обязанностей миродержавия, в распорядке дел [управления] областями, в упорядочении интересов подданных, в защите территорий ислама, в попечениях о благородном и простом */26/* народе он [Убайдулла хан] проявил в высокой степени свой превосходный разум и проницательный взор. Поистине на сегодня в лугу периодов времени и в цветнике эпох из розового цветника счастья не распустилась ни одна роза такой свежести, а над потоком благородства не поднялся ввысь ни один кипарис такой красоты [как Убайдулла хан]!

Стихи:

О, боже, пока в мире существует красота,
Для судьбы и круговорота времени есть еще отсрочка [в гибели мира].
Он [хан] наслаждается счастьем и благополучием.
Да не будет же праздною от его ног вершина престола!

Фузайл-и Ияз ¹, — да помилует его аллах! — сказал: “если в течение [всей] жизни одна [только] молитва будет услышана богом, я брошу ее, как золото, под ноги [справедливого] государя времени, потому что порядок в людских делах и осуществление

надежд значительной части человеческого рода [тесно] связано с ним. Под защитой [им] государства и под приютом [его] милости угнетаемый освобождается от угнетения”.

Короче говоря, историческая наука расширяет умственный кругозор, увеличивает ученость и способствует правильности суждений и мнений, так что Абузарр Джумхур философ ², чья благородная личность являлась /3а/ украшением страниц мудрости, говорит: “Историческая наука укрепляет правильное мышление и помогает ему, потому что она через деяния и поступки предков является справедливым свидетелем и мудрым судьей [13] в отношении верности суждений потомков. Вследствие этого чтение истории и летописных источников о [разных] новостях, происшествиях и обстоятельствах раскрывает перед лицом времени восходящие подъемы величия и славы”.

Стихи:

Так как от изучения истории извлекается подобное преимущество,
То и получается оно приятным для людей.
Благоустроенные здания разрушаются
От дождя и солнечного зноя,
Здание же слова [смело] возводи высоко,
Так как ему не приносит вреда ветер и дождь.

После изложения [сего] предисловия сущность дела заключается в следующем. Ничтожная пылинка, презренный бедняк, малоспособный, лишенный средств слабый раб, Мир Мухаммед Амин-и Бухари, который большую часть своей жизни провел в делах похвальных и непохвальных; стараясь [так или иначе] потратить время, пил неприятную на вкус чашу [людской] укоризны и, доведя годы своей жизни до пятидесяти девяти /3б/ лет, никак не рассчитывал, что ему придется свой слабый искалеченный язык употребить для метафорических [изысканных] выражений. Поневоле пришлось опустить голову в уединение воображения и подумать: каким способом мне получить доступ в ряд высочайших слуг его величества, местопребывания халифского достоинства? Решая этот вопрос, я дни превращал в ночь, а ночи в дни. Физические и умственные усилия [мои], после многих обдумываний с [одним] великого ума большим [человеком], который являлся путеводителем разума, — [наконец] помогли мне уяснить положение дела. Я посоветовался с ним относительно осуществления искомого. И этот руководитель ума, который, в смысле правильных суждений, для нуждающегося в этом является ведущим началом, по чувству сострадания сказал [мне] в ухо души [следующее]: “если тебе удастся снискать покровительство убежища начальствования, доброжелательного приближенного к его хаканскому величеству, Бек Мухаммед бия дадхи ³, который есть древо счастья для талантливых людей, кои от [14] ветра садов послушания ему стали плодоносящими, — то есть надежда, что бутон [твоего] желания распухнет”. Поэтому я, ничтожный, который в ожидании сияний солнца милости такого счастья в эти безрадостные /4а/ [для себя] ночи до восхода солнца считал [лишь] звезды и данным давно, в силу своей злосчастной судьбы и беспомощности, был отстранен от ханской службы, и вместе с тем знал, что служить хану мне, презренному, неосуществимо, — я посвятил себя изучению истории. Пока в один из счастливых дней с помощью судьбы, а еще больше по милости всемогущего и споспешествующего вождя, он, [мой покровитель], подобрал поводья [моего] направления [к ханскому дворцу] и, не выпуская их из рук, привел меня к тому отмеченному счастьем правительственному чертогу. И когда я стал осчастливлен допуском поцеловать ковер [Бек Мухаммед бия дадхи], его достойная высокого уважения личность определила меня на службу к высокому порогу его величества, местопребывания халифского достоинства, который является средоточием упований сановников и бедняков. Когда мои глаза просветлели от красоты луны при встрече с ним, я увидел вождя и миродержавного государя, восседающего на престоле царства, и стал

участником его бесчисленных /46/ милостей и щедрот. Ввиду того, что я увидел этого справедливого монарха украшенным [знанием исторических] наук и кротостью и нашел его светлую природу соответствующей историческим признакам,

Двустиишие:

С востока надежды забрезжило утро победы,
И темная ночь окончилась для заинтересованных людей, —

я, раб, по необходимости во исполнение повеления “кому приказывают, тот заслуживает извинения”, положил палец принятия [его] поручения на глаза повиновения и, подобно тростниковому перу, опоясавшись поясом [ханской] службы, приступил к составлению [такого] сборника, который был бы фундаментом для изложения достохвальных поступков, различных обстоятельств и событий времен от начала вступления на престол его величества, высокопрославленного монарха, чей трон — как у Джемшида ⁴, чья судьба [блестяща, как] солнце, который по стремительности [равен] Бахраму ⁵ по достоинству — Соломону, настоящий Александр [великий **15**] своего времени, свет [в чертоге славы и величия, сияние] в саду счастья и благоденствия, достойный монаршего положения, ветвистое дерево и ранние плоды фруктового сада Огузханского государства, превосходнейший из чистых по природе потомков Чингиз хана, укрепитель основ справедливости и милосердия, созидатель союзов сострадания и милостивого отношения, объект проявления [разных] родов божественных милостей, последователь божественного повеления: *подлинно аллах заповедует /5a/ правосудие и благодеяние ⁶, вспомоществуемый помощью просимого о помощи царя, помогающего государству и халифату, Абу-л-музаффар ва ал-Мансур сейид Убайдулла Мухаммед бахадур хан.

Двустиишие:

Днем я учу урок похвалы тебе.
А ночью я считаю долгом повторять тебе панегирик.

О, государь, известно, что придет из сокрушенного сердца и что захватит [крепко] сжатая рука. О, боже, —

Двустиишие:

Сколько бы не было у меня слов для начала и конца,
Ты не лиши меня доли вкусить [наслаждения] в благосклонном принятии [государем моего труда].

Считаю долгом отметить, что группа ученых людей, кои [уже] участвовали в таких делах, уже занимались подобным предприятием и красноречивыми тростниками [своих] перьев написали на страницах эпохи [разные] полезные письма, пальцами усилия и старания облекли в платье фраз и в одежды метафор удивительные события, что произошли в четвертой обитаемой части земного шара, и [разные] любопытные происшествия, случившиеся в многообразном мире; жемчуг мысленного значения эти дееписатели [уже] просверлили алмазом пронизательности, [вследствие чего] оказались очастливленными поддержкою и расположением /5b/ богатых и благородных людей и, озаренные лучами их покровительства, Достигли на своем пути желанной цели.

Стихи:

Это рассказали более великие, чем я;
Этот яхонт просверлили руками [многих] людей;
Сохранили мысли на благо:
Не следует сверлить ничем, кроме алмаза.
Всякий, вновь пришедший в мир, сочинил новый рассказ,
И высоко вознес знамя науки о слове.
Когда же весна жизни прошла, [16]
[А] жизненная книга у него оказалась прочитанной,
[То появился] другой и разбил цветник слов,
Изукрасивши [его] новыми и старыми историями.
Он — аллах споспешествующий, помогающий!

Составление и сочинение сего предисловия благоуханное перо выполнит в двух частях. Первая часть касается достоинств, жизненных обстоятельств и восшествия государя [сейида Убайдуллы Мухаммед бахадур хана] на счастливый престол в пятом поясе земли, т. е. в великолепной Бухаре, военных походов [сего] *обладателя счастья ⁷ и предпочтения [им] всему воинских выступлений, взятия [им] крепостей и городов и продовольствия [для своего] победоносного войска.

Изложение сего таково. В то время, когда потрясение коснулось опор государства покойного прощенного монарха, могуществом подобного /6a/ Джемшиду, паломника к обоим священным городам Аравии, его величества Абдулазиза ⁸ Мухаммед бахадур хана, благородного дяди его величества, обладателя счастья, вследствие владычества бесстрашной шайки ургенчских тиранов, чья старинная вражда [к бухарцам] превыше всякой меры, — дни власти и могущества того покойного государя заметно пришли к концу и молния руководства предвечного перестала освещать жизненный путь этого монарха. Тогда споспешествуемый некою вещью, столь великою, что она даруется никому иному, как только рабу всемогущего Абдулазизу, покойный государь решил отправиться в досточтимую Мекку, — да увеличит аллах ее славу! — ибо это есть удел правосудных царей.

[Абдулазиз хан] написал [тогда] от лица расположения и любви своему брату, его величеству, убежищу халифского достоинства, прощенному всемилостивым [аллахом], — да будет ему милость и помилование! — сейиду Субхан-кули Мухаммед бахадур хану, отцу его величества миродержца [Убайдуллы хана], — он же был [в то время] правителем области “Купола ислама”, Балха, и отправил [это письмо] с Клыч бий туркменом. [В нем] он предложил [брату] счастливый престол, перешедший /6б/ к нему по наследству от его благородных отцов и дедов. Его величество, [17] [этот] Марс по свирепости и Юпитер по достоинству, как только получил это известие, сел на коня поспешности и, совершив за короткое время путь и станционные остановки, в среду 13-го шевалля 1093 г., соответствующего году Собаки ⁹, вступил в “город мира” ¹⁰ [в великолепную Бухару] и сел на счастливый престол [царства].

Короче говоря, проявляя в течение двадцати трех лет заботы о населении и о насаждении правосудия, Субхан-кули хан украсил красотой своей справедливости государство Турана. В счастливые дни эпохи царствования покойного прощенного государя эмиры и военные, оставаясь в колыбели покоя, пребывали в веселии; совершенно не помышляя о воинственных похождениях, они [исправно] получали каждый год рационы и жалованье из казны и от подданных ¹¹. Когда же прозвучал голос обещаний смерти, сообразно с коранским выражением *когда придет их смертный час, они тогда на один час не отсрочат его и не ускорят ¹² — владыка мира [Субхан-кули хан] скончался. Подробности сего вкратце таковы.

/7a/ Всем ученым мира и образованным представителям человеческого рода известно, что у всеобъемлющей мудрости, издревле живущего и совершенного могущества, неизменно сущего, досточтимого, — да славится его достоинство и да чтится его власть! всегда была потребность — главу каждого потентата, сидящего на престоле [по слову аллаха]: *мы сделали вас сильными на этой земле ¹³ — украсить короною [согласно коранского стиха]: * ты даешь царство, кому хочешь ¹⁴ и в конце концов, удержав его руки от совершения дел мирского царства, переселить [его] в спокойную обитель [где будут] *черноокие, укрытые в шатрах ¹⁵; дух такого монарха, сделавшись удрученным теснотой тела и питая отвращение к нему, направляется в обширное пространство *райских садов, по которым текут реки ¹⁶. По существу дело заключалось в том, что из событий божественного предопределения и из происшествий, [порождаемых] превратностью судьбы, одно несчастное обстоятельство [18] коснулось существа той чистой жемчужины: тот счастливый государь воспринял страдание болезни. И сколько ни старались и ни трудились лечить [его] врачи, особенно премудрый и искусный, редкость эпохи, мулла */7б/* Гафур, “туранский врач”, и равный природою Платону, а качествами Аристотелю, Хаким мир Касим-и Ирани, — результаты получились обратные тому, чего они добивались.

Стих:

Что может сделать [даже] оживляющее дыхание
Иисуса с велением судьбы?

Сколько не раздавали щедрых даров и сколько не жертвовали по обету [различным] мазарам, сколько не давали милостыни бедному народу и дервишам, — пользы [для хана] не получалось. Час от часа августейший больной слабел.

Двустиишие:

По воле судьбы [у больного] вниз [пошла] желчь;
Миндальное масло выявило сухость ¹⁷.

Проведши восемь дней на постели беспомощности и горячечного состояния, озаряющий мир государь в первый день [недели] 23-го джумадиалаввалля 1113 г. ¹⁸, соответствующего году Барана, [отозвавшись]: “вот я, боже мой, вот я” на зов: *возвратись [душа] к господу своему удовлетворенною и удовлетворившею ¹⁹ вручил [богу] свою успокоенную Душу. *Подлинно, мы принадлежим аллаху и поистине к нему возвратимся ²⁰.

Четверостишие

[обращенное к памяти Субхан-кули хана]:

О, тень милости святейшего творца,
Если бы был свет от лица его, то небо [стало бы] сияющим.
[Но] увы! свет его державы погас!
Увы! он ушел из [этого] тленного мира!

/8a/ *Но то, что постоянно — добрые дела перед господом твоим, есть лучшее по отношению к тому, чего чают ²¹. Если дерево [19] правительственной власти под действием ветра рока вырвано с корнем, то появится молодая ветвь; если плодовое дерево государства, будучи в цвету, под действием холодного ветра сбросило [свой цвет], то [все же оно] станет [потом] приносить желанный плод.

Стих:

Старое плодовое дерево если и свалилось,
То новая плодоносная отрасль [его] да будет безопасна от вреда, причиненного круговоротом времени!

Да будет благо вечному существованию государства и [вечному] простиранию величия и власти его величества, достоинством равного “Соломону, а степенью [могущества] Александру [Македонскому]!

Стихи:

В это время, коего [уделом является] обожание [государя],
Каждый по очереди бьет в большой барабан [своего] бытия.
Если зима снимет [все] платье с [цветущего] луга,
То под влиянием весны [на нем] улыбнутся розы.

После сего невыразимо печального случая и страшно горестного события [как смерть Субхан-кули хана], эмиры и министры собрались в приемной палате и устроили совещание; [они говорили]: “Теперь, пока еще не вспыхнуло пламя восстания и бунта [разных] бродяг и /86/подонков общества, необходимо нам избрать и посадить на царский престол [одного] из царевичей, скрытых в высочайшем дворце, — как жемчужины в раковине”. И эмиры стали расспрашивать ходжу Делавера, дворцовую особу ²², который перед другими дворцовыми персонами имел [наибольшее] первенство, — о принцах — султанах и о воле покойного государя в отношении престолонаследия. Высокоблагородный ходжа ответил [следующее]:

“Ранее сего покойный, в бозе почивший государь, основывался на зрелости ума и рассудительности, отражавшихся во внешности букета с царственного луга, сейид Убайдуллы султана, [и, исходя из того, что] все достойное, сделанное и не сделанное им, указывало на его миродержавное призвание, признал наследника престола за этим ветвистым [20] деревом государства. Эмиры, благожелатели [августейшего] дома и доброты государства, вправе избрать по своему усмотрению одного из двух ранних плодов миродержавного сада, из этих двух питомцев могущественного величия, из двух жемчужин царственной раковины, из двух /9a/ лун, потому что каждый из них облечен в халат достоинства царствовать и пригодности к [верховой] власти” ²³.

Тем временем убежище начальствования Перван Узи Тимур бий каттаган — человек весьма предусмотрительный и проникновенно смотревший на [все] предшествующее и последующее, сказал: “Перед тем, как посадить на четырехподушечный престол одного из плодов царственного дерева, нам хорошо бы с корнем вырвать ту занозу, что осталась нам на память от дворцового сословия, которое за это время уже протянуло в этом государстве руку власти, и шипы его оскорбления уже выросли на лугу положения войска и народа. Теперь, когда восход солнца, освещающего и согревающего мир, перестал бросать сень [своего] покровительства на стены жизненного покоя той дьявольской породы, мы должны выполоть с жизненной нивы [все] корни и поросль её безмятежного существования ²⁴. Если мы в таком деле будем потворствовать [им], то как бы [потом] не вонзился в наши ноги топор раскаяния”. Но сколько этот рассудительный эмир, старый опытный волк, не /9б/ приводил убедительных доводов и не усердствовал в пробуждении эмиров в отношении того упорного сословия, — он не достиг цели. Дело в том, что “убежище начальствования и пробуждение энергии”, Бек Мухаммед бий дадха, не согласился с этим и высказал следующее соображение:

“Я сам — один из оскорбленных [царедворцами]; то, что они одобрили, уже случилось. И хотя этих злых чертей мало, но как ожерелье Плеяд, цепь родственных отношений с оседлым и кочевым населением ²⁵ [21] присоединяется к этому вращению [злого] Сатурна. На настоящей стадии, когда царский трон не занят благородной личностью государя, я полагаю, что народ, ищущий восстания и смуты, только и ждет того момента, чтобы под предлогом захвата [нами] этой банды зажечь от пламени насилия губительным ураганом бедствия гумно спокойного существования государства и поднять огонь потока и разграбления в такой мере, что [все] влажное и сухое сравняется и тушение сего водою /10a/ успокоения окажется делом несостоятельным и недостаточным. Вот когда трон государства украсится восшествием на него государя, тогда можно будет поступить по словам первого советника”.

Так как совет этого дальновидного эмира был близок к правильному положению дел, то Ма'сум ходжи, бывший в то время парваначием ²⁶, присоединился на этом совещании к [мнению] Бек Мухаммед бия и, пустивши в тех смятенных людей мотылька новой жизни, он успокоил их смятенные и утраченные умы. Эмиры и сановники признали заслуживающими одобрения мнения этих двух эмиров.

О СЧАСТЛИВОМ ВОСШЕСТВИИ ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА, ПОБЕДОНОСНОГО ГОСУДАРЯ, НА НЕБОВИДНЫЙ ПРЕСТОЛ.

Когда портной могущества сшил кафтан ²⁷ государственного дарования и халат пригодности к миродержавию прямо по росту достойного царского престола и божественного избранника, его величества сейида /106/ Убайдуллы Мухаммед бахадур хана и царский венец и диадема государей была возложена на его благословенную голову по смыслу коранского стиха: *ты возвышаешь, кого хочешь, и унижаешь, кого хочешь, благо в твоей руке ²⁸, эмиры и сановники могущественного государства после гадания ²⁹ и совещания [в конце концов] достигли единодушия в словах и мнениях и посадили на золотой престол в первый день [недели] [22] 3 джумадиулаввалля 1116 г. [хиджры], соответствующего году Барана, того славного царевича ³⁰.

Стихи:

Отныне гордится царский трон [тем],
Что бросил на него тень [своего] покровительства победоносный государь.

Все эмиры, духовенство и высшие сановники вознесли молитвы за увеличивающееся с каждым днем могущество [государства] и, принеся поздравления его величеству по случаю его восшествия на престол, разом опустились на колени, и благовестники благополучного окончания дела голосом, [исходившим] от глубин океана земли до центра небес, вознесли [похвалу] Убайдуллахановой державе.

/11a/ Стихи:

При радостном известии об этом славном событии полились поздравления
[И] в уши эпохи [донеслась] весть о счастье.

Добрые вестники, посланные во все стороны и концы областей и городов [государства], быстро распространили это счастливое известие.

Так как мулла Мир Мухаммед дурман, удостоившийся счастья служить в правление покойного государя при высочайшем дворе в должности секретаря, в тот день не присутствовал [на торжестве восшествия на престол], то пишущий эти строки сообщает

[следующее]: я был в тот день в высоком Арке ³¹. Мухаммед Ма'сум парванчи, увидев меня, попросил написать [извещения] по поводу сего радостного события. И я в течение астрономического часа написал около семидесяти писем. [23]

Двустиишие:

Когда успокоилась благом [проявленного сановниками] единодушия,
То министры столицы государства Бухары получили центр, [который является средоточием всех упований].

В конечном итоге, совершивши оплакивание покойного государя и исполнив по обычаю предписания князя пророков, необходимое омовение и снаряжение его благословенного тела, — осуществили облачение /116/ последнего в саван. [Затем] эмиры, духовенство, рядовые обыватели и привилегированные лица, [равно] высшие чиновники, подняли на плечи носилки с трупом покойного государя и вынесли их из высокого арка. Молодой счастливый принц шел пешком [в процессии], за воротами же арка сел на коня, и все эмиры и духовные лица, старые и молодые, воссылая славословия аллаху, чтецы Корана и певцы [шли] рядами перед трупом [хана], так оглашая воздух громкими жалобными криками и напевами, что слезы лились из глаз неба, а вопли и стоны поднимались с земли и с неба. Достигши до Файзабада ³², предназначенного для совершения заупокойной молитвы, совершили здесь намаз. Убежище начальствования, Бек Мухаммед бий дадха, в целях исполнения государю своей службы, вернулся в город [Бухару]; прочие же эмиры и народная масса, отнеся тело покойного монарха в отмеченный божьей милостью светоносный мазар святейшего великого ходжи ³³, — да будет над ним милость [аллаха]! похоронили его в усыпальнице государей. После этого, войдя в высокий арк, занялись пиршеством в честь того славного принца, [Убайдуллы Мухаммеда], предавшись торжеству и веселию. Веселые звуки барабанов и труб раздавались в эфире неба.

Двустиишие:

Снова в Бухаре проявилось веселье:
Во главе царей мира стал государь [сейид Убайдулла Мухаммед бахадур хан].

/12a/ В среду, 25-го числа упомянутого месяца [джумадиулаввалля] ³⁴ согласно уложения Чингиз хана, [а равно] порядку и обычаю Огуз хана, [24] четыре эмира от четырех [наиболее] известных [узбекских] племен, подняв на белом войлоке государя мира, посадили его на счастливый наследственный трон. Вторично эмиры, духовенство, именитые люди, шейхи, благородный и простой народ, вознесши хвалы и прославления тому упованию человечества, принесли ему поздравления с восшествием на августейший престол.

Пишущий это, касаясь сего обстоятельства [в жизни] этого государя, видит [в сем событии] тожество с таким же событием в жизни Абдуллы бахадур хана ³⁵ и в подтверждение сего позволяет себе привести здесь ту превосходную оду в стихах, которую составил соловей словесного цветника, красноречивейший из поэтов, мулла Мушфики ³⁶, по поводу восшествия на престол упомянутого государя:

Бухара потому стала куполом исламской религии,
/126/ Что в ней появился такой защитник [веры], как Убайдулла хан.
Небо вращалось, как шар, [уже] столько веков, пока наконец,
Пришел миродержец с именем сего счастливого государя,
Астролог видел восход его звезды и измерил [ее] час.
Небеса, кристаллы звезд, как мелкий песок, осыпали его приход,
Столь счастлив для земных обитателей оказался его приход,

Что крик “да будет благословен сей полюс!” пронесся через небеса.
Подобно облаку ранней весны он по своему правосудию тихо и неукоснительно
Может пойти на восток, может появиться с запада
Он наказывает [само] солнце и околдовывает его трон,
Когда он без приказа коснется шнура его зонта.
В его время молодой месяц постучал пальцем в таз неба,
[И] раздался [оттуда] голос: “мир и благоденствие!”
Земля стала, как небо, от [его] благ, ибо к нему
Идет бедняк и возвращается с полным золота подолом своего рубища.
С тех пор, как весеннее облако его благоволения стало проливающим жемчуг,
Жемчужная раковина в горести разорвала [свою] грудь, а апрельское облако застонало [от зависти]. [25]
Да будет тебе доступна [вся] территория мира, как ты пожелаешь,
[Ибо] пришло для всех земнородных время вечного счастья!” ³⁷

/13a/ В итоге в течение целого месяца, занявшись празднествами и веселием, никто не отдыхал дома, предаваясь гуляниям и [разным] развлечениям.

ОБ ОБЯЗАТЕЛЬНОМ ПОСТАНОВЛЕНИИ [ДЛЯ ЖИТЕЛЕЙ БУХАРЫ], СОГЛАСНО ПОВЕЛЕНИЮ ГОСУДАРЯ МИРА, О ЗАНЯТИИ ВЕСЕЛЬЕМ ЗНАТНЫХ И ПРОСТЫХ ЛЮДЕЙ В ЭТИ СЧАСТЛИВЫЕ ДНИ И О ПРОЯВЛЕНИИ ПОМОЩИ ИЗ ЛАЗУРНОГО НЕБА.

Последовавший [высочайший] приказ, которому повинуются мир, гласил следующее: “все ремесленники и мастерские города в обязательном порядке, украсивши свои лавки, пусть считают одинаковыми что ночь и что день и производят [непрерывную] торговлю, а люди веселящиеся пусть предаются удовольствиям и развлечениям во всякое время, когда бы ни пожелали, и никому в этом да не будет неприятности!” И действительно, это вылилось в такую форму, что ничего подобного этому в прошлые века, ни при одном государе, ничье око не видело и никакое ухо не слышало. Все ремесленники, каждый по своему таланту и вкусу, сработав разные изделия и новинки, принесли их в высочайший чертог и от оказанной им всеобъемлющей царской милости стали довольными и счастливыми.

/13б/ [Вообще] все оседлые и кочевые люди проявили признаки веселья и радости. Праздничные угощения были устроены по рангам, и все удовлетворяли свои желания сообразно своей страсти и охоте; большие [от любви], вцепившись рукою томления в подол близости к [своей] цели, получали удовлетворение своих желаний в отведывании шербета воссоединения с пленительными красавицами. Красноречивые поэты услаждали настроение присутствовавших в высочайшем аудиенц-зале образными выражениями и сладкозвучными стихами, особенно красноречивейший из ораторов и даровитейший из современников, соловей словесного цветника, опора известных поэтов, мавляна Сейида. Эта квинт-эссенция эпохи в похвалу счастливого государя, [Сейид Убайдулла Мухаммед [26] бахадур хана], вынесла на базар из рудников [своего] таланта великолепный жемчуг блестящих стихов. Симпатичнейший из поэтов, достопочтенный и добронравный мулла Сарафраз также украсил [своими] приятными стихотворениями высочайший аудиенцзал. [Вообще] если бы в отношении достоинства каждого из [выступавших] поэтов благоухающее амброй перо проявило запах смелости, то получилось бы большое /14a/ многословие, а потому, воздержавшись [от сего], оно заявляет, что все поэты и “люди поэзии” один за другим продекламировали составленные ими оды в похвалу высокостепенного монарха и удостоились быть участниками его даров и милостей.

ОБ УСТРОЙСТВЕ ПРАЗДНИКА ВЫСОКОДОСТОЙНЫМ ГОСУДАРЕМ [УБАЙДУЛЛОЙ ХАНОМ] ДЛЯ МОЛОДЕЖИ ИЗ ВОЕННОГО СОСЛОВИЯ И МАХРАМОВ В НЕБОВИДНОМ ДВОРЦЕ.

Знающие порядки царских празднеств и сведущие в установлениях касающихся государевых пиршеств, расстелили во дворце ковры веселья и удовольствия и приготовили все необходимое для радостного и веселого времяпрепровождения и все потребное для удовольствий и наслаждений. Рокот счастливого царского барабана отдался в лазурном куполе небесной сферы, а веселье и радостные голоса [пирующих] достигли до отдаленных пределов мира. Вино веселья закипело в поздравительных чашах; безаботные мелодии полетели со струн тамбура и гармонически зазвучали в ушах. Целые цветники роз и букеты душистых базилик разбросали во всех углах [пиршественного] собрания; для придания аромата [окружающей атмосфере] счастливого банкета пустили в дело флаконы с /146/ мускусом и духи амбры. Очаровательные исполнители “тарана” ³⁸ и волшебники музыканты, равные искусством Зухре ³⁹, приступили к исполнению мелодий; среброногие виночерпии придали веселому пиру румянец, разнося рубиноцветное вино; кокетливые юноши, одетые в разноцветные костюмы, ловили сердца [пирующих] в силки колец [своих] легионов [т. е. волос]. [27]

Стихи:

Он сделал в свое время один такой пир,
Что небо от стыда закричало.
Земная же зона предалась веселью.
И чудо! удивительный в музыке маэстро,
Восторг! сладкозвучные певцы [вместе] с игроками на кануне ⁴⁰ затаяли [восхитительную] мелодию.

О РАЗДАЧЕ ГОСУДАРЕМ МИРА ЗОЛОТА И ПОДАРКОВ НАРОДУ

Когда невеста, радующая собрания и освещающая вселенную, отправилась в брачный покой запада, золотые куколки небесных светил высунули головы из окон и бирюзовых дверей сего необъятного чертога, [т.е. неба], звезды, которые суть уборщицы невесты неба, начали восходить в созвездиях зодиака, [как сказано]; *клянусь небом, украшенным /15a/ созвездиями зодиака! ⁴¹ — тогда миродержавный государь, проронив жемчуг слов своим разбрасывающим перлы языком, соизволили повелеть следующее: “рабов ⁴², которые утром и вечером, даже постоянно, вертелись вокруг свечи небовидного дворца, со всей искренностью не жалели себя ни для воды, ни для огня, кои несли караул, — пусть [их всех] писцы золотых перьев и душистых писем примут во внимание и перепишут, дабы они стали веселы и явились дольщиками в [наших] всеобъемлющих солнцеподобных милостях”. Во исполнение благословенного высочайшего приказа, чтобы убежище начальствования, доброжелательный Бек Мухаммед бий дадха, был начальником ночной стражи, он на этом основании [всех] несших в ту ночь караул рабов, как будто та ночь была ночь предопределения, — включил в список, предварительно не повергнув его на высочайшее благовоззрение и не украсив светозарной печатью. Миродержавный государь, подобно солнцу, освещающему вселенную, обратившись к одарению золотом, такой пролил /15b/ дождь своих даров на знатных и простых людей, что молва об этом дошла до населения Ирана, Хорасана, Турции и Индии.

Стихи:

Рука милостей открыла сокровищницу,
Ветер же твердости закрыл двери смуты.
Каждый, до кого [хотя бы] однажды дошли его дары,
Тот и при втором поколении не увидит в лицо нужды. [28]

Луг надежд обитателей Мавераннахра стал цветущим и орошенным от сочащихся капель облаков его милостей. От обилия всенародных даров многощедрого государя пролился столь великий дождь благодеяний на головы благочестивых людей и

законоведов, что вновь расцвел цветник пророческого шариата. Его чертог стал убежищем [всех] людей; порог [его врат] сделался приютом земнородных; в щедрости и в великодушии он совершил путь единственных [в своем роде]; в отношении же дождя даров он превзошел [б. похитил дорогу] [всех] как бывших до него, так и последующих [государей]. Из-за страха его расправы волк стал глядеть на дикую козу глазами милосердия; от его необычайно внушительного вида [хищный] сокол и [кроткая] куропатка поселились [вместе] на станции сострадания. Эти качества милостивого, как Хатем ⁴³, и справедливого, как Нуширван ⁴⁴, государя [пишущий это] воспел в таких выражениях: /16a/

Стихи:

Когда земная поверхность стала [послушна] его повелениям,
Мир погрузился в волны его благоденний.

В силу того, что

Стихи:

Одна половина мира преисполнена радости,
Другая его половина пользуется доброй репутацией,

он всегда устраивал пиры и веселье, раздавал эмирам, ученым и военным золото без учета мустафи ⁴⁵ и мушрифа ⁴⁶. Почерком насх он написал рассказы о Хатем — (Тайе) и о семействе бармакидов ⁴⁷.

Никто из паломников не остался без доли от стола его милостей, нищенствующий шейх никогда не слышал в его словах, рассыпающих жемчуг, отрицательных выражений. [29]

Стихи:

По безмерному милосердию, в твоих словах не имеется слова нет,
В доверенности к тебе если и есть теперь что-либо противоположное ей, то разве только слово нет.

Все духовенство, весь простой и знатный люд из оседлого и кочевого населения до пограничных пунктов [государства] облеклись в жалованное им платье.

О ПРОЯВЛЕНИИ САМОВЛАСТИЯ АСАДУЛЛЫ СУЛТАНА, О ПРИТЯЗАНИИ ЕГО НА НАСЛЕДСТВЕННЫЙ ПРЕСТОЛ, О ПЕРВЫХ ШАГАХ ПО РАСПРЕДЕЛЕНИЮ ТАКОГО НАСЛЕДСТВА И О ЗАМЕНЕ ДЛЯ ТОГО НЕОПЫТНОГО ЦАРЕВИЧА, ПО ПРЕДОПРЕДЕЛЕНИЮ ЦАРЯ — МЗДОВОДАТЕЛЯ И ПО ВОЛЕ СУДЬБЫ, /16б/ ЗОЛОТОГО ПРЕСТОЛА КРОВАВЫМ ТРОНОМ

Сущность этого повествования такова. Когда государь мира по коранскому выражению: *делает аллах, то, что пожелает, и устанавливает то, что захочет ⁴⁸ ступил на небовидный трон, его брат, Асадулла султан, алчно стремясь к обладанию государством и казною, заявил: “мы два цветка с одного луга, две жемчужины из одной раковины; согласно же шариата, брат должен разделить [со мною] государство, казну и все наследство, оставшееся после покойного [государя Субханкули хана], и поручить мне управление [областью] Балха. [Я же] до тех пор, пока буду жив, не выйду из повиновения

и подчинения брату. Если же этого не осуществится, то он будет узурпатором моего права”.

Государь мира услышал точное известие об этом неправильном замысле и, несмотря на то, что его брат был под арестом, обеспокоился в отношении такого рода его слов. Приставанье его брата увеличило его страх и опасение. Судьбе же было угодно так поступить потому, что в отношении пресечения родственных уз у нее есть свой старый обычай. И закон аллаха приводится в исполнение, ибо, когда щедрый податель благ [провозглашает]: *подлинно мы дали ему могущество на земле ⁴⁹, он желает [этим] возвысить знамена государства обладателя могущества до апогея царского достоинства и четвертую часть населенной земли сделать ристалищем его коней и чтобы любую голову, исполненную страсти к самовластию, он снял [с плеч] мечом смерти. [30]

Монарх мира, потребовав к себе в покой Бек Мухаммед бия дадху и Тарамтай хаджи калмыка, сказал [им]: “вы читали книгу “Равзат ас-Сафа” ⁵⁰ и играли в шахматы?”. Когда два эмира услышали эти полные намека слова, слетевшие с языка государя, они, в отношении ясности их значения, преклонили колени. Государь в разъяснение сего сказал: “Слышали ли вы из истории, чтобы в одном городе было два царя и чтобы: два короля стояли на шахматной доске вместе? ⁵¹

/176/ Кто видел такой порядок, чтобы было собрание при двух Джемшидах?
Кто видел, чтобы две шашки были в одних ножнах?
Туго становится государству при двух царях,
[Ибо] никто не слышал о небе с двумя лунами.

Посему как мне не отделаться от такого брата, который не довольствуется [назначенной ему] очередью? Если я проявлю в этом отношении небрежность и бездеятельность, то как бы мне потом горько не раскаяться”!

Разумеется, эти два эмира, слыша такие многозначительные слова, согласились с ними и приказали Джавшан-калмыку, *убийце принцев: ⁵² “Иди к покровительству красоты, [принцу Асадулле султану]!”. И тот страшный, как Сатурн, и свирепостью подобный Марсу, — ибо был палачом во дворце, — безжалостным мечом прервал нить жизни злополучного, не выдавшего света царевича в той комнате, где он находился. Другого заключения нельзя вывести из положения [сего] вероломного века и из [прихотливой] игры непостоянной судьбы, как то, что их вечерняя заря состоит из крови невинных, [убиваемых] каждый вечер, а их утренний рассвет осуществляется душами, вопиющими об отмщении.

Стихи:

Сердце у меня стало, как железная печь
От того потопа я изливаю подолом дождь [31]
/18a/ Своих кровавых слез в этот бирюзовый таз,
Отчего все страны света стали рубиновыми рудниками,
Если не опрокинется этот таз,
Он будет переполнен кровью моего сердца.

Спросили одного *уважаемого человека ⁵³: “Кто лучше, друг или брат?” Он ответил: “Дорогой друг, брату надлежит быть другом”. Одним словом, говорят, что кроме злосчастливого султана земле предали еще семь человек, с матерью и приближенными.

Труп покойного мученика-принца неверные рабы вынесли из высокого арка, несколько бедняков прочли над ним заупокойную молитву и [затем] его зарыли в землю. О, горе!

Стихи:

У неба об этом нет тоски,
Потому что оно всегда вращается от одного положения к другому,
Постоянство не свойственно его характеру:
Прочность находится в разлуке с образом его действий;
Одному оно на престоле величия
Проливает кровь бесстрастным мечом.
А другому во время [его] бедственного состояния
Дает в государстве сан монарха.
Мир много сделал подобных дел
И время не впервые совершило такое дело,
/186/ [Что] на голову одного оно возлагает золотую корону,
А другого кладет в сырую землю.

О НАМЕРЕНИИ ГОСУДАРЯ СОВЕРШИТЬ ПАЛОМНИЧЕСТВО К ГРОБНИЦАМ СВЯТЫХ

Когда благоухающие мысли государя освободились от всех забот, особенно от трудностей, связанных с выступлением его брата, он отправился совершить поклонение гробницам [великих] святых.

Первое его паломничество состоялось к [мазару] полюса эпохи и господина вселенной, ходжи Абдулхалика Гидждуванского ⁵⁴. Проезжая и обозревая туман Камат и его деревни и селения, он достиг до того светоносного мавзолея, вошел в него шагами слабости и сокрушения и **[32]** потер лицом моления о высокодостойное подножие гробницы. Раздавши что полагалось по обету и милостыню шейхам [мазара] и всем живущим при нем, он прободрствовал целую ночь в том благодатном месте. Отсюда [хан] отправился на поклонение [гробницам] в бозе почивших святейшего шейха Дервиша ⁵⁵, — да будет над ним милость [аллаха]! — и Суфи Чубина ⁵⁶ и [там] просил помощи [в своих делах]. После сего он **/19a/** посетил благословенный мазар св. ходжи Ариф-и Ривгари ⁵⁷ и провел там ночь. Выступив отсюда и осмотрев окрестные места, [его величество] достиг до светоносного мазара св. ходжи Аубана, любезного сына третьего халифа Османа, собирателя Корана ⁵⁸, — да будет им доволен всевышний аллах! С видом смирения и сокрушения совершив омовение в чистых водах мазара, [государь] помолился [у гробницы] святого. Отсюда отправился к столице, посередине пути удостоился поклониться гробницам св. св. Баба Семаси ⁵⁹ и ходжи Али Рамитани ⁶⁰, продолжая путь [его **[33]** величество] прибыл в город, совершив пятничную молитву в высоком арке, дал аудиенцию эмирам.

О ВОЗВРАЩЕНИИ К ПОЛОЖЕНИЮ ХОДЖИ МУХАММЕД АМИНА ИНАКА ⁶¹ И КОНЕЦ ЕГО, СООБРАЗНО ВОЛЕ ВСЕМОГУЩЕГО.

Да не будет скрыто от сердец разумных людей и рассудительных умов, что ходжа Мухаммед Амин — раис, который по своему важному **/196/** инакскому званию в высоком арке и по должности хранителя печати во времена в бозе почившего государя Субханкули хана был высокопоставленным лицом, чувствовал себя в безопасности ввиду дружбы с Ма'сумом перванечи, был с ним всегда заодно и нисколько не питал приязни и хороших чувств к Бек Мухаммед бию дадхе. Естественно, что в сердце этого эмира такое отношение произвело впечатление и он выжидал [лишь] удобного случая [свести счеты с

ходжой Мухаммед Амином]. Теперь, когда поводья воли оказались в обладании могущества Бек Мухаммеда дадхи, то когда тот любезный ходжа по прежнему обыкновению отправился по одному важному делу, подлежащему компетенции [34] инака и хранителя печати и, вытащив пенал ⁶², хотел окончательно оформить приказ который бы один из эмиров представил на высочайшее благовоззрение — Бек Мухаммед бий [дадха], найдя время [подходящим для сведения своих счетов], насильно и дерзко вырвал из рук ходжи пенал и вручил его Мумин беку, бывшему одним из воспитанников покойного государя [Субхан-кули хана]. Ходжа Мухаммед Амин не знал, что у превратной судьбы есть [разные] обманы: любому человеку она не дала прожить больше пяти дней в этом тленном дворце ⁶³. Наивный ходжа /20a/ не слышал, что судьба не делает никаких подарков, так что о возврате [утерянного] нечего ее беспокоить. За всякою сладостью следует горечь, за всяким удовольствием идет во след огорчение, как это говорит приятнейший из поэтов шейх Саади Ширазский ⁶⁴: “Вместе живут сокровище и змей ⁶⁵, роза и шип, горе и радость”.

О НЕМИЛОСТИ ГОСУДАРЯ К АЛЛАБЕРДЫ ПАРВНАЧИ МИНГУ ЗА ПРОЯВЛЕННУЮ ИМ ДЕРЗОСТЬ И ЗА ТРЕБОВАНИЕ БЕЗ РАЗРЕШЕНИЯ ПРИБЫТЬ К [ВЫСОЧАЙШЕМУ], ОХРАНЯЮЩЕМУ ЦАРСТВО, ПОРОГУ И О КОНЦЕ ЖИЗНИ СЕГО НЕВЕЖДЫ — ЭМИРА.

Когда счастливый государь воссел на небовидный трон, то наклонение счастья попало в руки эмира достохвальных качеств, Бек Мухаммед бия дадхи; он отложил начатие некоторых важных государственных дел до прибытия опоры эмиров, Мухаммед Рахим бия юза, который был правителем Самарканда. Сущность этого заключается в следующем. Бек Мухаммед бий доложил [его величеству государю], что племя юз, проявив в этом государстве от чистого сердца [исходящее] свое /20б/ доброжелательное к нему отношение, установило право [на ³⁵] признательность к себе со стороны правительства]. Заслуги этого племени были по достоинству оценены высокопочтенными и великими предками его величества, особенно во время покойного государя, великого родителя его величества, [Субхан-кули хана], когда со стороны Хошика аталыка юза и Мухаммед Рахим бия аталыка юза, сыновей Куликэ бахадура и Гази бия в отношении этого государства были проявлены [крайне] доброжелательное отношение и самоотверженность: они из своей жизни сделали путь для плавного, спокойного движения царского коня. Душевно стараясь о [поддержании] достоинства государя, они из десяти мест выступили на службу ему, так что в настоящее время племена казахов и каракалпаков и население улусов, что находятся в районе Андижана, Ходжента, Ак-Куталья и Ташкента до пределов Сайрама, Туркестана, Улуг-тага и Касар-тага ⁶⁶ — [все] дышат дружбою, послушанием и расположением к Мухаммед Рахим бию, сыну Гази бия юза, и не выходят из пределов того, что он признает за благо сделать. Если /21a/ владыке мира пришло бы в голову желание предпринять завоевание света и покорение стран, так что понадобилось бы войско, и государь [с полным бы успехом] порешил собрать в тех районах и окрестностях неисчислимые войска, то по указанию упомянутого эмира, сколько бы не потребовалось вольнолюбивых бойцов и опытных витязей, они будут готовы и представлены в его распоряжение от чистого сердца. В данное время, когда августейшая личность государя вступила на прочный, как небо, престол, начатие важных государственных дел без одобрения того мудрого эмира далеко от правильного образа действий. Он — человек хороший, убежденный седидами и знающий правила [управления] государством, его постоянное бытие при особе монарха есть источник успехов.

Бек Мухаммед бий так живописал все это, что сердце государя мифа расположилось к тому убежищу начальствования и он с [нетерпением] стал ожидать его прибытия. Короче говоря, Бек Мухаммед бий дадха, желая на почве объединения с

вышеназванным эмиром достойным образом наказать тех людей, которые в это время проявляли [36] /216/ непокорность и упрямство и дерзко вели себя по отношению к государю, — хотел, радея о чести его, тем самым пустить в оборот нечто такое, чтобы о нем заговорили. А это уже было, так как поскольку между Бек Мухаммед бием и Ма'сум парваначием не было хороших отношений, то Ма'сум парваначи захотел действовать смело, чтобы его враг не получил над ним превосходства. Вследствие этого он, между прочим, послал с одним человеком письмо к Аллаберды мингу, который находился в крепости Самаркандского Ургута ⁶⁷, такого содержания, что теперь, когда Мухаммед Рахим бий не прибыл [еще] в это государство и не забрал в свои руки поводья господина, хорошо бы ему [Аллабердыю] поспешить к подножью престола халифского достоинства. Когда же придет Рахим бий и укрепитя связь единогодушия между ним и Бек Мухаммед бием, тогда его [Аллабердыя] приход в эту страну весьма отдалится. На этом основании и полагаясь на Ма'сума парваначи, Аллаберды бий покинул свое владение Ургут ⁶⁸, что было на вершине горы, и /22a/ спокойно отправился в путь, трубя в [войсковые] трубы. Этот глупый человек, по подстрекательству Ма'сум ходжи, осмелившись выступить без высочайшего приказа о [его] вызове вознамерился прибыть к высокому порогу. Он остановился в небольшом расстоянии от города [Бухары], в местности Ахурберды, лежащей почти в полфарсанге ⁶⁹ от [столичного] города. Пославши разведчиков к Ма'суму ходжи, он уведомил его о своем прибытии. Бек Мухаммед бий, узнавши о таком сговоре [Ма'сума ходжи и Аллабердыя], доложил государю так: “во времена великого родителя вашего величества проистекли [разные] неблагоприятные действия со стороны Аллаберды минга. С его помощью сын Уткан юза, насильственно захватив законную жену Мухаммед Рахим бия, увез ее в, Гисар-и Шадман ⁷⁰ Мухаммед Рахим бий же в этом государстве имеет права. Теперь Аллаберды бий, явившись в августейшую [37] штаб-квартиру, ожидает удостоиться благосклонного взора [вашего величества], а [предрешенное] прибытие Мухаммед Рахим бия на службу к вашему величеству задерживается. Другое еще то, что те люди за это время /22б/ взяли себе за обычай дерзко вести себя в отношении своего господина [Если теперь], в начале правления государством его величества, [оказалось возможным] прибытие Аллаберды бия без всякого [ханского] ярлыка, то потом захотят невозбранно осуществить и другие столь же неприличные поступки. Вы — государь; если желаете, в отношении соблюдения уважения к себе и к управлению государством навести [такой] порядок, который соответствовал бы требованиям, [предъявляемым] к рабам [высочайшего] порога, то прикажите отдать приказ о наказании Аллаберды, для того чтобы это послужило уроком для других и чтобы они на подобные дерзости не отваживались. Если это не осуществится, то [все] дальние и ближние [ваши] рабы станут своевольными”. Так как совет Бек Мухаммед бия заключал в себе здравые суждения, то государь отдал приказ о наказании того эмира. Когда настал день, были командированы пятьсот молодых людей, принадлежащих ко двору и бывших представителями разных племен, чтобы доставить Аллаберды бия. И сколько ни старался Ма'сум ходжи, чтобы приказ о /23a/ наказании [упомянутого эмира] не был скреплен печатью, [все] было бесполезно. Мехтер Ходжи Сиях, хвалившийся дружбою с Му'сумом ходжи неоднократно в цветистых фразах докладывал [хану], всячески желал выполнить намерение Ма'сума ходжи, но цели не достиг. В конце концов Ма'сум ходжи послал Аллаберды бию известие о приказе подвергнуть его расправе; опередив в ту же ночь выступивший [для его взятия] отряд, [Аллаберды бий] с быстротой молнии поспешил [обратно] в Ургут Отправленные [за ним люди], после многих [безуспешных его] поисков, вернулись обратно боязливые и разочарованные. Бек Мухам'мед бий понял, что стрела [его] изобретательности не попала в цель; [тогда] послав указы к правителям всех провинций, внесли туда следующее: “Аллаберды бий без [ханского] ярлыка, проявив дерзкие притязания, желал быть принятым в высочайшей аудиенции. Принимая во внимание отсутствие у него на это [соответствующего нашего] повеления и лишив его [нашей] милости, мы приказали его подвергнуть расправе. Следует каждому схватившему

Аллаберды доставить его голову к подножию [нашего] престола, а все имеющееся у него имущество пусть достанется тому [убившему его] человеку!” [38] Так как счастье Аллаберды бия приблизилось к концу, то у каждого /236/ явилось желание захватить в руки эту жирную дичь. Лачин — калмык, бывший из особо доверенных его рабов, отрубил голову своего малоопытного господина. Впоследствии того вероломного раба, убийцу своего господина, подверг мучительной пытке Надир бий юз и предал его смерти.

Двустиише:

Хорошо для раба рисковать жизнью за своего господина;
[Но] тот — не раб, кто является убийцею [своего] господина.

ПРИБЫТИЕ МУХАММЕД РАХИМ БИЯ ЮЗА ИЗ ХОДЖЕНТСКОГО ВИЛАЕТА СО СТРАШНЫМ ВОЙСКОМ К УПРАВЛЯЕМОМУ СУДЬБОЮ ДВОРЦУ ЛЮБИМОГО МИРОМ ВЫСОКОДОБЛЕСТНОГО ГОСУДАРЯ.

Так как благоуханная мысль государя искателей мира была такова, чтобы начатие важных государственных дел не предпринимать без одобрения того пленительного эмира, то он послал ему собственноручное благословенное письмо, полное расположения. В месяце ша'бана упомянутого [года], соответствующего году барана ⁷¹, тот добродетельный эмир, явившись к высокому порогу с храбрым войском, получил аудиенцию у /24a/ государя. Когда глаза [Мухаммед Рахим бия] прояснились [от лицемерия] красоты того вождя красавцев, он увидел, что особа государя украшена познанием разных наук и блеск властвования отражается на его благословенном челе. Упомянутый эмир, влюбившись в прекрасные душевные качества государя, преклонил перед ним в нескольких местах колени покорности ⁷², принес ему [свои] пожелания счастья и в красноречивых выражениях призвал благословение на трон и корону этого государя времени. После сего, вставши и подошедши к подножию трона, смиренно и униженно заявил о своей готовности [оказать] поддержку [его величеству]. Сосредоточие вселенной, ласково положив руку на его плечо, удостоил бесконечно милостивым вниманием сего эмира. Государь мира, после ласковых расспросов [последнего] о важных государственных делах, об удержании государства и о порядках в нем, — вступил с [39] [Мухаммед Рахим бием] в беседу и [своими] рассыпающими жемчуг устами, проронив драгоценные слова, сказал:

/246/ — Я избрал эту корону и этот трон не для своего спокойствия; самый умный из царей тот, кто ни на один час не успокоится на ложе нерадивости, чтобы приобрести счастье, и счастливейший из государей мира тот, кто по смыслу [арабского выражения]: счастливейший из пастухов тот, кто заставляет благоденствовать свое стадо, т. е. тот, который [все свое] время и [все] часы тратит на оберегание своих пасомых и никогда не позволит себе беспечности в отношении нарушения их прав. В настоящее время мне заявляется, что шайка бунтовщиков и банда мятежников предпочли идти по пути мятежа и пренебрегают страхом [возмездия за свои поступки]; запачкав свои руки в несправедливо пролитой крови, они затрудняют путь мусульманам, поэтому на моей ответственности, как государя, лежит необходимость встать с постели покоя, и [потому] я твердо решил укоротить злодейские руки тиранов, посягающих в настоящее время на жизнь [букв. кровь] и имущество /25a/ мусульман, дабы сад желаний обитателей Мавераннахра очистился от терния и мусора обид, причиняемых наглыми мятежниками, и приобщился бы к безопасности. Теперь вы, эмиры, следуя за мною, будьте единомысленны и согласны друг с другом, чтобы расцвел бутон [наших] желаний. Если в этом отношении мы сделаем поблажку и проявим нерадение, то в этом мире мы заслужим [справедливые] упреки, а в будущей жизни — наказание.

И подобного рода милостивые слова государь так говорил, что растрогал [всех] присутствующих на собрании эмиров и духовенство, потому что ни от одного из государей они не слышали такого рода речей; они поверглись в изумление и высоко оценили [повелителя]. Естественно, что все разом, падши ниц на землю, открыли уста для похвал государю и, вытянувши молитвенно руки, вознесли хвалу [аллаху]. В особенности Мухаммед Рахим бий, поднявшись на ноги после похвал и прославления [государя], заявил следующее:

— Те слова, которые владыка рабов высказал в этом собрании, /256/ мы, рабы, [выслушали] и от души и сердца, продевши в уши кольца покорности [своему] господину, всемерно готовы служить ему; дела же государства и власти мы препоручаем дальновидному разуму государя. О, боже мой! На бесконечные годы в дни величия государства ты будешь водворен на престоле владычества и миродержавия. Подобного тебе государя и мироправителя, так заботящегося о своих рабах, [40] всевышний бог даровал нам, рабам! Все мы готовы сложить за тебя головы!”. [Все] эмиры, ставши единодушны в своей сильной любви и повиновении [государю], принесли клятвы в непоколебимой [ему] верности.

Стихи:

Когда благожелательный министр находится в единодушии с государем.
То правосудие объемлет [все] дела государства.
Под влиянием добрых принципов достойного доверия министра,
Если государство благополучно, то сверх того и царь — правосуден.

ОБ ОЧИЩЕНИИ РОЗОВОГО ЦВЕТНИКА СТРАНЫ МАВЕРАННАХРА ОТ ТЕРНИЙ И МУСОРА НЕЧИСТЫХ БУНТОВЩИКОВ И О ДОСТАВЛЕНИИ [В СТОЛИЦУ] /26a/ БОЛЬШИНСТВА ЭТИХ СМУТЬЯНОВ, НАГЛЕЦОВ И КРОВОПИЙЦ.

Ввиду того, что желания всемогущего и неизобразимого и воля творца [рекшего]: *да будет и будет по сему ⁷³ были таковы, чтобы в соответствии [с выражением]: * не думай, что аллах не внимателен к тому, что делают нечестивые ⁷⁴, воспретить рукам жестокости и насилия тиранов касаться подола достояния жителей Мавераннахра, чтобы, следуя точному смыслу [арабского] выражения: когда пожелает аллах благодетельствовать людей, то он дает господствовать над ними справедливому и просвещенному государю, [дабы] во всех частях и странах государства и в его городах [и селениях] воцарились спокойствие и безопасность, — мироукрасительная и миродержавная мысль государя, покорителя мира, по ознакомлении с положением государства приняла следующее непреклонное решение. [Всем] непокорным, которые за это время стали раскачивать головами возмущения и сокрушать камнями бед стекло чести подданных, закатить такую оплеуху расправы, после которой они ушли бы в другую сторону и мечом закона были бы уничтожены [многие из них].

Стихи:

Счастливый государь, заботящийся о подданных, правосудный, высокочестный монарх, /266/
С помощью вечного бога ты воссел на престоле государства, [41]
Вспомнил о положении [своих] подданных
[И] сердца опечаленных сделал радостными.

Все эмиры и начальники войск одобрили такое решение рожденного под счастливой звездой государя, вознесли за него молитву и воздали ему хвалу, особенно Бек Мухаммед бий дадха, который, вставши, сказал:

Стихи:

Клянусь государством, ты — возвышающий башню божественного закона!
Клянусь перлом, ты — возжигающий [все] основное и проистекающее из него!
Клянусь [вечным] могуществом, твое правосудие — сильная защита веры!
Ради верности к тебе [вся] поверхность земли стала заповедною.
Для неба запретным местом является дверь к тебе, о покровитель!
Твое убежище является приютом [всех] царей мира!
Когда твой язык обнажает [свой] меч в молитве,
Он изъясняет [коранское выражение] *истинно, мы помогли [тебе победить верно победою] ⁷⁵.
От твоего пера [исходит] толкование [суры] “Нун” и “ал-Калам” ⁷⁶
В виде нанизанных в порядке жемчужин.
Сердце твое — море, а рука твоя — облако, проливающее жемчуг [благодетий].
Длань твоя — рудник и [разнообразные] виды жемчуга искусства.
Если ты проявляешь лютость в бою,
То, подобно Рустему, вносишь в бой всю полноту одоления врага.
Твои совершенства, государь, духовного характера,
А не только государственного и завоевательного порядка.
О, боже, от беды [сей] источник совершенства [сохрани],
Того государя сохрани от [всяческого] несчастья!
/27a/ Придай его сердцу из любви к нам свой блеск,
Укрась его правосудием все крайности [букв. “все сухое и влажное”]!

Так как Бек Мухаммед сам стремился к тому же, то, договорившись с государем, он прежде всего разослал с молодыми войнолюбивыми гвардейцами категорические, скрепленные светоносною [ханскою] печатью, приказания по определенным узбекским племенам и улусам, [схватить] злонамеренных и нечестивых, которые простерли руки угнетения над жизнью и имуществом мусульман в области Кеша ⁷⁷ и которые в это время зажгли факел возмущения и несправедливости. А так как слава [42] государя охватила [весь] мир, то ни у кого не оказалось духа спросить, почему и зачем это делается? [В результате], связавши руки и шеи бунтовщиков, привели их к высочайшему чертогу. Последовал августейший приказ, чтобы некоторым из этих заблудших перерезали горло, других возвели на минарет [и сбросили оттуда], а часть повесили, как серьги, на порталах [общественных зданий] и на чарсу ⁷⁸.

Хвала аллаху! Во время правления сего государя большая часть /276/ совратившихся с пути людей была удалена с культурных пространств жизни в дикие места подземелий смерти. Таким образом, когда зодчий заложит здание справедливости, нет ничего удивительного, если вся земная поверхность станет благоустроенною и цветущею. При таких качествах, когда меч, очищенный от тирании, препоясывается облеченным в правосудие, нет ничего странного, если большинство станет раскаиваться в совершенных злых делах. В его августейшую эпоху нет больше помыслов о возможности [совершения] ночных грабежей; в его счастливое время у умов не стало грабительской природы, разве что в хмельном состоянии. Возмущения столь глубоко спрятались, что их можно найти лишь в кокетливых подмигиваньях кровожадных красавиц. Расстройство начало производить такие ночные грабежи, которые имели место лишь в волнующихся косах красавиц. Янтарный вид [лица], что ударяет в желтизну, происходит от страха перед [его] царственною яростью. Солнце, что восходит над каждою стеною, обнаруживает трепет перед [его] стражею и атакою. Словом, всем подданным и всем тварям он

/28a/ оказал правосудие.

Стихи:

Все, что следует сделать, [это] оказать справедливость.
Безопасность в его время достигла такого предела,

Что исчезло из обихода [выражение]: “запри на ключ!”
Ты сказал бы, что земля из конца в конец стала заповедным местом, [ибо].
Исчезли приемы тирании и насилия.
За августейшее время сего справедливца
В мире не осталось и признака [какой-либо] развращенности, [ибо]
Он ниспроверг основы нечестия и безнравственности
Сразу же [всей] вселенной, в близких и отдаленных местах. [43]

О БЛАГОУСТРОЙСТВЕ И ПРИВЕДЕНИИ В ПОРЯДОК ОБЛАСТИ МАВЕРАННАХРА И О РАСПРЕДЕЛЕНИИ ПОГРАНИЧНЫХ ДЕЛ МЕЖДУ ЭМИРАМИ И ВОЙСКОМ ГОСУДАРСТВА ТОГО ВЫСОКОДОСТОЙНОГО МОНАРХА

Когда с божественною помощью и благодаря распорядительности светлых разумом эмиров трон миродержавия украсился существом блистательного государя [Убайдуллы хана] и престол власти озарился его восхождением, [этот монарх] поднял знамя правосудия и справедливости от земной поверхности до центра небес; с каждым днем все больше укреплялся в сердцах [подданных] страх и уважение перед ним и боязнь его расправы и все больше увеличивалась территория его государства.

/286/ Стихи:

Его споспешествованию предоставила судьба исполнение своих дел,
Предопределение положило свои бразды [управления всем живущим] в его руки,
Вселенная не отвратила лица своего от повиновения ему
И мир не вышел из согласованности с ним.
Диадема обрела совершенство в круговороте [дней] его царства;
Вспомоществуемая его справедливостью корона заслужила благородство.

Короче говоря, [государь] обласкал эмиров, духовенство и военное сословие, [раздав им] великолепные подарки и дорогие халаты и, сообразно степеням их достоинства, ошачливил их [назначениями] на [разные] должности и места; таким образом, великие дела, связанные с функциями накиба ⁷⁹ августейшей штаб-квартиры, [он предоставил] Джа'фар ходже, который среди ходжей Сейид-атаи ⁸⁰ был выдающимся человеком и во времена в бозе почившего государя, родителя его величества, был уполномочен отправлять должность накиба тем же порядком, был написан [лишь] новый указ; Мухаммед Рахим бий юз был назначен к отправлению дел, связанных с обязанностями аталыка, т. е. с опорой всего [44] эмирского сословия ⁸¹; Мухаммед Ма'сум ходжи “сарай” был пожалован должностью диван-беги; Бек Мухаммед бий дурману приказ всемилостивейшего государя, [написанный] блестящим языком, доставил важную /29a/ Должность парваначи; Хошхаль бий катаган был сделан дадха-есаулом ⁸² высочайшего двора; Кабуль бий юз, брат Рахим бия, был назначен правителем подобного раю Самаркандского вилаета; Узи Тимур бий катаган получил назначение управлять областью Несефа [Карши]; пограничный Кеш, известный под названием Шахрисябза, государь пожаловал Худаяр бию мангиту; прочие должности и области всемилостивейше предоставил [разным] военным и слугам высочайшего двора, сообразно степеням их достоинства. Важное и священного достоинства дело главенствования в исламской религии государь препоручил сливкам ходжей, Мухаммед Ходже Джуйбари; славную достоинством должность судьи ⁸³ [столицы] он пожаловал убежищу сейидского происхождения, квинтэссенции равных ему, эмиру Шихабуддину, сыну покойного судьи, эмира Джелала, присвоив ему титул “верховного судьи”.

Должность судьи августейшей военной ставки была предоставлена “судье” Абдулле, который и прежде занимал ее, так что теперь он получил лишь новый указ. *

Должность ученейшего из ученых ⁸⁴ государь /296/ пожаловал господину судье Ходже Селим Ма'нию, который был славен в [богословской] науке и [светских] званиях. Должность военного муфтия была всемилостивейше пожалована познавшему [все] науки судье Ариффу. Других представителей духовенства [его величество], в зависимости от их достоинств, сделал мударрисами [различных] медресе; библиотеки представил в заведывание людей ученых и благочестивых; [45] трудную и важную должность блюстителя нравственности и честности ⁸⁵ он пожаловал господину Мир Фазиллю Балхи. Что касается царского приближенного Абдуллы хаджи калмыка, [то его величество], удостоив возложения на него важной должности инака высочайшего двора, присоединил также к этому и исполнение им обязанностей кушбегий-и-кулл ⁸⁶. Проездные большие дороги и переправы [букв. порты] он отдал опытным и разумным людям. Пехлеван Ариффу, который в эпоху покойного великого родителя его величества был приставлен к отправлению важного дела *полицейского и охраны порядка ⁸⁷ в столице, на том же основании был написан новый указ [о бытии ему миршабом г. Бухары]. Впрочем, аллах наиболее сведущ в существе [государственных] дел!

УСТРОЙСТВО ПРАВОСУДНЫМ И БЛАГОЧЕСТИВЫМ ГОСУДАРЕМ КУРУЛТАЯ ⁸⁸СОВЕЩАНИЕ ЕГО С МОГУЩЕСТВЕННЫМИ ЭМИРАМИ И ПОБЕДОНОСНЫМИ ВОЕННЫМИ И РЕШЕНИЕ — ОТПРАВИТЬСЯ ПОХОДОМ НА БАЛХ.

/30a/ Когда рука творческого могущества надела перстень верховной власти на счастливый палец сейида Убайдуллы Мухаммед-бахадур хана, то высокая энергия того высокодостоинного государя и драгоценная рачительность, проявляемые сею божественною тенью еще в детском возрасте и в начале того, как он стал подрастать, — теперь обратились к тому, чтобы победоносным мечом очистить сады веры и государства от колючек возмущения строптивых людей и муаром изумрудной, источающей огонь шашки, подарив цветнику отчизны и нации свежесть, установить основы миродержавия и владычества над другими странами. [46]

Стихи:

Да возвысится царственный штандарт,
Да покорится (ему все) от Луны до Рыбы ⁸⁹,
Да низвергнет (государь) при помощи руководства в истинной вере
Базис государств заблуждающихся людей!
Да поразит он темя злополучных врагов,
Как разит кинжалом многократно нападающий Лев (аллаха) ⁹⁰
И когда он уничтожит повадки врагов,
Да почитит он (тогда) друзей (своим) благословением!

Когда счастливый государь очистил территорию Мавераннахра от терний и валежника наглых мятежников, его солнцеподобная мысль /30б/ обратила внимание на осуществление завоевательских планов.

В мухарреме 1114 г., соответствующего году Обезьяны ⁹¹, устроив великое празднество, [его величество] стал говорить о [сопредельных] странах и близлежащих районах государства; особенно он много говорил о Балхе. Объяснение сих неясных речей было таково.

Мухаммед Муким султан, который указом покойного государя был утвержден правителем области Балхского наместничества, заявив себя позднюю посылкою человека с поздравлением [Убайдуллы хана] с августейшим восшествием на престол, [тем самым]

изволил обнаружить [претензию на свое] старшинство и проявил непокорность и дерзость. Естественно, что огонь царственного гнева не замедлил воспламениться. Прибавившиеся к этому поводы к мести проклятому Махмуд бию, который [всячески] старался не соблюдать почтительного отношения к сему высокому дому, захватили все существо государя. Подстрекательство же и побуждение Бек Мухаммад бия дурмана о походе на Балх еще больше подливали масла в огонь.

Разумеется, пламя победоносной ярости запылало. Проявив твердую решимость выступить походом на Балх, государь окинул /31a/ благосклонным взглядом эмиров и сказал: “достижение цели — в опасности; с покоем нужно расстаться, [ибо] сиденье на одном месте — удел слабых людей и старух; довольство малым — свойство животных, иначе говоря, данный [человеку] во временное пользование интеллект выражается в исполнении предприятий, связанных с опасностью. [47]

Двустиише:

Человек обнимает за шею предмет своих желаний,
Хотя бы впереди его ожидали несчастья.

О, именитые эмиры, опояштесь поясами ненависти к врагу. Сидеть на одном месте — дело низких людей; покой без движения — принадлежность ископаемых. Не видите ли вы, что ни одно ходящее и летающее существо без движения не достигает своей цели и не находит искомого, так же как шашка, сколько бы блестяща и струиста не была, до тех пор, пока не приведет ее в движение рука, она не поразит никого.

Двустиише:

Если ты не приведешь в движение булатного меча,
Он не поразит [никого], хотя бы и имел струйчатый Дамаск.

Муж сильной воли, предприимчивый, никогда не отказывается от достижения счастья, богатства, высокого положения и почета и не пьет /31b/ из чаши отчаянья глотки отказа [от своей цели] и страдания безнадежности”.

Эмиры, выслушав предложенные государем советы, поднялись с своих мест и, единодушные в словах, доложили: “мы, рабы, сами держимся того же мнения. В настоящее время, когда всевышний бог ниспослал своим рабам такого удачливого государя, мы надеемся, что обиталища [племен] будут завоеваны слугами [хана] и что [в таком случае] будет с областью Балха и какова может быть месть Махмуду силой неукротимой энергии нашего владыки? Так как Бек Мухаммед бий дурман больше всех склонял государя к походу на Балх, то [теперь], выступив с похвалой ему, сказал:

Стихи:

Корона счастья — на голове, светозарное платье — на теле;
Положение сего шаха в мире подобно ясному утру.
Злонамеренный враг убегает [от тебя] безхвостым: твой меч поражает его.
Зерно не нуждается в воде, когда его формируют в кучи на току.
Одно-два полустийья моего товарища Хасан бека приходят мне на память.
Не сказал ли так Саиб, обезумевший от любви деканец:
“Голова твоего врага не вознесется высоко иначе, как только на виселице,
/32a/ Тело твоего неприятеля не приоденется ничем иным, как только саваном”. [48]

ВЫСТУПЛЕНИЕ СПРАВЕДЛИВОГО ГОСУДАРЯ С ВОЙСКОМ НА ОБЛАСТЬ КУПОЛА ИСЛАМА БАЛХ, — ДА СОХРАНИТ ЕГО АЛЛАХ ОТ НЕСЧАСТИЙ И БЕД! НЕДОСТИЖЕНИЕ [ИМ] ЦЕЛИ И ВОЗВРАЩЕНИЕ ОБРАТНО ИЗ НЕСЕФА РАДИ ОПЕЧАЛЕННЫХ ЭМИРОВ.

В начале весны, в пору равноденствия, когда царь звезд нанес поражение войску зимы и сокрушил свирепость ее холодов, государь мира принял намерение направиться в сторону области Несефа; в пятничный день месяца сафара 1117 г. х. ⁹², соответствующего году Обезьяны, севши на быстроходного скакуна, выступил из высокого арка [дорогою] на чарбаг ⁹³ Таш-Буку, что лежит в половине фарсанга от города [Бухары]. Там он изволил остановиться. Мехтеру и мушрифу последовало высочайшее повеление, чтобы они rozdali подарки войску из государственной казны, удовлетворили также рабов шагирд-пиша ⁹⁴. /326/ Государь времени оставался здесь не больше трех дней, ибо считал поход на Балх весьма важным делом. Севши на рахшевидного ⁹⁵, утомляющего само небо, коня и предаваясь в пути охоте, за два перехода [до Карши] вступил в большое селение Касби ⁹⁶. Проживавшие там ходжи: из потомства [шейха] Мир Хайдара вышли навстречу [его величеству] и устроили пайандаз ⁹⁷. Намерение государя было таково, чтобы, не доезжая Карши, отправиться к намеченной цели дорогою на Бишкент ⁹⁸; таково же было устремление и Бек Мухаммед-бия. На тайных совещаниях он не раз докладывал государю, что поскольку эмиры не проявляют желаний идти походом на Балх, то при вступлении в Карши, не дай бог, если они устроят какую-либо плутню, чтобы задержать наступление на Балх. Поэтому самое лучшее устроить базу величия и славы в Бишкенте,

Когда эмиры узнали об этих тайных [советах], то они заявили [49] опоре эмиров, Мухаммед Рахим бию аталыку, и Ма'суму ходжи диванбеги следующее: “все войско исполнено надежды, что постарается /33a/ завершить путь в Карши. Оно несколько не подготовлено к отправлению в путь [к Балху] во всяком случае, оно отпразднует в Карши *праздник жертвоприношения ⁹⁹ и затем поспешит к [поставленной ему] дели. Это будет самым правильным решением вопроса”.

Государь мира, глубоко задумавшись [над таким заявлением военных], уяснил себе необходимость уважать интересы войска и входить в его положение. Выслушав заявление эмиров, он приказал Шахим бию направить в Карши весь правительственный лагерь, а свою палатку разбить в чарбаге Харам-сарай. Во исполнение высочайшего повеления барабанщики забили выступление и государь вселенной в счастливый час вступил в город Несеф. Через два дня отпраздновали праздник жертвоприношения. Когда на следующий день утихло праздничное оживление, миродержавный государь, рожденный под счастливой звездой, воссевши на царственный трон, стал держать с эмирами совет о походе на /336/ Балх. Привыкшие к покою эмиры, не имевшие никакого желанья идти к Балху, нашли предлог [отказаться от похода], заявив следующее: “племена *левой и правой стороны ¹⁰⁰ составляют неисчислимые полчища. Б этом объединении имеется [множество] молодых бойцов; пребывание этих людей при победоносном высочайшем стремлении является делом существенно важным, особенно в этом походе, который, как дело очень трудное, государь предполагает осуществить. Под влиянием некоторых безнравственных людей из банды порочных подонков общества, те племена при жизни покойного государя [Субханкули хана] восстали и со вступлением на августейший престол [вашего величества] с некоторыми из сих злодеев было покончено мечом расправы, так что они получили должное возмездие. Страх и ужас овладел мыслями оставшихся людей и они теперь утрачены бдительностью и силою счастливого государя. В такое время, когда солнце счастья от края до края [50] озаряет все эти пределы, наш, благожелательных рабов, совет таков: /34a/ разливши аромат царственных милостей, объемлющий положение вождей тех племен, и обратившись с милостивым письмом к

ним, — постараться завлечь в силоч благосклонного отношения испуганную птицу их сердца. В таком случае возможно, что те люди явятся к высочайшему двору облобызать [августейшее] стремя и тогда уже без всякого промедления можно направиться к [достижению поставленной] цели”. Государь, найдя разумным совет эмиров, изволил послушаться их.

ОТПРАВЛЕНИЕ МИЛОСТИВЫХ ПИСЕМ С МУХАММЕД САЛАХ ЕСАУЛОМ КАЛМАКОМ К ПЛЕМЕНАМ ЛЕВОЙ И ПРАВОЙ СТОРОНЫ С ЦЕЛЬЮ ПРИМИРЕНИЯ С НИМИ

Поскольку дальновидные эмиры, увидев в этом благое дело, доложили государю [о необходимости отправления милостивых писем], последние были посланы [к племенам] с Мухаммед Салах есаулом калмыком, которого сопровождали Худаяр-бий мангыт, Ибрагим мирахур кенегес и дети Рустем бия, который был правителем той области. Когда посол прибыл в те пределы и объявил народу высочайшие милости, главы того объединения, устроив праздник, собрали племена и, /346/ посоветовавшись, ответили [послу] так: “все мы — рабы [государева] чертога и питомцы [высочайшего] порога, но, к сожалению, от некоторых разбойных и дерзких людей этих районов, в которых перед этим учинены были ими [совершенно] неприличные деяния, проистекли в государстве смуты. Поскольку [теперь], во внимание к государеву восшествию на престол, обновился мир и это явилось причиною радости как благородных, так и простых людей, то наша просьба состоит в том, чтобы в силу [высочайшего] милосердия записи с грехами и преступлениями этих путников в дороге заблуждения были смыты водою прощения, как будто бы содеянного ими совсем не было. Дело в том, что эта [наша] претензия, не будучи удовлетворена, [в свое время] привела к наказанию [виновных] и расправе [с ними]. Большинство сих людей пошло на виселицу, часть же была повешена на порталах [общественных зданий] и на чарсуках [базаров]. Теперь эти [оставшиеся в живых] люди испуганы и уstraшенные умы, предпочтя бегство — надежде на помилование, попрятались. [Конечно] он — царь и владыка, все, что его посол [51] /35a/ предложил, будет воспринято рабами [высочайшего] чертога. Во всяком случае, если великодушный государь, повернув поводья выступления в направлении Балха, перейдет через Аму-Дарью, то мы, рабы, и те трепещущие от страха люди, переправившись через Термезскую переправу, готовы предоставить себя в распоряжение государя”.

Посол понял [из этих слов], что этот подлый народ в такой степени стал ногами на подол пренебрежения [к хану], что палец о палец не ударит, чтобы приступить к исполнению того, [о чем его просят]. Посол, не создавая себе больше затруднений, вернулся к его величеству и доложил о всем виденном и слышанном без преувеличения и преуменьшения. Счастливый государь, слушая этот доклад, пришел в страшный гнев; безграничное море [его] решительности пришло в волнение под дуновением далеко не тихого ветра и закипело волнами [его] горячности; спокойно горящий огонь под действием встречного ветра поднялся высоко пылающим пламенем гнева и разил своими страшными языками. Государь мира под сильным влиянием ярости приказал двинуть войско в /356/ сторону города Кеша и бросить в глаза того бесчувственного народа землю отчаяния. “Можем ли мы выступить походом на Балх? — говорил он. — Сначала надо постараться отразить этих неверующих, т. е. внутренних врагов, а уже после того, поскольку это суждено будет нам, мы выступим походом на Балх, который является супругою тайных [наших] мыслей”. Эмиры, увидев подобное волнение государя, преклонили колени покорности и путем [выявления своей] слабости, сокрушенности, лести и [словесного] очарования успокоили государеву вспышку. Сотнею [различных] уловок и хитростей они залили огонь монаршего гнева и доложили следующее: “племен левой и правой стороны в сем государстве [по численности] меньше, чем рабов

высочайшего чертога, почему же государю мира своею драгоценною особою следует принять участие в войне с этим небольшим [олицетворением] зла и порицания? Любой из нас, рабов [августейшего] чертога, буде ему прикажут, отправившись /36а/ [во главе войска], учинит наказание тому недостойному народу и водворит его в его пределы.

Стихи:

Вращение неба не совершается иначе, как по твоему желанию,
У горы нет силы мстить тебе. [52]

Мухаммед Рахим бий наедине доложил [хану]: “Государь! в настоящее время, когда силою войска вашего величества те перепуганные [племена] нашли себе место в углах страха, в пучинах ужаса, не следует их доводить до крайности. Ввиду их дерзости и наглости, я думаю такие отчаявшиеся в жизни люди, лишившиеся всего достояния, неизбежно так осмелеют, что несущее страшный суд войско постигнет беда и [через то] отложится далекое путешествие, т. е. произойдет задержка в походе на Балх. Пусть государь времени, это солнце, освещающее вселенную, по своему великому милосердию зачеркнет их заблуждения чертою прощения, чтобы оправдалось положение: “от рабов — проступки, от владык — /36б/ милости и благодеяния”.

Стихи:

Если ты не простишь тирана,
То как обрешь пощаду [попав] в его руки насилья?

В настоящее время, когда неукротимая энергия вашего величества: сосредоточена на походе на Балх, независимо от того, будет ли участвовать или отсутствовать [в этом предприятии] тот народ, — следовало бы: сделать их поступки как бы несуществующими, так как это есть одно из необходимых государственных дел”.

Когда государь времени услышал подобные доводы от этого рассудительного эмира, он отказался предпринять что-либо в отношении того народа. И, не обращая внимания на то, живы они или мертвы, обратился к прежней своей мысли, как осуществить поход на область Балх. Он обратился к астрологам, хорошо не знавшим величия звезд и луны, и спросил о [благоприятном] часе, [в который можно выступить в поход]. Каждый [из них] судил по разному об одном и том же часе. Тогда отважный государь [с нетерпением] спросил о часе: “счастливый или несчастливый... какой же он будет?”. И в гневе приказал бить в барабан поход. Эмиры и военные, видя такую решительность со стороны государя, /37а/ все сразу бросились к ногам великодушного государя, и их плач и мольбы огласили воздух. Они открыли свои уста для похвал и приветствий, особенно Мухаммед Рахим аталык, которого государь хорошо знал как особенно верного [сановника] и [своего] доброхота.

Стихи:

Он говорил: “Хвала государю,
Ибо без тебя, [государь], да не будет [никому царского] венца и перстня!
Да подаст тебе бог свою помощь во всяком деле! [53]
Да дарует он [тебе] спасение от дурных глаз!
Ради тебя мы не пожалеем жизни,
Если прольется на нас дождь мечей и боевых палиц.

После этих похвал государю было доложено [названным аталыком] “следующее: “таким же образом, как и раньше, высокопочтенная особа вашего величества признает

поход на Балх наиважнейшим из дел и поставленных [перед собою] целей, однако положение созвездий требует того, чтобы государь времени, отложив поход на Балх этою весною, /376/ отсрочил бы свое выступление, и по осени, которая является наилучшим из времен года, воссел бы на коня. Это будет более соответствовать счастливой звезде государя. Кроме того, племена правой и левой стороны, испуганные бдительностью и атаками войск, несущими судный день, разбежались, и их дерзость уничтожена страхом за свою жизнь и опасением гибели; возможно, что потихоньку-полегоньку они начнут приходить к высокому порогу, который является средоточием упований [всех] нуждающихся, и склонять перед ним свои головы. Если же после того, как им растолкована дерзость, они не придут, то в таком случае представляется необходимым прежде всего с корнем сокрушить внутреннего врага, а после того уже повести войска в другую сторону”. Государь — покровитель мира, уразумел честность суждений [упомянутого] эмира и [его] стремление к благу своего служебного положения, ибо дальновидная мысль [сего эмира] была близка к правильному образу действий. Шаим бий, наморщив лоб, ничего другого, сколько ни пытал его государь, не высказывал, как только заботу о положении войска. Посему, по необходимости согласившись [с эмирами], [государь] волей-неволей /38a/ выступил обратно в столичный город, т. е. к Бухаре. И, проводя там лето, предался удовольствиям и веселию.

ПРЕДПОЧТЕНИЕ ГОСУДАРЕМ, ЛЮБИМЦЕМ МИРА, ПОХОДА НА БАЛХ [ВСЕМУ] И ВЫСТУПЛЕНИЕ ЕГО С ВОЙСКАМИ НА САМАРКАНД

Так как у мироукрашительного государя главным стремлением мыслей был поход на Балх, то он выжидал [для сего подходящего] времени; [пока же] по милости эмиров он избрал выступление в раеподобный Самарканд. Дело в том, что поскольку благожелательные эмиры не имели намерения идти на Балх, то они доложили следующее: “государь Турана, особенно благородные предки вашего величества, отличавшиеся страстью к завоеваниям и захвату Других государств, первым делом считали отправиться в Самарканд, являющийся одним из городов, [54] построенных Александром, воссесть там на серый камень и успокоить [все] окрестные племена и улусы. Бесчисленное войско, которое собрано в тех /38б/ пределах, бросится к августейшему стремени, и вы, [государь] после того можете идти [с ним] походом куда хотите. В настоящее же время, которым вы располагаете в силу божественной помощи и высоковознесенной мироуправляющей опоры, вам необходимо, по обычаю великих и благородных предков ваших, этой осенью, которая является прекраснейшим временем, предпринять царственное путешествие и, занявшись прогулками и обозрением Самарканда и его горных районов в виде охоты, удостоить лицезрением своей мироукрашительной царственной персоны тамошние узбекские племена и улусы. [А затем], бог даст, по весне, которая является прекрасным и цветущим временем года, с помощью всемогущего мы, рабы, будем готовы с полным удовольствием выступить походом на Балх, каковое предприятие является супругой благих мыслей; вашего величества”.

Ма'сум диванбеги, вставши, продекламировал следующее:

Стихи:

“Ты воссел на бирюзовоцветный престол,
Приготовившись перед своим чертогом решать дела благородных и простых людей.
Все владения Турана подчинены твоим повелениям,
[И] не только Турана, но и Ирана земли — твои”.

/39a/ Государь, пышностью подобный Феридуну и манерами Кей-Хосрову [101](#), поняв, что Самарканд в данное время принадлежит узбекским племенам и улусам и

выступление туда является благим государственным, делом, решил взять поводья направления в сторону столичного города Самарканда. Севши на рахшеподобного, утомляющего само небо, коня, он в месяце джемадиассани, соответствующем году Обезьяны, охотясь и обозревая горы и равнины, прошел [дорогою] на крепость Дабусия ¹⁰², которая расположена на реке Кухак. [55]

Правители крепостей и городов, которые были в этом районе, выходя навстречу хану, терлись головами об [августейшие] ноги и выполняли [требовавшиеся] от них условия служения и безграничного гостеприимства [государю]. После совершения пути и переходов, отважный государь в счастливый час, совершивши вступление в раеподобный город Самарканд, горделивый и торжественно шествующий, сел на /396/ серый камень. [Раздавшиеся] поздравительные голоса достигли до слуха небесных херувимов. Эмиры и духовенство Бухары и Самарканда принесли счастливому монарху свои поздравления с восшествием его на престол и в нескольких местах преклонили [перед ним] колени. Тамошние великие и благородные люди поднесли приличествующие государю подарки, а ремесленники и простой народ того района сочли своею [священной] обязанностью, как пятикратную молитву, вознести [за государя] моления и хвалы. Узбекское же племя окрестностей до пределов Замина, Ура-Тюбе, Шаша, Ферганы, Ходжента, Андижана. Ташкента, Ак-Куталья, Сайрама и Туркестана, узнавши о прибытии [в Самарканд] его величества, счастливого государя, явились к подножию престола [сего] убежища халифата с подарками и подношениями. И, выразив от души и сердца свою покорность и повиновение, открыли уста для молитв за увеличивающееся с каждым днем могущество государя [Убайдуллы хана]. Мятежники же, которые вступили на путь бунта и /40a/ затрудняли движение народа по дорогам, [теперь] обратились в бегство и укрылись в пещерах и оврагах. Говорят, что большинство из них было схвачено и погибло от меча расправы. Счастливый государь своим пышным, вызванным необходимостью, прибытием на раеподобную территорию Самарканда, сделал последний предметом зависти самого неба. Мир и его обитателей он оживил и омолодил радостною вестью [об этом событии]. Страдальцы же, терпевшие в это время от хозяйничанья разбойничьих злонамеренных узбекских шаек, особенно от безмерных насилий юзов, которые бунтовали в тех местах, теперь, с прибытием государя, убежища мира, зажили спокойною жизнью. Хвала аллаху! Садик желаний всех простых и знатных тех пределов стал очищен от колючек и валежника наглых мятежников и в нем зацвели розы удовольствия и веселья. Население Самарканда, пребывая в вознесении /40б/ благодарности всепрославленной и всевышней истине, молило неизобразимого и несравнимого владыку [вселенной] о даровании вечного [56] владычества государю. Счастливый монарх, в каждые несколько дней, совершая поклонение гробницам великих [святых], просил помощи в своих нуждах у сейидов и шейхов. Он разгуливал по тамошним подножиям гор и по районам, охотясь и наслаждаясь природой. Ученые и студенты выходили из своих медресе [к нему навстречу] и представляли [свои] трактаты; сладкоречивые поэты в увлекательных стихах прославляли и хвалили миродержавного государя; разные отчаянные люди и кулачные бойцы дрались в кругу [в честь хана], поражая друг друга в горло; отважные бойцы о двух извилистых смертоносных кинжалах в присутствии государя сражались между собою. Так в течение нескольких дней, которые владыка миров соизволил провести в этой области, занявшись весельем и удовольствиями, он отдал [этим] дань времени. Когда же освободился от управления и приведения в порядок важнейших [государственных] дел, он отправился обратно в свою основную резиденцию, т. е. в прекрасный город Бухару. Аллах, [впрочем], самый осведомленный об истинах вещей!

/41a/ О РОЖДЕНИИ ЦАРЕВИЧА МИРА, АБДУЛЛЫ СУЛТАНА, ПО ДОРОГЕ В БУХАРУ, ОБ УСТРОЙСТВЕ МИРОДЕРЖАВНЫМ ГОСУДАРЕМ [ПО ЭТОМУ СЛУЧАЮ] ПРАЗДНЕСТВА И ОБ ОДАРЕНИИ ЗОЛОТОМ [НАРОДА]

Носящие тайны проницательные и ученые люди и осведомленные о тайнах мастерской творения считают, что великие беспредельные милости и благодеяния [творца], которым нет меры и числа, по обильной бесконечной божественной благодати в смене дней и ночей, при чередовании и перемещении миров и их обитателей, являются уделом высокодостойных и превознесенных представителей человеческого рода, продолжаясь в их потомстве, потому что такого рода продолжение человечества связано с размножением его, и длительное существование царства и [возглавляющей] его династии зависит от достойных и необходимых детей. Вследствие этого общество избранника из пророков, — да починут над ним молитвы и благословения! — украшено и возвеличено в своем достоинстве по смыслу изречения: это те, которых аллах ведет **[57] /416/** по правому пути, и ты следуй за ними. Получение сего бесценного дара от святейшего бесподобного всевышнего и благословенного дарителя осуществляется путем молитв, как это говорит священный стих Корана о молитве Захарии, отца Иоанна Предтечи]: *Боже, ниспосли мне по благодати твоей хорошее потомство! Поистине ты — слушающий молитву **103**. *По соизволению твоему даруй мне преемника. Он будет мне наследником и будет наследником дому Иакова **104**.

Речь идет к следующему. Когда государь мира стал свободен от водворения порядка и проявления расправы в Самаркандской области и высочайшая благословенная мысль укрепилась в намерении отправиться обратно в Бухару, то этот государь с похвальными качествами [выступил в путь, взявши с собою] “высочайшую колыбель” **105**, [супругу] Биби Падша, с которой он никогда не разлучался и, следуя правилам прежних монархов, которые выступали в поход со своею семьей, в окружении знатных, он [и в этот раз] предпринял то же самое. Ходжа Давлат сарайи получил распоряжение отправить высочайшую ставку на одну станцию вперед войск. Во исполнение сего весь ханский обоз двинулся вперед и совершил остановку в местности Чархин, а оттуда, поскольку была необходимость ночного путешествия, выступили дальше и в **/42a/** субботу утром, до восхода солнца, достигли до крепости Фархад Утарчи, где “высочайшая колыбель” разрешилась от бремени мальчиком. По необходимости ей пришлось покинуть расписанный золотом паланкин [в котором она ехала]. Тот счастливый [новорожденный] царевич с помощью всевышнего господя появился, как солнце, в знаке Весов, в субботу 11-го зулхиджжа 1116 г., соответствующего году Барана **106**, ибо он в подлинном смысле слова был новою луною для счастливых дней [его величества государя] и [первою] утреннюю зарю его надежд и упования.

Стихи:

Распустился один бутон в саду государства;
Ты бы сказал, что подобного ему не зрело ничье око.

Сияние царственной власти, как золото, сверкало на его августейшем челе, блеск его лица был ярким, как у девы рая, и признаки величия и господства исходили из великолепия его высокой как небо колыбели, вроде света, что льется из апогея небес. **[58]**

Стихи:

Драгоценная жемчужина,
Зажженный от божественного света светильник,
Да будет счастлива твоя судьба, когда ты взойдешь на престол!

/426/ Вестников, доведших до высочайших ушей счастливого монарха это радостное известие, он преисполнил счастьем **107**.

Стихи:

Когда шах услышал об этом событии,
Океан [его] милостей пришел в волнение.
От той вести весьма возрадовался шах.
Преисполненный благодарности, он много роздал золота и серебра.
Он воссылал хвалу творцу мира [говоря]:
“Принесло плод древо моих надежд!”
Когда исполненный счастья государь мира
Радостный узрел [свое] дитя,
Он сказал над ним: “сердце мое свидетельствует,
Что господь дарует ему царство!”
Счастливые эмиры-военачальники
По обычаю осыпали его золотом.
Драгоценные камни и золото
Принес во дворец каждый именитый.
Его величество, счастливый монарх, от полноты счастья и радости, /43a/
Поднял свою [царственную] шапку до апогея солнца и луны,
А свою щедрую августейшую руку простер к раздаче казны и подарков,
В такой радости он устроил праздник.
До небес поднял отягченную голову
Государь от любви к [своему] счастливому сыну.
Он открыл двери сокровищницы, взошел на трон
[И] в благодарность [за ниспослание ему наследника] во дворце
Роздал желающим золото.

Всех людей через всеобщее одарение он сделал радостными и счастливыми; все разряды людей чрезмерностью [своих] милостей он сделал благоденствующими и процветающими; луч от сияний его радости упал на сердца как великих людей, так и малых, и он раскрыл врата справедливости для мира и его обитателей:

Стихи:

Августейшее выступление было счастливо,
Народ благодаря ему успокоился. [59]

В течение целой недели звучали радостные барабаны ¹⁰⁸ [и гремела музыка], а местное и окрестное население, приходя [к хану] с подарками и приношениями, воссылало молитвы о [длительной] жизни и благоденствии [новорожденного] царевича мира. Его величество, имеющий у стремени луну, признавал, что положения высоких небесных светил указывают на явления, свойственные [сему] низшему миру, как это сказал /43б/ аллах [в Коране]: *таково определение сильного, знающего! ¹⁰⁹ На этом основании последовало высочайшее указание, чтобы все до тонкости знающие астрологи и звездочеты, особенно Мавлана Якуб — астролог, который из всех других был самый выдающийся, составили точный гороскоп о новорожденном счастливом дитяте, проверив его астрольабией размышления.

Стихи:

От звездочетов той эпохи
Государь искал весть о судьбе его [ребенка]
Они же дали шаху такой ответ:
Он станет в мире неограниченным монархом,
Если [только] всемилостивый Господь продлит [его] жизнь,
Он возьмет дань с Ирана и Турана.

Словом, в соответствии с именами, ниспосланными с небес, его нарекли благословенным и благородным именем Абдулла султан, а прозвание дали Абулгази, с прибавлением к сему царственного титула бахадур-султан. После сего славный государь, полный радости, станция за /44a/ станцией, остановка за остановкой совершая путь, изволил [наконец] прибыть в прекрасную Бухару и, восшедши на небовидный престол, провел зимнее время того года в удовольствиях и веселии. Аллаху [впрочем] лучше знать!

О СОВЕЩАНИИ, СОЗВАННОМ ПО РАСПОРЯЖЕНИЮ ГОСУДАРЯ ВРЕМЕНИ [УБАЙДУЛЛЫ ХАНА], ПО ОБСУЖДЕНИЮ НА НЕМ ПОХОДА НА БАЛХ И О ТОМ, КАК ЭМИРЫ ПРИЗНАЛИ БОЛЕЕ ЦЕЛЕСООБРАЗНЫМ ИДТИ ПОХОДОМ НА ГИСАР, ПРОТИВ НЕГОДЯ УТКАНА

В то время, когда солнце, обладающее свойствами [пышного] [60] Джемшида, подняло с обители славы свой величавый и великолепный штандарт, когда царица-природа указала растительным силам украсить сады и огороды и расстелила из душистых трав и тюльпанов изумрудный и яхонтовый ковер на поверхности земли, — повелитель Ирана и Турана повелел созвать курултай.

Стихи:

Курултай приказал созвать весною,
Потому что поверхность земли стала, как лицо красавицы.
Завоеватель мира устроил совещание с начальниками;
Пришел в волнение океан разума.

Так как всегдашним [царственным] желанием было иметь невесту — область Балха своею наложницею, то [его величество] устроил совещание с эмирами и военачальниками, собравшимися в его небоподобном /44b/ дворце, о походе на Балх; каждый [из] них, приложивши к глазу палец согласия и выражая повиновение, высказал [свое] мнение и произнес суждение. Особенно [выделился] Мухаммед Рахим бий аталык, который, выступив с молитвою за государя и с похвалами ему, сказал:

Стихи:

О, повелитель мира, проникательные люди
[Возносят] молитву за тебя, охрану жизней дальновидных людей.
Твой венец поднялся превыше [высшей] звезды из всех звезд,
Твое войско захватило восток и запад.
Блеск рубинового солнца [исходит] от твоего седалища
[И] восходит утро счастья от твоего чела.
Небо послушно твоему велению.
[И] бог помогает тебе в завоевании мира.
Когда настанет время [в проявлении] самостоятельности,
То от нас проистекут труды, а от твоего счастья — помощь [в них]

Вы — государь, а мы — рабы, готовые пасть под ноги вашего скакуна. Да, мы, рабы, признаем, что поход на Балх — важнейшее из дел, но позволим себе коснуться “веселого Гисара”. В настоящее время негодяй Уткан, этот внутренний враг, свернул с пути покорности и положил основание непослушанию. В Гисарской области, являющейся воротами /45a/ Мавераннахра, этот мятежный хитрец чарами и обманом, захватил крепость [Гисар] и чувствует себя совершенно независимым. От этого его неодобрительного поступка все дальние и ближние подданные [вашего величества] настолько обнаглели, что, возможно, и они предпримут такие же действия. Посему наиболее правильным было бы сначала расправиться с Утканом, а Балх куда уйдет? Его правитель, [61] проникнутый непослушанием, преисполнен надежд [на помощь]

подобных этим злонамеренных банд. Выслушав эти слова о гнусных действиях племени юз тех мест, которое чувствует себя столь непринужденно и провозгласило своим вождем Уткана, и он забил в барабан враждебных действий, миродержавный государь одобрил мнение Мухаммед Рахим бия, и сказал: “кто из вас примет на себя ответственность за это важное дело и кто возьмется исполнить его?” — Так как Мухаммед Рахим бий [давно] носил в груди вражду и злобу против Уткана, то он /456/ больше всего старался принять участие в походе [против него]. На него и выпал жребий стать во главе войска, что соответствовало и настроению государя.

О ПОСЫЛКЕ ВОЙСКА ГОСУДАРЯ МИРА НА “ВЕСЕЛЫЙ ГИСАР” ПРОТИВ УТКАНА И О НАЗНАЧЕНИИ КОМАНДУЮЩИМ ВОЙСКОМ МУХАММЕД РАХИМ БИЯ АТАЛЫКА [ИЗ ПЛЕМЕНИ] ЮЗ

Да будет ведомо мудрым и ученым людям, что причина вражды и ненависти Мухаммед Рахим бия к Уткану заключалась в следующем.

Задолго до сего, во время царствования благородного родителя его величества, Мухаммед Рахим бий был правителем юрта Ура-Тюбе и там насильно завладел невестою сына Уткана юза и сделал ее своею женою. А тот жулик-волченек хитростью пробрался во дворец того именитого эмира, с помощью обмана и при посредстве одной старухи вошел в тайное соглашение с тою молодою женщиною; в темную ночь, севши на /46a/ коней, они оба бежали. Когда же невеста — утро сбросила покрывало ночи со своего светоносного лица, великолепный эмир, до того опьяненный сном, с испугом пробудился и не нашел подле себя своей вероломной возлюбленной. Он понял, какую штуку с ним сыграла судьба. Он закричал, [собирая своих слуг и приспешников], разослал повсюду [в погоню за беглецами] людей — о двуконь, но куда им — когда пришел волк любви и ударил по голове пастуха! Сын Уткана юза, этот умный волченек, благополучно ускользнул от Рахим бия, через Самаркандское урочище Канигиль отправился в “веселый Гисар”; при этом он так быстро уходил, что если бы Рахим бий стал соколом, и тогда он не мог бы на него напасть. Названный эмир был настолько огорчен этим происшествием, что некоторое время ни с кем не говорил. Рахим бий считал, что этот удивительный случай был осуществлен с помощью Аллаберды [62] парваначи минга, правителя Самарканда и на этом основании пыль /466/ досады и прах обиды поднялся между этими эмирами. Мухаммед Рахим бий, и прежде враждебно относившийся к Уткану, теперь из-за этой вероломной женщины, из-за этого ядовитого скорпиона, что была матерью блуда, еще больше возненавидел его. Естественно, что он стал командующим армией, выступавшей походом на Гисар. По повелению государя мира Ма'сум диванбеги сарай, Узи Тимур бий катаган и Худаяр бий мангыт с войском из славной молодежи и витязей Бухары, перечислять по имени коих было бы долго, выступили в поход против Гисара.

Эмиры, бухарское войско и племя юз шоди, сделав привал в одном месте, стали совещаться о том, как захватить Уткана. В конце концов, приняв определенное решение, отправились дальше; на берегу речки Джанкаб, что протекала поблизости крепости Уткана, остановились. Правителем Гисара в то время был Хали бек мирахур, сын Хушика /47a/ аталык юза. Все юзы, соединившись с [юзами] шади, радовались. Они порешили как кольцом охватить крепость Уткана [со всех сторон]. Ударив в большой барабан выступления, остановились на берегу реки Кафирнигана, на северном берегу которого лежала крепость Уткана, называвшаяся Могулан; [при этом] бухарские войска расположились по одну сторону крепости, а хисарские юзы — по другую. Еще удивительнее то, что находившийся подле крепости Уткана благословенный мазар “святого полюса познавших”, мавляны Якуба Чархи ¹¹⁰, подвергся непочтительному обхождению со стороны бухарского войска; эти неверующие разрушили верхнюю часть

мазара, подожгли кварталы и дома тамошних обитателей и, отведав протекавшую там воду, засушили посевы населения.

Эти поступки бухарцев, совершенные вопреки религиозным убеждениям, в конце концов послужили причиной [большого] для них огорчения. [63]

/476/ О ВОЗНИКНОВЕНИИ РАЗНОГЛАСИЯ МЕЖДУ ПЛЕМЕНЕМ ГИСАРСКИХ ЮЗОВ И БУХАРЦАМИ НА ПОЧВЕ ВРАЖДЫ И ОТСУТСТВИЯ ЕДИНЕНИЯ

Ввиду того, что бухарцы в душе питали враждебные чувства к Мухаммед Рахим бию аталыку, то по существу у них не было полного с ним единомыслия о захвате Уткана и о взятии его крепости. И вместо того, чтобы встретиться с врагом лицом к лицу, они отодвинули свои войска от этого места (т. е. от крепости Уткана) на целый фарсанг. Об этих неприятных действиях бухарцев гисарские юзы дали знать Мухаммед Рахим бию. Последний сказал: “теперь [говорить об этом] бесполезно”, и отдал распоряжение своим приближенным, чтобы они, не обнаруживая никаких враждебных чувств, в согласовании с бухарцами также отодвинули войска, ибо в военном деле есть лишь один интерес. Названный эмир, этот старый опытный волк, узнавши о непослушании войска, занялся своими важными делами. Однако каждый из бухарского /48a/ войска внешне показывал ловкость и расторопность в отношении усилия овладеть крепостью Уткана; бухарцы вели разговоры, направленные ко благу. Кстати тут случилось такое дело, что Мухаммед Ма'сум бий с восточной стороны крепости Уткана устроил высокий вал ¹¹¹ [для целесообразной стрельбы и установки таранов]. Узи Тимур бий и Худаяр бий сделали то же самое с северной стороны, а Сиддик ишикакабаши кунграт с Ибрагим мирахуром, кенегесом, возвели такой вал с западной стороны крепости [Уткана]; так что ее охватили со всех сторон, как точку буквы нун ¹¹², и начали метать в крепость стрелы и палить из ружей. Уткан тоже оказывал из крепости сопротивление, не упуская случая применять ружейный огонь и метать смертоносные снаряды; среди бухарцев стали раздаваться панические разговоры и появилось опасение что мол не дай бог, если придет на помощь Уткану с войском Махмуд [бий аталык]. Бури бий катаган, племянник Махмуда, который имел в ухе кольцо рабского служения государю мира [Убайдулле хану], /48б/ захотел в этой чашке весов проявить свою преданность и с войском из катаганов, которое было при нем, быстро выступил из Куляба в поход, достиг [Гисара], но не успел он показаться войскам [осаждавшим Уткана], как юзы последнего, узнавши о его движении, перехватили ему дорогу, [64] и тот малодушный человек шакалей породы при первом же небольшом столкновении [с неприятелем] обратился в бегство и так, не поворачивая головы, уходил, что и следов его в этой степи не обнаружилось.

Стихи:

Имя Бури [волк] мать нарекла ему при рождении,
В действительности же, когда посмотришь, то окажется, что самка шакала лучше, чем он.

В этот период Абдуррахим ходжа мавляна, внешне подчиняясь потребности времени, находился в крепости Уткана, волей-неволей оказывая ему помощь. Исходя из гуманных побуждений и радея о благополучии государя, он, между прочим, написал письмо бухарским эмирам такого содержания, что пусть они будут покойны во всех отношениях и крепко стоят в трудностях войны, потому что Уткан и его люди в крепости изнемогают от жажды и болезней. И если победоносное войско /49a/ проявит больше дерзания и смелости в деле [осады] то бог даст, взятие крепости рабами миродержавного государя легко осуществится.

Когда Мухаммед Рахим бий получил это письмо, то он, наивный человек, в целях успокоения настроения войска вынес его к нему и радостно показал бухарским эмирам. А эти последние, будучи его противниками, недолго думая, отправили письмо [Абдуррахим] ходжи Уткану и [тем] выявили скрытую тайну злополучного ходжи. Уткан, узнавши о ней, несмотря на искреннее расположение ходжи к сему [августейшему] дому, заковал несчастного в цепи. Усиливши метание стрел и пальбу из ружей [по осаждающим], он дал понять [им] об измене ходжи. Мухаммед Рахим бий догадался, что двуличная судьба повернулась к нему другою стороною.

Стихи:

Все, что делает по мысли своей господь, — да будет он возвеличен!
То тонкость сего в том, что никто не осведомлен об этом.

Несмотря на такого рода обстоятельства, этот отважный эмир никакой досады не обнаружил на своем челе и не уменьшил корректного отношения к бухарцам. [65]

О ПРИБЫТИИ ИЗ ОБЛАСТИ КУБАДИАНА НА ПОМОЩЬ УТКАНУ ХАЛ МУРАД ДАДХИ ДУРМАНА, О ПОРАЖЕНИИ ЕГО МЕЧАМИ БУХАРЦЕВ И ОБ ОБРАТНОМ ВОЗВРАЩЕНИИ ЕГО В БАЛХ НЕ СОЛОНО ХЛЕБАВШИ

Обстоятельства сего были таковы. Когда бухарские солдаты пошли по окрестностям добывать дерево и сучья для устройства [перед осаждаемой крепостью] высокого вала, то по злополучию увидели неприятельское войско и узнали, что это подходит на помощь Уткану Хал Мурад дурман, балхский дадха, с войском более многочисленным, чем муравьи и саранча. Они отправили конника, быстрого как молния и ветер, [в лагерь] сообщить о приближении неприятеля. Прежде чем бухарские и гисарские войска успели выступить и отрезать его, племена кунграт и найман, переправившиеся через реку Кафирниган и соорудившие /50а/ высокий вал против крепости Уткана, разожгли большой огонь и увидели неприятеля. Они храбро напали на него, и трусливый Хал Мурад, не успев привести свои войска в боевой порядок, под ударами разивших его шашек, обратился в бегство. Рассказывают, что Ураз бахадур из племени найман с одиннадцатью людьми [племен] кунграт и найман, упредив беглецов, настиг их и так схватился с ними, что солнце в небесной выси стиснуло зубами палец одобрения. Большинство вражеского войска ушло на территорию погибели, шестьдесят именитых людей было захвачено в плен.

Стихи:

Если я умру, то [умру] с добрым именем;
Мне оно так же нужно, как телу смерть.

Когда Уткан сверху крепости увидел смелость и отвагу победоносного бухарского войска, он понял, что эти люди не легко удалятся от крепости. Волей-неволей пришлось ему послать из крепости /50б/ Игамберды ишикакабаши юза с письмом к бухарским эмирам и тем самым обнаружить свою слабость и беспомощность; он говорил [в письме]: “я — тоже один из рабов [августейшего] чертога; что же мне сделать, раз из-за треволнения, причиненного моим недостойным сыном, я ради крайней нужды укрылся в этих четырех стенах? Стыдясь и стесняясь Мухаммед Рахим бия, я по необходимости выказываю сопротивление и дерзостное упорство. Теперь же, когда налицо есть доброжелательные эмиры, я прошу их представительства, чтобы они походатайствовали за меня перед Мухаммед Рахим бием, дабы этот эмир по великодушию и [66] гуманности признал бы мою вину как бы несуществующей и зачеркнул мой и моего сына проступок

чертою прощения. И в таком случае я с полною покорностью поспешу к эмирам и все, что мне будет приказано, я то выполню”.

Когда эмиры ознакомились с содержанием этого письма, они познакомили с ним Мухаммед Рахим бия и стали просить о прощении вины Уткана. Рассудительный эмир Мухаммед Рахим бий, предусмотрительно и дальновидно склонившись к ликвидации всего этого инцидента, /51a/ удовлетворил полностью [своим ответом] Игамберды юза, осчастливив его халатом радостного известия о прощении [Уткана]. Упомянутый эмир понял, что ввиду разногласий между эмирами и солдатами [предпринятое им] дело не подвинется вперед, ибо в конце концов [все] важные дела осуществляются единением, а не разногласием. Теперь же об этом жалеть не приходится. Было решено, что бухарские эмиры придут к подножию крепости, туда же спустится и Уткан и они [совместно] выработают [соответствующие] условия договора, подкрепленные религиозными формулами. Вследствие этого Мухаммед Ма'сум диванбеги сарай, Узи Тимур бий катаган и Худаяр бий мангыт, сопровождаемые несколькими офицерами армии, прибыли к крепости; прибыл также и Уткан. При свидании повели разговоры, клонившиеся ко благу и счастью /51б/ государя. Говорят, что среди [этих] переговоров один из бухарских эмиров, поведя углом бровей, заявил следующее: “[что много толковать]! Раз ступил ногою на подол независимости, то стой крепко на своем, потому что мы — люди и скоро возвратимся [домой]”. После переговоров каждый поспешил к своему месту. В целях заключения договора, который еще не был оформлен, эмиры порешили на следующем: “пусть Уткан на следующий день явится в [бухарский] лагерь, дабы мы обсудили остальные [недоговоренные] слова и с единодушной мыслью о благополучии государя, этой тени аллаха, заключили [соответствующий его интересам] договор [с Утканом]”. На другой день эмиры ждали прибытия Уткана, однако ожидания их были бесполезны, ибо он не явился. На следующий день прождали в том же месте до следующего утра. Тот же обманщик, повернувшись спиной к договору, не обратил [на это никакого] внимания. Еще больше укрепив крепостные стены и башни, он [прислал] сказать: “пусть эмиры отойдут назад [от крепости] на один /52a/ переход и останутся, я тогда выйду и прибуду к ним”. Мухаммед [67] Рахим бий понял, для чего они должны отойти назад и самолично принялся палить [в крепость Уткана] стрелами и из огнестрельного оружия. Войско гисарских юзов тоже вступило в бой и проявило много мужества. Мухаммед Рахим бий сказал своим людям: нам нужно отомстить нашему врагу; предоставление же действий другому является делом далеко не мужественного человека”. Словом, огонь войны так разгорался, что головы катились, как шары на площади [во время игры в поло], а руки разили, и одним взмахом сеяли огонь смерти. Очень многие из народа шади и из племени марка были отправлены в обители будущей жизни. Мухаммед Рахим бий увидел, что взять крепость будет нелегко, а вследствие трений с бухарцами дело это [вообще] не осуществится. По необходимости он увидел благо в возвращении [в Бухару] и [потому] забил в барабан выступления [туда].

ОБ ОГЛАСКЕ ТРЕНИЙ МЕЖДУ БУХАРСКИМИ И ГИСАРСКИМИ ВОЙСКАМИ, /52б/ ОБ ОБНАРУЖИВШЕМСЯ РАЗНОГЛАСИИ МЕЖДУ МУХАММЕД РАХИМ БИЕМ, МА'СУМ БИЕМ И ДРУГИМИ БУХАРСКИМИ ЭМИРАМИ

Когда враждебные отношения между бухарским войском и гисарскими юзами стали очевидны, это получило известность среди племен. Удаляясь от крепости Уткана, бухарская армия направилась к крепости Гисар, гисарские юзы, с одобрения Мухаммед Рахим бия, пошли по направлению крепости Дюшамбейи Татар. Объяснение этого случая таково. Когда все войска отошли от крепости Уткана на один переход, Мухаммед Рахим бий пригласил к своей палатке бухарских эмиров и, собравши старшин и начальников юзов, сказал: “Мы пришли [все] в эту область по повелению государя для подавления того

мятежника злополучного Уткана, и для очищения территории Гисара от шипов — обид, наносимых наглыми бунтовщиками. Судьба поступила так, что мы дали врагу окрепнуть. Теперь у меня является такая мысль: нам следует укрепить [хорошенько] крепость Гисар и предоставить ее людям опытным и благоразумным”.

Когда бухарские эмиры поняли, что притязания Мухаммед Рахим /53a/ бия сводятся к тому, чтобы сделать бухарцев в крепости Гисар гарнизоном для отражения набегов и для несения сторожевой службы, они кроме неопределенных выражений ничего не сказали. Тем временем [68] гисарское население и обитатели [самого] Гисара, явившись в настоящее собрание, сделали такое заявление:

“До сего времени под вашею опекою, когда вы были в Бухаре, мы поддерживали равновесие с этим негодным бунтовщиком [Утканом] подобно гире с довеском. Прибыв же сюда, вы обнаружили свое [шаткое] положение и сделали его отвагу подобною большой горе, поставив нас этим в крайне затруднительное положение. Теперь хорошо бы вам подумать о нас, в противном случае мы от вас не отступимся”.

А когда этот народ в своем приставании дошел до крайних пределов, то бухарские эмиры с досадою подумали, что все это делается по приказанию Мухаммед Рахим бия и стали грубо возражать [представителям гисарского населения]. И дошло [дело] до того, что Назар тинтек, один из братьев Худаяр бия, мангыт [по происхождению], выхватил /53b/ шашку и бросился на уполномоченных от народа. Те же, невольно объяснив это вероломством [бухарцев], схватили в руки камни и палки. Мухаммед Рахим бий понял, что в его присутствии грозит разрастись такое возмущение, прекратить которое будет очень трудно. Не имея средств [остановить скандала], он вернулся в свою палатку. Бухарские эмиры [поспешно] вышли из крепости Гисар, войско же [их], испытывая смятение, страх и ужас [пред восставшим народом], тоже последовало за ними. Тогда население Гисара, юзы рода шади, бросились грабить шатры и палатки спешно уходивших бухарцев. В самой крепости творилось что-то невероятное, будто наступил страшный суд. Короче говоря, бухарцы, выйдя из гисарской крепости с большими трудностями, так поспешно уходили, что две станции пути совершили в один переход и не имели возможности сварить для себя пищи. Гисарские юзы, воспользовавшись этим обстоятельством, пустились преследовать бухарцев, нападая и грабя отступающих. Бухарцы, видя это, как разъяренные львы повернули назад и бросились убивать разбойников юзов. Говорят, что /54a/ много разбойников из гисарских юзов, бросившись по другому направлению, вручили свои души царю [жизни]. Несмотря на это обстоятельство, юзы, видя своих мертвыми, еще больше проявляли дерзости и отваги. И то, что бухарцы сделали когда-то по отношению живущих при мазаре [шейха Я'куби Чархи], то теперь они сами перенесли от племени юз. Во всяком случае, удалившись из Гисара с бесчисленными увертками, [спешно] совершая переход за переходом, бухарцы достигли г. Бухары. [69] Мухаммед Рахим бий, узнавший о таком поступке двуличной судьбы, прокусил зубами палец удивления.

Пишущему эти строки, в соответствии со всем этим, вспоминается такой рассказ. Говорят, что один человек совершал пешком далекий путь. Уставши, он обратился с молитвою по направлению киблы, говоря: “боже, пред чертогом твоего единства моя мольба состоит в том, чтобы ты послал мне четвероногое, дабы я сел на него и проехал эту пустыню, потому что идти у меня нет больше сил”. — Как раз в этот момент показался всадник, ехавший на кобыле, рядом с которой был жеребенок [настолько изнемогший], что не был в состоянии идти. Всадник с большими понуждениями и угрозами заставил пешехода взвалить себе на шею жеребенка и нести его. Пешеход, пройдя несколько шагов, вторично обратился к небу с молитвою полной горести и

страдания: “боже — творец! — говорил он, — ты знаешь, что я просил послать мне такого четвероногого, на спину которого я мог бы сесть [и ехать], а ты мне послал нечто такое, которое взвалили мне на шею. Боже, каким образом мне высказать и как я могу представить, что ты ошибочно понял меня. А впрочем, возможно, что я сам ошибся в молитве!”.

Мухаммед Рахим бий, подумав о своем положении, раскаялся в том, что приводил бухарское войско в Гисар. Он не мог [ехать] по /55a/ ровной дороге и потому отправился горными путями на Самарканд. Страх и ужас Мухаммед Рахим бия достигли такой степени, что на некоторых высоких перевалах его завертывали в ковер и поднимали наверх на веревках. [Вообще] этот эмир добрался до Самарканда, натерпевшись большого страха; [в благодарность за свое спасение] он возжег светильники на мазарах святых.

ОБ ОСЛУШАНИИ ШИР АЛИ КУНГРАТА, О ПРИБЫТИИ В ОБЛАСТЬ ТЕРМЕЗА ПРОКЛЯТОГО МАХМУД (БИЯ АТАЛЫКА), О СДАЧЕ ШАДМАНОМ ЯБУ ГЛАВНОЙ ТЕРМЕЗСКОЙ КРЕПОСТИ МАХМУДУ С ПОМОЩЬЮ ГОЛУБОГО КУПОЛА НЕБА И О НЕКОТОРЫХ ПРОИСШЕСТВИЯХ, СЛУЧИВШИХСЯ В ТЕХ ПРЕДЕЛАХ

Обмокнутое в мускус перо излагает эти события так. В то время, когда его величество, счастливый государь, соизволил остановиться в раеподобной области Самарканда и закончил наведение порядка и [70] расправы в узбекских племенах и улусах, он услышал о предосудительных суждениях термезского наместника, Шир Али кунграта, и не был спокоен за тот район. Что же касается Шир Али, то демон гордости /55b/ обуял его и он, кичась твердынями крепости “Города мужей”, Термеза, которую в древности называли Барбар и которая весьма сильно укреплена, полагался на помощь с одной стороны ее [широкой] реки [Аму-Дарьи] и на множество родов и людей племени кунграта, проникся духом непокорности и мятежа.

Стихи:

Обманом души и вымыслом страсти
Он по заблуждению дал к себе дорогу гордости.

Кроме того, в окрестностях тех пределов он построил на вершине горы неприступный замок, назвав его Ширабадом, каковая твердыня, считавшаяся им средством его счастья и благополучия, стала причиной его несчастья и заблуждения.

Стихи:

Берегись, о, ты, который безопасность [свою связываешь] с круговращением [судьбы]!
Полагаешься ли ты, умный человек, на крепость?

Словом, покончив с приведением в порядок важнейших дел по Самарканду, государь мира обратил свой благосклонный взор на положение обитателей Термеза. По совету Мухаммед Рахим бия, которого он признавал своим особенно достойным доверия [лицом], он назначил правителем области Термеза Ни'матуллу токсабу, племя которого найман, обитавшее в термезском районе, считало себя большим, чем кунграта. /55b/ Ни'матулла, выехав из Самарканда в Термез, достиг крепости Дерф. Шир Али, еще не успевший довести до конца свое злополучное дело, признавал [все же] очень отдаленно возможность открыть [кому-либо] ворота термезской крепости; [теперь же], узнав о возникновении сего случая, [как приближение Ни'матуллы токсабы], крайне им пораженный, покинул Термезскую крепость и понес свою глупую голову в крепость

Ширабад, где и заперся. Племя кунграт после [всеобщего] совещаниях разделилось на две части. Те, что по природе своей были мусульманами, считали необходимым повиноваться государю; они перекочевали в [71] район Термеза и там обосновались, ставши единомышленными с Ни'матуллою в расположении к государю. Те же, что дали доступ к себе стремлениям к возмущению и упорству и ставили своею потребностью смуту и анархию, присоединились к Шир Али и ушли к Ширабаду, где и поселились.

/566/ В эти несколько протекших дней обманчивая судьба произвела то, чего в эту эпоху и не случилось бы. Дело в том, что Ни'матулла токсаба, женившийся на дочери Шадмана ябу, брата Тугма ябу, вызвал к себе своего тестя и по неопытности и по молодости большую термезскую крепость передал Шадману ябу, а сам избрал [своим местопребыванием] крепость Дерф, которая была больше населена и обитаема людьми. Шадман ябу же оттого, что был человеком скверного нрава, не соблюдая интересов государства, проявил свою злобную и животную натуру.

Стихи:

Из кувшина на поверхность [его] выходит та же влага, что и внутри его.

Шадман послал к Махмуд [бию аталыку] двух человек с изложением всех обстоятельств, и огромную крепость Термез, которая была в его обладании, он передал Махмуду, как подарок. Махмуд, получивши такое известие, обрадовался и почел его за великое для себя счастье. С сборищем катаганов, которые были с ним, с дурманами Кобадияна и /57a/ Курган-тюбе, которых он потащил за собою, — [Махмуд бий аталык] в год Курицы, месяце джемадиалавалле, выступил из Кундуза в поход; переправившись через [Аму-]Дарью на плотках ¹¹³ и на надутых воздухом бурдюках ¹¹⁴, он вступил в Термез. Укрепив стены и его башни, [Махмуд бий] потребовал из Балхской области военную помощь. Балхский правитель, Муким Мухаммед султан, находившийся во враждебных отношениях с Бухарою, обрадованный этим обстоятельством, приказал отправить в помощь [Махмуд-бию] балхское войско. Махмуд, гордая голова которого была лишена мозга, приказал сделать набег на окрестности и районы Термеза, [вследствие чего] банды разбойников стали грабить местное [72] население, не переставая его бить, вязать и ранить. Затея жадного Шир Али [кунграта] оказалась выгодной [для других] и базар [его предательства] стал весьма оживленным. Этот мятежник с одной стороны произвел мятеж, а Ни'матулла [токсаба], неопытный в деле, был поражен и /576/ смущен обманом и игрою коварной судьбы. И сколько он не раскидывал своих мыслей, он понял, что смута зашла слишком далеко, чтобы ее можно было легко погасить. Естественно, [Ни'матулла] написал доклад на высочайшее имя государя мира с изложением [действительной] картины положения. Говорят, что Ни'матулле настолько туго пришлось, что он не мог далеко отойти от крепости Дерф. Кунгратцы, бывшие с Шир Али и [теперь] занявшиеся грабежом и разбоями по укрепленным местам и селениям, еще больше увеличили мятеж [и смуту].

О ПОСЫЛКЕ ГОСУДАРЕМ ВЫСОКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ ВОЙСКА [В ОБЛАСТЬ ТЕРМЕЗА] НА ПОМОЩЬ НЕ ЗНАЮЩЕМУ ДЕЛА НИ'МАТУЛЛЕ, О НАЗНАЧЕНИИ НАЧАЛЬНИКОМ ПОХОДА МУХАММЕД ЯРА ДУРМАНА СО ВСЕМ ВОЙСКОМ, СОСТАВЛЕННЫМ ИЗ ИШИКАГАЕВ ¹¹⁵ ПРАВОЙ СТОРОНЫ НЕБОВИДНОГО ЧЕРТОГА

Когда доклад Ни'матуллы пришел в Бухару и его прочитал отважный государь, то он воспламенился огнем гнева и пришел в царственную ярость; отнесши происшедшее к молодости и неопытности /58a/ Ни'матуллы, он сказал: “да, возлагать дела великих людей

на малых, перекладывать груз с сильного одногорбого верблюда на слабого верблюженка, дело далеко не полезное! Мне самому было ясно, что Ни'матулла в этом государстве, не являясь умудренным опытом и извиняя все то горячее и холодное, что дает судьба, не испытал еще [всех] бедствий на суше и на море. Теперь же, когда великая Термезская крепость стала в обладании проклятого Махмуда, — я уж думаю, как бы из-за малой опытности этого глупого Ни'матуллы и крепость Дерф не ушла из [наших] рук. Что будет с женщиной, которую [кто-либо] полюбит? Так и крепость [Термез], эти ворота Мавераннахра, он отдает врагу, Шадману ябу; тот самый опасный мятежник, который за свои гнусные поступки лишен доступа к нашему высочайшему двору. Не напрасно говорят: **[73]**

Стихи:

/586/ Мир не надо вручать злomu,

Потому что, вне всякого сомнения, из злой природы последнего произойдет [лишь] злое.

Его старший брат, Тугма ябу, не тот ли [человек], что [давно] уже занимает [наши] царственные мысли! Ведь еще во время правления нашего великого родителя он произвел в Мавераннахре мятежи и тем дал возможность владычествовать над мусульманами ургенчскому Эренг хану, подняв в этом государстве знамя смуты и анархии. Испытывать искусенного опытом [злодея], выказывать ему неоднократно доверие и раз за разом предоставлять ему возможность хозяйничать в государстве — есть безумие и непонимание. Глупый Ни'матулла [верно] не внимал ухом благоразумия словам хадиса **116**: кто ограбил испытанного человека, у того увеличится раскаяние.

И государь рассуждал таким образом столь проникновенно и кротко, что всем присутствующим и слышавшим это было преподано */59a/* известное нравоучение и они пришли в удивление и струсил. [Затем] последовал [высочайший] приказ миродержавного государя, чтобы Мухаммед Яр ишикакабаши — дурман и все рабы, — ишикакасий правой стороны, — немедленно выступили походом [на помощь] гарнизону крепости Дерф. Напутствуя выступающих, государь мира произнес своими устами, рассыпающими перлы [красноречия, следующие] милостивые слова: “будьте спокойны, о, люди, и, радея об охране крепости, будьте мужественны и стойки! Бог даст, посланный вскоре [нами] один из слуг [нашего] чертога в роли главнокомандующего, по божественной милости [и при вашей помощи] истребит бездельного злодея-врага, проклятого Махмуда, и негодного, заблудившегося Шир Алия!”

Когда Мухаммед Яр ишикакабаши дурман был отпущен из небовидных палат со всем многочисленным войском, [сопровождаемым обозом], он выступил по направлению Термеза, следуя на Чегучак и Бузгаля-хане. Совершив ряд переходов и остановок, это храброе и ищущее боя */596/* войско вступило в крепость Дерф и громко затрубило в трубы. Проклятый Махмуд [бий аталык], осведомившись о прибытии отряда сел на коня, прибыл в район крепости Дерф [с своим войском] и открыл военные действия. Шир Али тоже принял в этом участие, зажегши бесцельный **[74]** огонь. Храбрецы бухарского войска, увидевши такую дерзость и отважность врагов, вышли из крепости и мужественно вступили в бой. Они произвели такой напор и натиск, что под энергичными ударами их мечей и копий неприятель пришел в стесненное положение и в большинстве обратил тыл, часть его была взята в плен. Витязи и [рядовые] рабы из бухарского войска такую проявили опытность [и искусство], что [страшно] возжаждали боя и беспрестанно бросались в атаку. Неприятельское войско тоже не отставало [от них в своем] напряжении и обе */60a/* армии, подобные прямо стоящим стальным горам, оказались сдвинутыми со своих мест. Атмосфера битвы от пыли, поднятой войсками, стала подобной черным волосам. Начальники армии [бухарского] государя пред лицом врага, уповая на

милостивый стих Корана: * помощь от аллаха и победа близка ¹¹⁷, напрягали [в бою] все силы и убивали. Огонь войны поднялся высоко, и подобно дождевой туче молниеносные шашки храбрецов проливали кровь; изумрудно-цветные кинжалы, погружаясь в тело врагов, окрашивались в цвет киновари; острия двойных стрел, подобно всеищущему разуму, искали зрачков обоих глаз. [Словом], сражение между обоими войсками достигло такого напряжения, что земля под его тяжестью пришла в изнеможение; а звуки большого барабана и труб, притворные нападения и отступления, [как военная хитрость] со стороны храбрых витязей армии миродержавного государя, — все говорило о словах Корана: *когда потрясется земля, потрясаясь в себе ¹¹⁸. Вдруг ветер несчастья донесся до неприятелей, зефир победы всколыхнул волосы бунчуков рабов его величества и вражеское войско не могло /606/ больше оказывать сопротивления; пленным и убитым не было счета. Оставшиеся, уклонившись от боя, бежали в степь. Проклятый Махмуд [бий аталык], желтолицый, с синими губами, разбитый и усталый, [всем своим состоянием выражал] смысл арабского изречения: один день за нас, один — против нас. Бухарское войско обогатилось лошадьми и оружием, [захваченными у разбитого неприятеля], и проявило отвагу в преследовании бегущих. Мухаммед Яр ишикакабаши и Ни'матулла токсаба много потрудились в отражении неприятеля. Когда рабы, витязи и армия высокостепенного государя оказались победоносными и торжествующим” победу, а войско неприятеля разбитым и побежденным, Мухаммед Яришикакабаши и Ни'матулла токсаба, изложив в докладе на высочайшее [75] имя о проявленной самоотверженности и отваге победоносного войска, послали [этот] доклад в августейшую резиденцию с Юли удайчием ¹¹⁹.

/61a/ О ПРИБЫТИИ К КРЕПОСТИ ДЕРФ АШУР КУНГРАТА И ЗАЯВЛЕНИЕ ИМ О СВОЕМ ДОБРОЖЕЛАТЕЛЬНОМ ОТНОШЕНИИ К ВЫСОКОСТЕПЕННОМУ ГОСУДАРЮ; ПОСЫЛКА ИМ В КРЕПОСТЬ СВОИХ ЖЕН И ДОЧЕРЕЙ И ЕГО ВОЗВРАЩЕНИЕ В СРЕДУ ПЛЕМЕНИ ¹²⁰ КУНГРАТ.

Ашур кунграт, этот опытный волк, в течение некоторого времени исполнял ответственное дело по сбору заката ¹²¹ в пределах территории, подчиненной Бухаре. Умудренный большим жизненным опытом, он вкусил и испил от судьбы горячего и холодного. Большинство племени кунграт состояло с ним в родственных отношениях и среди кунгратов у него [поэтому] было много покорных ему людей и его доброхотов. Ему пришлось в голову сделать своих многочисленных жен и детей средством обмана. Под предлогом, как бы они не пали жертвами превратностей судьбы, Ашур кунграт в одну из ночей привез [всех] своих жен и детей к воротам [крепости] Дерф и закричал, [окликаая часовых]. Защитники крепости и охранители ворот, услышав [крики Ашур кунграта] о впуске в крепость, поняли, что его прибытие таит в своем существе обман и какой-то предлог, и потому доложили правителю крепости Ни'матулле /616/ токсабе и Мухаммед Яру ишикакабаши. Главы бухарского войска устроили совещание и постановили следующее: “мы сами знаем, что Ашур кунграт — обманщик и жулик и его стояние [у крепостных ворот] указывает на [известную] уловку и [какую-то] хитрость [с его стороны] и еще [все это] при наличии у него большого числа людей. В данное время в крепости есть некоторое количество людей из [племени] кунграт и найман; помахивая главами расположения своего к государю мира, они хвалятся, что отдадут за него свою жизнь. Мы полагаем, что тот обманщик, в случае своего вступления в крепость, проявит свою дьявольскую природу, отделит тех людей от нас и поднимет такой мятеж, что затушить [76] его пламя водою успокоения окажется невозможно. Если Ашур кунграт [действительно] искренне расположен к государю, то он с женами и детьми своими не поступил бы так, — как будто он их теряет из своих рук. Прежде всего, отправив в крепость жен и детей женского пола, он сам с детьми мужского пола пусть идет к своим соплеменникам и /62a/ братьям кунгратам. Если же такое дело случится, что ветер

гордости и высокомерия вторично проникнет в безмозглую голову Махмуд [бия аталыка] и Махмуд двинет войска в этот район, то Ашур кунграт пускай придет на помощь государеву войску: охвативши [вместе с ним] со всех сторон этого сильного неприятеля, мы стали бы просить всевышнего бога об отражении этого врага [августейшего] дома. Если Ашур выкажет послушание такому предложению, то он — желанный [для нас человек]; если же нет, то допустить его в крепость равносильно тому, чтобы положить себе змею за пазуху”. — Когда Ашур узнал о подобных выступлениях [эмиров], он заявил: “таково и мое желание; больше я ничем утруждать не хочу!” Тот мошенник понял, что стрела его предприятия не попала в цель [его] намерения и потому прибавил: “я сам — нижайший из рабов его величества, моего государя, и потому почту за счастье быть в ряду его самоотверженных слуг, чтобы не щадить своей жизни”. После разных переговоров Ашур отправил в крепость своих жен с детьми женского пола, а сам [с прочими] направился в среду племени кунгратов, /62б/ к своим родным, и стал наблюдать за временем.

Стихи:

Время связано с добром и злом,
(Поэтому-то) судьба для тебя иногда бывает другом, а иногда и врагом.

О СТАЧКЕ АШУР КУНГРАТА С СОВЕРШЕННО НЕПОХВАЛЬНЫМ МАХМУД БИЙ АТАЛЫКОМ, О ЗАДУМЫВАНИИ ХИТРОСТИ И ПРЕДАТЕЛЬСТВА ЭТИМ НИЗКОРОСЛЫМ ОБМАНЩИКОМ, ТАКИМ ЖЕ КАК И МАХМУД, О ТОМ, КАК ОН В КОНЕЧНОМ РЕЗУЛЬТАТЕ НЕ ДОСТИГ ЦЕЛИ ВСЛЕДСТВИЕ КОВАРСТВА ГОЛУБОГО НЕБА, О МЯТЕЖЕ И СМУТЕ, ПОДНЯВШЕЙСЯ В РАЙОНЕ КРЕПОСТИ ДЕРФ И О ВТОРИЧНОМ ПРИХОДЕ ПРОКЛЯТОГО МАХМУДА.

Так как Ашур кунграт отчаялся в исполнении своего замысла войти в крепость Дерф, то, вернувшись к своему племени, он задумал другую плутню: он послал к Махмуд [бию] письмо такого содержания: “Убежище начальствования, поскольку вы признали достойным прибыть в эти районы, то я, ничтожный раб, должен был бы править при [77] вас свою грешную службу, чтобы стать достойным [вашей] благосклонности. По плану, который я составил, я хотел проникнуть в крепость Дерф и поднять там мятеж и смуту, как вы меня просили. Но что /63а/ поделаешь? Судьба и время были неблагоприятны и не оказали мне должного покровительства. Люди, пришедшие от государя в крепость в качестве ее гарнизона, нисколько мне не поверили и потому стрела моего замысла не достигла цели. Теперь я ожидаю, что вы, убежище начальствования, второй раз соизволите выступить в поход против крепости Дерф и тогда я с находящимся при мне племенем кунграт присоединюсь к вам”.

Когда Махмуд [бий аталык] узнал о таком деле, он понял, какую цель преследует тот ублюдок-мошенник. В ответ ему он написал следующее: “если бы Ашур кунграт действительно чувствовал к нам расположение, то он оставил бы свое племя и с несколькими близкими к нему людьми прибыл к нам. Устроив в течение двух-трех дней пир, мы за чашей интимности узнали бы друг друга и то, что есть в голове /63б/ задушевного, мы бы высказали открыто”. — Ашур на это совершенно для него невыносимое предложение дал такой ответ: “лисица говорит: я знаю тысячу уловок, чтобы освободиться от собаки, но все же лучше нам не видеть друг друга”. — Махмуд, получивши такой ответ, пришел к заключению, что Ашур уверен в том, что без его помощи ему, Махмуду, не осуществить дела. Поэтому по необходимости Махмуд [бий аталык] сделал распоряжение кликнуть клич войскам и приступить к изготовлению орудий войны. Тем временем к Махмуду прибыл из Бухары его шпион, которого он

посылал ко двору государя [Убайдуллы хана], и сообщил ему, что Хаит дадха по приказанию [своего] государя подходит на помощь гарнизону крепости Дерф. Махмуд, услышав такое известие, глубоко над ним задумался и ему пришла мысль, что пока еще Хаит дадха кипчак не вступил в район названной крепости, нужно постараться принять меры [против его дальнейшего продвижения]. И, полный гордости, он занесся и приказал половине своих войск поспешить /64a/ к урочищу Пашхурд навстречу Хаит дадхе, а сам с другой половиною войска направился к крепости Дерф. Глубокою ночью он подошел к ней и осадил ее. Когда гарнизон Дерфа узнал об этом случае и воочию убедился в смелости и наглости неприятеля, то [его] храбрецы, принадлежавшие к бухарскому войску, считая для себя позором подобную дерзость и наглость врага, постарались заняться приготовлением средств для войны. И в то время, когда с появлением утренней зари, вырвавшей [78] темный локон ночи, стало светать и показались признаки наступающего утра, львы лесных зарослей, рычащие и разъяренные, выйдя из крепости, бросились в атаку на неприятельское войско и завязали бой. Махмуд [бий аталык] также отдал приказ бывшим с ним войскам [племен] катаган и дурмен вступить в битву. Запылал [огромный] костер войны и сечи; смерть разбила свою палатку и полил дождь гибели. /64b/ Очень много людей из неприятельского войска отправились в небытие. Ашур кунграт, который ждал такого случая, со многими из своих собратий и с людьми [из племени] кунграт, зайдя с одной стороны неприятеля и, провозгласив хвалу государю, бросился [в бой на своем] коне и такую устроил сечу, что про нее сказали, что бывшая до этого битва казалась детскою забавою. [Словом, столь было страшно], как будто настал страшный суд. Языки мечей бойцов за веру, по смыслу выражения: *ударом по голени и шее ¹²² служили блестящим тому доказательством.

Стихи:

Подобной крови стала вся степь и предгорья.
Мир [стал] подобен ночи, а шашки — светильникам.
От ржанья коней и пыли, [поднимаемой] войсками,
Воздух стал похож на черное лицо негра.

По воле судьбы отделилась стрела из запаса стрел победоносного войска и попала в Раджаба токсаба дядю Махмуд [бия аталыка], который сражался отдельно, и тотчас птица его души вылетела из клетки его; тела. Когда Махмуд увидел этот случай, то дым скорби поднялся /65a/ к его мозгу; подобно сумасшедшему он бросился в бой на [своем] коне; бухарское войско тоже еще больше проявило ярость в битве и стало разить [врагов] мечами и ниспровергать мужей. [В результате] большая часть вражеского войска обратила тыл; большинство командного состава из армии Махмуда стало добычею острых стрел и смертоносных шашек победоносного войска; часть была захвачена в плен.

Когда обнаружилось [полное] расстройство вражеского войска, то избежавшие гибели остатки его обратились в бегство с поля битвы. Махмуд [бий аталык], в испуге восклицая “*нет мощи!” ¹²³, разбитый и [79] усталый добрался до великой термезской крепости. Осведомившись о коварстве и предательстве Ашур кунграта, он разразился по его адресу угрозами; в ослаблении же своего войска посылкою половины его в урочище Пашхурд [для задержания Хаит дадхи] он [горько теперь] раскаялся. Махмуд думал, что судьба будет к нему всегда благоприятна, но он не знал, что у нее есть много способов действий, так что в одночасье перевернет [целый] мир и делает высокие положения в мире /65b/ низкими.

Стихи:

Мир не всегда бывает в одном положении.
Может быть, аллах создаст после сего, что-либо новое.

Впрочем аллах всевышний самый осведомленный о сущности вещей!

О ПОСЫЛКЕ ОСВЕЩАЮЩИМ МИР ГОСУДАРЕМ ХАИТ БИЯ ДАДХИ КИПЧАКА НА ВОИНУ С МАХМУДОМ, СЖИГАТЕЛЕМ МИРА, В ОБЛАСТЬ ТЕРМЕЗА, ОБ УБИЙСТВЕ ЭТОГО ОТВАЖНОГО ЭМИРА В ЗЛОПОЛУЧНЫЙ ДЕНЬ И О ПОРАЖЕНИИ НЕОПЫТНЫХ ЭМИРОВ

Так как состояние области Термеза было наиболее огорчительно для большинства благоуханно-благословенных мыслей государя и оттуда постоянно поступали известия о беспорядках и анархии среди тамошнего населения, вследствие чинимых Махмуд [бием] несправедливостей, то [его величество], приказав благородным людям и вельможам государства [собраться] в небовидном дворце, сказал [им]: столпам государства и правления и основам величия и власти надлежит проявить твердость и непоколебимость при отправлении правосудия и справедливости и в заботах о благе подданных. В данный момент население области “Города мужей”, Термеза, под влиянием насилий и беззаконий /66a/ Махмуда находится в состоянии анархии, сбившийся с пути [человек] выбивает в той местности на большом барабане: *я, и нет [никого], кроме меня ¹²⁴. Почему же мы столь равнодушны остаемся к такому положению, за которое в этой жизни мы заслуживаем порицания, а в будущей жизни — наказания? Вы, эмиры, похваляющиеся своим расположением [ко мне] и своею безусловною покорностью, что думаете по этому вопросу? Кто из вас мужественно выступит на путь принятия на себя ликвидации этого положения и кто возьмется за это трудное дело?” — Когда государь окончил это обращение, то встал Хаит бий дадха кипчак, смелость которого была на устах у всех окружающих и прочих и [80] который, [сверх того], будучи искушен опытом, широко прославился в военном деле; он заявил, что принимает на себя войну с Махмудом. Государь времени, собственноручно подав ему чашку кумыса, соизволил приказать [осуществить это] дело.

В месяце зилхиджжа 1116 года, соответствующего году Курицы ¹²⁵, /66b/ когда Солнце, выйдя из зодиака Рыб, присоединилось к Овну, Хаит дадха получил от государя разрешение выступить походом на Термез. [Одновременно] последовал высочайший приказ присоединиться к нему Баки токсабе алчину, Ходжа Али мирахуру катагану и Эвезу ишикака-баши — кераиту и всем другим войскам. Ввиду того, что государь заботился о своих доброжелательных и самоотверженных слугах, Хаит дадха был ошачтливлен конем, особым полным комплектом платья и драгоценным поясом; другие [упомянутые] три эмира также получили из дворца жалованные халаты и каждому были оказаны милости. Когда Хаит дадха получил разрешение из небовидного чертога [его величества на поход], то, приняв непоколебимое решение осуществить его, он заехал [сначала] в благодатное место, к светоносному мазару св. Шейхула'лама ¹²⁶, по соседству с которым он сам построил рабат, и [там] попросил помощи у души [этого] “Полноса познавших” [в предстоящем /67a/ походе. После этого] он выступил в поход. Проходя станцию за станцией и остановку за остановкой он достиг до области Несефа, где к нему присоединились эмиры и победоносные войска. Оттуда, ударив в барабан отправления, пошли дорогою на Байсуна ¹²⁷; пройдя [полагающееся расстояние, разбили палатки остановки в местности Пашхурд, что принадлежит к району Термеза. Отсюда послали в качестве разведчиков, для добычи сведений о неприятеле, несколько храбрецов из состава войска, вроде Ай Мухаммеда караулбеги алчина и др.; а Баки токсаба был поставлен во главе авангарда, сам же отважный эмир Хаит дадха с двумя другими эмирами занялись приведением в порядок [81] главных сил и, укрепивши войско, стали ожидать неприятеля. Войско Махмуд [бия аталыка], тоже находившееся в Пашхурде, высматривало отряды

Хаит дадхи и, узнавши об их прибытии, разом село на коней и /67б/ направилось против победоносного [бухарского] войска. Еще не успевши построиться в ряды, храбрецы [обеих сторон] уже пустили в ход орудия войны и вступили в бой. Загорелся огонь [сечи] и пламя убийств начало поражать своими языками [воинов]. Победоносное [бухарское] войско проявило такое ожесточение в этом бою, что ангел с крыши солнца воскликнул “браво”! С восхода солнца до полдня рубились шашками витязи и низвергали мужей. Эмир, борец за веру, Хаит бий дадха, увидевши, сколь жадно стало до бою неприятельское войско и какую проявляет оно неукротимую злобу, надел на себя кольчугу, выхватил из ножен шашку отваги и пустился отправлять неприятелей в путь небытия ¹²⁸. Среди схватки один из неприятельских воинов появился сзади Хаит дадхи и поразил его копьем в часть тела, вследствие чего Хаит /68а/ дадха свалился с коня и попал пленником в лапы судьбы.

Стихи:

Нельзя воевать с судьбою,
Нельзя кичиться перед роком.

Не успели те три славных эмира вынуть из колчана стрелы, как узнали об этом поразительном событии, о пленении командующего армией, и заговорили о бегстве. — “Какое нам до этого дело!” — сказали они и, позабывши о чести, обратились в бегство, бросив все бывшее у них на произвол судьбы и на грабеж [неприятеля], и так [бежали] до крепости Карши, нигде не останавливаясь. Неприятельское же войско бросилось грабить лагерь и палатки беглецов и захватило огромное количество скота. Неприятели, напавшие на Хаит дадху, крепко связали руки за спиной этому властному эмиру, теперь ставшему подвластным, и доставили в Термез к Махмуд [бию атальку]. Когда последний увидел дадху, то сказал: “ну, Хаит, ты отслужил своему государю, а теперь что хочешь: чтобы я приказал тебя убить или освободить?”. Хаит дадха, будучи отважным узбеком, рассердился и его /68б/ обуял [страшный] гнев. **[82]**

Стихи:

Когда услышал со связанными руками его слова,
Он пришел в ярость, подобно опьяенному слону;
Он так отвечивал Махмуду:
“В такой тягостный [для меня] день ты таким образом меня не прельщай!

Знай наверняка, что когда дойдет весть о случившемся со мною до ушей Убайдуллы хана, море его гнева придет в волнение и он растопчет копытами коней ту область, которой ты овладел с помощью своих лживых слов, и прикажет своим войскам отнести в Бухару в своих сумках всю землю этих районов. Ты сам знаешь, у моего государя таких, как я, триста тысяч славных мужей и из всех их я — малозначачий”. Махмуд сказал [на это]: “ну, что ты бахвалишься! Раз ты попал в мои руки, то к чему ты кичишься своим государем?” — Хаит дадха ответил: “что бы со мною не случилось, я — преданный слуга своего государя и не задумаюсь пожертвовать жизнью из-за расположения к нему, не /69а/ то, что ты, неблагодарный, которого обуял демон гордости. Ты, погубив коварством и хитростью своего государя, этого халифа времени и тень аллаха, посягнул на ханский престол! Ты выбиваешь [теперь] на большом барабане [один мотив]: “я, и нет другого, кроме меня!” Ты обесчестил себя и в этом мире, и в будущем. Ты стал проклятым, как проклятый Шимр! ¹²⁹ Ты — один из сыновей Бек Мурада катагана, оттого что пролил недозволенную кровь и низверг лживыми словами дом [своего] государя, — [скажи], что ты ответишь богу и его посланнику [за это]? Ах ты, подлый человек, к чему эти гадкие разговоры в такое время, когда я оказался в твоих

руках! Ты знаешь, что теперь нет места сожалению, все, что хочешь, делай со мной без жалости!” Жестокосердый Махмуд [бий аталык] от таких грубых слов Хаит дадхи рассердился; ему вспомнилось убийство под [крепостью] Дерф его дяди Раджаба токсабы и гнев его увеличился. Он приказал отрубить голову /69б/ этому доблестному и храброму эмиру. Убийство Хаит дадхи он считал для себя большим успехом. Не обращая больше внимания на Термез, Махмуд разбил на берегу реки [Аму-Дарья] свой, подобный водяному пузырю, шатер и приступил к переправе через реку [своего войска].

Шир Али, узнав о превратности вероломной и непостоянной судьбы и о коварстве криводушного колеса времени, остался поражен своим [83] положением: он понял, что Махмуд [бий аталык] больше в этих пределах не будет и потому, как змей с разбитой головой, прячущийся в щели, Шир Али укрылся в крепости Ширабад. Племя кунгратов, что было его сотоварищами, догадалось, что он, как сова, стал злополучен и его “счастье заменилось несчастьем. Отвернувшись [от Шир Али], кунграты потянулись в местность Кара-Хавал. Узнавши об этом обстоятельстве, Махмуд [бий аталык] отправился навстречу кунгратам; заставив их пройти Кара-Хавал и переправиться через Аму-Дарью, он увел их с собою.

**О ПРОЯВЛЕНИИ ПОБЕДОНОСНЫМ ГОСУДАРЕМ ЖЕЛАНИЯ ОТОМСТИТЬ
/70a/ ВРАГАМ, О ПОСЫЛКЕ МА'СУМ БИЯ ДИВАНБЕГИ САРАЯ [ВПЕРЕД] ДО
СВОЕГО ВЫСТУПЛЕНИЯ, ОБ ОДОБРЕНИИ СЕГО УПОМЯНУТЫМ ЭМИРОМ И
ДРУГИМИ ИСПЫТУЕМЫМИ ЭМИРАМИ**

Когда проклятый Махмуд поднял в пределах Термеза свое знамя нечестия и разврата, а насилия и притеснения его достигли той грани, что бутон положения обитателей той местности завял от шипов [Махмудовых] обид и от множества его беззаконий и большинство жителей той страны стало выселяться [в другие места], тогда отважный государь признал, что дело [обуздания Махмуд бия] не подвинется при посылке [против него] кого-либо из сих эмиров, ибо достоинство этих людей уже неоднократно испытывалось на оселке опыта и давало отрицательные результаты. Натурально поэтому, что царственная решительность и заботливость о благе подданных возобладали над всем в природе его величества, и он пожелал сам, своею благословенною особою порадеть об отражении этого нечестивого Махмуда и очистить цветник территории [Термезского] вилаета от шипов того наглого мятежника, т. е. поганого Махмуда. [Государь] знал, что у эмиров и военных никогда не хватит смелости и отваги стать лицом к лицу с этим /70б/ бунтовщиком и война с ним никогда ими не будет выиграна.

Стихи:

На этом основании я свое дело сам сделаю, дабы оно дало хорошие результаты,

*Чтобы не чесал мне спину никто, кроме моего пальца ¹³⁰. [84]

Так рассуждая, [Убайдулла хан] приказал явиться змирам и военачальникам. Когда они собрались на царский двор незыблемый, как небо, государь повел с ними речь о походе на эту область [т. е. Термез], ввиду [чинимых там] Махмудом несправедливостей. Он сказал: “всевышний владыка дал в наши длани завоевания и владения некоторые территории земли, сделав их покорными нашим повелениям. Посему нам представляется необходимым, приняв во внимание общее положение и в частности [нашего] государства, соблюдая осторожность и [в то же время] действуя уверенно, немедленно прийти [на помощь нашим термезским] подданным и подчиненным и очистить территорию [нашего] царства от тирании и злодейства наглецов, чтобы все подданные могли спокойно спать на постелях безмятежности. Если же мы проявим в этом деле небрежность и нерадивость, то

заслужим [справедливые] /71a/ упреки в этом мире и наказание в будущей жизни. Царю государства необходимо стоять на том, чтобы у него всегда были в порядке орудия войны и [все] припасы для того, чтобы разить и поражать [врагов]. Определенно установлено, что государство очищается от мерзостей смут и мятежей [лишь] ударами блестящего меча и яйцо веры и нации остается незапятнанным от лжи непокорных и упрямых людей [только] внушением безжалостной шашки и огневержущего кинжала. Теперь, когда неблагодарный Махмуд вбил в свою безмозглую голову страсть к мятежу и неповиновению и зажег в государстве пламя смуты, вследствие чего от его насилий и возмущения население Термеза покидает свои родные места, — как можно нам быть беспечными, [видя все это] и не стараться отразить врага?!”.

Стихи:

Когда государь питает склонность к пьянству и сну,
То, несомненно, его дом и достояние разрушается;
Терпение в трудах и неприятностях — удел управления государством,
А не питье чашами вина.

Когда государь мира высказал это, то эмиры и сановники государства с извинениями доложили следующее: “пусть благороднейший ум государя больше не смущается сим обстоятельством. Выявление [85] завистников находится на положении сухой полыни и посуды, которая покрывается копотью от дыма, поднимающегося от подожженной полыни; чем больше разгорается огонь и поднимается выше, тем скорее сгорает полынь.

Стихи:

Помыслы зложелательного государству человека
Внешне хотя и бывают до непристойности коварны,
Но они похожи на мелкие искры: когда огонь поднимается кверху, от них ничего не остается.

Мы — рабы, состоящие на службе своего господина, и получаем милости от государя в такой день, [как сегодня]. В конце концов и Махмуд — тоже ведь вроде нас, рабов; а каким образом рабы пожелали бы, чтобы его величество, государь, взялся осуществить [лично] военные действия против этого сбившегося с пути человека, [по существу раба? Разве это достойно государя?!]”. И сколько ни говорили эмиры /72a/ и военачальники подобного рода слов, отважный государь не соизволил их слушать и потому последовал царский приказ забить в барабан похода и воздвигнуть царский шатер со ставкою в чарбаге Таш-Бука. Пламя августейшего гнева [настолько сильно разгорелось, что в тот же день его величество расположился в названном чарбаге. Мехтеру и мушрифу было отдано приказание, чтобы они роздали из цветущей казны подарки эмирам, вельможам, военным и шагирд-пишеям, а отважным бойцам армии — дорогие халаты. Эмиры и великие люди государства [из этого факта] поняли, что дерево [августейшего] гнева имеет корни в очаге государевой смелости; устроили совещание, [на котором решили], что Ма'сум бию диванбегию следует дерево царственного гнева с корнем удалить из груди государя. Ма'сум бий диванбеги с этой целью предстал перед [Убайдуллою ханом] и, открыв уста для похвалы государю, сказал:

Стихи:

/72b/ Прещедрый и благочестивый монарх,
Сверкающий короною, престолом и перстнем! [86]
С тех пор, как создатель мира создал вселенную,
Подобного тебе не проявилось государя.

Господь чистый даровал тебе мир.
От апогея блестящего солнца до [глубин] мрачных подземелий,
Ты в мире — счастливый шах.
У тебя — счастливые очи, достойные престола,
Твой блестящий меч да будет ожигающим врага,
Сверканье твоего копья да будет победоносно,
Творец мира да будет доволен тобою;
Голова гнусного Махмуда да будет прокопчена! [131](#)

После этой похвалы Ма'сум хаджи доложил следующее: “пока мы, рабы, состоим при счастливом стремени [государя] почему нужно его величеству государю, в лице своей драгоценной особы, брать на себя войну с этим проклятым [Махмудом]?”. — И, сняв с головы шапку, [Ма'сум хаджи] раскрыл руки для произнесения молитвы. Когда государь увидел такую смелость со стороны Ма'сум хаджи, сказал: “где царственная мысль допускает, чтобы я, несмотря на покорение царств /73a/ и поражение витязей мира, выступил походом против одного лишь бунтовщика, то я по необходимости избираю [это]. Когда устранение этого заблудшего мятежника стало бы осуществимо выступлением [против него моих] благожелательных [эмиров], то в этом нет стеснения [для них]”.

И миродержавный государь изволил оказать разного рода царственные милости и внимание эмиру, воителю за веру, [Ма'суму хаджи]: он пожаловал ему арабскую лошадь, почетное платье, украшенный драгоценными камнями пояс и кинжал и, обнадеев его в отношении других милостей, отпустил. Упомянутый эмир, выступив в поход, через два перехода вступил в область Несеф, [и там] ему пришлось на ум следующее: — “как слышно, Хаит дадха отправился в крепость Дерф, мы узкою малодоступною дорогою выступим против большой крепости, [г. Термеза]; поскольку теперь Махмуд [бий аталык] поднял знамя бунта и возмущения в великой Термезской крепости, то что получится, если мы осадим этого сжигателя домов и крепко препояшимся к ниспровержению сего бунтовщика!? — Эмир не знал, что домашние слова для базара /73б/ не подходят и то, что приходит в голову, обычно бывает далеко от [87] осуществления. Вкратце говоря, дело обстояло так: Хаджи Ма'сум, услышав в Карши известие об убийстве Хаит дадхи, больше не двинулся вперед.

О ВЫСТУПЛЕНИИ СПРАВЕДЛИВОГО И ПРАВОВЕРНОГО ГОСУДАРЯ ПОХОДОМ НА БАЛХ С ЦЕЛЬЮ МЕСТИ ЗЛОПОЛУЧНЫМ ВРАГАМ И О ВОЗВРАЩЕНИИ ЕГО ИЗ КАРШИ ВСЛЕДСТВИЕ СОПРОТИВЛЕНИЯ ШИР-АЛИ И ВОЗМУЩЕНИЯ ПЛЕМЕНИ ПРАВОЙ И ЛЕВОЙ СТОРОНЫ, НАЗЫВАЕМЫХ ПРОЗВИЩЕМ КАФСИН

Об этом происшествии так сообщается. Миродержавный государь, зная, что непокорность Махмуда и его бунт являются результатом враждебного отношения правителя Балха, Мукима Мухаммеда султана, племянника [его величества] к его августейшей особе, сказал: “вражда между двумя монархами и двумя государями является причиною неустойчивости государства и поводом к появлению [разных] бунтовщиков и бандитов. Поэтому самым правильным будет, если мы прежде всего выступим для наказания балхского правителя, чтобы тем самым были уничтожены свои собственные мятежники”. [Ко всему этому следует /74a/ добавить] и другое; несмотря на отправление в Термезскую область Хаит дадхи и Ма'сума диванбеги, все же благословенная мысль [его величества] не могла успокоиться оттого, что царственная энергия и отвага получила [хорошую] закуску в августейшем существе высокого достоинства и потому последовало повеление победоносным войскам погасить этот огонь [бунта]. И в пятничный день месяца сафара 1118-го г. [132](#), когда была весна и на мир обрушилось двенадцать атак

войска весны и армия зелени и трав пришла в движение, приказано было [поднять] светозарный штандарт и выступить походом по направлению Несефа, на который претендовал Балх. Счастливо и благополучно, вспомоществуемый всемогущим, государь вложил свою благословенную ногу в счастливые стремя и отъехал из города Бухары до [урочища] Хаджаи мубарак на одну станцию. Здесь государевыми слугами было доложено об убийстве Хаит дадхи, отчего августейшее раздражение увеличилось. /746/ Утром величественное солнце, иначе кровавый Марс, высоко подняло штандарт притеснения; мирозавоевательная царственная милость, возникнув из места восхода небесной помощи, бросила врагам луч мести. [88]

Стихи:

[Он] — Александр по твердому намерению, по идее — Дарий,
Феридун — по великолепию,
Джемшид — по отдаче повелений,
Хызр — по божественному внушению,
Моисей — по [чудодейственной] длани.
Мухаммед — по природным свойствам,
Иисус — по животворному дыханию,
Его ладонь от его прещедрой руки — длань Моисея, сына Имрана;
Дыхание его горла — дыханье Иисуса, сына Марии.

В течение двух дней государь доехал до области Несефа. Ма'сум хаджи, в голову которого проникла незрелость мысли, получил высочайшую аудиенцию и принес свои извинения.

О ПРИБЫТИИ ИЗ САМАРКАНДСКОГО ВИЛАЕТА В ВЫСОЧАЙШУЮ, НЕБОПОДОБНУЮ СТАВКУ МУХАММЕД РАХИМ БИИ АТАЛЫКА, ИЗ ПЛЕМЕНИ ЮЗ, ВСЛЕДСТВИЕ ВЫСОКОМИЛОСТИВОГО [ХАНСКОГО] ПИСЬМА И О ПРИЕЗДЕ [ТУДА ЖЕ], В НЕСЕФ, ПОСЛЕ ПОРАЖЕНИЯ ПОД ТЕРМЕЗОМ, БАКИ ТОКСАБЫ, [ИЗ ПЛЕМЕНИ] АЛЧИН, ХОДЖАКУЛИ МИРАХУРА, [ИЗ ПЛЕМЕНИ] КАТАГАН, И ЭВЕЗ ИШИКАКАБАШИ, [ИЗ ПЛЕМЕНИ] КЕРАИТ И ВЫРАЖЕНИЕ ИМИ СТЫДА ЗА СВОИ ДЕЙСТВИЯ И ПОСТУПКИ

/75a/ Когда его величества, государь, проявил намерение отомстить врагу государства, Махмуд бию], он послал собственноручное письмо Мухаммед Рахим бию, который после поражения в Гисаре прибыл в Самарканд. Упомянутый змир по получении сего милостивого письма [выехал из Самарканда] через Шур-Базар и, прибыв в высочайшую ставку [в Несефе], удостоился получить специальную аудиенцию у его величества. В тот же день удостоились облобызать августейшие стопы разбитые [под Термезом] эмиры с выражением своего крайнего стыда, с потерянной репутацией, с бесславием и несмываемым позором в глазах войска и обывателей. Его величество зорко посмотрел на них, покачал головой и ничего не сказал. Население г. Карши, видя этих эмиров, говорило: “вот они, что опоясаны драгоценными шашками и одеты в дорогие парчевые ткани, считали для себя унижением выступить против Рустема, сына Дастана, и неуязвимого Асфендиара, [сына Кештаспа], а теперь что получилось? Бежали, как козлята от волка!”

/75b/ Говорят, что Мухаммед Рахим бий, явившись к государю мира для облобызания руки его величества, доложил ему о неудачном походе на Гисар и о превратностях криводушной судьбы. Государь, пролив каплю [89] своих солнцеподобных милостей на положение сего добронравного эмира, удостоил его своим безграничным вниманием; ему было пожаловано особо почетное платье и драгоценный пояс. Устроивши

пир, [его величество] повел [на нем] речь о поражении врага. В это самое время до высочайшего слуха дошло, что проклятый Махмуд, считая для себя великим успехом убийство Хаит дадхи, переправил через Аму-Дарью захваченных с собою кунгратов, ушедших от Шир Алиа и расположившихся было станом на урочище Кара-Хавал, и пошел к Балху, что Шир Али, этот зачинщик бунта, укрылся в устроенной им самим крепости Ширабад, укрепил ее вход, стены и башни и заносит ногу к подолу независимости. При известии об этом государь спросил совета у /76a/ Рахим бий аталыка, [как поступить в этом случае?]. Рахим бий доложил: “у государя высшей целью является поход на Балх; поражение врага в этом походе, — бог даст, — осуществится. В настоящее время, когда Махмуд очистил крепость Термез и ушел в Балх, все желания, связанные с движением на Балх, осуществляются. Однако в первый раз, когда прещедрый государь вознамерился отправиться походом на Балх, этому воспрепятствовало восстание племен правой и левой стороны, и поход пришлось отложить. Теперь же, когда сосредоточие вселенной изволило прибыть в этот вилает, главам того племени и потомкам Рустема нужно собраться у августейшего стремени, потому что как бы те злосчастные племена, на челе которых перо судьбы окончательно начертало несчастье и оставление на произвол и кои забыли права его величества, халифа времени, на эти культурные земли и на охранение /76б/ подданных, как бы они не принялись проявлять неблагодарность за его благодеяния. Второе то, что заблудший Шир Али, который бьет в барабан бунта, таким образом настроил этот необычайно упорный народ, т е. [племена] правой и левой стороны, что наш поход на Балх представляется сомнительным. Как мы можем пуститься в дальний путь, раз остается дома внутренний враг?

Вот когда мы очистим от колючки и валежника дерзких мятежников сады Шахрисябза и Термеза, то Балх от нас не уйдет! В данный же момент правитель балхской области Муким Мухаммед султан и сбившийся с пути Махмуд [бий аталык], кои вытащили головы из ярма повиновения [вашему величеству], сильны мятежною силою тех мерзких [племен] правой и левой стороны”.

Когда Мухаммед Рахим бий закончил эту речь, то все эмиры и сановники августейшей штаб-квартиры, одоббив ее, воскликнули: “браво!” [90]

О ПОСЫЛКЕ ХУДАЯР БИЙ МАНГЫТА С ОДОБРЕНИЯ МУХАММЕД РАХИМ БИЙ АТАЛЫКА К ПЛЕМЕНАМ ПРАВОЙ И ЛЕВОЙ СТОРОНЫ И О ВОЗВЕДЕНИИ В ЗВАНИЕ ПАРВНАЧИ ХУДАЯР БИЯ

Благочестивый и правосудный государь признавал Мухаммед /77a/ Рахим бия своим доброжелателем и достойным доверия человеком и, доверяясь ему, приказал Худаяр бию отправиться в среду дурно существующих племен правой и левой стороны, направить этот очень упрямый народ ласковыми советами на истинный путь и привести великих людей и глав племен в августейшую ставку. Худаяр бий мангыт, раскрывши свои уста для произнесения похвал государю, сказал:

Стихи:

Да сожжет врагов твой блестящий меч;
Да будет победоносен блеск твоего копья;
Да будет так, чтобы звезды были твоими рабынями,
Все, касающееся мира, было бы связано с твоим именем!
Да будет перстень судьбы с твоим именем [и]
Все дела государства да будут [соответствовать] твоему желанию”.

После принесения [такой] похвалы Худаяр бий доложил следующее: “Все, что опора эмиров, [Мухаммед Рахим бий], представил в августейшем присутствии к священнейшему докладу, по существу правильно. [Племена] правой и левой стороны утрачены бдительностью и атаками государевыми и не имеют возможности прибыть к [августейшему] порогу, отмеченному предзнаменованиями расправы с ними.

/776/ Стихи:

Небо обращается не иначе, как по твоему желанию,
У горы нет возможности мстить тебе.
Что мне делать, когда я окажусь в безвыходном положении?
От тебя я у тебя же нахожу защиту!

Убежище рода человеческого пусть изложит в письменной форме определенные тем племенам указания о необходимости для них заявить о своем подчинении и покорности государю, покорителю стран, и даст эти указания мне, [причем], если эти директивы будут к тому же [91] излучать аромат царственных милостей к тому народу, то я посягаю на то, что доставлю тех людей, тем или иным способом, к невидному чертогу [его величества] и всюду, где бы ни была какая-либо служба для сих рабов, они будут готовы ее выполнить. Твердо решившись на это, они самоотверженно выполнят все то, на что последует августейшее повеление”.

По окончании этих слов Худаяр бий парваначи попросил разрешения отправиться [для выполнения возложенного на него поручения]. Облекши его в халат, свойственный лицу, выполняющему обязанности парваначия, государь удостоил его пожалованием специального почетного платья и драгоценного пояса и затем отпустил. Пятьдесят халатов для сыновей Рустема, тамошних глав племен и начальников /78а/ артиллерии, были посланы с Мухаммед Салах есаулом, назначенным сопровождать [Худаяр бия] парваначия. Когда последний доехал до очаровательного города Кеша, т. е. Шахрисябза, то остановился в своем владении на урочище Черагчи, лежащем в половине фарсанга от крепости Шахрисябза. Весть о приезде [Худаяр бия] парваначия [скоро] распространилась по окрестным районам. К нему явились с подарками и подношениями дети Рустема Ибрагим мирахура, Тагма, Султан, Абдуссамад, Ходжимберды кенегес, Тангриберды джабут, Дост-Кара, Касим бахадур, Ир Назар и прочие из глав [узбекских] племен; они выразили живейшее удовольствие по поводу миссии [Худаяр бия] парваначи. и принесли ему поздравления. После сего парваначи надел на каждого из них халат [государева] прощения и обнадежил их тем, что им будут оказаны царственные милости и благоволения. [Начальники племен] правой и левой сторон, одевши халаты, принесли выражения [благодарности] и почтения его величеству и в нескольких местах прекло/78б/ нили колени. По чувству повиновения и покорности каждый смиренно выразил благодарность сосредоточию вселенной. Мухаммед Салах, что был прислан от высочайшего двора, [передал начальникам племен приглашение прибыть к государю]; они заявили: “мы все — рабы высочайшего чертога, но идти к нему нас страшит наша участь, которая может быть гибельна. Мы — люди робкие и боимся гнева и неудовольствия государева и думаем избежать того, как бы не попала искра в гумно нашего спокойствия из пламени миродержавной ярости и не превратила нас в небытие. В данное же время, когда мир парваначи, наш наибольший и старшина доставил [нам] от высочайшего двора благую весть [92] о прощении наших провинностей, мы стали вне себя от радости. Мы — рабы, изъявляем полное повиновение его величеству и всюду, где прикажет он служить нам, мы там готовы будем сложить свои головы”. Мухаммед Салах махрам — есаул нашел, что настроение этого народа теперь гораздо лучше, чем было в первый раз, поэтому он тоже /79а/ дал понюхать этим людям запах государевых милостей. И когда их

взаимные переговоры окончились, они удовлетворили Мир Салаха, как посла. Прибыв в августейшую ставку, он доложил государю о всем виденном и слышанном.

ОБ ОТПРАВЛЕНИИ ГОСУДАРЕМ МИРА УЗИ ТИМУР БИЯ КАТАГАНА С ОТРЯДОМ ХРАБРЕЦОВ ОБЛАСТИ НА ВОИНУ ПРОТИВ ШИР АЛИЯ, О НЕВЫСТУПЛЕНИИ В ПОХОД ЭТОГО НЕВЕРУЮЩЕГО И ОБ ОБРАТНОМ ВОЗВРАЩЕНИИ ЕГО ИЗ МЕСТНОСТИ ТЕНГ-ДЖЕРМ

Когда выяснилось из доклада Мухаммед Салаха есаула настроение племен правой и левой стороны, Мухаммед Рахим бий юз доложил государю, что теперь надо прежде всего наказать Шир Алия, который давно является у нас бельмом на глазу. И затем, после очищения цветника Термезской области от колючек мятежа этого бунтовщика, можно будет выступить с войском в область Балха. Справедливый государь нашел мысль эмира заслуживающей внимания, послушался его совета и, не настаивая больше на прибытии к высочайшему двору [глав /796/ племен] правой и левой стороны, приказал этим племенам выступить против бездельника Шир Алия. — “А мы сделаем распоряжение выступить отсюда против него Узи Тимур бию”, [добавил государь], Словом, когда Узи Тимур бий катаган, назначенный правителем Несефа, с отрядом славного войска получил приказ выступать против Шир Алия, он был удостоен пожалования богатым златотканым платьем, вышитым серебром. Когда Узи Тимур бий и молодые воины были отличены вниманием государя, то, прочитавши напутственную молитву, выступили к указанной им цели. Государь оказал свое благожелательное отношение Ни'матулле токсабе, Мухаммед Яру ишикакабаши и Ашуру кунграту, назначенному комендантом крепости Дерф, послав им милостивые письма и дорогие халаты. Письма были такого содержания: ради счастья и преуспевания [государства] мы положили себе [за /80a/ благо] отправиться походом на Балх. [Но] так как негодный Шир Али [93] поднял знамя бунта и возмущения в области Термеза, то сначала следует устранить этого злополучного каверзника, а после того осуществится и то, что составляет предмет наших желаний. В данное время мы отдали приказ из [нашей] высочайшей ставки Узи Тимур бию катагану, чтобы он выступил в поход против Шир Алия с отрядом славных борцов. И вы, [наши] доброхоты, имея в виду условия [вашего] самоотверженного служения [нам], отправляйтесь на крепость Ширабад, приведите [эту крепость] в осажденное положение и постарайтесь поразить того сеятеля смуты, не проявляя [в этом ни малейшего] нерадения и упущения”.

Когда эти три эмира ознакомились с содержанием подобных писем, они в конном строю выступили подмогую против крепости Шир Алия. Ашур кунграт [сверх того] подкрепил просьбу государя помощью своего племени и улуса.

По прибытии в район крепости Шир Алия эмиры разбили шатры и палатки и открыли военные действия против Шир Алия; насыпали со /80b/ всех сторон крепости высокий вал и начали бомбардировать крепость орудийным огнем и стрелами. Шир Али тоже возбудил к сопротивлению своих кочевников и горожан ¹³³, [вследствие чего] огонь войны и убийства запыхал с обеих сторон и головы убитых катились, как шары на площади при игре в поло. Победоносное войско по ночам, в целях предосторожности, как бы неприятель хитростью и коварством не разрушил устроенные против крепости насыпи, — выставляло дозоры из сознательных молодых воинов, не способных устопать.

Вследствие этого получилось то, что султан сна связал постели из покровов глаз стражей за [Названной] насыпью и часовые [поэтому] были бодрствующими и бдительными и ни на секунду не успокаивались. Хызр чухраакабаши туркмен, который был в числе упомянутого дозора за целостью насыпи, по божественному предопределению был убит вражеским ружейным выстрелом, а вслед за ним погибло и

еще несколько человек. Когда победоносное войско увидело подобную смелость и /81a/ отвагу врагов, то вступило с ними в бой [всеми теми военными] орудиями и средствами, [какими оно располагало]. Так как крепость Шир Алиа была расположена на верху горы, так что была в тесной дружбе с небом и в единогласии с ангелом, то овладение ею для [94] победоносного [бухарского] войска казалось очень трудным делом. Хорошие молодые бойцы, вступив на арену убийств, стали ожидать прихода войск [из племен] правой стороны и отрядов Узи Тимур бия катагана, который был послан от высочайшего двора сюда на подмогу. Но так как никаких признаков появления этого племени не было, то, естественно, что бухарцы лишь по мере сил старались не делать в войне упущения, [т. е. стали действовать пассивно]. Узи Тимур бий и другие эмиры, которые отправились в поход из государевой ставки, дошедши до урочища Тенг-Джерм, стали ждать там вестей о движении племен правой стороны. Однако эти племена хотя и кивали своими безмозглыми головами, выражая свое доброжелательное отношение к государю, на деле же старались быть в конном строю лености и нерадивости. Худаяр бий парваначи, который неотступно уговаривал их выступить, ничего не слышал в ответ иного, кроме “да, да! как же!”. Дело в том, что между /81b/ Махмуд бий аталыком, [племенами] правой и левой стороны и Шир Алием существовал прочный союз. Отважный государь понял, что никто из этих невегласов-эмиров не выступал от чистого сердца с целью сокрушения Шир Алиа. Тем временем неблагоприятное состояние воздуха [в Карши] дошло до такой степени, что государь и войска стали сильно страдать от зноя и духоты, тучи москитов повисли над Карши в таком количестве, что от множества их крайне трудно было есть [и пить]. Солдаты считали укусы москитов столь же мучительными, как раны, наносимые копьем; и действительно, страдания, причинявшиеся этими ничтожными насекомыми, были не меньше, чем от укусов скорпиона. На Муллу Вефа, библиотекаря, эти ужасные укусы москитов, поразившие его глаза, так подействовали, что он ослеп. Не напрасно говорят [в пословице], что “злосчастного собака и на верблюде кусает ¹³⁴”.

Короче говоря, месяц май, являющийся началом лета, настолько /82a/ проявил себя зноем, что государь мира понял, что прохлада для военного похода и жаркая погода вещи несовместимые. И, признав за благо оберегать интересы войска и радеть об их положении, отдал приказ о возвращении в столицу, т. е. в прекрасную Бухару. Отложив поход на Балх до другого времени, государь в два перехода достиг Бухары и провел там лето в удовольствиях. [95]

ОБ УПРАВЛЕНИИ ГОСУДАРСТВОМ И О НАДЛЕЖАЩЕМ ПОВЕДЕНИИ ЦАРЕЙ ИЗЛОЖЕНО В ВИДЕ УПОДОБЛЕНИЯ

Проявление таланта и совершенства. Мавляна Джелал, в [своей книге] “Джелалева этика” ¹³⁵ рассказывает, что достижение царственного правления зависит от великих божественных милостей, которые из сокровищницы безграничных благодеяний [господа] достаиваются получить некоторые благороднейшие представители рода человеческого. И этой степени достигает тот, кого святейший владыка господства из среды своих рабов утвердит на престоле халифского достоинства, бросит на него луч света величия и сделает зависимыми от его взглядов и распоряжений права всех людей, дабы они все, в зависимости от /82b/ своих нужд, обращались к его небовидному чертогу, как к своего рода кыбле. В хадисе говорится, что государь есть тень аллаха на земле, потому что каждый угнетаемый находит у него убежище от постигающего его несчастья, благодарность же [творцу] за это великое благодеяние [со стороны царя] заключается в его попечении о водворении справедливости среди всех своих подданных, как это говорится в благостном стихе [Корана]: *поистине мы сделали тебя наместником [своим] на земле и потому суди людей справедливо ¹³⁶.

После сего [маленького] вступления рисуется следующее. Управление государством бывает двух родов: одно доброго порядка, которое именуют имаматом и которое состоит в соблюдении интересов подданных в отношении их жизненных средств и начал морального порядка. Лабы каждый достиг того совершенства, на которое он способен; это управление есть в подлинном смысле управление наместника аллаха и тени аллаха [на земле]: при совершенствовании [сего] управления и при руководительстве владыки шариата, [т. е. Мухаммеда], несомненно, во всякой стране до всего народа в целом дойдут памятники благоденствия и блистания огней такого [справедливого управления]. Оно является для государства царствующего монарха Соломона по /83a/ занимаемому им месту, как солнце, освещающее вселенную. Великие имамы, получившие [свыше] дар откровения и постижения истины, учитывая появление благих вестей в настоящее счастливое время, которое есть истинное утро *того дня, когда тайны будут явны ¹³⁷, выразились так, [96] что в непродолжительном времени наиболее совершенным образом проявится у государя и его подданных блеск и счастье, что народ в сени безопасности успокоится от тревожений и что волк и овца будут пить вместе у водооя, а сокол и куропатка будут спать в одном гнезде. Аллах всевышний, распростерши на восток и запад мира солнце его правосудия, лучи которого несут милости, да подаст [государю] успешное, со дня на день увеличивающееся, восхождение по лестнице [его бытия]! Второй род [управления царей], далекий от совершенства, избилующий недостатками, который называют узурпацией. В намерение властей при таком управлении входит [всемерное] понуждение рабов аллаха, [т. е. подданных], к службе. Но у таких властителей не бывает прочного существования, и они через короткое время подвергаются /83б/ невзгодам этого презренного мира и вечным мучениям [в том мире], потому что царь-тиран подобен высокому зданию, построенному из снега: когда его основание растает под лучами солнца божественного правосудия, то оно рухнет. Все до мельчайших подробностей знающие великие люди признают, что из собираемых по мелочам старухой-нищей подаваний нельзя создать сокровища Кей-Хосрова, [как] нельзя из ножки саранчи, отнятой у слабого муравья, приготовить стол, достойный Соломона. Стремление насильственным путем воспользоваться достоянием несчастных угнетаемых в конечном итоге ничего не дает кроме страны, где вечно слышатся стоны и плач. Когда пьют чашу, наполненную кровью сердца несчастных [подданных], то от возникающего при этом веселья ничего не бывает, кроме плача кровавыми слезами. От опьянения этим, кроме похмелья мучений и возмездия, ничто другое не приходит на смену. Из отнятой у бедной женщины рубашки нельзя сделать кальчугу, которую носил Давид; из старого одеяла, что отобрано у нуждающегося [в нем], нельзя устроить царского седалища; щит, что /84a/ делают за счет имущества несмысленных сирот, не прикроет [тирана] от стрелы судьбы; кираса, которую ткнут на средства голых нищих, не защитит [ее владельца] от копья несчастья. Только тот счастливец найдет пощаду от стрел превратной судьбы, который оказывает покровительство благочестивым, чистосердечным беднякам; и корона государства и царственного достоинства только на голове такого человека упрочивается, который просит помощи обездоленным несчастным у [97] дарующего венцы [царя царей]; престол халифского достоинства утверждается за тем государем, который обогащает своими милостями сердце нищего.

Стихи:

Перед дверью кабачка беспутных гуляк толпятся [дервиши],
Которые торгуют коронами царей.
Под головами у них кирпич, а над головою — семь планет;
Десница всемогущего не даровала им высокого [в мире] положения.

[И тем не менее эти] юродствующие, ради вечного блаженства всюду ходящие люди, привязывают перед дверьми царской конюшни серебристую лошадь утра и

вороного коня ночи, чтобы было обеспечено царю быстрое выступление для оказания милостей и успокоения всем /846/ слабым и беспомощным. Они способствуют тому, что взамен быстрого скакуна и резвого, облетающего мир, коня-солнца и светлого, как серебро, месяца доставляют в ярмо его обладания господство над миром, дабы на равнине правосудия и сострадания были бы высокочластные государи, выигрывающие первый приз в игре касаб-ас-сабк ¹³⁸. Подражатель доблестям прошедших государей, очевидец со дня на день увеличивающегося государства его царского величества, есть божественная тень, свидетель правосудия, [царствующий монарх].

По сути сего требования и в подтверждение подобной претензии [быть идеальным государем], если кто-либо откроет очи доверия [к подданным], сотрет с зеркала своей пронизательности налет небрежения [к ним] и будет в своем управлении придерживаться принципов справедливости, то он признает подданных за [своих] детей и друзей и подавит [в себе] страсть к стяжанию силою разума.

Государь же, отличающийся несовершенством своего управления, проявляет в нем принципы тирании и рассматривает своих подданных, как рабов, даже более того, считает их за скотов, сам же является рабом жадности и низменных страстей. Сообразно арабскому /85a/ изречению: люди следуют вере своих государей, народы в жизни следуют за своими царями. И когда поводыя времени попадут в руки справедливого монарха, то все обратятся к правосудию добродетели. Если же будет наоборот [т. е. если царь будет несправедливый], то и народ [98] склонится ко лжи и жадности и будет ходить во всяческих неправдах. А отсюда получается то, что вполне соответствует хадису пророка: если государь будет справедлив, то он является участником великого добра, которое проистечет от его подданных, а если он — тиран, то он является соучастником во всякой мерзости, которую творят его подданные. Мудрецы говорят, что царю нужно иметь в себе три свойства: первое — нравственное величие, которым исправляются нравы подданных; второе — правильность суждений, ибо оно способствует совершенству природы и умножению опыта, и третье — силу [перенесения] несчастий, так как вследствие этого получается справедливый образ действий и сила стойкости. Такого государя называют “величайшим из монархов” и “верным и честным другом людей”. В этом основа или корень приобретения всех благ и добродетелей.

Хвала и милость аллаху! Его величество, справедливый государь, /856/ т.е. сейид Убайдулла Мухаммед бахадур хан, которого подымлет божественное могущество и который воздвигает опору милосердного, своею справедливостью и водворением безопасности насадил в Мавераннахре такое процветание культуры и такое спокойствие, что барашек питается молоком из сосцов тигрицы, а волк и овца мирно лежат вместе. О боже! содейлай блестящим и беззакатным солнце его со дня на день увеличивающегося государства ради его подданных и [всех] бедняков!

Стихи:

О, боже, пока вселенная [стоит во всей] свежести,
Судьба же мешкает проявить в мире [разрушение],
Содейлай государя наслаждающимся счастьем своего положения,
И да не будет вакантен трон от его на нем присутствия!
Бесконечные похвалы миру
За то, что у него имеется такой владыка мира!

**О ВЗЯТИИ СЧАСТЛИВЫМ, ВСПОМОЩЕСТВУЕМЫМ [БОГОМ] ГОСУДАРЕМ
КРЕПОСТИ БАЛХА, — ДА СОХРАНИТ ЕЕ АЛЛАХ ОТ НЕСЧАСТЬЯ И БЕД! — В
МЕСЯЦЕ ЗИЛХИДЖЖЭ 1118 СООТВЕТСТВУЮЩЕГО ГОДУ МЫШИ ¹³⁹**

/86a/ За истекшее время [многие] прежние государи имели [сильное] желание овладеть Балхом и потратили на это много средств и издержали [целые] богатства мира для осуществления подобного желания, но совершенно не достигли своей цели. Хвала аллаху и благодарение, что **[99]** ныне достославное покорение Балха осуществилось в теперешнее правление величественного, как небесное солнце, государя, достоинством и счастьем подобного Джемшиду, монарха, владеющего Ираном и Тураном, венценосного повелителя Рума и Хорасана, осуществившего это предприятие согласно святому стиху Корана: *подлинно, мы помогли тебе покорить верным покорением ¹⁴⁰.

Суть дела заключалась в следующем. Когда Муким Мухаммед Султан сын Искендер султана, сын Субхан-кули хана был назначен управлять Балхскою областью, он по своему скудоумию проявил непокорность, в смысле неповиновения миродержавному государю. Проклятый Махмуд [бий аталык], чья мерзкая внешность и гнусный вид стал для всех “притчей во языцех”, по злобе души пожелал **/86б/** увековечить на страницах истории свое бесчестье и до дня страшного суда стать мишенью для стрел проклятья всех людей. Что касается [правителя Балха, Муким] султана, который был любителем плотских удовольствий, то, считая себя свободным от того [завета], что чувственные наслаждения в течение часа влекут за собою длительные страдания ¹⁴¹, он посягал на тюркских и таджикских мальчиков и девиц, как ближних, так и дальних районов в такой мере, что для него ничто уже больше не имело в этом смысле преград; он [совершенно] уклонился от [забот] о казне, государстве и войске. Махмуд [бий аталык] счел [достаточным] предлогом подобные неподобающие поступки правителя для оказания ему противодействия. Под предлогом, что ржавчина огорчения появилась на блестящем сердце султана по его, Махмуда, вине, то она должна быть очищена полировкой верности и преданности [Муким султану].

Стихи:

О ты, с кем союз есть союз друзей [лишь] при начале пути через [опасный] мост!
Из любви к тебе родилась злоба, а из уважения к тебе [возникло] презрение!
Полна блеска пустая, как у барабана, середина [твоя],
О, воскресный день, ты подобен однодневной свече, **/87a/** подобен [скоро преходящей] розе.

[Махмуд бий], основываясь на вышесказанном, послал к [Муким] **[100]** султану беспутного и неблагодарного Мурад бия. И этот, наделенный дьявольскими качествами, человек по сатанинскому наваждению отправил в дорогу злополучного [Муким] султана и доставил его к порталу медресе, построенного покойным Субхан-Кули ханом, которое было предопределенным местом [смерти Муким] султана.

Стихи:

Для всякого, кому [черный] ворон послужит проводником,
[Ближайшей] станцией будет долина несчастья,

что видно из смысла выражения: и вот был ворон, который руководил путем гибели.

Мать [Муким] султана, опьяневшая от чаши крайнего невежества, потому что у нее не доставало ума, [совершенно] не обращала внимания на тиранические поступки сына и не препятствовала ему [проявлять свои порочные наклонности]. Теперь, когда у этого скорпиона хвост стал существом несчастья и разврата, смысл хадиса: женщины обладают недостатком разума и веры и подчинение им порождает раскаяние, как нельзя более подходил к ее положению. И когда чаша жизни [Муким] султана переполнилась, когда

наслаждение жизнью пришло у /876/ него к концу и настало время проститься с молодостью, эмиры Балха все же не протянули ему руку помощи и сделали вид, что ничего не заметили. И теперь, когда эти бесчестные люди, эта своенравная банда не имела в себе мужества [поддержать своего правителя, Муким] султану оставалось лишь декламировать следующие стихи, соответствующие его положению:

Стихи:

Прожил я в этом мире некоторое время;
Много было у меня корон, престолов и наперстников.
Когда же опрокинулся мой трон, дело мое рушилось;
В это время я окончил свой жизненный путь.
У судьбы таковы обычаи и правила,
Чтобы в любовь примешивать злобу.
И когда этот древний [творец] устроил изогнутый свод неба
Много вспоминается подобных случаев [вероломства рока]:
Он, подобно ученику мастера-ремесленника, — плут:
Он ничего не дарит без того, чтобы не отобрать его обратно.
Сказавши эти слова, чистый душою государь
В тот же миг отправился в путь небытия.

Бесстыдный Махмуд, запачкавши свои нечистые руки чистой кровью мученика [Муким султана], пресек безжалостным мечем нить [101] /88a/ его жизни и вывалял в обгащенной кровью земле его благословенное тело.

Стихи:

Кто видел, чтобы шип выиграл первенство у розы?
Кто видел, чтобы стебель соломы сверкал солнцем?

В конечном итоге, жизнь — предатель и игрушка изменчивой судьбы и ничего иного в ней не бывает, как каждую ночь окрашивать вечернюю зорю кровью невинных и наполнять вздохами ищущих правосудия каждое утро [занимающегося дня].

Двустиишие:

И день, и ночь претендуют на то,
Чтобы разрушительные действия осени коснулись весны.

Для населения Балхской области настали такие горькие времена, что у небожителей [от жалости к нему] сгорело сердце. Старые и молодые с истерзанными сердцами, с глазами, проливающими слезы, посылали к небесам из печи своей груди пламя [горести]. Когда до высочайшего слуха [Убайдуллы хана], правосудного миродержца, дошло известие об этом поразительном случае и таком страшном событии, [как убийство балхского правителя Муким хана], то под влиянием братских чувств и личной привязанности государь пришел в волнение и беспокойство; пламя его мужественного гнева разгорелось в большой костер и фонтан его ярости начал [сильно] кипеть; воспламененный, он приказал /88b/ собираться к нему эмирам и министрам ¹⁴².

О ВЫСТУПЛЕНИИ ГОСУДАРЯ МИРА ПОХОДОМ НА ОБЛАСТЬ БАЛХА С ЦЕЛЬЮ МЕСТИ ПРОКЛЯТОМУ, ЗЛОСЧАСТНОМУ МАХМУДУ ЗА ПРОЛИТУЮ КРОВЬ СОБРАТА ¹⁴³

Позвав на собрание во дворец военачальников и именитых людей свиты, государь-завоеватель мира рассказал им ужасный случай с его [царственным] братом и сказал:

“если я с вашей помощью, мои доброжелатели, опростал свою грудь от злобы против моего несчастного мученика-брата, Мухаммед Муким султана, то теперь, в отмщение за него, сокрушивши до основания этого неблагодарного и **[102]** проклятого Махмуда, я очищу от колючек и валежника мятежа этого наглого бунтовщика розовый цветник области “Купола ислама”, Балха. Непременно то, что я примусь за это как следует, соблюдая ваши права. И в воздаяние за вашу самоотверженность каждого из вас я высоко вознесу и осчастливлю [своими милостями]. Мудрый человек, приступая к исполнению [своего] желания, первым делом встает с */89a/* постели покоя”. Когда эмиры и военачальники услышали эти слова от неустрашимого государя, они все сразу поклонились ему в землю и сказали: “для осуществления желания государя мы не пощадим своей жизни и клянемся милостью божественной премудрости, что мечами и копьями разделаемся с этим вероломным врагом! Благоуханная мысль государя мира больше не будет волноваться, потому что у нас, рабов, лишь одна жизнь, да и что было бы, если бы мы даже располагали тысячью жизней? Мы все их бросили бы под копыта царского скакуна!”. — Когда государь услышал от эмиров и представителей войска эти выражения готовности умереть за него, он осчастливил всех их увеличением им икта¹ и жалования ¹⁴⁴ и каждого обнадежил своими милостями и дарами.

/89b/ В месяце зилхиджжэ 1118 (6 марта — 3 апреля 1707 г.), когда царь Востока [солнца] вышел из зимнего помещения, разбил свой новогодний шатер в зените чертога величия, уничтожил армию холода и месяц Фервердин ¹⁴⁵ потерпел поражение; [когда] установилось равновесие погоды и соловьи залетали в ветвях деревьев, [когда] до ушей старого и молодого дошла весть, что:

Стихи:

Снова стал плодоносить сад,
Снова новогодний ветер принес радостное известие о весне, —

когда ферраш-зефир расстелил разноцветные ковры по земле и добрый вестник послал ветры и то радостное известие: *мы гоним ее [тучу] на омертвевшую землю и затем оживляем последнюю ¹⁴⁶, сообщили заинтересованному населению: **[103]**

Стихи:

[Когда] султан мира в плане дней
Разбил шатер на престоле Марса;
Поднял штандарт из тюльпанов над степью
[И] мир наполнился войсками зелени;
[Когда] украшением царственного престола и венца
Бывает военная демонстрация, —

государь, пышностью подобный Феридуну и величием Кей-Хосрову, отдал приказ готовиться к походу на Балх. Приведа в движение свое победоносное знамя,

Стих:

В счастливый час, указанный [ему] в альманахе ¹⁴⁷,

/90a/ [государь] вложил ногу в счастливое стремя и севши на коня, касающегося неба, и охотясь [по дороге], остановился в двух переходах от области Несефа, который в подлинном смысле слова обладает свойством успокаивать душу, и там разбил свой счастливый лагерь. Когда настал праздник жертвоприношения, он его отпраздновал в этом месте. По окончании праздника государь вернулся к прежним своим речам и отдал

приказ о выступлении против Балха. Эмиры, не имевшие никакого искреннего желания идти на Балх, предложили [для этого собрать] войска из племен правой и левой сторон. Сколь не хотелось государю обращать внимание на слова дальновидных, любящих покой, эмиров, он [все же] выступил в Шахрисябз.

О ДВИЖЕНИИ ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА, СЧАСТЛИВОГО ГОСУДАРЯ, ПО НАПРАВЛЕНИЮ ГОРОДА КЕША И ОБ ОВЛАДЕНИИ ТАМОШНИМИ МНОГОЧИСЛЕННЫМИ ВОЙСКАМИ ЧЕРЕЗ ОКАЗАННЫЕ ИМ ПРИВЛЕКАТЕЛЬНЫЕ МИЛОСТИ И БЛАГОВОЛЕНИЯ

Когда государь, отмеченный счастьем кеянидов ¹⁴⁸, обладающий многочисленными, как звезды, войсками и солнцеподобной короной, /906/ захотел очистить небоподобную территорию Шахрисябза от грязи бунтовщиков и мятежников, привлеки к своему победному стремени то милостью, то насилием те многочисленные войска, которые там собрались, и затем уже принять твердое намерение достичь осуществления [104] поставленной им цели, — то на этом основании он задумал в счастливый час выступить в путь, обозревая горы и равнины. Поутру, когда царь звездного войска, намереваясь совершить прогулку по четвертому небу, поднял свои раззолоченные блестящие знамена и, взойдя на быстроходную сребровидную колесницу, предпринял меры к расселению скопищ мрака ночи, — осуществилось высочайшее намерение, и из высокой ставки государя, убежища веры, раздались громкие звуки барабана, возвещающего выступление в путь, голоса флейт потрясли землю и время, а победоносные войска навьючили огромных, как горы, проходящих пустыню верблюдов; быстрые, арабской породы, лошади были /91a/ оседланы украшенными золотом и серебром седлами. Вспомоществуемый [божественною] помощью государь вложил свою благословенную ногу в счастливое стремя, сел на коня сильный своим вечным государством и молодой своим непередаваемым счастьем и отправился в привлекательную область Кеша. И неторопливо подвигаясь вперед, он через два перехода вступил в крепость этого прелестного города и воссел на царственный трон под великолепным порталом Ак-Сарая ¹⁴⁹.

Главы и начальники народных масс, которые в это время дышали дерзостью и своеволием, стали появляться группами и, склонив шеи покорности, с сердцами, исполненными невыразимым страхом и ужасом, с дарами и приношениями и с лицами, красными от стыда, припали к охраняемому ангелами [высочайшему] порогу, который служит средоточием упований всех обладателей государства и сановников, и вознесли молитвы и хвалы высокопоставленному монарху.

Стихи:

Они почтительно, до земли, склонили свои головы
И открыли уста для похвал: “О, прещедрый, чистой веры монарх,
/91b/ Блестающий короною, престолом и перстнем!
С тех пор, как творец вселенной создал мир,
Подобный тебе государь не появлялся.
Чистый господь даровал тебе [в обладание] мир,
От блестящего солнца до темных глубин и пропастей
Ты в мире [один] бодрствующий счастливый государь. [105]
Увидев тебя, судьба признала [тебя] достойным престола,
И потому да будет вращающаяся вселенная
Вечно в подчинении счастливому государю!
Тело и жизнь паши на путях правой веры
Да будут жертвами копыт государева коня!
Мы, рабы, всецело своим телом и жизнью
Жертвуем ради пути венценосного государя!

После принесения похвал миродержавному государю главы этого народа все разом преклонили колени и принесли вместе с приветствиями уверения в покорности. И тот государь мира, милостиво снисходя к положению сего народа, перечеркнул чертою прощения список их преступлений, и тот народ успокоился от страха пред мечом безжалостной расправы. Даже несколько человек из начальников племен удостоились назначения правителями областей; так Тангриберды джабут ¹⁵⁰/92a/ сделался правителем Фарахина ¹⁵¹.

Стихи:

Обладатель мира, в счастье существующий долгие годы.
С помощью господ окончит их [в благоденствии]
Победа всегда будет сопутствовать ему,
А слава будет в свите его триумфального возвращения.
Во всякой стране он выступает радостный, веселый,
И трон, при восшествии на него государя, становится особо почтенным.
Планета Меркурий с неба возглашает ему хвалу.
А хатиб с небесной кафедры провозглашает за него молитву.

В то место, [т. е. в г. Шахрисябз], прибыл из Самарканда через Гунджашк-хане Мухаммед Рахим бий аталык юз и удостоился облобызать высочайший порог. Население тех районов, которое плачем плакало под властью людей своего правителя, Ибрагима мирахура, стало один за другим приносить свои жалобы к порогу убежища угнетенных, к подножью престола халифского достоинства и [все] просили оказать им справедливость. Государь, простирающий правосудие и охраняющий интересы угнетаемых, приказал, чтобы везде, где найдется жестокий тиран, — вырвали с корнем поросль его жизни. И диванбеги хакима, чьи волчьи качества были источником его тирании, в виде примера [другим] /92б/ повесили. [106]

Двустиишие:

Каждый, подобно судьбе, причиняющий обиды человеку,
Воспримет от судьбы возмездие себе.

Короче говоря, его величество, всемилостивейший государь, когда бросил луч своей милости на положение обитателей той области, то тем самым очистил цветник этой земли от колючки и валежника наглых бунтарей. Подобно солнцу, простерши руки для одарения золотом, он зернами своих милостей поймал в сети птицу сердца как знатных, так и простых людей. После сего он направил свой светлый штандарт по направлению крепости Гузар, где и разбил свой счастливый лагерь; остальному своему войску он доставил там [полное] удовольствие.

Стихи:

Когда взволновалось море [царских] милостей,
Армия испила чашу одарения.
Всем начальникам он даровал придворные халаты
И этими подарками он возвеселил сердца друзей.

**О СОВЕЩАНИИ ОТВАЖНОГО ГОСУДАРЯ С ВЕЛИКИМИ ЭМИРАМИ, О
ПОПЫТКЕ [ИХ] УДЕРЖАТЬ ГОСУДАРЯ ОТ ЭТОГО ПОХОДА [НА БАЛХ]
УБЕДИТЕЛЬНЫМИ ДОВОДАМИ И О ТОМ, КАК СЧАСТЛИВЫЙ И
ПРАВОВЕРНЫЙ! ГОСУДАРЬ НЕ ПОСЛУШАЛСЯ [ИХ] И ПРИШЕЛ В ЯРОСТЬ,
ПОДОБНО /93a/ СВИРЕПОМУ ЛЬВУ**

Так как мысль о [преlestной] невесте, Балхской области, ни днем, ни ночью не покидала [его величество] и потому, основываясь на коранском стихе: “советуйся с ними о делах” ¹⁵², он созвал эмиров на совещание по вопросу о походе на Балх, что [по мнению государя], было важнейшею целью, и объявил им об этом. Любившие покой эмиры доложили [государю], что он, повелитель мира, придавши Каршинской области запах [войсковых] палаток, приказал бы им, его рабам, [выступить туда]. И с божьею помощью отправившись, они авось отомстят врагу [царствующего] дома, [Махмуд бий аталыку]. Государь сказал; “[имейте в виду, что] я не вернусь, не достигнув поставленной себе цели и не осуществив своего намерения; я не проявляю в этом деле трусости. Ревнуя о владычестве над миром, я не могу допустить оставления [моего] наследственного владения в границах чужой территории, ибо это будет далеко от мужества и благородства. Итак, решено! Каждый, кому [107] охота отдыхать на ложе счастья, должен встать с своей покойной постели и сойти с пути оберегания себя от излишнего труда. Каждый, кто чувствует себя слабым противиться врагу, пусть остается в бездне /936/ унижения! Как я сам лично могу освободиться от преследующей меня мысли, когда она является первейшим предметом моего беспокойства, и могу ли я сделаться незамечающим этого?! Моя мысль — осуществить свою цель теперь же, а у вас мысль — как бы отложить все это.

Стихи:

Мысль аскета одна, а у безумно влюбленного — другая.
Как хорошо сказал тот красноречивый государь:
“Не царствуй с злым сердцем!”

Сущность заключалась в том, что сколько ни прилагали стараний эмиры, близкие ко двору лица и слуги [высочайшего] чертога отговорить искусными доводами главу государства от задуманного им предприятия, ничто не помогло. Так как царственные помышления, признавая помаду невесты государства пылью, поднимаемой в кровавой схватке, имели в виду лишь охранение чести [своего] высокого дома, то его величество не послушал слов дальновидных эмиров. Он поднял свое победное знамя, выступая в поход с целью освобождения Балха [от узурпатора Махмуд бий аталыка], и сказал [следующие стихи]:

Стихи:

“Так как мне помогает божественная помощь,
/94a/ То [моим] путеводителем является сопутствующее мне счастье,
Я захвачу [этого] злополучного, сбившегося с пути [злодея]!”

**О ПОСТУПЛЕНИИ ДОКЛАДА ОТ ТУГАИ МУРАДА КУНГРАТА, ИЗ КЕЛИФА.
ОБ УТВЕРЖДЕНИИ НА ПРЕСТОЛЕ СУЛТАНОВ ЗЛОГО МАХМУДА, О
ПРОБУЖДЕНИИ НЕОБЫЧАЙНОЙ ЭНЕРГИИ ГОСУДАРЯ, О РАСПОРЯЖЕНИИ
ВЕРУЮЩЕГО И ПРАВОСУДНОГО МОНАРХА БИТЬ В БАРАБАН
ВЫСТУПЛЕНИЕ НА БАЛХ И ПРИВЕДЕНИИ В ПОТряСЕНИЕ ЗЕМЛИ И
ВРЕМЕНИ ЗВУКАМИ БОЛЬШОГО ЦАРСКОГО БАРАБАНА, ФЛЕЙТ И ТРУБ**

В то время, когда государь мира приказал поднять августейший зонт, выступая походом на Балх, к высочайшему небовидному дворцу пришло известие от правителя Келифа, Тугай-Мурада удайчи, такого содержания: “проклятый и в конец непохвальный Махмуд, покончив с убийством Мухаммед Муким султана, нашел, что сладкий напиток злости очень приятен, и дьявольскою хитростью расположил к себе балхские племена катаган и курама. И [теперь] этот неблагодарный негодяй, [108] /946/ эта не признающая

[никаких] прав обезьяна, подобно придорожному шакалу, вспрыгнул на престол [владельческих] султанов и уселся там, дав волю своим презренным замыслам о ложных волнениях и о низком коварстве. Этот несчастный, не боящийся бога [человек], считая удобным осуществить такие замыслы, всячески унижает и порочит носителя халифского звания [Убайдуллу хана] и, показавши группе невегласов, т. е. населению Балха, свою надутость, укрепил свою мощь на ковре царствования.

Стихи:

Обманом низкой злобной души
Он преступно пропустил к себе гордыню.
Но как может захватить собака лисицу,
Когда по [близости] в чаше отдыхает лев?
Таково удивительное положение, тянувшееся долгие годы,
Каковое ни ухо эпохи не слышало, ни очи государства не видели.

Потерявшие мужество балхские эмиры, волей-неволей заломившие руки за пояс повиновения этому, не признающему никаких прав, человеку, как верблюды, безропотно ставшие на колени учтивости и /95a/ произнесшие молитву за этого грубого, неучтливового человека, — теперь услышали страшную весть, что безграничное море [царственной] отваги под влиянием неблагоприятного ветра пришло в волнение и забурлило волнами горячности, что до сего спокойно горевший огонь под набежавшим бурным ветром поднялся высоким пламенем гнева и страшно запылали его языки и тотчас же без замедления и отсрочки загредел царский барабан и загудела миродержавная труба, [возвещающая государев поход на мятежный Балх].

Стихи:

При звуке большого царского барабана поднялся вопль и крик,
Такой крик, что от него пришел в смущенье бес.
Звукам барабана внимал месяц,
И от пыли, поднимаемой войсками, солнце потеряло свой путь.

Итак, в пятницу 17 мухаррама тот славный государь, воссев на скакуна поспешности, повел вперед войска и робких эмиров. Совершая переход за переходом и наслаждаясь природою, он остановился в урочище Кылыш. Там к высочайшему престолу поступило прошение Адила [109] /95b/ аталыка, [из племени] минг, который был [правителем] в округе Шибирган; оно гласило следующее: Хошхал диванбеги — минг и я, раб, порешили на том, что если прещедрый монарх водрузит свой великий бунчук на берегу Аму-Дарьи и разобьет там свою счастливую ставку, то мы, рабы, забрав все узбекские племена районов: Чичекту, Меймене, Сарипуля, Гурзвана и Шибиргана, которые все готовы к войне, спешным порядком направим их к Балху и, вцепившись в гнусного Махмуда, поразим его мечом, [воскликая]: “нет могущества [и силы, кроме как у всевышнего великого аллаха!]”. На другой день государь в сопутствии многочисленного, как звезды, войска, сев на рахшеподобного коня, при звуках большого барабана, любуясь степями и горами,

Стихи:

Выступил в путь, совершая переход за переходом,
Счастливый и победоносный.
От пыли, поднимаемой его войсками, воздух стал темен как мускус,
И трудно было различить, были ли ночь или день утро или вечер.
Неизвестно, что было в мире, ночь или день.
Ты бы сказал, что нет ни неба, ни ярких созвездий Плеяд.

В тот день высочайшая ставка была устроена на урочище Тенг-Джерм. /96a/ Там явился к государю посланный от Бури бия с заявлением, что он, Бури бий, ожидает возможности отомстить за кровь своего отца и обязан, охраняя свою честь и достоинство, требовать мести тирану Махмуду за пролитую отцовскую кровь, так что если наследственный государь спешно погонит своего каракового скакуна и сделает своим военным лагерем крепость Келиф, то он, Бури бий, вышлет для отправления высочайшей службы своих детей и братьев с отрядом молодежи [под командованием] Уткучи бахадура, а сам, как хищный вояк, забравши роды и улусы кулябского [племени] катаган, направится к крепости Кундуз, предаст ее огню потока и разграбления и не оставит ни одного обитателя, прогнав их до самой балхской крепости.

Стихи:

На следующий день, когда источник солнца
Спустился вниз и удалился от глаз,
Когда государь востока убрал кверху занавес
И охватил [все] от глубин земли до самых Плеяд, —

/96b/ [Убайдулла хан] приказал выступить в поход. Достигнув [110] местности Белик-баш, он утвердил на изумрудной зелени той земли пребывание своей славы и величия. Сюда явился из Хузара Абдулфаттах хитай, от Шир Алия, которого государь вызывал милостивым письмом, ибо [его величество] захотел смыть водою своего благоволения пыль страха с его пристыженного лица и захватить в силок своей милости его испуганную птичку сердца. Абдулфаттах привез письменное обращение [к хану] Шир Алия, которое состояло от начала до конца из выражений, полных преданности и повиновения [его величеству]; в нем между прочим говорилось: “я воспитан у [высочайшего] порога, но страшусь сильного гнева отважного государя. Мое значение ниже того, чтобы я мог явиться [к вашему величеству] наравне с государевыми слугами, при наличии [моего] неповиновения и неблагодарности. Смелость и дерзость, дошедшие до крайних пределов в противовес покорности, заставляют меня бояться за свою жизнь и страшиться гибели.

Стихи:

Колесо судьбы вращается не иначе, как по твоему желанию.
У горы нет возможности мстить тебе. /97a/
Что мне делать, когда песня моя спета?
Я буду искать покровительства у тебя от тебя же.

Вы — монарх, и если бы соизволили послать кого-либо для успокоения моего напуганного сердца, если бы вы удостоили смыть ключевой водою [своих] царственных милостей мои проступки из той тетради, где они записаны, если бы водою прощения вы уничтожили грехи путника, шествующего дорогою помрачения и заблуждения, и если бы вы сами, всемилостивейший государь, переправились через воды Вилькенти Феридун ¹⁵³, то я, конечно, не преминул бы вдеть в ухо кольцо службы и покорности и до конца своих дней не сошел бы с пути [повиновения и] служения вам. В этом предприятии, которое вы, государь, поставили своей целью, я возьму отряд из своих братьев и родственников и, спешным порядком отправивши его до ворот Уштурхар [г. Балха], я восстановлю свою репутацию”. Так как судьба не помогла тому несчастному и не оказала ему необходимого вспомоществования, то все это не осуществилось, и его слова оказались не соответствующими тому, что было у него на сердце.

Отправленный из армии в Балхскую область шпион, прибывший [111] /97b/ в местность Ходжайи Пак, установил, что все эмиры, духовенство и вся народная масса,

проживающие в Балхе, не одобряют гнусный поступок заблудшего Махмуда, [т. е. убийство им балхского правителя — Муким хана], что и малые, и великие люди только и ждут прихода его величества, счастливого государя, ночь за днем и день за ночью проводят в разговорах.

Стихи:

Суши жаждущие уста; где же [живительный] источник Земзем?
Больное сердце ранено; где же [целительный] пластырь?

Подобного рода смешанные с радостью известия произвели весьма благоприятное впечатление на [бухарское] войско. На следующий день государь морей и суши, когда солнце востока взошло в блеске своего величия, приказал бить в большой царский барабан сигнал к выступлению в поход. Любуясь непоколебимостью спусков и покатоствей, доехали до местности Кухи-Тан, где был дан роздых войску.

Стихи:

В то время протянули на Кухи-Тане занавесы, ограждающие шатер государя мира.
От множества палаток и шатров [образовался такой] балдахин, что на поверхности земли не оставалось
места солнцу
Воздух стал темноглубым, степь — цвета эбенового [черного] дерева.
И пришли в содрогание горы от звуков большого царского барабана.

/98a/ В течение трех дней отдыхали в том месте, изобилующем дичью; военные выпустили своих коней на травянистые пастбища и занялись пирами и празднествами.

Стихи:

Они расположились по обычаю пиршественному,
Так что в силу этого открыли двери рая.
Государь прислонился к прелестному престолу,
Полный забот об увеселениях, он открывает [для сего свою] сокровищницу.
Озаренная светом движения царственного великолепия,
Земля до [самого] неба [стала полна] божественного сияния.
Вокруг престола убежища мира
Каждый из великих людей государева войска
Стоял с рабскою почтительностью,
[А] голова каждого касалась высоты неба: **[112]**
По величию каждый [военачальник] был подобен Афрасиабу,
В сфере начальствования [каждый] являлся солнцем.
Ради бесконечно радостного веселья,
Ради блеска царственного счастья
Время приготовило запасы наслаждения,
А небо открыло врата великих благ.
Вино и сироп — побудительные причины пирушек,
Превысили меру [даже] в представлении математика.
Отовсюду [появились] музыканты искусные, как Зухра,
Игрою на ченге вносившие веселье в самую сферу войны.
Певцы, создавшие мелодии,
Начали петь веселые песни.
Руками луноликих виночерпиев
Рубиноцветное вино наливалось в золотые чаши, */98b/*
От множества желанных удовольствий
У [старого] мира восстановились признаки молодости.

ПРИКАЗ ГОСУДАРЯ, СОПУТСТВУЕМОГО ЛУНОЮ, О ВЫСТУПЛЕНИИ В ПОХОД ИЗ МЕСТНОСТИ КУХИ-ТАН ПРИ ПОМОЩИ ЦАРЯ МИЛОСТЕЙ И ПРИНЯТИЕ ИМ НАПРАВЛЕНИЯ НА ПЕРЕПРАВУ У КЕЛИФА.

В то время, когда царь звездного войска, солнце, выступил в поход со станции “Рыбы” [т. е. вышло из знака зодиака, соответствующего февралю], царь мира [Убайдулла хан], воссев на скакуна направления, пришпорил его, направившись к реке [Аму-Дарье]. Когда правосудный государь в целях остановки достиг местности Тауфир, он увидел отличное и прелестное место, изобилующее дичью, вследствие чего последовал высочайший приказ провести сегодняшний день в этом тюльпановом цветнике. Ферраши высочайшего двора разбили шатры и палатки в этой, покрытой тюльпанами, равнине и протянули занавеси, ограждающие палатки хана и сановников.

Стихи:

Степь Тауфир полна тюльпанов и цветов,
Сладкоголосых соловьев.

До того времени, когда разящее кинжалом, достойное государя, солнце одержало победу над черным войском ночи, государь [113] разъезжал по степи на своем, подобном [рустемову] Рахшу, коне, любуясь /99a/ темнотою степи, ее камышами и сернами.

Стихи:

После того миродержец, равный могуществом судьбе,
В более радостном настроении воссел на коня.
С помощью [предвечной] истины счастливый шах
Из Турана направился в Иран.
Мстительные храбрецы Турана
Отважно двинулись в путь.
Большая часть по направлению к реке [Аму-дарье] с усилиями крокодилов
И с мужеством, превышающим [мужество] Рустема в битве,
Под копытами их коней земля превратилась в мелкие частицы.
Мир внезапно стал охвачен волнением;
Все горы и равнины наполнились войсками
Достойное дневного света древнее небо исчезло

Короче говоря, Келифскую переправу сделали сборищем войска и в тот же день последовал высочайший приказ начать армии переправу на плотам из губсаров.

О ТОМ, КАК ТРУСЛИВЫЕ ЭМИРЫ ПРИЗНАВАЛИ ЗА БЛАГО, ЧТОБЫ ГОСУДАРЬ НЕ ПЕРЕПРАВЛЯЛСЯ ЧЕРЕЗ ДЖЕЙХУН И КАК НЕУСТРАШИМЫЙ МОНАРХ С ПОМОЩЬЮ НЕИЗОБРАЗИМОГО ВСЕМОГУЩЕГО [АЛЛАХА] ОСМЕЛИЛСЯ СОВЕРШИТЬ ЭТУ ПЕРЕПРАВУ

/99b/ Так как невоспитанные эмиры не имели никакого желания участвовать в походе на Балх, то они признали за благо, чтобы счастливый государь не переправлялся через реку [Аму-дарью]; эти близорукие люди плохо верили в покорение Балха. Уповающий же [на милость божью] государь, по чувству чести и будучи исполнен отваги, не принял во внимание слов эмиров и вельмож [не советовавших ему переходить реку], и не поторопился [послушаться их]. Последовал [поэтому] приказ, приготовить суда и лодки, войска, связавши [также] плоты из камыша, с надутыми шкурами, в течение суток, подобно рыбам и крокодилам, совершали переправу.

Стихи:

Когда увидели смелость исполненного благородства государя,
Войска перешли через небоподобную [обширную] реку.

Как говорит авторитетный глава поэтов, Мулла Сейдаи поэт в отношении судов и реки: **[114]**

Стихи:

Что за река! Тень божественного гнева,
Приводящая в дрожь все пространство от луны до рыбы [т. е. весь мир].
Показатель ее глубины — эти девять гор ртути
Частицы песку в ее водах.
Не говори, что всюду в воде показались плоты,
Ибо [это не плоты, а] во все стороны движущиеся части туч.
От множества чалм, что в воде,
Кажется, что на поверхности реки показались пузыри.

/100a/ В целях несения караула через Аму-дарью вперед всех переправились:
Рахман Кули бий дурман, Хошхал караулбеги катаган и Надир чагатайбеги с тремястами
людьми; им было приказано отойти вперед на один переход.

Стихи:

Перешли [через реку] неуязвимые [витязи] отрядами
По приказу гремящего потоком государя.

В это время пришло известие, что Са'дулла мирахур, зять Махмуд [бия аталыка],
пришел с большим войском в район Ханабада и, сведя на нет все [ханские]
приготовления, перехватил пути. Эмиры признали необходимым послать на помощь
[упомянутому] авангарду Мухаммед Са'ид ходжу накиба и Фархад бия утарчи с полком из
хитаев и кипчаков и с отрядом калмыков, принадлежавших к ханской гвардии, с наказом
напасть на врагов без всякого промедления. [Однако вскоре] стало известно, что прежде
чем эти силы достигли Ханабада, враг, уstraшенный движением храброго войска,
предпочел движение остановке и направился в Балх. Счастливый и великодушный
государь, по отваге в степи равный льву и леопарду, а на воде — рыбе */100б/* и крокодилу,
в среду, в последний день месяца мухаррема, в то время, когда матрос океана сферы
спустил на воды золотое судно, сел в баркас, уподобившийся кораблю туч на океане
вращающегося неба. Мулла Сейдаи написал [по этому поводу стихи]:

Что за судно! Веки в полете ввысь [при взгляде на него],
Подобны бровям красавиц, [поднимающихся] при испуге.
[Вот] подвели к нему [хану] быстроходное судно,
Которое сделали из стаи волн. **[115]**
Его живость — дар ему ханского рождения.
Посмотри, как ему благоприятствует ветер!
В то судно вошел пленительный хан
Подобно месяцу, вступившему в созвездие воды.
По [его] указанию оно пошло
И пока [хан] дышал, оно шло, как вздох [легко]
Не было ему нужды в управлении морехода,
[Так как] его парусами было движение [ханских] ресниц,
Каким образом могло быть беспокойно внутри его,
Когда для устранения [такого беспокойства] у него был якорь?
/101a/ От того пышного [ханского судна] река стала подобной жемчужине,
Она была в форме полумесяца и стала подобной солнечному свету.

Короче говоря, государь-повелитель вселенной, подобно солнцу, проходящему по воде, совершил переправу; и этот высоко взлетающий царственный сокол, оставив свое августейшее царство, расположенное под сенью крыльев Хумая, на зубцах крепости Келиф, на той стороне реки [Аму-дарьи], приказал, чтобы и остальные войска безотлагательно переправились через эту волнующуюся злую реку. Эмиры, преклонив колени, произнесли следующую похвалу:

Стихи:

О государь, да будет твое великолепие беспрестанно увеличивающимся!
Да будут твои ланиты окрашены светом тюльпаноцветного счастья!
Так как ты перешел через эту волнующуюся большую реку,
Ты уподобился льву аллаха [Алию], совершающему чудесные подвиги.
Нет для тебя [никакой] трудности ни в одном деле;
[Все] полное мудрости идет [от тебя] во все стороны.
Иди же в любую страну, куда пожелаешь,
Ибо с тобою пребывает божественная милость!

**О ПРИБЫТИИ В КЕЛИФ, К ПОДНОЖИЮ ВЫСОЧАЙШЕГО ПРЕСТОЛА,
АДИЛА АТАЛЫКА И ХОШХАЛА ДИВАНБЕГИ, [ИЗ ПЛЕМЕНИ] МИНГ, О
ЛИЦЕЗРЕНИИ ИМИ СОЛНЦЕПОДОБНОГО ПРЕСВЕТЛОГО ЛИКА ГОСУДАРЯ
И О ПРОИЗНЕСЕНИИ УПОМЯНУТЫМИ ЭМИРАМИ ПОХВАЛ И
ПРИВЕТСТВИЯ /1016/ ТОМУ ПОВЕЛИТЕЛЮ МИРА**

Когда заявления Адил бия аталыка и Хошхала диванбеги, [на племени] минг, изо дня в день в последовательном порядке поступили к подножию высочайшего престола, [его величество] находился в Келифе. В результате [оба эти лица] с войском, состоящим из племени минг, проживавшим в тех районах, прибыли [в Келиф], вступили в августейший [116] лагерь и удостоились быть принятыми государем в особой аудиенции, будучи осчастливлены разного рода царственными милостями”. Адил аталык, обратившись к луноподобному светозарному лику [государя], открыл свои уста для похвалы и приветствия падишаха суши и моря. Он говорил:

Стихи:

“Да будет вечно радостен счастливый государь!
Да будет сплошь благоустроен [его] справедливостью мир!
Тысяча похвал создателю вселенной,
Который обласкал величием эпоху земли,
[И] земля [теперь] является цветником подножья твоего престола.
Звезда Алькор ¹⁵⁴ ярко горит от лучей твоего счастья.
Да будут вражеские головы прахом на твоём пути,
[А] вершина твоего великолепного трона [да будет] местом удовольствий.
Небо да будет рабом твоей звезды, /102a/
[А] творец мира да будет твоим хранителем!

Когда население Балха узнало о переправе через Аму-дарью победоносного государя, то [многие] из войск и другие лица, волей-неволей стоявшие за проклятого Махмуда, [теперь] сменили расположение к нему лицемерием. В то же время Худайберды курчибаши ¹⁵⁵ масит ¹⁵⁶ присоединился к победоносному войску. Тахир кушбеги катаган со [своими] сыновьями, Рахманкули ншикакабаши ябу и другие группы лиц, явившись, [тоже] присоединились [к ханскому войску], будучи осчастливлены бесчисленными царственными милостями. Они доложили следующее: “Махмуд [бий аталык] из-за страха армии счастливого монарха, перейдя из внешнего города во внутренний, принимает [там] меры предосторожности. Помещение для высочайших приемов, равнявшееся высотой

стенам арка, он сравнял с землею. Занявшись своими делами, он теперь ожидает пришествия [ангела смерти] Азраила”. [117]

В конце концов государь эпохи и владыка круговращения [времени, Убайдулла хан], обождав в крепости Келиф два дня, пока войска /1026/ переправились на тот берег, на третий день, когда царь многочисленного звездного войска поднял с окраины голубого неба знамя выступления в [дневной] поход и сияния [его] позолоченного меча обратили в бегство с просторов мира войска тирании [ночи], — из царской ставки загредел мирозавоевательный барабан и падишах, убежище веры, поднялся с целью выступления походом против злобного врага. В пятницу, в первый день месяца сафара, соизволив раньше отдать соответствующее приказание правительственному аппарату, сам [хан], величием подобный Александру [Македонскому] и блеском Феридуну, на рассвете, когда утро подняло свой светоносный штандарт, воссел на крылья поспешности и двинул вперед [свой] великий бунчук и драконоподобное знамя. Пройдя камышовые и лесные заросли, он соизволил остановиться в местности Ханабад ¹⁵⁷. И то место огласили звуки больших и малых военных барабанов, труб (?) ¹⁵⁸ и флейт, так что уши государя обременились ими, и было близко к тому, что разорвутся завесы [самого] неба.

Стихи:

Зарокотали барабаны и литавры;
От пыли, поднятой войском, земля стала, как черное дерево.

/103a/ Равнина Ханабада наполнилась шатрами и палатками и та местность в тот день оказалась связанною веревками последних.

Стихи:

На следующий день, когда государь востока
Взошел на этот голубой свод,

тот государь по обычаю великих царей выстроив войско и отдав необходимые приказания, [выступил дальше] и в местности Адина-мечеть, что лежит поблизости Балха, соизволил сделать остановку. Он приказал,

чтобы храбрые войска приготовили орудия войны и не вытаптывали своими конями посевов населения и не причиняли бы никому вреда и ущерба, (предварив, что если] кто совершит противное сему [в такой мере], что выдернет из земли [хотя бы] один колос, урожай его жизни [118] погибнет под серпом смерти. Когда армия занялась налаживанием военного снаряжения, [то]

Стихи:

От шашек, барабанов, булав и от пыли
Земли стал черным лазоревый купол неба,
Глаз не видел поводьев [коней]
И не различал на небе звезд.

Отсюда барабаны возвестили выступление, а трубы и флейты громко заиграли:

Стихи:

По распоряжению шаха, происхождением восходящему к Бузанджиру ¹⁵⁹,
/1036/ До небес вознесся [его] санджаровский штандарт ¹⁶⁰.
От громких звуков труб, несущихся превыше
Плеяд, Оглохли уши херувимов,
А ангелы побежали с небес от [звуков] тех труб,
Подобно птицам, [вспорхнувшим] с ветвей дерева при звуке ружейного выстрела.

В тот же день из Гундака достигли Сарипуля и расположились лагерем в чарбаге Сиддик бия ойрата. Туда явилось войско племени правой и левой сторон [многочисленное], как муравьи и саранча. Начальники этого племени: Тангриберды джабут, Ходжимберды кенегес, Дост-Кара джабут, Тагма, Султан и Абдуссамад, сыновья Рустема аталыка, с группой [представителей] бесчисленного войска правой стороны, облобызав высочайший порог, преисполнились надежд на [высочайшие] милости. Что касается Касима кенегеса и Ирناзара мангыта, отправившихся к высочайшему порогу, то счастье отвернулось от этих двух несчастных заблудших людей. Эти два негодяя, повернув с урочища Карлук, направились в Термез.

Стихи:

Враг не может стать душевным другом,
Как не может приносить “магилян” [никаких] плодов, кроме колючек ¹⁶¹.
/104a/ [Никогда] не видел сахара от камыша тот, кто делает [из него] цыновки,
Как не бывает [никогда] у него в ушах жемчуга.
Каждый, у кого зло лежит в природе,
Тому [ничто] не приходит на память, кроме хитрости и обмана. [119]

Джеген кипчак, который среди балхских кипчаков был начальником артиллерии, в тот же день с отрядом кипчаков Сарипуля и Салучар'ека ¹⁶² явился облобызать [высочайший] порог и снискал безграничное [царственное] внимание.

О ПОСЫЛКЕ С МУХАММЕД СА'ИД ХОДЖЕЙ НАКИБОМ И АДИЛ БИЕМ АТАЛЫКОМ [СВОИХ ЛЮДЕЙ] В КРЕПОСТЬ БАЛХ И О СТАЧКЕ ИХ С ИБАДУЛЛА БИЕМ ТИЛАВ ПАРВНАЧИЕМ БАЛХА И ДРУГИМИ ЭМИРАМИ

Тем временем Мухаммед Са'ид ходжа накиб и Адил аталык, которые были двигателями [этой] цепи [событий], послали особо доверенных людей в крепость Балх к тем лицам, которые, между прочим, отличались своеволием и распушенностью. Эти люди вошли в стачку с этими лицами, и последние порешили на том, что в глубокую ночь часть витязей и молодых отважных воинов из войска [хана] была бы в готовности и в бодрствующем виде внизу крепости подле ворот воды и “тогда, — говорили они, — мы отворим им, т. е. победоносному войску, ворота /104b/ и тем самым покажем [свое] благожелательство государю в отношении его наследственного достояния”. В соответствии с таким обещанием и сговором Мухаммед Ма'сум аталыку сараю, с четырьмя тысячами молодых мечебойцев и копейщиков, *вроде токсабы и мирахура ¹⁶³, было приказано отправиться к [назначенному] месту и бодрствовать [там]. После их выступления к обещанному [для их операции] пункту, из среды крепостных лиц, вошедших в стачку [с ханскими доброхотами] по поводу открытия крепостных ворот, Махмуд, сын Кутлука дадха, подобно лисе из засады, сообщил [о затеянном] проклятому Махмуду. Словом, произошло следующее. Парваначи, на ответственности которого лежало наблюдение за воротами, струсил и с тревогою вышел [к воротам]; бухарцы же не отважились вступить в крепость. Услышав эту страшную весть, счастливый государь распалился гневом и в ярости сев на коня [120] и увидя войско в равнине Нахр-и Абдулла, отдал приказание, чтобы /105a/ его ставку разбили перед воротами города.

Стихи:

От войска, растянувшегося на [целый] фарсанг,
Степь была полна дичи:
Позади и впереди — павлинокрасочные тюрки;
Справа и слева — львы боевого булата.
А в центре — [сам] великолепный шах.
Армия [в целом] вокруг реки подобна горе.

Результатом искомого у его величества была остановка подле ворот Балха, но, оберегая эмиров и вельмож цветущего государства, он, сделав надлежащие указания заведывающему устройством лагеря и порядком в нем, приказал назначить для остановки селение Узун шах.

С одобрения эмиров благородный государь повелел выдать из казны жителям этого селения в возмещение убытков за вытоптаный войсковыми лошадьми танаб ячменя соответствующую сумму золотом.

Когда же для светоносного, как солнце, взгляда монарха из Чингизова дома стало ясно, что крепостная масса далека от сферы августейшего внимания, забил барабан отваги, и было приказано разбить лагерь в местности Намазгах, бывшей от крепости в расстоянии полета стрелы; против [крепостных] ворот воздвигли внешние знаки величия и /1056/ могущества.

Стихи:

Подобно свирепому морю, подобно глубокой реке,
Он спустился к крепостным воротам: после сего завесы царской ставки [164](#)
Протянули до [самой] крепости.

Сферу небес огласили звуки литавр и труб; вопли гобоев и рожков потрясли опоры высшего мира. И тот лев чаши государства, та пучина в море благородного рвения [Убайдулла хан], пришедши в волнение от бури [неукротимой] энергии, подобно яростному морю, простер руку и как облако, изрыгающее молнию, [весь загорелся и тотчас схватил хризолит своего меча с сверкающею], как блестящий рубин, поверхностью, омыл изумрудность своей шашки еменским сердоликом крови; дикая роза его лилейного по природе клинка принесла плод, и от его [121] быстрого кинжала овлажненный тюльпан поднял голову, — он, как храбрый лев, прыжком бросающийся на добычу, или как свирепый тигр, устремляющийся на дичь, [когда ему подвели] объезжающего половину мира [коня], который в давку битвы входил подобно мысли в ум и по /106a/ затруднительному пути начинал скакать, как зефир между локонов красавицы, — [вспрыгнув на него], и уподобляясь быстролетному соколу, гордому своим превосходством [хан] вложил ноги в быстроходные, плавно движущиеся стремена, отливающиеся цветами неба и похожие на блестящие крылья золотой птицы, надел боевые перчатки, открыл книгу храбрости и, ежеминутно кормя пищу из сердец врагов охотничьего сокола с охоты судьбы, все время заставлял слушать оцепеневших от страха обитателей Балха крики завоевания.

Стихи:

Одел государь боевые доспехи.
Сел немедля на крепкого коня.
Он украсил счастливую грудь хафтаном [165](#)
На голове у него царственный шлем.

С мечом в благословенной руке, севши на коня счастья, [государь] хотел свою прекрасную особую помчаться к крепости. Эмиры и /1066/ военачальники, увидевши такую отвагу государя, сразу набросили на шею поводья повелителя суши и моря и открыли уста для похвал ему, особенно Мухаммед Рахим бий аталык, который сказал:

Стихи:

О, государь, при счастливых предзнаменованиях ты
Принял на себя ответственность за погашение возмущения.
Небо является твоим престолом,
Мир же обновляется твоим счастливым правлением.
У нас, рабов, головы и жизнь всецело
Являются жертвою копыт коня [нашего] счастливого государя.
Сильные твоим счастьем, о венценосец,
Если полны врагов станут суша и море,
Мы рубящими шашками в боевой схватке,
Тяжелыми палицами, помимо мечей и стрел,
[Всю] землю от города до гор наполним кровью [166](#);
От их крови мы сделаем мир рекою Джейхуном! [\[122\]](#)

Мухаммед Рахим аталык после этого панегирика доложил, что пока они, рабы, живы, почему следует его величеству принимать участие в войне собственной благословенною и драгоценною персоною?

Стихи:

Когда государь один ведет бой,
Что же остается делать на этой равнине стольким всадникам?

Естественно, что эмиры и витязи сразу погнали своих коней к /107a/ крепости, зажгли огонь сражения и при громкой трескотне барабанов [как говорится в Коране]: подлинно, потрясение часа является великою вещью [167](#), пошли на приступ.

Стихи:

Когда река битвы придет в волнение,
То воины поднимут крик.

Проклятый Махмуд, побуждая полки бойцов метать сверху крепостных стен стрелы и стрелять из ружей, приказал *отряду солдат и бадахшанским гальчам [168](#), ружейным стрелкам [сделать вылазку и] снаружи ворот встретить нападающих ружейным огнем. От дыма стрельбы голубое небо почернело, как смола. Воины арены битвы и занятые сечей витязи, крепко стоя за себя, бросая свои жизни под копыта коне неустрашимого государя, подобно саламандрам сгорали в море огня.

Стихи:

Яркое сияние поднялось кверху,
Конец копья коснулся апогея Плеяд;
Герои-лучники, Марсы-войны,
Спустили с рук пернатые стрелы,
И такой получился дождь стрел,
/1076/ Что ты сказал бы, что лук превратился в дождевое облако.

Бухарская молодежь проявила такое мужество, что ангелы с кровли небес [воскликнули]: “отлично!”. [\[123\]](#)

Стихи:

Силою крепких мышц и острых шашек
Они устроили для балхцев страшный суд.
Господь даровал царю царей победу.
И поражение стало уделом злых.

Большинство неприятелей стало жатвою мечей, некоторые из этих беспутных попали в плен, а избегшие меча, израненные, усталые и ускользнувшие [от смерти] нашли убежище в крепости и не могли высунуть [оттуда] головы. Проклятый Махмуд, подобно летучей мыши при восходе освещающего вселенную солнца, скрылся за завесою скрывания и подобно черепахе, втянувши голову прятания под прикрытие крепости, ушел за покрывало своего исчезновения. Тот проклятый знал, что сн не может противостоять победоносным [бухарским] войскам и не имеет силы вступить с ними в бой; поневоле при таком безвыходном положении его мысль обратилась к [использованию] неприступности и твердости крепости, где он приготовился к сопротивлению и отражению [осаждающих]. По приказанию того проклятого [Махмуд бия аталыка], /108a/ растерявшееся население крепости занялось изготовлением военных орудий и снарядов для защиты крепости и в предотвращение ее взятия; на верху башен и стен, в амбразурах и на зубцах зажглись факелы и фонари; крики: “хватай-держи!” “будь готов!” — неслись под самый купол вращающегося неба. Несколько дней прошло в таком положении, и осада крепости продолжалась. Счастливый государь, став нетерпеливым и беспокойным, прилагал все усилия к достижению своей цели, т. е. овладению Балхом.

О ПОСЫЛКЕ ГРУППЫ БУХАРСКИХ КАТАГАНОВ И [ПЛЕМЕН] ПРАВОЙ И ЛЕВОЙ СТОРОН В НАБЕГ НА ОБЛАСТЬ КУНДУЗ

Из бесконечных этапов неудач и торжества оружия тех дней и из дневных и ночных неудач выяснилось, что при всяких обстоятельствах счастливая звезда безбожной банды все же низвергается до перигея; действия же их, в общем успешные, на глазах умных людей в конечном результате дадут промах. Подробности [дальнейшего], выражаясь немногословно, сводились к следующему. Бухарские эмиры и военачальники и благожелательные балхские знатные люди устроили совещания относительно занятия крепости Балха и в результате [124] /108b/ высказанных мнении порешили на следующем: поскольку племена правой и левой стороны вместе с группой бухарских катаганов всегда проявляли наглость, кровожадность и [черную] неблагодарность и являлись причиною смут и мятежей, то в предотвращение того, что, не дай бог, если эти безбожники по своей дружбе и родственным связям с Махмудом дадут доступ в свои сердца благожелательным к нему отношениям и будут препятствовать взятию крепости, следовало бы послать их многочисленные отряды в разбойничий набег на Кундузскую область, бывшую родиной Махмуда, а самим вплотную заняться взятием крепости, поделив между собою операции по воротам.

Согласно такому мнению, в субботу, 9-го сафара, [хан] соизволил отправить на Кундуз Уз и Тимур бия диванбеги, Нияза ишикакабаши, Ходжакули мирахура и малых и больших [по положению] катаганов в числе около тысячи пятисот, а равно Худаяра парваначи мангыта с отрядом из племен правой и левой стороны, состоящих из людей чиновных и простых. Основываясь на спокойствии и отклонении [от мятежного настроения] мыслей этого сорища, Мухаммед'яр ишикакабаши, /109a/ приходившийся зятем [упомянутому] Узи Тимур бию, сопровождал последнего в походе, но, будучи среди этого народа [т. е. племен правой и левой стороны], он был столь расстроен [всем виденным и слышанным, что], согласно распоряжению [командования], распростился и покинул отряды. Количество войска сего народа доходило до четырех тысяч человек и

даже больше. С сердцем, тысячу раз смятенным и расстроенным, с порочными мыслями [эти воины], вышедши из повиновения и держа путь на Кундуз, приняли твердое решение отказаться от того, что от них требовалось. Отдалившись от лагеря, племена правой и левой стороны, подобно раненым кабанам, бросились в разные стороны и, метнув огонь жестокости и несправедливости в гумно спокойствия мусульман, стали вытаптывать посеы правоверных [и травить их] лошадьми и верблюдами, не переставая избивать, вязать и ранить [население].

Стихи:

Сборище людей, из коих все и каждый в отдельности — злобные,
Все — [смотрят на все] волчьими глазами и все — злонравные.

Этот наглый народ, беспутный в пути, все, что ему попадалось, забирал. Сколько не старался Узи Тимур диванбеги увещевать их и давать /1096/ им хорошие советы, обременяя этим уши сего мятежного народа, — [125] все было бесполезно. Сообразно с потребностью момента, приложив в этом направлении [все] старания, он не считал дозволенным их бесстыдства. И когда возмущение сего народа достигло последнего предела, весть о его омерзительных деяниях дошла до высочайших ушей, [его величество] раскаялся в посылке этих кровожадных племен [на Кундуз]. Приказав изготовить письмо на имя [Узи-Тимура] диванбеги и [Худаяра] парваначи хан писал в нем: “в настоящее время на наше священнейшее благовоззрение доложено, что Касим кенегес и Ирназар, покинувшие перед этим лагерь и ушедшие из местности Карлук в Термез, в этой стадии [своего поступка] захотели выступить к крепости Балху, на помощь Махмуду с пятьюстами беспутных людей. Мы приказали отправиться отсюда к началу пути этих наглецов Надиру токсабе мингу и Бек оглы бахрину с отрядом храбрых воинов. Вам надлежит тоже расположиться в районе Кампирека и Шахрека до окрестностей Муминабада ¹⁶⁹, поставить по дорогам бдительных людей, быть день и ночь настороже и [при первой возможности] напасть на тех насильников. Когда Балх окажется в руках [наших] рабов, куда уйдет [от нас] Кундуз?”

У племен же правой и левой стороны и мысли в головах не было идти на [самый] Кундуз, ибо их движение туда было [лишь] предлогом [для бесчинств над мирным населением] и потому, используя драгоценный [высочайший] ярлык [о набеге на Кундуз], они в течение нескольких дней, бросивши огонь мятежа и насилия в районы и окрестности [занятых ими] пределов жгли все сухое и сырое. Пишущий эти строки, оказавшись по необходимости среди этого народа, нашел его жестоким и кровожадным; он увидел банды весьма склонные к возмущению, наглые и все ищущие убийств и побищ, посягающие на грабеж и расхищение. Раскаившись в общении с этим народом, я вверил себя истинному государю, ибо это не лежит на аллахе. [126]

О БИТВЕ, ДАННОЙ ГОСУДАРЕМ, БОРЦОМ ЗА ВЕРУ, ПОД СТЕНАМИ БАЛХА /1106/ ПЯТНИЦУ 22-ГО САФАРА, ЗАПЕЧАТЛЕННОГО БЛАГОМ И ПОБЕДОЮ, О МУЖЕСТВЕ, ПРОЯВЛЕННОМ МОЛОДЫМИ БУХАРСКИМИ ХРАБРЕЦАМИ [В ЭТОМ ДЕЛЕ] И О ПОРАЖЕНИИ ЗЛОСЧАСТНЫХ НЕПРИЯТЕЛЕЙ

Острозычное волшебное перо описывает случай так. Когда катаганы и [племена] правой и левой стороны удалились из августейшего лагеря, [будучи посланы в набег на Кундуз], славные бухарские и балхские эмиры ¹⁷⁰ занялись распределением между собою [крепостных] ворот [для планомерного ведения осады]. Проклятый Махмуд, видя энергичные действия победоносного войска, с досады, подобно свернувшейся змее, стал побуждать к войне [против бухарцев] балхских катаганов и кураминцев. Сам же этот

сбившийся с пути [негодяй] вышел из ворот и, перейдя через крепостной ров, вступил в бой [с бухарцами].

Стихи:

Светильник, желающий погаснуть,
Перед потуханием ярко озаряет комнату.

Войнолюбивое войско и воинственные витязи, все вооруженные, изготовившись служить его величеству, победоносному государю, один /111a/ за другим принесли хвалу августейшей персоне и попросили напутственного благословения. Его величество, великий хакан, изволил обласкать каждого храбреца армии и обнадежить царственной милостью. — Словом, когда [бухарское войско] построилось в ряды против неприятеля, то

Стихи:

Закипело море железа,
[И] крокодилы в его сверкании подняли крик.

Витязи и [рядовые] храбрецы, сразу взявшись за шашки, бросились в атаку. С обеих сторон взвились кверху языки пламени сечи. Концы копий желания [войны] поили ядом ярости и пернатые стрелы клали на тетивы геройских луков, звуки труб обременяли уши зрителей и пыль из-под копыт быстроногих скакунов черным покрывалом застилала лицо светозарного солнца; пламя войны и огонь небытия были ввергнуты на гумно жизни и свирепый ветер смерти вырывал молодые деревца бытия из потока существования. [127]

Стихи:

Храбрецы с яростью подняли штандарт
[И] устремились один на другого, [ища] головы [врага].
Столько пролил крови разящий струйчатый меч.
/111b/ Что [вся] земля на поле битвы стала тюльпаноцветной.
Со всех сторон древки быстрых стрел.
Заняли место в телах подобно алефам [171](#).
У героев от поражавших мужей стрел образовались
Тысячи окон в домах тел.
Из [тех] окон, кои погружали сердце в кровь,
Высовывали головы души, чтобы посмотреть [на окружающее];
Лук во всех углах чрез тираническую стрелу
Давал в своем помещении место смерти.
У кольчуг очи стали полны крови [172](#),
Подобно погруженным в кровь глазам любовников.
Хохотало огнестрельное оружие, мир наполнялся дымом
И оттого плакали глаза кольчуг.
Ружья [с своим] горячим, палящим огнем дыханьем
Уподоблялись больным, [испускающим тяжкие] вздохи, сжигающие дом и домашних.
Спешило взять жизнь копье,
[И] смерть, не приходя, уносила душу.
Смерти было так много дел, что она не поспевала работать,
Но тем не менее меч продолжал действовать.

Мухаммед Рахим ишикакабаши дурман и Ни'матулла токсаба найман, которые на правом и на левом крыле армии, друг против /112a/ друга, выказывали мужество и отвагу, условившись между собою, заложили свои жизни и бросились в атаку на неприятелей. В

этой схватке они храбростью превзошли самих себя, уложили немало людей и [вообще] устроили такое побоище, что ангелы с кровли небес прокричали им “браво!”

Стихи:

Первым из рядов войска вступил [о бой]
Музаффар Мухаммед Рахим дурман,
Сила которого была из рядов вон выходящая ¹⁷³.
Все войско с шашками и кинжалами в руках, [128]
Изготовившись к бою, устремилось на врага,
Наточивши алмазом ненависти [свои] копьа.
Оно пролило дождь стрел из бесчисленных луков
На жаждущих сразиться [врагов] с разорванными кольчугами.
Бесчисленные, как саранча, острия стрел в [своем] полете
Погубили посевы жизней.
Выходят враги с шашками и стрелами;
Крик несется из их груди.
[Но] никто из неприятелей не остается на месте,
Как лисица не в состоянии удержаться против льва.
Быстро бросился во след [за ними] Ни'матулла,
Ибо он был лев, поражающий мужей войны.
Он бросился, злобный, на врагов,
/1126/ Вспомоществуемый счастьем божественной силы.
Так был воинственен тот славный [витязь],
Как взволнованный лев в битве.
Всюду, куда он устремлялся,
Ты сказал бы, [глядя на него], что это огонь падает на [сухой] камыш.
Острие [его] меча в [своем] вращении сверкало, как сияние луны.
А копье сада [его] злобы источало кровавые слезы.

Когда витязи победоносного войска увидели чудеса храбрости этих двух эмиров, они также стали в битве отважными и помогающимися ее и подняли пыль с простора сечи до апогея неба. Каждый из молодых и поседелых в боях бухарских воинов ¹⁷⁴, поименное перечисление коих заняло бы много места, проявлял самоотверженность. Продолжая в тот день все время бой, они скрыли [в таком состоянии] лицо освещающего мир солнца под покровом завесы. Большинство из мятежников достигло арены погибели, многие попали в плен, а те, которым удалось уйти из боя смерти направились [обратно] в крепость и у них не стало мощи и /113a/ силы сражаться; [так что] они [вынуждены были] проводить время [лишь в пассивной] обороне крепости. Счастливый государь приказал поделить [крепостные] ворота между витязями и молодежью войска, назначив к [операциям] против каждого ворот по одному эмиру и по несколько молодых людей с зычными голосами. [129]

О ПОСЫЛКЕ ГОСУДАРЕМ ИЗ ЦЕНТРА АРМИИ ПРИКАЗА К КАТАГАНАМ И [ПЛЕМЕНАМ] ПРАВОЙ И ЛЕВОЙ СТОРОНЫ

Когда весть о злодействе банд правой и левой стороны распространилось в центре армии и кровожадность их перешла [все] границы, был послан следующий приказ: “известно стало, что Касим и Ир-Назар, пребывая в Термезе, не выступали [оттуда]. Мы благополучно и счастливо поделили [балхские] ворота между витязями войска. Узи Тимур бию диванбеги и Худаяру парваначи надлежит забрать все войско, [идти сюда], расположиться в селении Асияйи Ригак и, действуя осмотрительно, вести операции против ворот Ходжа Аккаша и Уштурихар, которые мы при дележе назначили им”. Когда упомянутые эмиры /113б/ ознакомились с содержанием этого приказа, то с сердцем, подобным холодному железу, соображаясь со временем, с [разными] ухищрениями и предложениями [повернули обратно] свои недисциплинированные [отряды]. Совершив

переход и оставив лагери в назначенном месте, сами одноконные с сборищем катаганов и [племен] правой и левой стороны, подобно муравьям и саранче, погнали [своих] коней к воротам Балха и искусно захватили и угнали в виде рациона часть овец и коров, которые паслись в окрестностях крепости в районе города. Разбивши в ту же ночь свою ставку в Асияи Ригаке [Узи Тимур бий и Худаяр парваначи] совершили набег на окрестности Балха и захватили все то, что было пощажено и оставлено нерасхищенным ханским войском. Эмиры и приближенные к высочайшему двору поняли, что наиболее целесообразным будет пребывание этих наглецов в составе войска [осажденного Балха], а не вне его, поэтому был отдан приказ о присоединении их к нему.

О ПОСЫЛКЕ ПРИКАЗА К КАТАГАНАМ И [ПЛЕМЕНАМ] ПРАВОЙ И ЛЕВОЙ СТОРОН С ТРЕБОВАНИЕМ И ПОДТВЕРЖДЕНИЕМ [ПРИСОЕДИНЕНИЯ ИХ К АВГУСТЕЙШЕМУ ВОЙСКУ] И О ВЫСТУПЛЕНИИ НЕКОТОРЫХ ИЗ ПЛЕМЕН ПРАВОЙ И ЛЕВОЙ СТОРОНЫ В НАПРАВЛЕНИИ БАЛХА НА ПОМОЩЬ ЗЛОСЧАСТНОМУ МАХМУДУ

Когда послали с Дин Мухаммедом мангытом к катаганам и племенам правой и левой стороны приказ, чтобы они незамедлительно /114a/ прибыли в августейший лагерь, то с получением этого приказа у этого [130] скопища получился большой разброд в мыслях. Они пришли в смятение и стали [всячески] отвиливать от выступления [на соединение с бухарскими войсками]. Тот день они провели в гадании и в совещании, идти ли им, а на следующий день из [ханского] лагеря прибыл Надир Лулу и сделал такое подтверждение: “его величество, победоносный хан, ожидая [вас], приказывает, чтобы Узи Тимур бий диванбеги. Худаяр парваначи, Нияз ишикакабаши, Ходжакули мирахур и Султан курчи баши, остановивши в том же месте свои войска, каждый в сопровождении одного подручного явились к победоносному стремени, чтобы устроить совещание и испросить у бога [взятие] крепости”. Эти слова вселили во все их члены страх и ужас, они затряслись, как ртуть. В силу /114б/ необходимости Шахим бий с группой [упомянутых лиц], полные растерянности и страха, покорно и с разбитыми сердцами медленно направились в [ханскую] армию. Следом за ними поехал Надир чагатай беги катаган и присоединился [к ним]. Надир Лулу, желая показать свое чистосердечие ¹⁷⁵, сказал чагатайбеги: “его величество потребовал лишь этих лиц, а вам было приказано оставаться на своем месте”. При этих словах Нияз ишикакабаши, который был напуган больше других, заметил: “Лулу, если настала пора сказать последнее прости молодости, то наши жизненные наслаждения подошли к концу. Скажи это ясно!” — “Да, да, это верно!” отвечал Лулу. Вдруг всеми ехавшими овладело смятение и растерянность, они разделились на группы: Узи Тимур бий и Худаяр бий выразили желание ехать к победоносному [ханскому] войску, а Нияз ишикакабаши, Ходжа Кул мирахур, Султан, Тагма, Абдуссамад, Ходжиберды кенегес, Мухаммед кули мангыт и другие с двумя тысячами пятьюстами людей из [племен] правой и левой сторон, перейдя р. Исфаган ¹⁷⁶, /115a/ отправились по направлению Балха на помощь Махмуду. Существует выражение: что делает всевышний и всепрославленный господь, про то человеку неизвестно. Услышав об этом необычайном событии, его величество, храбрый государь, подобно свирепому льву, стал вне себя от беспокойства и нетерпения. Он немедленно написал [к ушедшим] милостивое письмо, подкрепленное обещаниями [своей] дружбы и надеждами на его милости и расположение, и послал его с мехтером Хаджи Сияхом, выделявшимся среди войска своею чернотой. [Хан] желал [130] вернуть с ошибочного пути ушедшую массу, однако это не удалось. В конце концов, во исполнение высочайшего повеления Узи Тимур бий диванбеги, этот старый опытный волк, с тысячью хитростей и уловок повернул Нияза ишикакабаши и Ходжакула мирахура и привел их в [ханскую] ставку. Так как чаша несчастий племен правой и левой сторон наполнилась, то они, ведомые злополучным и несчастным руководством, попав на ложную дорогу, потащились к воротам [Балха].

/1156/ Да будет известно [просвещенным] мыслям умных и рассудительных людей, что судьбою предначертано было это для того, чтобы аллаху совершить событие, *какому должно совершиться **177**. Судья судилища вечности вынес нижеследующие решение и определение: пусть [их] переселят из района безопасности и с арены покоя в темницу лишения [всего] и в теснину оставления на произвол судьбы, пусть они, невоздержные в грехах, охваченные жадностью к сладострастью и высокомерию, сойдут в колодезь горести и несчастья и в подземелье погибели и пусть в яме греховности и в пучине ничтожества вручат свои души владеющему [жизнью].

Стихи:

По внушению диавола невежества и гордости
Они удалились с пути счастья.
Человек, у которого счастливые дни стали горестными,
Старается [увеличить] свои несчастья через свою глупость;
Он бежит стопами злополучия
К погибели тела и души.

Когда те неверующие, [пошедшие к Махмуд бий аталыку] достигли ворот Балха, проклятый Махмуд, совершенно не доверяя этому **/116a/** сборищу, не открыл перед ними ворот. Они ждали и смотрели [на стены] с утра до вечера. В конце концов, обязавшись договором и условием, они вошли в город. Махмуд приказал, чтобы они прежде всего обагрили свои руки кровью соучастия [с ним в войне с бухарцами], дабы этим снискать его полное доверие. Когда дым спеси и самомнения проложил путь к мозгу того безбожного народа, когда они перестали разбираться в делах и помрачение очей этой недалёковидной банды закрыло [перед нею] путь пронительности, то в своей развращённой мысли, над которой горько смеялся разум, эти люди немедленно заиграли в **[132]** литавры и забили в большой барабан возмущения и вражды. С первой же; зарею те заблудшие мятежники, высыпав из ворот, сразу погнались коней на победоносное [бухарское] войско и завязали бой. Храбрые [бухарские] воины, видя эту вражескую смелость, [приняли вызов] и, вышедши на арену сражения, стали поражать врагов, стреляя в их гущу и производя сотрясение во [всех] частях равнин и гор [с такою силою], **/116б/** как будто настало смятение [в день] страшного суда. Большую часть неприятелей захватили живыми, а мертвым не было и счёта.

Стихи:

Когда земля от крови стала розовым цветником,
[Когда] тела отделились от коней, а головы от тел,
Подул живительный зефир победы.
[И] носы героев наполнились [его] благовонием.
Центр вражеской армии сокрушен царственным мечом,
Как будто ключом к победе был тот меч.

Так протекало время [в бою] с утра до вечера.

Двустиишие:

Ты придёшь извне с благодетелем.
Если ты — небесная сфера, то придёшь, как опрокинутая [чаша].

Когда время натянуло на голову темносинее покрывало и, подобно сердцу грешников, стало темно, и мрачно, каждый [из бойцов] успокоился в своем месте.

Двустиише:

Когда солнце исчезло из мира
[И] темная ночь протащила [своим] подолом по дню,

племена правой и левой стороны сочли последнюю ночь [своего] несчастья первым счастливым днем. В ту ночь они занялись пьянством в чарбаге “Харам-Сарай”, который им отвел Махмуд [бий аталык]; все мертвецки пьяные, беспечные относительно коварства вероломной судьбы, /117a/ свободные от мыслей об увлекательных красавицах и гордые обманом текущего момента, эти люди были в том состоянии, что коранское выражение: **“не аллах жесток по отношению к ним, но они сами не щадят себя”* [178](#), оказалось пророческим в отношении конца их возмущения: и гордости. Печать — шифр: какое бы войско из [их] сторонников **[133]** неявилось сюда, оно будет обращено в бегство, скрепило письменное изложение их бедствий и злой конец [их] наглости и злодейства начертал на странице их несчастья смысл [коранского выражения]: это множество обращено будет в бегство, все они отступят назад.

Стихи:

Злонамеренный народ [ничего] не видит, кроме зла,
Он идет и не увидит более слабого, чем он сам.
Подстрекающий на злое также окажется в потоке зла,
Подобно скорпиону, который уменьшается.

В тот самый день, когда племена правой и левой стороны добрались до Балха, Дуст мирахур минг, питавший дружбу к Махмуду, прибыл из среды племени минг в августейшую ставку. Насчет его вступления на службу к [государю], могуществом подобному Джемшиду, получилась [такая] острота: хотя враг ушел, зато друг пришел [179](#). В своем месте этот случай будет подробно объяснен.

Двустиише:

/1176/ Умный человек не ищет верности в невежде
Подобно тому, как базилика не вырастает из семени руты.

О ПРОНИКНОВЕНИИ В ЦЕНТР ПОБЕДОНОСНОГО ГОСУДАРЕВА ВОЙСКА ИЗ [БАЛХСКОЙ] КРЕПОСТИ ЧЕРНЫХ ЗАМЫСЛОВ; О ВЫЯВЛЕНИИ ХИТРОСТИ И ВЕРОЛОМСТВА ВРАГА; О ВОСПЛАМЕНЕНИИ СЧАСТЛИВОГО МОНАРХА ТРАШНЫМ ГНЕВОМ; О РЕШИМОСТИ ЕГО, ПОД ВЛИЯНИЕМ ГНЕВА, ВЛАДЕТЬ БАЛХОМ С ПОМОЩЬЮ ВСЕХВАЛЬНОГО ВЛАДЫКИ И О ЯВЛЕНИИ ИЗ-ЗА ЗАВЕСЫ ПОТУСТОРОННЕГО МИРА ИСКОМОЙ КРАСОТЫ

По счастливой случайности в тот же день в [ханском] районе был захвачен один шпион; чтобы получить от него нужные сведения, его подвергли мучительной пытке. Обнаружилось, что враг задумал сделать ночное нападение [на осаждающих], с этой целью был подготовлен [помочь ему, чрез свою измену] вооруженный отряд пехотинцев. Когда его величество узнал об этом неожиданном случае, он воспылил страшным гневом; последовал приказ прогнать пехотинцев в крепость ударами шашек и копий, не оставляя в войске. **[134]**

Стихи:

Человек, которого охраняет господь,
/118a/ Может ли бояться в мире врага, посягающего на его жизнь?

Тому, кого блюдет бог, Никто не причинит вреда,
Все дела его он устраивает необыкновенно хорошо,
Охраняя его душу от огорчения зависти.
Когда государь получил известие об этом обмане,
Он сошел с царственного трона,
Вышел из высоких покоев
[И] построил войско в боевом порядке.
Он приказал, чтобы то славное войско
Вступило в район этой крепости.
[И] сильною мышцею разрушило его,
Потопив в потоках крови.

Словом, в то самое утро отважный государь, как радеющий о своем счастье, выстроил свои войска в боевой порядок и попросил помощи у святейшего царя, которого просят о помощи, [согласно выражения]: кто просит помощи у аллаха, тому он поможет [180](#). Об обратил свое лицо к чертогу сего владыки, не имеющего при себе сотоварища.

Стихи:

Говорил правосудному и чистому
Благочестивый государь, стоя на молитве:
“О ты, существующий превыше [всякой] мысли,
Кто знает тебя, кроме тебя [самого]?”
Я всегда душевно ищу твоего благоволения /1186/
И от души воссылаю тебе похвалы.
Я не горжусь сокровищами и войском;
Во всех делах прибегаю под твою защиту,
Ибо, кроме тебя, я ни на кого не надеюсь;
Помоги же покинутому всеми!

И вот государь, уповающий на божественную помощь, услышал из потустороннего мира весть о том, что его молитва там благосклонно принята. Он назначил Мухаммед Сейид ходжу накиба, Адила аталыка и Хошхал диванбеги минга с отрядом балхского войска к воротам “Воды”, а Фархаду утарчию и Рахман-кули бию дурману с отрядом молодежи из бухарских знатных витязей, которых поименовывать было бы долго” приказал быть у ворот “Джиган”; ту же часть [армии], что была под [135](#) сенью его победоносного стяга, он приказал Мухаммед Рахим бию аталыку юзу и Ма'суму аталыку сараю построить в боевом порядке под большим [своим] знаменем; Узи Тимура диванбеги катагана назначил начальником авангарда левой стороны, состоящего из отряда молодых воинов; Худаяра парваначи мангыта назначил начальником авангарда /119a/ правой стороны, состоящего из отряда отважных храбрецов. [Все] войны и храбрые витязи, кои в это время похвалялись своею неустрашимостью, одевши кольчуги упования [на милость аллаха] и вытащив из ножен мечи отваги, пребывали в стадии бодрости. Когда крепость обложили со всех сторон [181](#), то в то время, когда искусный, разящий кинжалом, ездок — солнце, одержал победу над ночью на груди времени и выступление утренней зари из источника солнца проявило признаки [ее] распускания, когда рассвет, трепля локоны ночи, стал излучать свет и лицо мира, подобно [металлическому] китайскому зеркалу, заблестело, полируемое светом:

Стихи:

Утром, когда солнце подняло [свой] штандарт
И отрубило позолоченным мечом голову ночи,
[Когда] победоносный свет атаковал [мир] со всех сторон
[И] от блеска его померкли звезды, —

снизошла божественная милость, [согласно коранскому стиху]: [аллах] *низвел невидные воинства и наказал неверных ¹⁸², сразу со всех сторон, восклицая такбир ¹⁸³ и рассчитывая на поддержку священного стиха: *помощь от аллаха и победа близка ¹⁸⁴, войска бросились на стены и ворота [Балха] и одним ударом как зефир, /1196/ раскальвающий крепость алой розы, пробили бреши в нескольких местах стены; одним нападением, как борей, проникающий в отверстия крепости и забавляющийся там, губит бутоны цветов, — они в нескольких пунктах проделали отверстия в стенах. Часть отважных бойцов, как львы и быстролетные соколы, бросились через проломы в стенах, а часть — по приставным лестницам внутрь крепости, бывшей другом неба и созвучной ангелам. [136]

Стихи:

Крепости, возвышающейся как Эльвенд ¹⁸⁵,
Зубцы который безопасны от аркана бедствий,
Пространство которой подобно эмалевому небу,
[А] смеющаяся роза цветника ее есть Марс. —

Они произвели избиение врагов и всюду, где находили их, не жалели обгагрять своих острых мечей вражескою кровью.

Стихи:

Показалось утро победы с востока надежды
И для заинтересованных людей окончилась темная ночь.
Образ победы и торжества есть уединенное место для молитвы вашего величества.

Нет ошибки в том, чтобы сказать: “ты сам — воплощение торжества и победы!”.

/120a/ Проклятый Махмуд, всегда только тем и упивавшийся, что *я и нет другого кроме меня ¹⁸⁶, когда его собственный авторитет ослабел в столичном городе [Балхе], когда судьба-стремянный не обула его ноги в мужество и рок не указал ему направления к [чьей-либо] помощи [и покровительству], — он, сообразно со своим положением, говорил такое двустиише:

Я устранил сердце от надежды, которую [до сих пор] имел,
[И] не снял я плодов с своих посевов надежды!

Тот проклятый полагал, что норовистый небесный скакун предоставит в руки его власти и воли до второго пришествия поводья счастья и желания; он не знал, что у небес есть обычай через непродолжительное время бросить камень раздора в стекло дома [окружающего] его общества. Разумеется, всякое постановление, которое противно основному принципу, недолговечно и всякое здание, построенное на фундаменте легкомысленности, скоро разрушится.

Стихи:

Что может сделать волшебство Фараона [своими] химерическими чарами,
Когда собеседник [аллаха, Моисей], берется за посох, чтобы совершить чудо?

В конечном итоге бездельник Махмуд, вытрезвивши свою безмозглую голову от опьянения гордостью, как растерявшаяся бешеная [137] собака, смущенный, обезумевший, вне себя, с непокрытой головою и босой, /120b/ в старом платье, то пеший,

то конный, обозленный, покончивший со всем, — этот презренный неуч через ворота “Хиабан” направился в пустыню.

Стихи:

Слезает враг с коня счастья,
Когда ты садишься на коня благоденствия.

Подтвердился смысл выражения: *пришла истина и исчезла ложь [187](#).

Стихи:

Когда утро вытащит из ножен кинжал солнца,
У звезд не остается сомнения в том, что им надо бежать,
Уместны ли капли дождя из облаков в то время,
Когда море бросает с земли [свои] волны в эфир?

Недолго светит светильник счастья каждому неблагоприятному правителю, раз его постигает возмездие со стороны истинного мстителя [т. е. аллаха], подобно тому, как красиво загоревшееся пламя потухает в одно мгновение. Когда тот проклятый [Махмуд бий аталык] оказался в глазах [своих] рабов легковесным, то за ним никто не последовал.

Стихи:

От копыт [коней] армии государя, убежища веры
Стал бродягою из Балха тот опозоренный человек.

Сбившиеся с пути: Шир Али, Султан курчибаши и Ядгар кунграт /121a/ последовали за Махмудом.

Стихи:

Сколь не бывает силен и храбр олень,
Он никогда не станет жить в чаще, где лев.
Воробей находит везде свое отечество, но
Может ли он долго оставаться в местопребывании царственного сокола?

Племена правой и левой стороны с посиневшими губами, с пожелтевшими лицами, в совершенно испорченном настроении, в несчастный день, подобно блуждающим собакам, в месяце сафаре бежали по всем [\[138\]](#) направлениям города и оазаров, ища путей спасения, и всюду, куда достигли, им препятствовала следовать дальше стена смерти. И омрачилось лицо их счастья, потускнел их взгляд надежд и их счастливый день закончился вечером гибели.

Стихи:

Каждого, у кого коварная судьба сделала счастливое лицо черным,
Мятежный рок не допустит его уйти [подобру-поздорову]

Главы этого народа: Тагма, Абдуссамад, Ходжиберды, Мухаммед кули мангыт и прочие попали в плен. Отряды солдат, подобно голодным соколам, налетающим на голубятню, войдя в город, приложили руки к грабежу и расхищению: все, что они находили, забирали.

Стихи:

Раскрыло войско руки для (всяческой) несправедливости,
Вращающееся же небо заперло врата правосудия.

/1216/ Для населения Балха тот день стал днем страшного суда и смятением второго пришествия, и оно воочию увидело страх [и ужасы] кончины мира на этой земле.

Стихи:

При наводнении бедствиями обнаружили [ужасы] страшного суда
И не было возможности народу противостоять этому, ни бежать от этого
Ни у кого не было покоя в доме,
Никто не видел и на улице способа бегства [от этого бедствия].

Крики мужчин, вопли женщин и [отчаянный] плач детей от мала до велика доносились до вращающегося неба; [при виде этого] вздохи сожаления исторгались из груди ангелов семи небес и сердце неба разрывалось от жалости.

Стихи:

[Общий] мировой вопль поднялся ввысь;
Поднялось [невообразимое] смятение и в городе, и в степи,
[Так что] ты сказал бы, что прозвучала труба Исафиила ¹⁸⁸,
Земля разорвалась на части и небеса разверзлись,
Содрогнулись горы и потряслись равнины. [139]

Ужасный крик пронесся из девятого неба и молниеносный огонь ярости так воспылал, что сгорело большинство кварталов и базаров. [Военные] столько награбили [всякого] имущества из дворцов и домов богачей и индусов, что земля получила вид [по коранскому выражению] *извергнувшей свои бремена ¹⁸⁹. Некоторые матери и дочери мусульман /122a/ были забраны, как пленницы. Это недостойное дело, этот безобразный поступок были для бухарцев злополучными: среди них возникла моровая язва и большинство их стало пленниками смерти и добычей конюха Азраила.

О СЧАСТЛИВОМ МОНАРШЕМ [ВОСШЕСТВИИ] ПОКОРИТЕЛЯ МИРА НА МОГУЩЕСТВЕННЫЙ ПРЕСТОЛ “КУПОЛА ИСЛАМА”, БАЛХА, — ДА СОХРАНИТ ЕГО АЛЛАХ ОТ БЕД И НЕСЧАСТИИ!

Хвала аллаху! С помощью всемогущего творца и при руководительстве правильными решениями в конце концов молния государева меча, подобно мечу молнии покорителя мира, и его солнцеподобная мысль, подобно взгляду мироукрасительного солнца, естественно, благодаря своему счастливому могуществу и удачному споспешествованию, всюду, куда они [меч и мысль] не устремляли свои победные знамена, навстречу их счастливому кортежу неслись о-двуконь победа и одоление. И всюду, где находилась цель высокой энергии его величества, на пути к ней спешили к нему счастье и удача. Короче говоря, когда до /122b/ высочайшего слуха достигли вопли несчастного населения, [страдающего] от огня, грабежа и от ветра насилий, тот уповающий [на аллаха] милосердный государь не мог более сего переносить; он вскочил на своего быстрого, как разящий рок, коня и с шашкою в руке, как опьяненный лев, благополучно достиг до ворот Джиган. Здесь, увидев одного из племени правой и левой стороны, он ударил злодея шашкой по талии и, рассекши на две части, въехал в ворота. Государь, покоритель крепости, одел свой разящий кинжал в разноцветное платье, а своей блестящей шашке подарил пурпуровый плащ ¹⁹⁰.

Стихи:

Счастливым конь под бедрами удачи и победы, голова кверху,
Впереди триумф и торжество ¹⁹¹, потом помощь божественного руководства. [140]

Победоносный хакан [Убайдулла хан], открыв перед лицом балхского населения врата милостей и благодеяний, приказал глашатаям кликнуть клич о прекращении этих неприличных выходок со стороны разгулявшейся вольницы. По обнаружении этого распоряжения последняя, по необходимости прекратив насилия и грабежи, не посмела ослушаться высочайшего приказа властелина мира.

Стихи:

/123a/ Смотри, принимай во внимание интересы подчиненных
[И] бойся могущества судьбы!
Подумай о муравье, сколь он отважен;
Не оскорбляй сердца самой ничтожной твари,
Ибо из каждого сердца ведут двери к святейшему [богу];
Остерегайся и колючки, ибо она [острый] кинжал.

Его величество, Марс по свирепости и солнце по [своему] положению, жеманясь и плавно выступая, утром, в благословенный пятничный день, воссел на счастливый [балхский] престол, который был наследственным для сего владыки человеческого рода.

Стихи:

То обещание, что дала судьба, исполнилось,
И то дело, которое желала эпоха, осуществилось.

От сияний виновника сего просветлели счастливые очи балхского населения; взрослые и малолетние [все], молитвенно подняв руки, говорили:

Стихи:

Мы были мертвы в злополучное время,
Теперь же, [в день] освещающий мир, мы ожили.

Великие и благородные люди Балхской области, явившись к подножию престола халифского достоинства, открыли свои уста для выражений счастливых пожеланий его величеству, победы над врагами и для поздравлений [со вступлением] в царственное управление [Балхом].

Стихи:

Когда взошло полное благородства солнце в знаке Тельца ¹⁹²,

оно увидело несколько человек из правящего и знатного сословия, счастливое древо которых поднималось ввысь из потока доверия и [141] свободы. Так как возможность [оказания] благодеяний и [самые] милости подвергшихся забвению благотворителей [до того] упали в колодезь несчастья и в пучину бедствия, то благодарность благодетелю [хану] является причиной увеличения его благодеяния, неблагодарность же по отношению к нему влечет за собою избыток неповиновения [ему], возмездие же неблагодарным за благодеяние есть невыносимое мучение, что

подкрепляется выражением: *не проклял ли всемилостивый [бог] за неблагодарность к [оказанному] благу ¹⁹³.

Стихи:

Возмущение против благодетеля есть дерево,
Плоды которого — гибель и лишения.
И никто еще из искушенных жизнью людей
Не видел на его ветвях добрых плодов.

**ОБ УСТРОЙСТВЕ И ПРИВЕДЕНИИ В ПОРЯДОК БАЛХСКОЙ ОБЛАСТИ, О
ПРЕПОРУЧЕНИИ ДЕЛ И ПОГРАНИЧНОГО НАДЗОРА БАЛХА И БУХАРЫ
БЛАГОЖЕЛАТЕЛЬНЫМ ЭМИРАМ И САНОВНИКАМ,
БЛАГОРАСПОЛОЖЕННЫМ САМООТВЕРЖЕННЫМ МОЛОДЫМ ВОИНАМ И О
ПРОЩЕНИИ ЗАБЛУЖДЕНИЙ НЕКОТОРЫМ МЯТЕЖНИКАМ ИЗ БАЛХСКОГО
ВОЙСКА ПО ПРОСЬБЕ ВЕРНЫХ ЭМИРОВ ВЫСОЧАЙШЕГО ЧЕРТОГА**

Когда целеустремления царственного покорителя мира десницею /124a/ небесной помощи изгладили со страницы бытия слова “проклятый Махмуд” и “злосчастные бунтовщики”, когда были выметены из цветника Балхской области валежник [и колючки] злоумышляющих личностей, когда [государь] подарил территории [балхского] владения чистоту безопасности и спокойствия, сбросил в подземелье небытия бытие вредителей государства и, сжегши молнией расправы гумно существования тех рожденных под несчастною звездою [мятежников], успокоил орошением [своего] сверкающего меча бунт этих смутьянов, — тогда его величество, счастливый монарх, устроил тайное совещание с эмирами и военачальниками об устройстве [балхских] дел. Бросивши тень [своей] благосклонности на приведение в порядок дел Балхской области, на благоустройство населения и благоденствие тамошних масс, он представил на обсуждение вопрос об устранении насилий и несправедливости [по отношению к местному населению] и о водружении знамен справедливости и правосудия, подобающих милостям справедливого [142] монарха. Разумеется, милосердный государь, подчиняясь требованиям /124b/ гуманности, зачеркнул на страницах биографий некоторых эмиров и военных Балха их неблагоприятные действия против него, когда они примкнули к проклятому Махмуду и выказывали ему свое благорасположение, и удалил их с своих глаз.

Стихи:

Его благоволение великодушно оказывает помощь несчастному;
Его правосудие изгоняет из эпохи несправедливость.
В его справедливое время [даже] у утреннего ветерка
Нет смелости разорвать рубашку розы ¹⁹⁴.

Те же, что противодействовали Махмуду, при целовании порога [престола] его величества завоевателя мира потирали его лицами преданности и рисковали своею жизнью за его величество, они были удостоены пожалования им соответствующих высоких должностей и важных чинов. Так, убежище начальствования. Адиль бий минг был отличен возведением в звание верховного аталыка балхских областей; Хушхал бий, сын Яр Мухаммеда аталыка, удостоился получить должность диванбеги тех же мест; Ибадулла бий тилав был сделан парваначи, Тахир кушбеги катаган — дадхою тех же областей. Те чины и жалуемые места, которые были найдены обычными в Балхе, были розданы [/125a/ эмирам], ошастливленным и обрадованным, каждому сообразно его заслугам и положению. Из бухарского войска Фархад бий утарчи, который в настоящем походе особенно рисковал своею жизнью, удостоился получить в управление область

Шахрисябза, бывшую до сего в обладании племен правой и левой стороны, которую они считали (как бы) своим могильным склепом и (теперь) после проявления мятежа сего упорного народа, [изъятую у них]; Мухаммед Рахим бий аталык, сын Аллаяра аталыка, получил в управление. Карши; сведущий в военном искусстве Ниматулла бий найман, блюдший [все] условия самоотверженности, был назначен к выполнению дел, свойственных званию дадхи г. Бухары. Каждый из храбрецов и молодцов бухарской армии, проявивший мужество и отвагу в этой славной кампании, был осчастливлен чином и должностью сообразно степени (своих заслуг). Так как всех их [143] перечислять поименно было бы долго, то [мое] двуязычное перо и не осмеливается сделать это.

Что касается должности везира и важного государственного /1256/ поста, связанного [с управлением] богохранимыми провинциями Балха, то это было препоручено мулле Абдуррахману, который при взятии Балха устроил удачный подкоп. Важное дело секретарства с присоединением [к нему] секретарства по Балху было пожаловано первому в списке достойных, примечательных по своему таланту и искусству, Мир Мухаммеду ¹⁹⁵, после же того как секретарь судьбы и каллиграф фирманов предопределения выскоблил со страниц жизни начертание его имени:

Стихи:

Когда прошла весна его жизни,
То закрылась книга его жизни, —

исполнение обязанности секретаря Бухары было поручено казию Юсуфи Джуйбари, который язычком [своего] пера показывал ослепительный свет [искусства]; секретарство же по Балху, на основах сотоварищества, было утверждено за муллою Захидом и муллою Абдуллою. Заведывание тамошней библиотекою было поручено мулле Абдулбаки, который в эпоху халифства его величества, в бозе почившего хана [Субханкули], был хранителем библиотеки. Мулла Юсуф-и Балхи, племянник Мирза ата, красотой и грацией уподоблявшийся Иосифу Прекрасному и не имевший себе равного по таланту, совершенству и красноречию, был назначен состоять при небовидном дворце в Балхе. На имя Баба ходжи чухраакабаши был дан [высочайший] приказ о назначении его /126a/ попечителем и заведующим [делами] шейхов светозарной гробницы и благословенного порога, — места явления чудес и удивительных происшествий, — четвертого халифа, государя мужей, льва господня, святейшего Алиа, — да почитит аллах лицо его! [144]

Каждый из приближенных к [высочайшему] двору [лиц] и из чиновных деятелей [царственного] чертога удостоился получить повышение сообразно степени исполняемых им дел и обязанностей. Так как повествование о каждом из них было бы [излишним] многословием, а этот ничтожный [автор сих строк] не уполномочен быть надоедливym, то, разумеется, он повернет в другую сторону [своего] хорошо идущего доброго коня, перо [Впрочем] лишь всевышний аллах наилучшим образом осведомлен о действительности дел!

О ВОЗВРАЩЕНИИ ПОБЕДОНОСНОГО ХАКАНА, [УБАЙДУЛЛЫ ХАНА], В ИСКОННУЮ СТОЛИЦУ, Т. Е. В ПРЕКРАСНУЮ СТРАНУ БУХАРУ, — ДА СОХРАНИТ ЕЕ ВСЕВЫШНИЙ АЛЛАХ ОТ БЕД И НЕСЧАСТИЙ!

Когда территория купола ислама, Балха, была завоевана рабами правосудного государя и розовый цветник этой области, благодаря блеску счастливого прибытия монарха эпохи, очистился от колючек и /1266/ валежника наглых бунтовщиков, — все население и все подданные обитающие в этой области, заснули в колыбели покоя и

безмятежного существования. Что касается [бухарской] армии, то после выполнения [государственной] службы [по взятию Балха] у нее в голове только и думы было, как бы поскорее вернуться домой. Освещающее мир солнце [уже] вышло из знака Близнецов ¹⁹⁶ и расположилось в созвездии Рака ¹⁹⁷, зной и гнилость воздуха дошли до такой степени, что как бы говорили в стихе Корана: они — жгучий огонь ¹⁹⁸, [впрочем] свойство балхской жары не нуждается в объяснении.

Стихи:

В печи ее солнца птицы превращались в жаркое.

Такой [зной] и гнилость воздуха вызвали требование войска [о скорейшем выступлении в Бухару]. Естественно, что повелитель мира признавал за благо позаботиться о сохранении армии и войти в ее положение и, остановив свою благословенную мысль на возвращении [в Бухару], направил поводыя своей августейшей воли в направлении к своему основному престольному городу. Изложение сего события таково.

Когда высокая мысль миродержавного государя освободилась от заботы покорения Балха и его светозарное сердце покончило с этим **[145]** важным делом, счастливый кортеж вернулся в Бухару и победное /127a/ счастливое время и касающийся неба полумесяц [ханского] зонта взошел над горизонтом этого района.

Двустиишие:

Дни [покорны] его счастливой звезде
И небеса склонили голову над территорией его повеления.

Его величество, убежище государства, в течение нескольких дней освещал луною [своего] августейшего лица пиршественные собрания, а потаенные комнаты дворца удовольствий под блеском [его] счастливого солнца стали объектом зависти райского сада; он поднял свои подобные морю длани, кои оросили почву войны водою вражеских жизней, для рассыпания жемчуга [милостей] и его благодетельная рука, которая украсила поле сражения перлами вражеских жизней, [теперь] взялась за кошелек удовлетворения моряков ¹⁹⁹.

Двустиишие:

В бою он хватает, на пиру одаряет;
Его господство — в верховой езде ²⁰⁰, весь мир обращается к нему с просьбами.

Когда излилось дождем облако бесконечной милости государя, раздавателя корон и завоевателя мира, когда на арену состояния эмиров и духовенства, на простонародье, и на благородных Балха и Бухары протекло обилие его даров и почестей, — [его величество] вложил свою благословенную ногу в счастливое стремя. [Все] население Балха, господа и простой народ, платящие и неплатящие подати, подобно /127b/ населению Египта, признававшему невозможным оставление святейшим Иосифом своего дела [по управлению страной, при проводках] шло и ехало наравне с ним, заимствуя [блеск] света его величия, подобно атомам от солнца. Милостивый монарх расспросами о положении успокаивал и умиротворял сердца народа. В прелестном саду Баги Мурад, который разбит за воротами “Ходжа Султан Мухаммед”, глава царей соизволил совершить свою остановку [по выезде из города]. В тот же день там был устроен пир; эмирам и духовенству Балха была дана аудиенция, были раскрыты двери для простого народа и для

аристократии, для молодых [146] и для стариков и всем был дарован [свободный] доступ. В следующий раз [государь] удвоил награждение людей, непрерывное оказывание милостей [было таково, что] милость к одному он изволил выразить в [форме] тысячи разных милостей.

Поскольку взоры благословенного [ханского] желанья были прикреплены к области Андхуда ²⁰¹, то победные знамена придя в движение из-под Балха, водрузились в местности “Салбару”, бывшею /128a/ собственностью Мухаммед Сайид ходжи накиба. Выступив отсюда на следующий день и совершая переход за переходом, достигли крепости Акча, подле ворот которой разбили царственную палатку. Там остановились на один день; правители этой крепости, четыре человека, принадлежавшие к туркменским племенам, явившись [к хану] выполнили условия рабской преданности и служения [ему], предоставив в пользование рабов высочайшего порога все то из продуктов питания, что имели; благодаря всеобщему почету и уважению, государь мира стал весел и счастлив. На следующий день, когда освещающее мир солнце подняло свой светоносный штандарт, осветив вселенную своим светом, государь мира, подобный солнцу, вложил благословенную ногу в счастливое стремя, [направился дальше], любуясь горами и степями; [через некоторое время] соизволил остановиться в урочище Миср-Рабат, принадлежащем к области Шибирган.

О НЕСЧАСТНОМ СЛУЧАЕ, ПРОИСШЕДШЕМ С ДОСТОУВАЖАЕМОЮ ЛИЧНОСТЬЮ ГОСУДАРЯ МИРА, ВСЛЕДСТВИЕ ЧЕГО ПРИШЛОСЬ ОТЛОЖИТЬ НА ДВА — НА ТРИ ДНЯ ДАЛЬНЕЙШЕЕ ПУТЕШЕСТВИЕ

Большинство компетентных людей сообщает, что район Шибирган /128b/ по малочисленности в нем построек, по отсутствию посевов и древесных насаждений и по засушливости земли, [является центром], откуда дует [горячий] ветер — самум. То же может засвидетельствовать и пишуший эти листы, который пробыл несколько дней по нужде на этой солончаковой почве, когда самум застиг многих из его товарищей, что [впрочем] кончилось благополучно [для них]. [147]

Короче говоря, когда упомянутый район стал местом лагерной остановки [хана], то с августейшею личностью [последнего], вследствие вредного здешнего климата, случилось несчастье: его благородное здоровье, под влиянием противоположных начал, сошло с пути устойчивости ²⁰² и его высокоценная натура ²⁰³ в течение двух-трех дней была скована болезнью и страданием. Под влиянием этого горестного события и мучительного происшествия между рабами [хана] возникли такие разногласия, что и объяснить невозможно ²⁰⁴. Эмиры, военачальники и /129a/ слуги высочайшего двора, оказавшись бессильными [что-либо сделать] и обеспокоенные, доставали бедным людям [разные] подношения и пожертвования. Ходжи, сейиды, ученые, шейхи, молодые и старые молитвенно воздели руки и просили здоровья августейшей особе у [единственно] истинного целителя, [аллаха]. И хвала аллаху, благодарение абсолютному врачу и достойному всяческого почитания искуснику, что он по своей совершенной мудрости и всеобъемлющему искусству даровал [его величеству] из потустороннего госпиталя и из дома несомненного излечения быстрое исцеление ²⁰⁵. Освещающее мир царственное солнце, [снова] появившись из-за покрывала затмения, и луна царственного неба, показавши свое лицо из-за уз помрачения, [оба] засветили миру и его обитателям. Роза счастья распустилась на лугу веселья и древо жизни стало плодоносить в саду спокойствия.

Когда государь мира украсил свой стройный, как кипарис, благословенный стан и, приведя в движение из этой ужасной долины [свой] победный штандарт, вложивши

благословенную ногу в стремя счастья, /1296/ дал шпоры своему коню серебристой масти, — все эмиры, духовенство и все сборище молодежи и храбрецов армии, бросившись к его августейшему стремени, превознесли и восхвалили его. Адил аталык, который был перед государем, молитвенно раскрыв руки, произнес: [148]

Стихи:

“Небу запрещена дверь к тебе, о благодетель,
У твоего величества — убежище для царей мира,
Твои совершенства, о, государь, — духовного порядка,
(И) нет их, о шах, ни у одного миродержца и ни у одного монарха!
Сердце твое погружено в сияния несомненной истины,
Мир — твое царство при наличии сего правосудия и веры,
О, боже, от несчастий источник совершенства,
Сего государя, сохрани навечно!
Дай его сердцу погрузиться в справедливость по отношению к людям
И укрась его правосудием для всех без исключения!
Да останется он счастливым монархом.
Превыше того, кого таковым принято считать в мире!”.

После сего из царственной ставки раздались звуки большого ханского барабана и флейт, войска, готовые к походу, выступили в [/130a/ дальнейший] счастливый путь. Повелитель мира, отпустив отсюда Адиля аталыка и удостоив его необходимыми советами в отношении управления [Балхскою областью] и забот о благе [ее] населения, двинулся в путь совершив ряд переходов, по вредности воздуха остановился на урочище “Ходжайи Дукух”. На следующий день, когда утро разорвало завесу ночи и открыло свое сияющее лицо, был дан приказ о выступлении. Совершая в один переход две остановки, [государь, наконец], бросил тень своего внимания на население крепости Андхуда и сделал это место своею ставкою.

ОБ ОСТАНОВКЕ В АНДХУДСКОЙ ОБЛАСТИ (ГОСУДАРЯ), ВМЕСТИЛИЩА ВЕЛИЧИЯ И СЛАВЫ, И О ПРЕДАНИИ СМЕРТИ НАЗАРА ДАДХИ ТУРКМЕНА ЗА ЕГО ЗЛЫЕ ДЕЛА

Назар туркмен, брат Баки шигаула, будучи назначен для исполнения обязанностей дадхи по Балху, до настоящего времени имел отношение к управлению Андхудом. Сойдя со своего пути, он осмелился провозгласить слова “бунт” и “неблагодарность его величеству”. /1306/ Подробности этого обстоятельства таковы. Во время правления его величества, Субхан-кули хана, Муким Мухаммед султан, наместник Балха, по подстрекательству тамошних вредных людей выступил из повиновения своему великому деду и вытащил меч из ножен сопротивления [ему]. По этой причине среди населения Балха и его районов возникли смуты и [149] неурядицы. Назару дадхе, человеку отважному до бесстыдства, хмель дурмана ударил в голову и он нашел этот случай в высокой степени подходящим [для осуществления своих честолюбивых замыслов]. Он погнал коня возмущения на ристалище непокорности. [Его соплеменники] туркмены, кочевавшие в тех пределах, по дьявольскому наущению и подстрекательству этого подлинного Азазила ²⁰⁶, свернули с правильного пути и стали затруднять пути сообщения мусульманам. Тот же дерзкий бунтовщик, тот неблагодарный, наглый банги ²⁰⁷, не знал того, что когда поднимается завеса чувства уважения, то в этом случае обнаруживаются изъяны в делах каждого человека, когда прорывается подкладка почтения, то из-за покрова прятания выставляются скрытые [до сего] пороки каждого; [поэтому] словно бури невзгод отбросили из его пронизательного взора спасительный путь и словно вся его до конца продумывающая мысль перенесла [свой] шатер с арены тайных расчетов на открытое /131a/ пространство. Эти злодеяния [Назара дадхи] дошли до слуха государя и

запали в его лучезарное сердце, будучи отложены [для возмездия] на [какой-нибудь] час. В настоящее же время, когда территория данного района стала местом победоносного [ханского] лагеря, тот презренный затрепетал, подобно полузarezанной курице, и стал метаться, как рыба в сети; он с мечом и саваном [на шее] явился для целования праха [августейшего] порога ²⁰⁸. Когда настало время этому сбившемуся с пути идти в ад, то не было соизволено оставить ему жизнь и повеление судьбы было таково, чтобы его забили палками на смерть.

Двустиише:

Всякий, кому судьба благоприятствует,
От судьбы [и] получает свое возмездие.

Справедливый и благочестивый государь очистил садик этой /1316/ территории от колючек и валежника мятежников. Арслан бакаул туркмен, бывший из числа туркменского населения, в войне считался не меньше, чем тигр, а по учености, таланливости и [разным] достижениям не имел себе равного среди своих соплеменников. Благопопечительный государь, милостиво отнесшись к Арслану бакаулу, пожаловал ему управление той областью [Андхуда] и дал ему множество наставлений [150] относительно сохранения крепости и охраны путей. Словом, государь успокоился в отношении [состояния] этого пограничного района и, выступив: в [дальнейший] путь, последовал через Керкинскую переправу ²⁰⁹. Так как [по мере приближения к столице] падишах все сильнее ощущал полный благодати воздух Бухары и любовь к родине, то он не изволил остаться в Карши больше, чем на двое суток, и [отсюда] с поспешностью в два перехода [достиг столицы и], вступив в город, воссел на счастливый престол. Тот год [его величество] занялся удовольствиями и весельем.

**ОБ ОТЪЕЗДЕ ФАРХАД БИЯ В ОБЛАСТЬ ШАХРИСЯБЗА С НАМЕРЕНИЕМ
СТАТЬ ЕЁ ПРАВИТЕЛЕМ, СТРЕМЯСЬ К НЕЙ, КАК К ШИРИН ²¹⁰, ОБ
УПОРСТВЕ ПРЕЗРЕННЫХ ПЛЕМЕН ПРАВОЙ И ЛЕВОЙ СТОРОНЫ И
НЕПЕРЕДАЧЕ ЕМУ КРЕПОСТИ; О ТОМ, КАК ОН БЫЛ ОХВАЧЕН
НЕСЧАСТЬЯМИ И БЕДСТВИЯМИ. ЭТОГО ВРЕМЕНИ, О ЕГО БЕСПОЛЕЗНЫХ
УСИЛИЯХ И УДАРЕ ТОПОРА ПО ТЕМЕНИ ЕГО АЛЧНОСТИ**

/132a/ Когда государь подобного звездам войска и с солнцеподооным венцом проучил при взятии Балха злоумышленные банды племен правой и левой стороны за их безобразные проступки и произвел над ними расправу мечом, он пожелал пограничную область Шахрисябза вырвать из их рук и подчинить себе. Во внимание к самоотверженности, проявленной Фархад [бием] под Балхом, а также в предположении, что племя хитай-кипчаков исполнит свое обязательство об отобрании Шахрисябза [у племен правой и левой стороны, хан] украсил [изданный] им ярлык на управление этою областью именем Фархада. Злосчастный эмир, обрадованный [этим назначением], тотчас же направился к племени и улусам хитай-кипчаков, обитавшим в окрестностях Карши и в районах [151] Самарканда и Мианкаля. По прибытии он распространил среди [названного] племени приятное известие об этой [пожалованной] области и благовую весть о пастбищах и богатых травах этой новой земли. Хитай-кипчакский народ, ввиду разъединения своих племен и улусов вынужденный жить по разным районам, заявил о своем желании иметь такую /132б/ крепость. Старшины хитай-кипчаков, проявивши радость [по случаю приезда Фархад бия], кликнули клич и собрали войско. В окрестностях Пул-и Мирза, что был известен как Булджар, все собрались; старшины устроили совещание в этом районе; они сказали: “нам нужна руководящая мысль, ибо мы сами знаем, что племена правой и левой стороны в сем государстве проявили неповиновение и мятеж и вследствие [нахождения у них] такого сильно укрепленного

пункта, [как Шахрисябз], они навели страх на все пути. Теперь же они размышляют о своих могилах, особенно со вчерашнего дня, когда каждый из них был ранен мучительно разящим копьем государя; большая часть их старейшин погибла, а те, что остались, неизбежно и легко отдадут свой [насиженный] юрт. Впрочем, не нужно быть легкомысленным, может статься, что войско, которое мы в настоящее время собрали, подле тех бесчисленных войск [окажется] не больше коровьего уха”. Фархад бий, поднявши голову, сказал: “Каковы же будут после таких разговоров намерения старейшин? /133a/ Пусть они объяснят их более определенно!” Собрание отвечало так: “конечным результатом является взятие юрта Шахрисябза, который государь пожаловал в награду вам за благорасположение [ваше] к нему. Да и устремлением высочайшей мысли было то, чтобы племена правой и левой стороны соблюдали свои обязательства в отношении той территории, поскольку вы сами говорите об этом. Во всяком случае сообразно с заветным желанием государя, доведши среди друзей и врагов дело до благополучного конца и блюдя свою честь, мы вырвем [шахрисябзский] юрт из рук этих упорных племен. Но не дай бог, если тот народ, став в положении раненого кабана, почувствует свой близкий конец! Мы думаем, что они проявят [в этом случае] смелость и отвагу в такой мере, что нашему войску, чего доброго, придется плохо; в таком случае, как мы можем быть среди других народностей с поднятой головой?”

Двустиишие:

Случается, что полстолетия пользуешься хорошей репутацией,
И вдруг [какое-нибудь] одно скверное дело разрушает ее у тебя, [152]

/133b/ Нужно подумать и о таком дне, когда не следует считать врага ничтожным и презренным! Не напрасно сказано:

Стихи:

Берегись, мудрый человек, того, кто тебя боится,
Особенно [если] с сотнею подобных ему тебе придется вступить в борьбу!
Не наблюдал ли ты, что когда изнемогает кошка,
Она выцарапывает когтями глаза тигру.

[Поэтому], сколь бы ни ослабели те люди и сколь бы ни разбежались они под натиском государя, все же нужно соблюдать осторожность!

Двустиишие:

Когда судьба приласкает слабого,
То и муравей поспорит с лютым драконом.

Если вы, эмир, последуете нашим советам, то мы теперь прервем выступление. Хитай-кипчаков в этом владении немало, но самое лучшее, если мы, назначив несколько молодых витязей в качестве военных инспекторов, [через них] соберем все хитай-кипчакские племена и улусы от мала до велика, снабдим их оружием и снаряжением и [затем уже] хорошо [подготовленными и сильными] отправимся для осуществления сего важного дела”.

Фархад бий, услышав эти слова, сказал: “неудобно вам, о люди, /134a/ говорить подобного рода слова, противные правильному образу действий, словно вы еще не можете позабыть тот удар от [племен] правой и левой стороны, который вы один раз испытали. Ведь в сущности что собою представляют в государстве эти племена, которые

проникнуты ныне таким ужасом и страхом? Искреннее желание нашего государя иного рода, [именно] нужно теперь же овладеть юртом Шахрисябза и [затем] мы закончим другие важные дела. Фархад бий таким образом говорил, что народ этот волей-неволей послушался того, что старался внушить эмир. Подняв знамя войны и подготовив воинское снаряжение и оружие, выступили в поход, быстро, без всякого замедления, направляясь к твердыням Кеша. Когда племена правой и левой стороны получили известие об этом обстоятельстве, о приближении Фархад бия с войском в боевом строю, они также приступили к подготовке орудий войны. [153]

Они пришли к заключению, что Фархад бий, несмотря на то, что надеется на свое многочисленное войско, все же боится [их].

/1346/ Совет:

Врага, как бы незначителен он не был, ты;
В видах благоразумия, считай большим;
Принимай свое дело к сердцу!

Всевышний аллах [впрочем] самый осведомленный об истинах дел [человеческих]!

О НЕКОТОРЫХ УДИВИТЕЛЬНЫХ ПРОИСШЕСТВИЯХ, СЛУЧИВШИХСЯ В БУХАРЕ ВО ВРЕМЯ ПРАВЛЕНИЯ ТОГО ГОСУДАРЯ ЗЕМНОЙ ПОВЕРХНОСТИ [УБАЙДУЛЛЫ ХАНА]

В год 1120, соответствующий году Мыши ²¹¹, в Бухаре появился один человек, который заявил следующее: “я без помощи веревочного приспособления заберусь на этот [высокий] минарет и положу кирпичи кладчиков”. Это заявление в течение нескольких дней получило широкую огласку среди простого и благополучного сословия [города], и вот однажды этот человек осуществил его в действительности. Волнение охватило всех и к подножью минарета собралось множество народа из городских и степняков. Пишущий это тоже решил посмотреть [небывалое] зрелище. Когда я достиг до того места, где все это происходило, я /135a/ увидел того человека внизу большого минарета. Он взял два железных костыля, оканчивающихся кольцами, размером в 1 шариятский гяз ²¹² и привязал за эти кольца веревку длиной около трех гязов; забил большим молотом первый костыль в отверстие, которое мастера специально оставили для такого дела в теле минарета. Укрепивши костыль, он поднялся на него посредством той хитрости, которую знал. Затем вбил [в кладку] другой костыль на высоте большей, чем его рост, и поднялся на этот костыль. Так как веревка была привязана за кольца костылей, то он захватил веревку двумя пальцами ноги и стал ее двигать, вытаскивая из отверстия [этим способом] первый костыль, он захватил его в руку. После сего он этот [первый] костыль тем же способом вбил [в кладку] выше своей головы и поднялся на него; таким же движением [ноги] вытаскивал [второй] костыль. Короче говоря, этим манером, как [154] /135б/ описано, этот невежественный человечико поднялся на вершину минарета. Зрители стали кричать: “браво!”. А тот плут, [как обещал], прикрепил кирпич [к кладке каменщиков].

Когда все это было доложено его величеству падишаху, он приказал привести того человека в свое присутствие. Когда тот предстал перед благословенные очи государя, последний подробно расспросил его о происхождении и местопребывании. Оказалось, что [этот человек] был ученик-муэzzин ²¹³, происходивший из г. Бухары; его отец, отправлял обязанности муэzzина при медресе Базари гусфанд ²¹⁴. Государь, владыка всепомоществования, сказал: “я вижу по внешности, что этот человечика — жулик и посему нахожу обман [с его стороны], так как он ради одного зернышка готов пролить кровь множества мусульман. Я полагаю, что так как он знает, как влезать на крыши домов

мусульман, то ему [легко] будет грабить их. Такого человека нельзя оставлять в государстве!

Оттого, что в светоносных мыслях его величества на первом плане стояло попечение о благе подданных, он хотел, чтобы в его государстве не было никакой смуты, исключая [соблазна] от любовного подмигивания красавиц, и никакого расстройства, кроме того, что вносят /136a/ локоны влюбленных. Естественно, что государь вскипел ревностью [по охране столицы от смуты] и отдал приказ о предании смерти этого мошенника. Но поскольку мера его жизни не наполнилась и не наступило еще время сказать ему последнее прости своей молодости, то по усиленным: просьбам приближенных [царского] чертога ему была оставлена жизнь. А так как не может последовать изменения приказа, которому повинуются мир, то [плуту] немного обрезали уши, пролив, [таким образом], его кровь. Прошло несколько дней. Вследствие агитации Балтуи сарайи и некоторых придворных у государя возникла мысль [лично] посмотреть этого обманщика за его удивительным делом. Естественно, что царскую палатку поставили на верху большой соборной мечети, при которой имеется минарат для призыва на молитву ²¹⁵. Государь мира со свитой из эмиров и министров соизволил прибыть на указанное место, чтобы [155] посмотреть, [как будет влезать на высоту ученик-муэzzин]. Масса народа в этот день взобралась на портал мечети, чтобы лучше видеть зрелище. Тот мошенник, подойдя к подножию минарета, приступил к восхождению /136b/ тем способом, который выше упомянут. Пишущий эти строки полагал, что он повторит этот прием, удовлетворившись тем, что он показал в первый раз, но он показал большее в этих поднятиях на [своеобразные] ступени, так что когда этот жулик с помощью костылей достиг до места муэzzина на минарете, то бросился в одно из отверстий-окон, что строители оставили для освещения ступеней [внутренней лестницы ²¹⁶, и, вторично появившись из отверстия-окна, проделал следующее: без костылей и веревок, только держась кончиками пальцев рук и ног, обошел вокруг места муэzzина, следуя от кирпича к кирпичу по парапету, выдававшемуся из тела минарета всего на два пальца. Видя это поразительное дело, государь и все зрители зажмурили свои глаза; часть кричала: “браво”! Другие же выражали отвращение: “этот опыт — /137a/ противный; когда человек того и гляди распростится с жизнью, то можно ли его действия считать за заслуживающее внимания занятие?!” После того [плут] вошел в то же отверстие-окно, в которое он влезал впервые, и затем по ступеням внутренней лестницы спустился вниз, преклонил колени перед государем и выразил ему свое почтение. Государь же, пожаловав ему халат, отдал приказ, чтобы [все] ремесленники города и степи незамедлительно дали бы по одной тенге с каждой лавки этому человеку за его столь трудное и удивительное деяние. После сего случая большинство бухарцев уверовало в этого жулика. Эти наивные люди говорили: “подобное дело не каждый человек может сделать, разве только святой”. Но тот злосчастный, совершивши омерзительные поступки и подвергши испытанию на оселке медь существа своего, целиком обманного и беспробного, появился в мире на короткое время. Да! у кого в природе нет ничего доброго, тот в то время, когда виноград еще не созрел, начинает уже кричать по-пьяному.

/137b/ В самом деле тот жулик, получивши за свое искусство пять тенег, [156] покупал бутылку вина [и] по обычаю пьяниц прятал [ее] за пазуху, [чтобы распить наедине]. Говорят, что в конце концов тот несчастный достиг того, что когда воровским способом забрался в одно место, его [захватили и] повесили за горло. Одно из чудес его величества, свыше вспомоществуемого государя, было именно то, что он предугадал его конец. Впрочем, лишь аллах всеведущий!

О ВВЕДЕНИИ НОВЫХ ДЕНЕГ И О ВОЗНИКНОВЕНИИ СМУТЫ СРЕДИ ЖИТЕЛЕЙ Г. БУХАРЫ ПО ЭТОЙ ПРИЧИНЕ

Менялы пробной палаты красноречия и чеканщики монетного двора остроумия [первые] возымели желание ввести в обращение новые деньги, изменить чеканку монет и убавить ценность танги. Мастер слова, мулла Мухаммед Ховандшах ²¹⁷, да будет над ним милость аллаха! — в своем “Саде чистоты” описал введение новых денег, чреватое дурными последствиями; государь, отдавший приказ об изменении чеканки и убавлении ценности танги, вызвал смуту в народе божьем и разрушение своего государства ²¹⁸.

/138a/ Обстоятельства, вызвавшие в Бухаре в 1120 г., соответствующем году Мыши ²¹⁹, введение в обращение подобных денег, были таковы. Вследствие превратностей судьбы наличность в казне высокоименитых государей [Бухары] подверглась уменьшению, к сему присоединилась [также] расточительность и траты его величества государя [Убайдуллы хана]. Почва же к сему подготовилась таким образом. Финансовые чиновники небовидного [высочайшего] двора забирали в долг у богатых лиц города и торговцев на производство нужных и ненужных расходов казначейства много денег, так что средства дивана на покрытие [долгов] не хватило, расходы же государя день ото дня все [157] увеличивались. При таком положении мехтар Ходжи Шафи', порочность коего была в числе его прирожденных качеств, пожелал по своей душевной развращенности увековечить на страницах эпохи историю своего бесчестия и сделать себя до второго пришествия мишенью стрел */138b/* попреков и укоризны всех людей. Мехтар деликатно ²²⁰ стал внушать Ходже Балту-и сарайи, который был заведующим [правительственной] казною и на мнение которого государь полагался во [всех] делах, следующее: средств сего государства, собираемых с городов и со степи, не хватает на расходы покорителя мира, на снабжение [ханской] ставки всем тем, что нужно для его удобств, на содержание военных ' и на приемы и отправление послов, [прибывающих] с разных сторон; путь же займов тоже сузился, так что от всего этого получается положение, полное отчаяния. Если чрезмерно отягчить обложение податного населения, то это явится причиною отвращения их сердец [от высшей власти], породит опустошение областей и городов. Если же внезапно понадобится бы собрать ополчение и приобрести снаряжение для похода, то все распоряжения и меры к нахождению средств окажутся бесполезными. Теперь мне по чувству расположения [к государю] приходит на ум такая мысль, что надо ввести другие деньги. Иначе говоря, мы постараемся изменить монету и понизить стоимость денег, несколько снизив их пробу. Этим откроются двери торговли, хороший доход поступит в казну, и никому от этого не будет ни убытка ни вреда. Я */139a/* питаю твердую надежду, что этою мерою будет водворен порядок в положение державы, войска и податного населения, казна достигает цветущего состояния и все, не платящие податей, так же как и ремесленники, будут довольны и благодарны [за это]. Такими неосновательными, [но] настойчивыми доводами этот смутьян-мехтар сумел соблазнить Ходжу Балтуя. В конце концов Ходжа Балтуй вместе с обманщиком-мехтаром представили [этот проект] на царственное воззрение. Так как внешне это рассуждение вело к большему простору для [накопления] богатств, облегчению повинностей торговых людей и успокоению сердец бедных и неимущих, то простодушный государь, в [158] интересах блага государства и [его] благополучия, качнул головою в знак согласия. Он строго приказал сделать все, что способствовало бы благу государства и благоденствию тварей аллаха таким образом, чтобы ни одному мусульманину не было нанесено никакого вреда или ущерба. Ходжа Балтуй, наедине докладывая государю всей земли, детально объяснил ему, какие доходы поступят в результате этого */139b/* мероприятия. Однако этот малоумный Ходжа не знал того, в какое скверное дело вовлечет своего благодетеля эта неблагоприятная обезьяна [мехтар].

Короче говоря, когда в чеканку денег было введено изменение и дробление, то из одной чистосеребряной ходячей танги стали чеканить четыре танги. При известии об этом ужасном происшествии все слои населения погрузились в водоворот растерянности и

сомнения и не знали, какое средство применить против такого дела и какое лекарство найти против столь тяжелого состояния. Участники купеческих компаний, промышленники и все, связанные с ремеслом и базаром, заколотили досками свои лавки; прекратив [всякие] торговые операции, они унесли с базаров сундуки с товарами и пищевыми продуктами; простонародье и беднота оказались в бедственном положении, /140a/ лишившись ежедневного пропитания; отдавая богу души, они не находили даже материи себе на саван. Вопли малолетних и взрослых доносились до вершины небес. В пятничный день толпы народа принесли свои жалобы и просьбы о помощи ко двору государя, но им никак не удалось получить аудиенцию. Они стали проклинать мехтара Шафи', развязали языки, следуя выражению хадиса: кто установит плохой обычай, на того до дня страшного суда ляжет ответственность за него и за бремя того, кто будет следовать этому обычаю ²²¹. В конце концов они толпою отправились к девана-и Пансадмани ²²², к которому люди вообще питали [159] доверие, вместе с этим юродивым пошли к дому Ма'сума аталыка и там подняли крики и вопли о помощи, стали произносить грубые слова. Аталык, испугавшись всеобщего восстания, стал оправдываться и сказал, что это — дело приближенных государя и что об этом нужно доложить хану. Обнадежив людей, он решил так: “Если господу будет /140б/ угодно, я, доведши об этом до августейшего сведения, постараюсь устранить случившееся”. Но так как по натуре бухарцам было свойственно поднимать бунты и мятежи, и ими всецело овладело представление о [постигшем] их несчастья, то они не удовлетворились словами и увещаниями аталыка. Вся масса народа, выдвинув вперед упомянутого девану, подошла ко дворцу государя. Эта банда разбойников стала громить камнями ворота высокого арка и кричать оскорбления и ругательства. Когда придворные с преувеличениями доложили государю об этих неодобренных действиях, вспыхнул огонь августейшего гнева и последовал такой приказ: “то, что ввел мехтар Шафи', — никто не должен изменять. Кто этого не исполнит, тому пусть снимут голову”.

/141a/ Пишущий сие полагает, что бухарцы сами были достойны этого. Вследствие овладевшего государем гнева повесили трех-четырёх глупцов, и то, чего хотел мехтар Шафи', упрочилось; бухарцы, чести ради, волей-неволей, дали обращение единице за четверку ²²³. Через несколько дней в городе и в степи открылась торговля, убытки же пришлось принять на себя. Так что и до сих пор мехтары высочайшего двора и финансово-податные чиновники, подражая гнусному постановлению того неблагодарного мехтара, хвалятся и гордятся этим непохвальным делом и по своему убеждению считают [его вполне] законным.

Да воздаст тебе всевышний аллах за действия, [совершенные] в отношении нас! Аллах [впрочем] лучше знает!

О РАСКАЯНИИ ВСЕПОМОЩЕСТВУЕМОГО СВЫШЕ ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА ХАКАНА В 1221 ГОДУ ²²⁴, СООТВЕТСТВУЮЩЕМУ ГОДУ БЫКА

Когда проситель раскаяния, в силу повеления, которому необходимо повиноваться: *покайтесь перед аллахом и искренним раскаянием ²²⁵, [160] /141б/ вцепился в подол царственных качеств его величества, владыки вспоможения, и вследствие просьбы о прощении грехов светильник покаяния возжегся в тайнике его светоносного сердца, — его слуха коснулся голос потустороннего мира, [который говорил]: “Как много дней ты провел в беспечности! Что было бы, если бы ты провел время в богомыслии?! Ибо в глазах “людей сердца” ²²⁶, [лишь] это есть жизнь; во мраке [жизни] живая молитва является путеводителем. В темную же ночь, как перед зеркалом, самая возвышенная мысль является ограниченной, ибо греховный огонь, пылающий в душе, чувственного характера и его не погасить иначе, как слезами. И сооружения заблуждений, кои

воздвигнуты последованием чувственным влечениям, нельзя разрушить иначе, как просьбою о прощении прегрешений. Всякая душа, которая приносит покаяние, в страшную суматоху судного дня будет блюстителем порядка. Превосходнейший из поэтов, шейх Са'ди, сказал:

Быть пьяным не приличествует царям;
Для государя в управлении царством хорошо руководиться трезвостью.
/142a/ Царь есть страж государства: опьянение [же несет] хороший сон,
Стражу нельзя спать: для него хорошо бодрствование.

Хвала царю-мздовоздаятелю! Этот счастливый государь Убайдулла, этот славный монарх, гордящийся обладанием двух престолов ²²⁷, по правосудию — второй [султан] Санджар; ему даровала [предвечная] истина владения Санджара, этот монарх мира, спутником которого стало указание *божественная помощь есть нечто великое, она не даруется никому, кроме как возлюбленному рабу ²²⁸, по смыслу нижеследующих стихов:

Не отнимай руки от баловней судьбы,
Не гордись общением с мудрыми.
Шип, который сообщает розе ее истинное положение,
Делает галию ²²⁹ в шлейфе гиацинта, [161]

он возымел желание обратиться к владыке областей тариката ²³⁰, идущему путями хакиката ²³¹, к главе государства благоустройства и величия, к путеводителю по дороге щедрости и господства, к желающему иметь качества, [необходимые для] приближения к дворцу [вечной истины], к [шейху] Ходже Абдуррасулю, который был старшим из потомства его святейшества, руководства степенями [созерцательной жизни], центра круга упования на аллаха и мистического ясновидения, знающего тайны /142b/ создания и творения, познавшего тонкости хакиката, открывшего истины тариката, уединявшегося для молитвы, храмины лицезрения высшей Истины, махрама при завесе отверзания бытия, полюса святых, Ходжи Ахрара ²³². [И его величество], высунув руку желания из [своего] счастливого рукава, вцепился в подол покаяния и обращения к истине. Раскрывши дверь испрошения прощения ключей: *проси у него прощения в своих грехах ²³³, он воспринял [истину] коранского стиха* с раскаянием обратитесь к господу вашему ²³⁴ и подобную орошенному водою тюльпану ударил чашу с вином о камень и, как чистая лилия, начал читать на разные лады выражения: “прости, аллах, мои прегрешения!” Его благословенное лицо, которое всегда было воспламенено от [винной] чаши, [теперь] приняло благочестивое выражение. И в силу обещания: *напоит их господь чистым питьем ²³⁵, он зарекся пить вино безнравственности, ибо в действительности вино порождает гордость. Отныне в августейших собраниях вместо песен пьяниц слышатся возгласы молитв /143a/ благочестивых, вместо пьяных криков звучат слова: “нет божества, кроме аллаха!” “аллах велик!” и раздаются призыв к молитве вместо звуков флейт и увлекательных мелодий певцов. [162]

Стихи:

Вместо остатков вина — вино любви к Другу.

[Высшая] истина, — да будет она прославлена и возвеличена! — в силу точного и достоверного хадиса: кающийся во грехах подобен тому, у кого нет греха, да распространит на всех людей благословение покаяния и обращение к истине его величества, счастливого государя, и да будет такое положение связано с его благополучными днями!

**О ВТОРИЧНОМ ОТПРАВЛЕНИИ ГОСУДАРЯ МОГУЩЕСТВЕННОГО, КАК РОК,
В НЕБОВИДНУЮ САМАРКАНДСКУЮ ОБЛАСТЬ ПРИ ЛЮБЕЗНОМ
ОБРАЩЕНИИ С ИМЕНИТЫМИ ЭМИРАМИ, О ПОЛУЧЕНИИ ИЗВЕСТИЯ О
ВЫСТУПЛЕНИИ ЗЛОПОЛУЧНЫХ НЕВЕРУЮЩИХ КАЛМЫКОВ, О
ПРИСОЕДИНЕНИИ [К СЕМУ] ТРЕБОВАНИИ ПЛУТОВ-ЭМИРОВ, О
ПРИЧИНЕНИИ НЕБОЛЬШОГО ВРЕДА ПОЛОЖЕНИЮ ГОСУДАРЯ ВЫСОКОГО
ПРОИСХОЖДЕНИЯ ВСЛЕДСТВИЕ ПЕРЕВОРОТА ЭПОХИ, О
НЕУДОВОЛЬСТВИИ МЯТЕЖНЫХ ЭМИРОВ НА ОБЫЧАИ КРИВОХОДЯЩЕЙ,
НЕУСТОЙЧИВОЙ И НЕПОСТОЯННОЙ СУДЬБЫ**

/1436/ Поскольку невеста Балхской области [уже] была всегдашнею подругой, разделявшей ложе с светоносным сердцем [его величества Убайдуллы хана], он пожелал [окончательно] очистить розовые цветники земной поверхности от колючек и валежника наглого бунтовщика, т. е. Махмуд [бия аталыка], дабы народные массы балхских пределов и окрестностей [Балха] наслаждались сердечным покоем в лугах мира и безопасности. [Государь] устроил совещание с эмирами о походе [на Балх], который он считал одною из важнейших [своих] целей. Эмиры же находили [это предприятие] весьма трудным, оттого что они два раза видели и испытали немалые лишения и утомления в походе на Балх; перспектива еще раз идти туда их не привлекала. [В это время] пришло донесение к охраняющему небо [августейшему] порогу от самаркандского правителя Хошхала катагана о приходе неверных калмыков; эмиры, уцепившись, [за этот случай], избрали его средством для своего намерения. Они доложили государю следующее: “хвала и благодарение аллаху, [в этом] вечном государстве за счастливое время [вашего величества] весь народ */144a/* Балхской области, в районах [Балха], в его окрестностях, успокоившись в колыбели тишины и безмятежности, воссылает молитвы о даровании [вам] длительного счастья и безмерной долготы жизни, не имея в сердце никаких опасений и грусти. Проклятый же Махмуд, раскаивающийся в своих скверных делах и недостойных поступках, теперь, как змея с **[163]** разбитой головой, свернувшись в кольцо за четырьмя стенами Кундуза, занят собою. Но злополучные неверные калмыки, как муравьи и саранча, обчистивши хвосты и копыта своих коней, первым делом обрушились на племена и улусы казахского народа, предавши [все] потоку и разграблению; большая часть племен и родов казахского народа неверными грабителями Гога и Магога ²³⁶ была взята в плен. Слышно нам, рабам, что казахи и племя каракалпаков из страха перед неисчислимым войском неверных калмыков покинули свой исконный юрт и положились на укрепления Ташкента. Да и обитателями этой области овладел столь ужасный страх перед теми дьявольскими войсками, что они трепещут, как дрожащие ивы, и как ртуть — в [беспокойном] движении. Справедливому государю, который есть страж мира, необходимо, опираясь на божественную помощь, укоротить дерзкие руки наглых злоумышленников, посягающих на заповедные страны мусульман, и, охраняя государство от врагов, подобных по своим качествам змеям [тирана] Заххака ²³⁷, ему необходимо вторым Феридуном выступить с целью уничтожения этих волков в человеческом образе. И [теперь, когда] подданные [его величества, терпящие] от анархии и беспорядков, [чинимых] врагами, взывают частично о помощи к аллаху, нужно, как во время Александра [Македонского], построить для прекращения доступа врагов стену из непоколебимого решения [отразить их]. Если же в отношении такого похода [против калмыков] выявится леность и нерадение, то не дай бог, если крепости и города [самаркандского] района окажутся изъятыми из рук [государевых] рабов и мусульманское население будет растоптано конями калмыков! Область Самарканда, являющегося столицей высокочластных государей, для каждого из них составляла предмет миродержавных вожделений; в */145a/* Самарканде, который основан Александром [Македонским], они счастливо и в добрый час садились на серый камень. В это время его

[164] величество, счастливый монарх, [эмир Тимур], заповедует своей благородной; фамилии проявлять милость пределам Самарканда”.

Поскольку царственная неукротимая энергия была направлена на то, чтобы сохранить области и города государства от случайностей времени, чтобы их жители и население проводили время в спокойствии и безопасности, а мятежникам была бы дана такая жестокая пощечина расправы, что они обратились бы в другую сторону, — то естественно, что государь мира принял твердое решение выступить походом к Самарканду.

22-го числа месяца сафара 1121 г., соответствующего году Барса ²³⁸, когда войско весны произвело атаку и царь звезд, [солнце], победил армию зимы, а сила зноя сокрушила холод, — вспомоществуемый свыше /1456/ монарх вдел свою благословенную ногу в счастливое стремя и, воссевши на объезжающего мир скакуна, [пустился в путь], занимаясь [по дороге] охотой и любуясь степями и пустынями. Переехав через Керминейский мост и избравши путь по северной стороне реки Кухак ²³⁹, [государь] изволил совершать переезды от одной станции до другой. Начальники крепостей и городов, не отличая [от радости] головы от ног при прибытии [в их районы] августейшего кортежа, выезжали навстречу с приличествующими подарками и подношениями ради целования [монаршего] стремени. В какой крепости [его величество] изволил останавливаться, там [встречавшие его власти] выполняли [все необходимые] условия [государевой] службы.

Когда высочайшая остановка последовала в местности “Панджшамба-базар”, составлявшей собственность Кумбаз бия кырка, то [государь], найдя это место прекрасным, изволил утвердить пребывание своего величия и славы в его чарбаге, который занимал площадь около ста джерибов ²⁴⁰ и был украшен плодовыми деревьями и горными кипарисами. В течение трех дней освещающий мир государь был занят [165] удовольствиями и весельем в этом умножающем радость месте. Мухаммед Салах, внук Кумбаз бия, будучи удостоен пожалования в чин джибачи ²⁴¹, подвел коня. Приказавши отсюда бить в барабан выступления в [/146a/ дальнейший] поход, государь земной поверхности, разом давши шпоры своему коню, через две станции вступил в область Самарканда. Так как разрушение и запустение зданий арка было воочию удостоверено монаршими слугами, то последовало повеление, чтобы дворец поставили в местности Чакар, где находятся жилища великих ходжей Самарканда. Эмиры же и войско расположились каждые в определенном месте.

О ПРОИСШЕСТВИИ, КОТОРОЕ ПОСТИГЛО АВГУСТЕЙШУЮ ЛИЧНОСТЬ ГОСУДАРЯ ВСЛЕДСТВИЕ СЛУЧАЙНОСТЕЙ НЕПРЯМОДУШНОЙ СУДЬБЫ, И О ТОМ, КАК В ТЕЧЕНИЕ НЕСКОЛЬКИХ ДНЕЙ ЕГО БЛАГОРОДНАЯ НАТУРА БЫЛА СКОВАНА МУЧЕНИЕМ И УТЕСНЕНИЕМ

Так как местность Чакар являлась обиталищем и местожительством великих мужей, принадлежащих к самаркандским ходжам, то в то время невоспитанный человек туда не вступал. Государь мира, принимая во внимание разрушение царских дворцов [в Самарканде], т. е. [его] высокого арка, соизволил расположиться в этом благородном месте [в Чакаре]. Не успел [еще] отдохнуть и ночь еще не сменялась днем, как внезапно, по божественному предопределению и вследствие проявления фальши судьбы, благородную личность и нежную природу сего развесистого дерева в цветнике государства постиг несчастный случай. В /1466/ течение нескольких дней его благородное состояние здоровья оказалось сковано мучением и утеснением. Под влиянием этого горестного происшествия и ужасно мучительного события возникшие в среде рабов

[государя] разлад и смятение среди узбеков и таджиков достигли таких пределов, что изложить это вкратце в понятных образах и вразумительно, [даже] с помощью [опытных] “людей пера” правительственных канцелярий, если бы, — [как говорит Коран], — все деревья, какие есть на земле, сделались бы письменными тростями ²⁴² — совершенно невозможно. Эмиры, военачальники и слуги высочайшего двора с возникновением этого случая, ставши беспомощными и лишившись покоя, начали [166] посылать дары по обету и милостыню на мазары [святых], в медресе, в дервишские общежития и бедным людям. Миродержавный государь понял, что нахождение в местопребывании великих людей без [их] дозволения не имеет большего смысла и [потому], естественно, он признал за лучшее /147a/ усесться в седло и водворить свое величие в высоком арке. В таком положении прошло восемь дней. Эмиры и духовенство [за это время] были совершенно лишены возможности являться на поклон государю. Ходжи, сейиды, муллы, шейхи и вся народная масса тех пределов, сильно желавшие в душе видеть благословенную красоту его величества, на улицах и базарах, молитвенно простирая руки, зывали о даровании здоровья августейшему больному к единому истинному целителю. [И] хвала и благодарение аллаху! Он — премудрый врач и опытный в искусстве [исцеления], по своей совершенной мудрости и всеобъемлющему знанию ниспослал [государю] быстрое исцеление из лечебницы потустороннего мира и из госпиталя непреложной истины. И царственное солнце, освещающее мир, проглянуло из-за завесы затмения, также и луна небесной сферы царственного достоинства, прояснившись после [своего] затмения, засветила миру и его обитателям. Счастливая роза распустилась на лугу радости, а молодое дерево жизни в саду здоровья начала /147b/ плодоносить: государь мира, подобно благородному кипарису, выпрямил свой благословенный стан и, воссевши в счастливый пятничный день на высокий престол султанов, открыл двери перед низкими и благородными, перед аристократией и простым людом; сделав их [всех] радостными и счастливыми через [лицезрение] своей мироукрачительной красоты. На этом самом приеме к престолу пребывания халифской власти было повергнуто известие от ходжей Ташкентского округа, что злополучные неверные калмыки, подобно разлившемуся потоку, устремились на казахские аулы и, блеснув [страшную] грозой, вернулись в свои становища. Несмотря на такое положение, у государя мира не было большой уверенности, [что калмыки не придут опять]. Естественно, что [государь], пообещавши звание накиба высочайшего двора Абдуррахим ходже, брату Кара Бахадура сейидатайи, которого казахский народ признавал своим пиром и питал к нему полнейшее расположение, приказал [ему выехать] в область Ташкент; казахским ханам и ташкентским ходжам с названным ходжою отправили милостивые [ханские] письма, халаты надлежащей ценности и арабских лошадей, дав срок двенадцать /148a/ дней и обнадеживши ходжу своими [последующими] милостями. [167] Названный ходжа, обрадовавшись перспективою [получить должность] накиба, принял на себя поручение государя и выразил твердое намерение достичь [поставленной им] цели. Население Самарканда и бухарские войска успокоились и стали молиться о [ниспослании] счастья государю.

**О СМУТЕ И БУНТЕ В САМАРКАНДЕ ВСЛЕДСТВИЕ ВОССТАНИЯ И МЯТЕЖА,
ПОДНЯТОГО ЭМИРАМИ И ВОЙСКОМ ПРОТИВ ГОСУДАРЯ ВВИДУ ЗАХВАТА
ВЛАСТИ НИ'МАТУЛЛОЙ ДАДХА, О РАСПРЕ ПЛЕМЕН НАЙМАН И САРАЙ, ОБ
УВЕЛИЧЕНИИ ВОЛНЕНИЙ С ПОМОЩЬЮ ЖАЖДУЩЕЙ МЕСТИ
ТИРАНИЧЕСКОЙ СУДЬБЫ.**

Когда известие о злодействе калмыцких банд потеряло свою остроту и армия спокойно жила в Самарканде, те, у которых в головах всегда была страсть к вину, отправились по своему делу и занялись питьем бузы ²⁴³ и вина гордости.

Перепившись, они, как это бывает у бесчувственно пьяных, уже /148б/ перестали сознавать [все, что есть] от земли до небес и не различали небесной выси от земных пропастей. Под влиянием чрезмерного опьянения, как это бывает у таких людей, между несколькими человеками из племени найман и племени сарай возникло сильное побоище и жестокое пререкание; каждый схватился за шашку и кинжал. Распря дошла до того, что двое найманов были насмерть зарублены сарайями; несколько сарайев были ранены и упали на окровавленную землю. Найманы, видя двух своих соплеменников мертвыми, бросились к Ни'матулле дадха, требуя заступничества и громко крича. Ни'матулла был молодой, дерзкий и бесстрашный; недолго думая, он, подстрекнув и сагитировав отряды кунгратов и найманов вступить в бой с сарайями, приказал им вооружиться и в конном строю выступить против последних в отмщение за пролитую кровь своих. Получив известие об этом смятении и зле, /149а/ Ма'сум аталык пришел в изумление от выступления Ни'матуллы на такое злодейство. Он, обнаруживши свое величие и авторитет и сделавши коранский стих: *по милосердию бога ты кроток с ними ²⁴⁴, оправдывающим [168] его собственное положение, — решил проявить терпимость [к этой смуте].

Стихи:

От дурного нрава происходит тоже дурное,
Почему исключается для тебя [возможность] смотреть в сторону злонравного?
Учтивость бывает одинакова с разумностью,
Легкомысленный же человек бывает полон злобы.

Племя сарай с великого ума стало кричать: “хотя двое найманов отправились в другой мир, но ведь и шесть сарайев тоже получили столь жестокие ранения, что, чего доброго, скоро поспешат во след ушедшим [к праотцам найманов]. Да еще вся эта лютость и буйство, проистекшие от найманов, достигли здесь очень серьезного положения. Мы, не можем больше выносить высокомерия и власти Ни'матуллы!” И стали напевно /149б/ читать [коранский стих]: *не возлагай на нас того, что нам не по силам! ²⁴⁵ Ма'сум аталык от горести совсем поник и погрузился в глубокое раздумье. [Наконец] ему пришла такая мысль: “Ни'матулла [по существу] — глупый прохвост, мало знающий существующие обычаи, — зачастую в высочайшей аудиенции и на собраниях эмиров он противоречит старшим, проявляет по отношению к военачальникам дерзость и неуважение и выступает против них со словами, далекими от учтивости и от того положения, которое приличествует ему. И в такое время, которое явно неблагоприятно [для нас], если он оденет в кольчуги банду негодяев найманов и кунгратов и, ставши во главе их, придет, то, если мы выступим против него, я полагаю, огонь бунта еще больше разгорится и /150а/ возникнет такой пожар, который невозможно будет залить водою успокоения и который станет причиной; обиды государя, посрамляя войскам, и смуты среди народа. Если же в этом случае [с нашей стороны] будет проявлено притворное замечание [действий Ни'матуллы дадхи], отнесенное за счет нашего страха [перед ним], то дерзость [этого дадха], пожалуй, еще больше проявится”.

Стихи:

Злой нрав, обосновавшийся в природе [человека],
Не уходит отсюда иначе, как со смертью [последнего]. [169]

Поэт говорит:

Двустиишие:

Добрый народ и лето бывают щедры,
Злая же природа несет внезапную смерть.

Ма'сум аталык от подобных размышлений погрузился в пучину недоумения и в море обдумывания. Он рассказал своим друзьям эту страшную тайну. Присутствовавшие при этом молодые военные, услышав слова [Ма'сума] аталыка, как принято у этих людей, все в совокупности неожиданно закричали: “мы больше не можем терпеть бесчинства и узурпации власти этого дерзкого [Ни'матуллы]! В конце концов ведь он тоже сын одного из узбеков, потому что его отца звали Абдулкарим найман, так какое же у него может быть превосходство и предпочтение перед нами? Мы сами добивались такого дня, а теперь наступило такое время, /1506/ что государь [должен выбирать] между Ни'матуллою и нами и отказаться от него или от всех нас”.

Стихи:

Избери или одаренного [всеми] совершенствами друга, или жизнь,
[Ибо] одна комната не вмещает двух гостей ²⁴⁶.

Военная знать столько наговорила аталыку неприятных вещей, что у него заболело сердце. Нахмурившись, аталык приказал: “если тот глупец [Ни'матулла дадха], исцелившись от своего недостойного поступка, вернется в свое обиталище, то о всем этом нужно доложить государю. Если же [Ни'матулла] будет упорствовать в своем неповиновении, то тогда и вы, о мужи, отложите в сторону примирение с ним и беритесь за оружие и в том, что является его целью [т. е. в схватке], вооружитесь орудиями войны”. Словом, когда запылал огонь мятежа, появились волнения и возмущения. Между прочим, господь, — да возвеличится его имя! — все, что делает, того никто не знает. У государя под влиянием этого удивительного происшествия душа пришла в трепет; последовал /151a/ приказ, чтобы Абдулла хаджи кушбеги вместе с Хошхал катаганом, правителем Самарканда, взяли Ни'матуллу к аталыку, взошли бы через дверь извинения и погасили огонь мятежа. Кушбеги, во исполнение высочайшего повеления, вместе с Хошхал бием прибыл к Ни'матулле и то, что было им приказано государем, передали ему. Ни'матулла же, этот [170] дерзкий бунтовщик, как неумудренный жизненным опытом, счел для себя бесчестьем отправиться к аталыку. Он не знал, что:

Двустиише:

Всякий малый, вступающий в борьбу с большим,
Так упадет, что никогда [уже] не встанет.

И сколько эти два избранных [сановника] не упрашивали его отправиться к аталыку, этот малоумный не сдался на их убеждения. Этот невежда погрузился в сон на колючках несчастья тем боком, который покоился у него [до того] на постели отдохновения. В ту весну бутоны тысячью [своих] уст смеялись над его неодобрительными действиями, ибо последние были плачевны; он же думал, что это весенние наслаждения; соловьи заливались свистом при его ошибочных поступках, а он слышал /151b/ в этом любовные мелодии.

Стих:

Когда у уха не бывает [хорошей] восприимчивости, какая польза от хороших речей?

Но у аталыка и войска было такое убеждение, что дерзости дадхи во всем этом происшествии способствовал [сам] государь. Затеялось серьезное дело, потому что эмиры и войско стали подозревать последнего. В [ближайший] пятничный день [эмиры и представители армии] не пошли на поклон государю, как это было до сих пор принято. Эти люди волей-неволей разбились камнем возмущения чашу счастья, показывающую мир,

здание радости разрушили “тишею” ²⁴⁷ позора, чистое вино веселия замутили содержимым ночной вазы бедствия и рукою вихря несчастья пустили на ветер небытия радость [осуществления] желаний. По самой форме своей их глаза, [казалось бы] видящие благо, [в действительности], как глаз [цветка] нарциса, были лишены света проницательности; [их] слушавшие советы уши были лишены силы слуха. Хотя дальновидный разум давал [им хороший] совет, но покров судьбы спустился /152a/ на их проницательное зрение и они перестали видеть истинный путь. Разрешающий затруднения в тонкостях давал им [благие] указания, но избыток бедствия повернул их поводья от направления чести. У государя от такой дерзости эмиров и войска благоуханно [умиротворенное] настроение стало подавленным, его благородное светоносное сердце от добрых несправедливых выходов изменилось и удар его гнева был столь велик, что он отдал такой приказ: “Всякий, кто будет мне рабом и [171] доброжелателем, взошедши в высокий арк, пусть явится готовый послужить мне!”. Этот приказ как нельзя лучше соответствовал желаниям [Ни'матуллы] дадхи. Он опередил весь народ и привел своих людей [в арк] к подножию престола власти. Аталык и военные, по недомыслию уразумевши [в этом] другое, говорили друг другу: “расположение государя к Ни'матулле больше, чем к другим рабам, почему он и потребовал его к себе”.

По этой причине между государем и войском возникло больше /152b/ [взаимных] опасений и страха и они стали подозревать друг друга [в коварных замыслах]. И днем, и ночью старались принять меры предосторожности [один против другого]. Лживые послухи и презренные люди, ищущие волнения и смуты, сочли настоящий момент весьма благоприятным [для себя] и стали говорить [всевозможные] речи и разводить [всякие] сплетни, вследствие чего высоко взвилось знамя мятежа.

Стихи:

Не подпускай близко к себе сплетника,
Ибо вмиг он воздвигнет сотню смут.
Впрочем, лишь всевышний аллах всезнающий!

О ПОСЫЛКЕ ГОСУДАРЕМ ШАТИРПАРИ ²⁴⁸ В БУХАРУ С ПИСЬМОМ К СВОЕЙ МАТЕРИ С ИЗВЕЩЕНИЕМ О СОБЫТИЯХ В САМАРКАНДЕ, О ПОДОЗРЕНИЯХ БУХАРЦЕВ И О ВЫСТУПЛЕНИИ ИХ ПО ЭТОЙ ПРИЧИНЕ.

Государь земной поверхности от сего происшествия столь глубоко погрузился в море размышления и обдумывания, что его благоуханная мысль совершенно не была спокойна за бухарский престол. Естественно, что он ввиду всего происшедшего отправил за своею печатью письмо своей матери в Бухару. Состоялось высочайшее повеление, что это поручение должен выполнить самым быстрым образом [скороход] Шатир-пари. Этот несущий несчастье, который в быстроте мог поспорить с /153a/ утренним ветром и в отношении скорости не считался с быстротою [172] демона из гор Каф, во исполнение почтенного [царственного] приказанья с быстротою молнии, подобрал подол халата и, как ветер, пустился по дороге в Бухару. За одни сутки он совершил путь от Самарканда до Бухары. То страшное событие [мятеж в Самарканде войск], о котором до сих пор бухарцы говорили втихомолку, [теперь], с прибытием Шатирпари, получило огласку. Люди заговорили о нем во всеуслышание и делали [свои] выводы. Шатирпари вручил драгоценное письмо матери его величества. Из его содержания она узнала, какая смута и мятеж возникли, в Самарканде, как отнеслись бессовестные узбеки к государю и что за взаимоотношения установились [между ними]. Худаяр парваначи мангыт, являющийся предводителем племен правой и левой стороны в это время был назначен падишахом охранять город [Бухару]. Испытывая страх [пред могущими произойти событиями], он послал человека за Мухаммед Яр ишикакабаши ²⁴⁹ дурманом, правителем Каракуля.

Мухаммед Яр, [пришедши], беспечно разбил свой лагерь у ворот высокого арка. Горожане не замедлили сделать свои выводы из прихода /1536/ Мухаммед Яра и стали говорить речи, далекие от истинного положения вещей. Подробности сего краткого изложения таковы: в умах благородных и простых людей сложилось убеждение, что письмо государя к его матери было написано относительно казни Абулфайз султана. Веским доводом в пользу этого было то, что у государя, в его светоносной голове, мелькнуло опасение: не дай бог, если Худаяр парваначи по указанию мятежных эмиров и войска посадит в Бухаре на царственный престол Абулфайз султана.

Двустиишие:

Время родит хорошее и дурное,
Звезда [судьбы] бывает то другом, то врагом.

По этой причине к смуте в Самарканде прибавилось еще смятение и волнение населения Бухары. Худаяр бий, вследствие таких дурных подозрений бухарцев по своему адресу, сколько не старался быть благожелательным, не привлек к себе ничьего сердца. Городские старшины, [173] делая смотр кварталу за кварталом, предъявили воинское снаряжение и приказали арбабу области ²⁵⁰, чтобы он укрепил башни по крепостным /154a/ стенам и поручил бы охрану ворот бдительным людям. *Сельское население ²⁵¹ под влиянием этого горестного происшествия, погружившись в море смятения, предпочло выселиться [из своих мест] и перевезти свои семьи в город. И такая смута и анархия настали среди обитателей Бухары, что как будто они переживали ужасы страшного суда. Подонки общества и бандиты, только и искавшие таких дней, стали отнимать у мусульман имущество. Эти лжецы, способствуя панике народа распусканием ложных вестей о приближении хивинцев, [успешно] занимались своим делом.

О ПОСЫЛКЕ МЯТЕЖНЫМИ ЭМИРАМИ КО ДВОРУ ВЫСОКОДОСТОЙНОГО ГОСУДАРЯ ХОДЖИ АБДУРРАСУЛЯ САМАРКАНДИ И СУЛТАН ХОДЖИ НАКШБЕНДИЯ, ОБ ОБНАРУЖЕНИИ [ИМИ] СОБСТВЕННОЙ СЛАБОСТИ И О ТРЕБОВАНИИ ИЗГНАНИЯ НИ'МАТУЛЛЫ ДАДХИ

Двуязычное перо, двинувшись в направлении Самарканда, так излагает тамошние события. Султан ходжа накшбенди, являющийся сливками фамилии величия и квинтэссенцией дома ходжей, был молодым деревом дворца руководительства [на пути к высшей Истине], вспоившим /1546/ [свои] действия чистою водою науки [о божестве] и возросшим в цветнике святости розовый куст сочащимися каплями разума и благочестия; в этом походе [Убайдуллы хана] он был при государе в качестве друга. При возникновении настоящей, из ряда вон выделяющейся смуты, он отправился в ханака Ходжи Абдуррасуля, из потомков Ходжи Ахрара, к которому государь был [очень] расположен, и сказал: “Мы и вы считаем себя старцами-наставниками и духовными руководителями государя и эмиров. В настоящее время, когда мятеж и смута между государем, эмирами и войсками стали очевидны, а огонь государева гнева [174] и ярости сильно разгорелся, [нам] необходимо со [всею] энергией [преданных] рабов трогательными петициями и концом рукавов извинения и упущения стереть с чела государя пыль смятения и страха, которая насела на него со стороны эмиров и войска. Поэтому оба эти почтенных друга ²⁵² прежде всего явились к эмирам и сотворили молитву, а затем перечислили благоволения государя, оказанные за это время в отношении

каждого из эмиров и военачальников в том или ином месте, напомнили /155a/ степень самоотверженности и благорасположения каждого из эмиров и военных, проявленные ими на службе государя, и [затем] сказали: “Вы, люди, сами домогались

такого государя [и теперь], — хвала и благодарение аллаху! — он, ниспосылающий милости, послал [своим] рабам [такого] миродержавного правителя и государя, коего справедливость стала причиною спокойствия всех без исключения подданных. Процветание же и безопасность [в нашем государстве] таковы, что ягненок пьет молоко из сосцов львицы, волк покоится вместе с овцою. [Поэтому] необходимо за [такое] благодетельствование, составляющее один из даров его благородной души, только беззаветно рабски служить ему, за [такую] щедрость, которая является жемчужиною жизни из числа его [богатых] даров, [по службе] следует идти не иначе, как торною дорогою повиновения и послушания ему. Ведь если стебель травы растет под тенью /1556/ стройного кипариса, то в случае черезчур высокого роста этот стебель свалится с ног, а ничтожная пылинка, когда с пылью поднимается на солнце, освещается им и гордится. В такое время, когда известие о приходе неверных калмыков, получив огласку, стало бы причиною [паники и] беспорядков в населении, будет ли, о люди, с чем-либо сообразно, что вы, проявивши дерзость в отношении своего государя, увеличите [тем самым] смуту в государстве? Высунув ноги из круга покорности [своему господину], неужели вы осмелитесь провозгласить призыв к бунту? За милости и благодеяния государя ваше обязательство велико. Подчиняясь обязательному религиозному предписанию, чтобы благорасположение к государю исходило из чистого сердца, служите ему от всей души и от всего сердца и поставьте себе целью идти по неуклонному пути повиновения ему. Нет, сделав предметом своих занятий противное [175] убеждениям непослушание ему, ввергнув население в ужасы анархии и смуты, вы станете мишенью для стрел проклятий всего человечества так, что ваша бесславная история навечно останется на страницах эпохи!”

/156a/ Эти два великих мужа столько подобных слов высказали, что все присутствовавшие на собрании были очень растроганы. Ма'сум аталык и военачальники сказали: “Конечно, то, что сказали ходжи, выложив свои слова как на блюде, заслуживает внимания. Мы, рабы, будучи готовы служить государю, проделали [уже] в уши кольцо рабства. Мы уверены, что бог не допустит, чтобы мы дерзнули проявить неблагодарность государю за его благодеяния. Забыть милости и благодати [его] это то же, что отступничество ученика в суфизме от своего духовного наставника и измена [правоверной] ханифитской общине ²⁵³. *Прибегаем к помощи аллаха против злою в нас самих и против наших дурных дел! ²⁵⁴ Вы, достопочтенные [отцы], сами видите в сем государстве степени нашего благорасположения и самоотверженного служения [высокой] государевой персоне. Что же нам делать, когда власть и узурпаторство Ни'матуллы над нами перешли всякие границы, а его надменность и /1566/ высокомерие превысили всякую меру? Ведь в конце концов он тоже один из узбеков, так почему бы ему кичиться перед нами своим превосходством? Какую великую службу он исполнил, что государь, привлекиши его на лоно своего расположения, час от часу [все больше] удостаивает его своих царственных милостей? При всем этом в настоящее время нас ложно обвиняют в этой смуте, но причиною ее являются самовластие и незаконный захват власти тем узурпатором; если б не это, то как могли бы мы, рабы, найти силу и терпение [переносить] раздражение и недовольство могущественного государя?”

Стихи:

Не вращается колесо судьбы иначе, как по твоему желанию;
У горы нет силы мстить тебе.

У ничтожных пылинок кельи покорности и рабской службы какая может быть смелость в отношении тех, кои дышат дерзостью перед освещающим мир солнцем? У муравьев из долины служения [государю] [176] может ли быть сила в сравнении с тем, кто

перед Соломоном эпохи выступает без должного почтения? Мы все — низайшие рабы двора и, кроме /157a/ государева двора, не имеем иного убежища”.

Двустиише:

Что мне делать, когда приблизится мой конец?
От тебя я у тебя лишь найду покровительство!

Когда ходжи услышали эти столь убедительные слова эмиров и начальников войска, они поспешили в высокий арк и, удостоившись высочайшей аудиенции, почтительно и униженно доложили речи эмиров к военной молодежи в такой форме. “О, упование человечества, который принял божественную силу и опору божественного строителя, эмиры по своей нелюбимой службе, — так как готовы себя положить на пути копыт скакуна вашего величества, — покорны и находятся в повиновении вам, но они осмелились выступить единственно вследствие высокомерия и самовластия неумного Ни'матуллы дадхи. Вы — государь, Ни'матулла же — один из рабов [вашего высочайшего] двора; вот если бы вы для успокоения умов всех ваших слуг на некоторое время назначили бы его правителем какой-либо отдаленной области, вроде Термеза, и послали-бы туда [это было бы хорошо]!” Когда государь /157б/ выслушал это увещание от двух великих мужей, то немедленно вскипел гневом и пламя его раздражения поднялось кверху, его брови так нахмурились от ярости, что стали похожи на завитки локонов рассерженных красавиц; от тени его сжигающего гнева время перестало работать; он сказал: “эти люди [т. е. эмиры и военачальники] за это время приняли за обычай высказывать дерзости своему государю. Они завидуют доброжелательному и самоотверженному слуге, потому что он пользуется милостями и вниманием своего государя. Они [в свое время] требовали его изгнания от Падша Шаим бия, теперь в мое царствование, выступая столь же дерзко, желают повторить тот же прием. Они не думают, что от пламени гнева, сжигающего мир, может упасть искра в гумно их спокойствия и они будут уничтожены”.

Ходжа Абдуurrasул в ответ на гневные слова государя доложил: “Если упованию людей благоугодно будет, то я сделаю распоряжение [177] всем ходжам, сейидам, всем ремесленникам и обитателям этой области, чтобы они в короткое время прихлопнули это упорное сословие камнями и палками” [255](#).

Султан ходжа сказал: “К чему, ходжа, говорить такие необдуманные слова! Что это за путь, которым ты идешь?!”

Стихи:

Ты пришел, чтобы установить единение
Или чтобы произвести разделение?

Все знают, что у царей в отношении прочих людей есть избыток силы и могущества, особенно всевышний бог надел на чистых по природе потомков Чингиз хана халат миродержавия и надолго облек их в платье покорителей мира, даровал им такую мощь и силу, что если они пожелают, то в одно мгновение могут любого человека возвысить или унижить. Однако государю в благодарность за дарованное ему могущество нужно стыдиться мстить [своим] виновным слугам, напротив, он /158б/ должен обрадовать их известием о прощении. Обычай государей и монархов, завоевателей мира, и путь мироукрасительных и полных высоких мыслей царей таков, чтобы предавать забвению сопротивление заблуждающихся и рассмотрение [грозящих от этого] опасностей.

Двустистишие:

От начала дней первого человека Адама до эпохи [нашего] государя
Всегда так велось, что от великих людей исходит прощение, а от подданных [их] проступки.

Пройти мимо прегрешений виновных и не заметить, как они спотыкнулись, принадлежит к милостям полновластных людей и к благосклонности могущественных персон. Мы все знаем, что всеобъемлющая милость государя, раздавателя венцов и покорителя мира, ищет лишь предлога для прощения проступков виновных. И сколько бы ни садилось греховной пыли на чистоту *мятежных [государевых] слуг ²⁵⁵, смыть ее водою прощения есть одно из необходимых государственных мероприятий”. [178]

Четверостишие:

По щедрости, объемлющей всевозможные дары всем людям,
У тебя милости, как у солнца, и изобилие [даров], как у дождя.
Не ввергай же в огонь страха невинных
[И] изгладь водою прощения [все] написанное виновными!

/159a/ Когда Султан ходжа высказал государю эти трогательные слова так, что из сада его слов несся аромат любви искреннего расположения [к государю] и от его речи, как от звездного небосклона, сыпались сверкающие лучи, он отсек корень дерева гнева и ярости от территории незлобивой груди монарха и получил ответ, что государь мира намерен отправить Ни'матуллу дадху управлять областью Термеза.

О ПРОЩЕНИИ ГОСУДАРЕМ МИРА ЗАБЛУЖДЕНИЯ МЯТЕЖНЫХ ЭМИРОВ И О ЖЕЛАНИИ УГОДИТЬ ИМ ВЫСЫЛКОЙ ПОЛНОГО ЗЛОБЫ И ОБМАНА НИ'МАТУЛЛЫ ДАДХИ

Так как царственному разуму стало известно, что доводы великого ходжи основаны на [его] честных убеждениях и соединены с правильным образом действий, то [государь] удовлетворил его просьбу, основываясь на том, что:

Стихи:

Кого ты хочешь простить,
Ты исправь его поступок милосердием.

Подчиняясь [изречению пророка]: *прощение есть очистительная милостыня с победы ²⁵⁶, он перечеркнул страницу проступков эмиров /159b/ чертою пренебрежения и основы их злых действий растоптал милосердием и смотрением на них сквозь пальцы.

Стихи:

Когда согрешивший просит прощения,
Ты прости [его] и не требуй извинения за прошлое.

Так как ходжа просил о помиловании мятежных эмиров и войска, то милосердный государь отдал приказание скрепить светозарной печатью указ на имя Ни'матуллы о бытии ему правителем Термезской области с условием, чтобы племена правой и левой сторон и другие не чинили противодействий Ни'матулле и его людям.

Стихи:

Врем-я приводит себя в безопасность от злополучного клеветника
Подобно тому, как освобождается земля от презренного злонравного человека. [179]

Обрадованный Султан ходжа сейчас же явился к эмирам и войску и сообщил им радостную весть об их прощении и об удалении Ни'матуллы, чем очистил от страха и опасения смущенные умы этих испуганных людей. Эмиры и войско, вознесши молитвы о благородной личности халифа времени [Убайдуллы хана], выразили похвалу и одобрение Султан ходже. Ни'матулла, узнавши о превратностях судьбы, погрузился в пучину удивления и с пересохшими губами, огорченный /160a/ поспешил в Термез.

Стихи:

Почему ты не соблюдаешь своей границы
И тем чернишь свое счастливое лицо?
Не выходи из положенного тебе предела,
Ибо ты упадешь вниз головою в колодец несчастья.

Эти слова как нельзя более подошли к положению [Ни'матуллы дадхи].

Когда садик высокого арка и цветник территории Самарканда очистился от шипов упорствующих, т. е. племен кунграт и найман, эмиры и военачальники, опустивши от стыда вниз головы, явились на высочайшую аудиенцию. Опасаясь упреков и нападения со стороны государя, они не в силах были поднять свои головы. Ядгар ходжа, принадлежавший к сейидам, потомкам Сейид-Ата и бывший в должности префекта дворца, по неопытности, по отсутствию такта, суетился и двигался среди мятежных эмиров. В это время государь посмотрел в его сторону и [заметив его поведение] пришел в ярость; схватившись за рукоятку кинжала и угрожая ему, вскричал: “сын нищего, ты, с /160б/ ягненком на плечах! Эмиры и военные, которые осмелились придти в такое движение вследствие самоотверженности и доброжелательства, кои были неоднократно проявлены ими и их предками на арене [государства], их обуяла гордость и они решились на это дело по причине безумия Ни'матуллы. Что касается тебя, то что ты-то внес в это [дело], что больше и раньше всех проявляешь легкомыслие, прыгая как ничтожный зверюшка с белым хвостиком и осмеливаясь так недостойно себя вести? Что будет, если мы прикажем вычеркнуть твое имя из круга ходжей, потому что твои безобразные действия и поступки указывают на ничтожество твоего происхождения!”

Когда государь произнес подобного рода наводящие страх слова в этом собрании, то эмиры и все присутствующие слуги [высочайшего] [180] двора, помышляя о своих делах, подобно облакам, пришли в /161a/ расстройство и задрожали, как ивы. Тогда второй раз выступил [шейх] Султан ходжа. Открыв уста для молитв и прославления государя, раздавателя корон и завоевателя стран, он сказал:

Стихи:

“Клянусь высоковознесенным государством и замком божественного закона.
Клянусь блестящею жемчужиной начала и последствий,
Клянусь мощью сильного правосудия, опорой веры!
В твою эпоху земля стала свободной;
Для неба стала запретной дверь к тебе, о благодетель!
У тебя ищут покровительства цари мира;
Подобные [острому] мечу твои речи разят коварство
[И] объясняют [стих]: *истинно мы помогли [257](#) ...
Под твоим пером объяснение “Нун и ал-Калам” [258](#)
Превратилось в нанизанное в [строгом] порядке жемчужное ожерелье.
Твое сердце — море, а рука — облако, проливающее перлы,

Ты сказал бы: она рудник жемчужин искусства.
Еще ты проявляешь ярость в битве
И, как Рустем, сотнями сносишь головы.
Господь от всех бед Да сохранит навечно сего государя!”.

Этою пленительною похвалою Султан ходжа погасил пламя ярости государя. Милостивый монарх сменил гнев на милость и яд мести /1616/ заменил противоядием прощения. Короче говоря, эмиры и военные после данной им аудиенции вернулись к себе; страх и опасения, возникшие в их сердцах, легко исчезли. Произнесши похвалу единственному господу, они пообещали поставить светильники на гробницах святых. Население Самарканда и его окрестностей, которое в дебрях бедствия пребывало растерянным и было попираемо ногами случайностей, теперь получило спокойствие, благодаря милости творца и вечному царствованию его величества, убежища халифского достоинства. Аллах, впрочем, самый осведомленный о действительности дел! [181]

О ВОЗВРАЩЕНИИ ВЫСОКОДОСТОЙНОГО И МИРОУКРАСИТЕЛЬНОГО МОНАРХА В СТОЛИЦУ, В Г. БУХАРУ, И О ПЕРЕМЕНЕ И ИЗМЕНЕНИИ [ОТНОШЕНИЯ К] НЕКОТОРЫМ ИЗ ЧИНОВ И ПРЕДВОДИТЕЛЕЙ [ПЛЕМЕН] ВНЕ ЗАВИСИМОСТИ ОТ ТОГО, ЖЕЛАЛИ ОНИ ЭТОГО ИЛИ НЕТ

Когда мироукрашенный государь-миродержец направлялся [из Самарканда] в столичный город Бухару, Мухаммед Рахим бий дурман, бывший тогда правителем Карши, явился к государю в высокий арк, ища милостей сего владыки эпохи. В это время он не видел возможности уклониться от государевой службы, государь тоже знал его /162a/ беззаветную преданность к себе и не пожелал отпустить его от себя. А так как Карши остались без доброжелательных [к государю] слуг, то Мухаммед Ма'сум аталык волей-неволей отпустил на управление Карши Кутлук сарая. Должности дадхи добивались несколько человек из молодых военных и, в надежде на ее получение, они во время бунта были друзьями аталыка. Государь, основываясь на мнении противников [этих военных], пожаловал должность дадхи не участвовавшему в возмущении и бунте Бек оглы бахрину. Бек оглы был очень простодушный человек и считал себя очень далеким от того, чтобы занять такой пост, а теперь, [так сказать], он вместо небытия получил бытие. Эмиры хотели было, чтобы другие должности и области были предоставлены достойным из военной молодежи, но государь не соизволил больше делать милостей и, выступив в путь, проезжал станцию за станцией. Когда достигли области крепости Дабуси-шах ²⁵⁹, то население Бухары от простых людей до знатных, от малых до больших, услышав о радостном /162b/ царственном приближении, вышло навстречу государю.

Стихи:

[Когда] великие люди города узнали [о приближении государя],
Они поспешили к штандарту монарха.
Полные молитвенной благодарности, они повлекли [свои] души
Вперед, ибо увидели лицо своего государя.

Ходжи, сейиды, великие люди и малые, молодые и старые, все пришли встретить государя к границам Кермине и, припавши к ногам его, потирали свои лица и очи о копыта его объезжающего мир коня, [182] проливая слезы [радости], подобно Иакову земли Ханаанской над обретенным им после разлуки Иосифом; они говорили:

Двустиише:

Все мы были мертвыми, но настал день
И мы вернулись к тебе, освещающему вселенную, живыми!

Государь обрадовал бухарское население своим полным вниманием и милостями, оказавши неисчислимые ласки всему народу. Короче говоря, августейшая личность вступила в город, как душа, которая входит в тело, и как свет, что проникает в глаз слепого. Грохот большого барабана радости донесся до самого апогея небесной выси. Чины двора занялись выдачею обещанной [государем] милостыни. Хвала аллаху! С /163a/ царственным вступлением в город, точно под утренним ветерком, ожили души в теле мира и его обитателей и их очи просветились светом солнца, освещающего вселенную. О боже мой, да не удалишь ты с голов населения Мавераннахра солнце вечного счастья, эпоху сего государя, и да даруешь помощь узбекам! Так как эти неодобрительные действия проистекли от узбекского народа вопреки вере, то бухарское население проклинали мятежных эмиров и враждебное войско и говорило так: “Если страшному льву и причинится от муравья какое-либо беспокойство, то разве от этого пострадает его могущество! Если океан замутится от капель дождя, то причинит ли это ущерб его величественности? Если освещающее вселенную солнце затемнит на время облако, какой вред от сего произойдет для величия? Если в сфере могущества обнаружится какое-либо затруднение, то какое разрушение проложит к ней путь? Взбитие кудрей у красавиц увеличивает их красоту; утомление в подмигиваниях прелестниц вызывает одобрение; хотя рубин и извлекают /163б/ из рудника разбитым, однако ценность его остается.

Стихи:

Если простой камень разобьет золотой сосуд,
Стоимость камня от этого не увеличится, а золото [в цене] не уменьшится.
Если бы Ариман ²⁶⁰ разбил камнем чашу Джемшида,
То ценность [в ней] бадахшанского рубина от сего не уменьшилась.
Если злоумышленник посягает на тебя, [183]
То на его голову судьба разбрасывает,
Как у Ка'бы на злодея,
Со звезд глыбы обожженной глины с именами тех, кого они должны поразить ²⁶¹.

Пишущему это в соответствии со всем этим вспоминается один рассказ, который не мешает здесь привести. Во время царствования великого деда [теперешнего] государя [Надир Мухаммед хана] к подножию высочайшего престола из Ирана прибыл посол. Один из уроженцев Ирака, по имени Соловей ²⁶², одетый дервишем и отличавшийся поэтическим дарованием, сопровождая этого посла, тоже прибыл в наше государство. Он исколесил всю территорию Бухары, затем возымел желание посетить Самарканд, куда и направился. Найдя этот город, он понял, каким цветущим и населенным он был в прежние времена. Когда /164a/ Соловей поехал в Ирак и [по пути] достиг Исфагана, шах Ирана спросил его: “Каким ты увидел государство Турана и каким нашел положение узбеков? Расскажи мне немного о разрушенности и процветании этой страны”. Соловей разлился на тысячу ладов красноречием и сказал: “Государь, Ирак, Хорасан и Мавераннахр не нуждаются в похвалах и подробных описаниях, ибо прошло больше 200 лет, как ваши отцы, утвердившись в этих областях, столь же постарались об их населенности и процветании, как [ныне] стараетесь вы, повелитель мира. Достаточно посмотреть на эти области, чтобы видеть это. Но прославленная Бухара и области Мавераннахра больше вышеуказанного времени находятся под властью объединения узбеков, которые в течение всего этого времени старались об опустошении и разрушении этих государств, как стараются они и теперь, и тем не менее эти страны до сих пор все еще цветущи и населенны”.

Увы! Шиит, различающийся от другого мусульманина верою, допуская крайности в своем исповедании, является фанатиком, однако в /164б/ отношении цветущего состояния сего государства он говорит истинную правду. Как жаль, что эмиры и войско

проявили [такое] нерасположение к государю, которого называют тенью аллаха, и осмелились выступить против него с бунтовщицкими речами. Ставши мишенью для стрел укоризны всего человечества, они вызвали анархию в государстве и стали причиной смуты среди жителей этих мест. Боже мой, [184] своим беспредельным совершенством и милостью ты соделаешь благословенную личность его величества, победоносного хана, пребывающего в безопасности и в счастье, а во внимание к его заботам и попечению ты сделаешь эту землю населенной и цветущей подобно райскому саду!

Молитвенное обращение:

Да получишь ты всегда от жизни все, что желаешь
В величии и славе, как совершается бесчисленное вращение [небосвода],
У тебя есть охранитель и помощник — вечная милость.
У тебя защитник, помощник и убежище — любвеобильный господь!

**О ЗАКЛАДКЕ ЧАХАРБАГА ХАНАБАДА С ПОМОЩЬЮ ХОДЖА БАЛТУЯ
КУТВАЛА ²⁶³ И О ТОМ, КАК БЛАГОДАРЯ ПРЕКРАСНОЙ
РАСПОРЯДИТЕЛЬНОСТИ ЭТОГО ВЫСОКОИМЕННОГО ХОДЖИ НА
ЗАПАДНОЙ СТОРОНЕ ГОРОДА БЫЛ РАЗБИТ [ЭТОТ ЧАХАРБАГ],
НАЗВАННЫЙ ХАНАБАДОМ, В ГОД БАРСА**

/165a/ Когда у его величества, победоносного государя, благоуханные мысли очистились от мерзости бунтовщиков с помощью чистой воды божественного милосердия и источника беспредельной помощи [аллаха], то по возвращении своем из Самарканда в столичный город Бухару, 1121 году ²⁶⁴, когда Джемшид [небесного свода], солнце, переправился от Юпитера в знак Тельца, когда авангард света привел войска трав к границе умеренного: состояния и до слуха веселящихся людей коснулась радостная весть [по слову: аллах] *посылает ветры и мы оживляем ею [тучею] землю после ее омертвения ²⁶⁵ — государю мира пришла мысль разбить чахарбаг, который был бы произведением его рук. То, что у него по сему поводу было в сердце, он открыл Ходже Балтуи сарайи, бывшему кутвалом небовидного дворца [его величества]. Высокостепенный Ходжа, будучи связан указанием [государя], приступил к сему делу с полною готовностью и усердием. Было решено разбить чахарбаг на */165б/* западной стороне города, вблизи ворот Талипач. На этом основании [185]

Стихи:

Ранним утром, когда златокоронная денница
Возложила венец из золота и появилась на троне из слоновой кости,
Муж, сведущий в звездах и в предсказании судьбы,
Определил [для начала работ] весьма счастливое время.

Стихи:

Взвешивающий [на весах] астроябий, выводящий заключение [о счастливых и несчастных днях],
[Он — астролог], знающий [счастливый] час, погрузился в раздумье
В то время, когда подруга в радостном настроении,
А взоры достойны счастливой звезды.

Опытные архитекторы и проворные строители, искусные и талантливые зодчие были собраны из Балха и Мавераннахра, из всех областей и стран в местопребывание носителя халифского достоинства. Они принесли перлы своего удивительного искусства на арену конкуренции. И в счастливый час и в благоприятное предзнаменование они приступили, в силу высочайшего повеления, в том [вышеупомянутом] месте к работам по

устройству чахарбага. Они очертили квадрат, каждая сторона которого была равна 1500 шариатским зар'ам ²⁶⁶, [эта квадратная площадь] состояла из нескольких садов, прилегавших друг к другу. Посредине каждой [стороны] возвели ворота из четырех высоких колонн. /166a/ Каждое утро, когда строитель земного шара всходил на стену небес в целях заселения территории земли, работающие на постройках уже были заняты каждый своим делом и, подобно вращающимся небесам, не прерывали своих движений. Лишь в то время, когда сыплющая золотом чашка весов солнца склонялась с точно вертикальной линии полдня и постепенно спускалась к западу, назначенные люди брали веса доли вознаграждения и справедливой платы соответственно стремлению получить вознаграждение [за сделанное]. Наполнив карманы неимущих и рабочих людей, они отпускали их по домам. Таким порядком [изо дня в день] продолжалась работа и ни на один день не прекращалась. Когда лето подошло к концу и молва о нападении зимних звезд охватила мир, трудная работа остановилась до того времени, как авангард весны поднял знамя радости [по коранскому выражению]: оживляем землю после ее омертвения, и плавильщик Фервердин растопил серебро снега в носу [186] /166б/ земли, как Джемшид — солнце с южной половины неба переселился в северную его часть и воссел там в величии и славе.

Стихи:

Сел царь небесной сферы в чертоге зодиака Овна
И распространил на все дела [свое] славное имя.

[Когда же] под влиянием такой освежающей дух погоды деревья одели кафтаны вечного бытия и халаты жизни, ветви и листья под живительными лучами солнца и под каплями облаков стали зелеными и свежими.

Стихи:

Когда царь-солнце показал свое лицо из зодиака Овна,
Он дал славному мастеру второй раз работу, —

тогда строители природного порядка и сильные естественным искусством архитекторы принялись на территории сада бирюзового замка за удивительную работу по выгону розовых кустов; они наиболее красивым образом выполнили украшение и орнаментацию дворца ветвей цветорасположением и листвою.

Стихи:

Стала сторона Джуйбара ²⁶⁷ в эту весну зеленою.
Да, с новою весною зеленеет Джуйбар.
Сад стал так хорош, точно лицо красавицы,
Роза расцвела среди него в зелени весны.

Площадь сада геометрическим порядком разбили на квадратные кварталы, шестиугольные и треугольные лужайки и обсадили /167a/ проходы и [все] стороны сада молодыми тополями; шестиугольники и треугольники по сторонам украсили плодовыми деревьями.

Стихи:

Когда лужайки были одарены зелеными насаждениями ²⁶⁸,
Каждое определенного сорта плодовых деревьев, [187]
То на какой мотив сложить мне мелодию, описывающую это.

В школе [какой] мысли высказать [мне это]?
 Подсчитаю я некоторые из этих плодовых деревьев,
 Дабы [представить], какими плодами отягчатся их ветви.
 Когда я начинаю с лучшего из них, с айвового дерева,
 Я пускаю воду в сырой оросительный канал,
 [Плоды айвы] одеты [как бы] в шерстяное платье красивого вида.
 Стараясь о их [произрастании], земля на золотой верхушке
 Производит все в них привлекательное,
 [Как] лица влюбленных и аромат подруги ²⁶⁹.
 Напомню и о сортах яблок,
 [Хотя] не могу их все пересчитать.
 Высказаться ли мне по поводу аромата груши
 Или восхвалить красное яблоко,
 Нежный баргест ²⁷⁰ подобный листам [молодого] камизака ²⁷⁰
 [Но] как мне перечислить все их один за другим?
 Прибавлю к сему абрикосы,
 Затем упомяну о привитых деревьях.
 Что мне сказать о надутой гута? ²⁷¹
 Прилепиться ли наконец сердцем к веселой арусак ²⁷².
 Еще [целое] собрание останется, какое же [из этих произрастаний] — /1676/ покой души?
 [Там] есть дикий шафран, лицо красавиц.
 Как радуется мое сердце, видя [такое] процветание,
 Как будто я [совершенно пьяный] и далекий от труда.
 Я не осмеливаюсь [даже] говорить, [представляя] персики,
 Ибо и слово имеет обратную сторону.
 У них самая привилегированная часть — их сладкое зерно.
 Пять раз похвала их благодетельным семенам — косточкам.
 Из них [получается] плод удивительного вида:
 Нежный, красивый для малых и великих.
 Мое сердце испытывает непреодолимую склонность
 К [нему, как к] щечке красавицы, маленькой, нежной.
 Когда же я начинаю описывать кислотоватую сливу,
 То мысли мои уменьшаются на этом пути.
 Спроси лучше о цвете сливы, [188]
 Чтобы найти ее тебе в саду.
 Вот прекрасный по природе тут без косточек.
 [Эта] птичка сердце, пленница сети просьб,
 Тут-мурваритак ²⁷³, красивый и вкусный
 Хар-тут хорезмского происхождения ²⁷⁴.
 Если же возьмусь в стихах описывать виноград,
 То разум опьянеет от моих слов.
 Похвала винограду, что лучше сахара,
 [Самое] желание его полно сахара.
 Для самого ученнейшего человека
 Стал он приятным, оживляющим дух.
 Что мне сказать действительного о сорте “хусайни”?
 Сердца любящих благодаря ему звучат мелодией.
 Мое дневное пропитание — красное вино,
 /168a/ Хорошее, вкусное, как рубиновые губы красавицы.
 Кто знает счет его сортов,
 Цену, достоинство и пользу виноградной лозы?!
 Поцелуй руку того, кто сажает виноградную лозу,
 [Кто] сажает в землю черенок виноградной лозы от виноградной лозы,
 Потому что получают такие плоды,
 Что разум поражается производимым ими впечатлением.
 Если же я перейду к описанию граната, то наполню жемчугом [похвал] целый ларец [своего] дарования.
 Когда я примусь за подробности относительно груши,
 То заключающей сладкое растительное питье
 Она [мне] представляется.
 Как мне сказать о миндале,
 Созерцая его стройный блестящий, как серебро, вид?

Уста мои становятся, как связанные,
Посему я замолкаю, чтобы сохранить тайну.

Когда закончили посадку деревьев, последовало благословенное [высочайшее] повеление построить среди чахарбага виллу. Опытные строители, приложив к сему руки, воздвигли чрезвычайно красивую виллу и пленительный дом увеселения, начертив его план ²⁷⁵ пером глубокого знания на скрижали искусства таким образом, что он превышал все границы и меры возможного. Занимались постройкою и днем и ночью. [189]

/1686/ Государь, повелитель мира, в чрезмерных заботах о [скорейшем] окончании [стройки], в течение трех месяцев лично наблюдал за этим делом. Ходжа Балтуйи все время был [безотлучно] прикреплен к сему делу и ему не было дано передышки даже на день. Когда эмиры увидели такое устремление благородных мыслей государя мира, то каждый из них исполнил долг службы, приведя работников из местностей, являвшихся их собственными именьями. [В результате] построили [такую] виллу, что ты сказал бы, что это райский сад. Высота ее кровли была такова, что превзошла зубцы башенок над верандой Сатурна; а ее удивительное положение в отношении ее приятности и достоинства вызвало зависть у райских обитателей.

Стихи:

Райский сад перед этим сооружением не столь привлекателен.
Небу, для его высоко вознесенной площади, он служит центром,
А звездам он делает доступным харим ²⁷⁶ его счастливой территории.
Он полон удивительных вещей, как сфера небес полна разных достоинств вроде рая.
Даже посещение вместе с виллою [сего чахарбага] недостаточно /169a/ [для передачи всех его чудес].
Его воздух всегда умеренный
Подобно тому, как раю чужд январский холод и июльский зной.
Творец судьбы устроил его основание [особенно] искусно
А иначе подобное устройство кто выдумал бы?

Все четыре стороны виллы украсили зеленью, а его лужайки — разного рода цветами; во все стороны бежали большие и малые оросительные каналы, по которым неслась весьма чистая и приятная вода. Смысл [арабского] выражения: “сад — из [числа] райских садов” [как нельзя более характеризует этот сад], а в отношении достинства этого чехарбага [припоминаются]

Стихи [Са'ди]:

Сад с сладкою проточною водою,
Ветвистые деревья, с сладкозвучным пением птиц. [190]

В отношении описания его садов [приведу] один [стихотворный] сказ. Ввиду чрезвычайной чистоты, красоты и привлекательности [этого чахарбага]

Стихи:

Я подумал, что это сад Эдема по [своей] прелести:
На ветвях его дерев полосатые платя,
А луга его покрыты цветною землею.
На кровле его зеленого купола отражены
Разного рода огненно-красные цветы.

Сладость его чистых вод была такова, что соответствовала /1696/ значению [арабского] стиха: *в садах Эдема текут воды из рек явных ²⁷⁷.

Стихи:

[Это] море — славное; его воды чистые и сладкие, как райский источник Сельсебиль;
[Его] территория, как небесная сфера [обширна]; его площадь по красоте — рай вечности
Вода — его гордость: она подобна живительной воде Хызра;
Его освещающие зефиры — как жизнь и пленительно бегущие воды.

[Вообще] архитектор мысли несостоятелен представить что-либо подобное, а искусные мастера слова при всем своем воображении не в состоянии выразить похвалу его красоте.

Стихи:

Если гурия взглянет когда-либо на этот сад,
Она, пристыженная [им], откроет двери райского сада.
Это — сад, в котором павлины-ангелы все время
Кружат в воздухе вокруг [священного] лотоса [278](#).

Действительно было построено такое сооружение, высотой зубцов которого был пристыжен голубой эмалевой свод неба, а от изящества его высоких построек Хавернак и Седир [279](#) очутились на арене стыда и [\[191\]](#) смущения. Дата сооружения сего чахарбага заключается в следующей хронограмме:

Стихи:

В эпоху его величества, хана, чахарбаг
Был разбит, подобно райскому саду,
/170a/ Его устроил сейид Убайдулла хан [так],
Что его весна не видела лица осени.
Он получил имя Ханабад,
Чтобы каждому уму стало ясно [кем он построен].
Искал старец — разум сегодня [дату его сооружения]

[И] нашел [эту] дату в словах: от него [возник] “отмеченный признаками рая” [280](#) этот чахарбаг:

О ПОСЫЛКЕ ГОСУДАРЕМ МИРА МУХАММЕД МА'СУМА АТАЛЫКА В БАЛХСКУЮ ОБЛАСТЬ СОВМЕСТНО С АБДУЛЛОЙ КУШБЕГИ ИНАКОМ

В 1121 году, соответствующем году Барса [281](#), вследствие тех огорчений, которые были пережиты в Самарканде государем, покорителем мира, [Убайдуллой ханом], о чем было выше сказано, — упорствующие в неповиновении государственной власти и бунтовщики при выявлении этой неприятности возликовали, особенно проклятый Махмуд; он только и ждал такого дня. Севши на гордого коня бунта, этот бесстыдный бунтовщик привлек к себе [тех] презренных, которые за перечисленные дни */170b/* [только] и ждали беспорядков. Первым делом [Махмуд] направился в Гори, находившийся в обладании доброжелательных рабов [престола], из племен кырк и алчин. Правители Гори, получив известие о восстании проклятого [Махмуда], послали к небовидному двору Мирзу бека жараулбеги алчина, чтобы он поверг к подножию высочайшего престола доклад о мятеже и предерзостях врагов. При вести об этом событии его величество, государь, [от гнева] забурлил, точно морские волны, и загорелся, подобно грозовой туче. Отдавши приказ о сборе к себе эмиров и начальников войск, он устроил торжественное заседание, на котором поставил на обсуждение вопрос о походе на Балх. [Государь] открыл свои сахарные уста, рассыпающие жемчуг, и сказал: “У кого было желание отдыхать на постели счастья, тот должен теперь встать с ложа покоя и отдыха и перестать заботиться о себе. Хотя мы не имели [\[192\]](#) в виду сохранить того проклятого [Махмуда в

свое время], мы все же оставили его [в надежде], авось он устыдится своего гнусного выступления и выздоровеет от него; однако этот презренный желает на [/**171a**/ избранном им] поприще все больше и больше, выше и выше поднимать знамя бунта и возмущения и разжигать огонь [своего] упрямства. Ныне перед нами встает необходимость — пришпорить своего мирозавоевательного скакуна и, направив его на этого мятежника, [покончить с ним так, чтобы] больше не думать об этом злодее, дабы обитатели тех пределов были защищены от сокрушительного урагана несчастий и были бы спокойны душою”. Эмиры, выслушав эти смелые слова его величества, государя мира, пришли в волнение; немедленно преклонив колени и вознесши молитвы за государя и похвалы ему, они доложили: “Яснее солнца [ясно], что до тех пор, пока тот презренный [Махмуд! будет разъезжать на коне жизни в тех пределах ²⁸² у войск не будет непоколебимости, а у народа и обитателей тех районов — спокойствия. Однако каким образом мы, рабы, можем оставаться безучастны к тому, чтобы государь своею драгоценною персоною самолично соизволил **/171б/** выступить в поход против этого злого человека? Мы, рабы, только еще сегодня пользовались милостями государя, Махмуд в конце концов тоже является одним из нас, рабов. Раз последует высочайшее повеление, то бог даст мы, двинувши армию против врага, отомстим сему неприятелю [царственного] дома”.

Так как высокая энергия и драгоценное желание достохвального государя [первоначально] не распространялись на то, чтобы окружение августейшего стремени принимало участие в военных действиях против того проклятого, то теперь [государь] повелел: “так как устранение врага становится возможным, благодаря выступлению [наших] слуг, то к чему [их] стеснять?”. На этом основании эмиры и войско получили назначение к начатию военных действий против того злодея. Храбрецы армии специально явились для сопротивления этому бунтовщику.

Между этими событиями Ходжам берды караулбеги мирзабаши ²⁸³ явился к высочайшему двору и сообщил, что Махмуд, пришедши в район Гори, грабит те места, что его шайки, поступая так, как это у них в обычае, животы и имущество, захваченное ими, считают своею **[193] /172a/** добычею, преграждают дорогу прибывающим Махмуд [между тем] понял, что числа людей, [какое у него имеется в данное время и] на какое он может опереться, недостаточно для того, чтобы ему легко удалось овладеть крепостью Гури, и потому, подобно зверьку акча-куйрук, пустился перепрыгивать с одного места на другое, удивляясь сам своим действиям. Власти города Гури и храбрецы тех пределов, осведомившись о малочисленности вражеского войска, немедленно напали на него и в первой же схватке обратили Махмуда в бегство, гоня его как лисицу; несколько человек из его воинов были отправлены в ад огнедышущими мечами, многие были взяты в плен.

Когда победители доложили государю о проявленном ими мужестве и о поражении тех нечестивцев, государь мира изволил оказать такую милость: “Какое имеет значение, убегает этот бездельник или остается на месте?! Пусть эмиры не обманываются этими словами и не отменяют того, что они намерены сделать”. [За этим] последовало благословенное **/172б/** повеление о посылке Мухаммед Ма'сума аталыка, бывшего хорошим старейшиною государства, совместно с Абдуллою кушбеги, тоже принадлежавшим к ханским приближенным, в районы [объятые мятежом], дабы они потушили тот мятеж, пламя которого столь высоко подняло свои языки. Всемиловитый государь, приняв в специальной аудиенции аталыка, поймал птичку сердца сего эмира чрезвычайными милостями, безграничным вниманием и зернами [своих] ласк; он пожаловал ему верхнее платье ²⁸⁴ из газета ²⁸⁵ и *верхний парчевый халат ²⁸⁶. Хильый эмир, с самого Самарканда испытывающий страх и опасения, теперь, когда его потребовали одного в специальную приемную государя, пришел в такое волнение, что не знал, в каком месте ему снять калоши, даже головы не мог отличить от ног, [перестав

понимать], где он находится. Когда же ему были проявлены царственные милости, то он, придя в свое основное состояние, заплетающимся языком вознес молитву за государя и принес благодарность ему; простерши молитвенно руки, принял на себя выполнение сего важного дела. Он доложил, что в этот поход ему нужно взять с собою несколько храбрецов из войска. Государь отдал распоряжение, чтобы в поход выступили Фархад парваначи утаджи, Мухаммед Рахим парваначи дурман, Ибрагим мирахур кенегес и Ходжа-кули бий катаган. После окончания аудиенции [упомянутый] эмир вышел весьма [194] радостный; состоявшие при нем лица, бывшие до сего в угнетенном состоянии, теперь оживились.

15-го числа месяца шабана 1121 года ²⁸⁷, соответствующего году Барса, выступили походом на Балх. Вступив в область Несефа, занялись изготовлением дорожных припасов.

Ради сбора войска в этой области, где весна обладает Иисусовым /1736/ свойством оживлять все умершее, сделали остановку.

О ПОСЫЛКЕ СЧАСТЛИВЫМ ГОСУДАРЕМ ПИСЬМА С МУМИН БЕКОМ, ХРАНИТЕЛЕМ ПЕЧАТИ, К СЛАВНЫМ ЭМИРАМ И О РАСПОРЯЖЕНИИ ВЫСОКОРОДОВИТОГО МОНАРХА, ЧТОБЫ ПРЕДСТАВИЛИСЬ АТАЛЫКУ НИ'МАТУЛЛА ДАДХА И ДРУГИЕ ЭМИРЫ

Когда Ма'сум аталык и молодцы-военные вступили в Карши, Ибрагим мирахур направился в Шахрисябз с целью привести войска [племен] правой и левой стороны; в ожидании его эмиры все дни пересчитали. В это время Мумин бек, хранитель печати ²⁸⁸, привез драгоценное государево письмо, адресованное на имя аталыка. Когда аталык ознакомился с содержанием написанного, он нахмурился и голова его затряслась. Абдулла кушбеги обратился к аталыку с просьбой, чтобы он ознакомил его с содержанием написанного, несмотря на то, что письмо было на имя аталыка. В письме же было написано так: “та служба, которую принял на себя сей соучастник счастья, несмотря на /174a/ сопутствующее ему бесчисленное войско [племен] правой и левой стороны и других, привлекла желающих принять в ней участие — ополченцев из найман и кунгратов. Короче говоря, Ни'матулла чувствует стыд перед опорой эмиров [аталыком], тайное же [нашего] светоносного сердца заключается в том, чтобы аталык, проявив миру свое величие и старшинство, устроил сборный пункт для войск в определенном месте, свиделся бы с Ни'матуллой дадха и удалил налет пыли, образовавшийся на их отношениях, отнесясь к дадхе как снисходительный отец, а после сего все вместе [195] отправятся совершить [порученное им] важное дело”.

Ма'сум аталык, ознакомившись с содержанием [сего], погрузился в пучину изумления и в море размышления. Он думал о том, что могло у государя скрываться за этим, какую цель он преследовал? Этой недоговоренной тайной аталык поделился со своими друзьями. Его товарищи и друзья, думая-гадая, решили так: “Очевидно, случившееся в Самарканде оставило в благоуханной мысли государя [такой неизгладимый /174b/ отпечаток], как резьба на камне; возможно, что он этим выражает известное извинение перед [своими] близкими слугами. Ни'матулла же, отправившийся из раеподобной Бухары в адову страну, Термез, [теперь там] жестоко страдает. Ныне шайка разного безнравственного сброда из племен найман и кунграт, не думающих ни о [своем] бесстыдстве, ни о жестокости, ставши препоню [порядка], зажжет огонь войны. Если наши люди осмелятся выступить против этой банды, то группировка, стремящаяся к смуте и мятежу, найдет предлог к осуждению опоры эмиров [Ма'сум аталыка]; так что, чего доброго, на чистый подол [его платья] насыдет пыль бесчестья, а это увеличит недовольство [им] государя и устранить уж это никоим образом не удастся.

Людам дальновидным и разумным ясно, что когда из-за завесы предопределения осуществляется какое-либо действие, то причины сего, несомненно, следует искать во вращении двуличного колеса судьбы и в возникновении их из искусного лона земли. Весьма развита распорядительность /1756/ и предупредительность у дальновидных людей, а пока дойдет это до осмысления недалновидных людей, оно не произведет [на них] впечатления, леность же и тяжелодумье служат причиной порицания. К чему теперь опоре эмиров выступить в поход, который ему предложили:

Стихи:

Почему умный делает такое дело, которое заставляет его раскаиваться?"

И другие неприятные речи слышались [по этому поводу] от некоторых искренне расположенных людей, но мы приводить их не признаем удобным.

Ма'сум аталык выслушал от друзей подобные речи, смешанные с грубостью, и решил отложить поход на Балх; погрузившись во всяческие думы, он говорил про себя: "посмотрим, что покажется из-за завесы неизвестного!". [196]

О ПРИМИРЕНИИ МУХАММЕД СА'ИД ХОДЖИ НАКИБА С МАХМУД [БИЙ АТАЛЫКОМ], О ПРОЯВЛЕНИИ ПРОКЛЯТЫМ МАХМУДОМ СЛАБОСТИ И БЕСПОМОЩНОСТИ, О ПОСЫЛКЕ ИМ ПИСЬМА К УПОМЯНУТОМУ ХОДЖЕ И О ХИТРЫХ И КОВАРНЫХ ЗАМЫСЛАХ СЕГО НЕПОХВАЛЬНОГО ЛЖЕЦА

Изложение этого события благоухающее амброю перо изображает в таких чертах. Замысел Махмуда в отношении Гури получил широкую /1756/ огласку. Эмиры и сановники Балха [хорошо] знали, что область Гури является ключом к крепости Балх, и когда Гури попадет в руки врагов, то из Балха нужно уходить. Они собрались в доме Мухаммед Са'ид ходжи и стали совещаться по поводу сего положения. Порешили на том, чтобы отправить к подножию престола его величества, государя, просьбу в том смысле, чтобы его величество, монарх, являющийся господином государства, не считая врага незначительным и ничтожным, соизволили лично прибыть в эту область. Мухаммед Са'ид ходжа, подняв голову, сказал: "Конечно, то, что эмиры признали соответственным сделать, хорошо, но ведь это же позор, что Махмуд в конце концов вами терпится. Он самолично кружит своего скакуна смелости на арене войны, а с вами, о люди, что случилось такое, что вы не можете одолеть одного себе подобного [человека]? Страну Балха называют матерью стран и какие войска не топтали копытами коней это государство! Куда /176a/ мы денемся от этого позора? Куда подошел враг, что мы проявляем такую трусость, так легко даем понять бухарцам, насколько мы слабы и при малейшем затруднении требуем помощи? Что и где взято Махмудом, что мы надоедаем государю и готовимся причинить смятение населению нашей области прибытием [бухарских] войск? Наиболее правильное решение такое: вооружить наилучшим образом все балхские войска и всех узбеков и таджиков этой страны, ибо отражение злобного бунтовщика [Махмуда] необходимо всем, постараемся сами одолеть этого заблудившегося!

Стихи:

Или от горя произойдет наводнение, или сразу [все] станет кровью".

Военные Балха приняли в соображение смелость и отвагу ходжи; он же энергично и подвижимый чувством чести, [что называется] схватил то собрание за шиворот и потащил вперед, почему немедленно все похвалили [ходжу] и подняли кверху руки с молитвенным

обращением об **[197]** исполнении того самого намерения [на которое их призывал ходжа]. Ходжа, бодро ставши во главе всех войск, выступил походом из города. /1766/ Адил аталык, волей-неволей проявивши активность, предоставил ходже жребий командования войском. Тем же временем Адил аталык, высказывая то, что у него лежало на сердце, говорил: “Махмуд, окончательно растерявшись и бежав, как лиса, у которой отрубили хвост, из окрестностей крепости Гури, пожалуй, чего доброго, вернется [сюда], а мы в такое время куда беспричинно отправляем войска? Ходжа в настоящее время, допустим, выступил бы в поход с целью нападения [на Махмуда] и направился бы на Гури с теми войсками, что у него, но, возможно, что также и у нас возникнет нужда в войске, [что тогда делать]? Войска [балхские] готовы к походу туда, [на Махмуда], ходжа смел и гордится своею отвагою”. Это мнение аталыка соответствовало его настроению: он желал, чтобы осуществление сего важного дела было связано с его именем.

Стихи:

Если мне приличествует умереть с добрым именем,
То мне подобает слава, ибо лишь [мое] тело умирает.

Когда выявилось [общее] согласие [по сему вопросу], выступивший в поход ходжа, по совершении [части] пути, расположился в местности Урта Хаузан; в это время пришло известие, что безмозглая голова Махмуда, опьяневшего от напитка гордости, стала, как тыква пустою и он /177a/ [в данное время] направился в Ташрабат ²⁸⁹. Упомянутый ходжа при этой вести взял поводья своего коня, [тоже выступил в Ташрабат] и разбил там шатер своего пребывания. Махмуд обрадовался прибытию ходжи и написал ему письмо, полное выражений искренней дружбы. Сущность его содержания сводилась к следующему: “Я уклонился с правильного пути и, попав в долины растерянности, скитаюсь среди них при наличии обмана и дьявольской злобы [против меня] у людей Балха. Теперь, когда мое дело пропало, они отступились [от меня] и сделали меня в этой враждебной стране какою-то несчастною, [всеми травимою] совою. Ввиду сего к вам, достопочтенному узбекскому вождю, проявившему свое величие, у меня имеется такая просьба; окажите мне заступничество **[198]** перед владыкою людей [Убайдуллою ханом], чтобы он простил прегрешения сего виновного, дабы я до конца своей жизни, будучи готов вновь служить государю, не отвратил своей головы от повелений того, кому должно повиноваться”.

Двустиишие:

/1776/ Когда ты хочешь кого-либо по-хорошему привлечь к себе,
Ты приводишь его дела в благоприличный вид и устраиваешь [их, сообразно его желаниям].

Мухаммед Са'ид ходжа, считая просьбу Махмуда базой [общего] благополучия, написал письмо, исполненное любезного отношения к Махмуду и заключавшее просьбу о договоре и убеждения [дружественного] соглашения. Махмуд, больше прежнего связав себя обязательством служить [государю], явился с выражением покорности [к Мухаммед Са'ид ходже]. Ходжа, считая это большим успехом, написал [об этом] письмо к балхским эмирам. Поскольку эмиры неоднократно пробовали на оселке испытания незаслуживающую доверия пробу [искренности] Махмуда и знали, какой вес имеет медь целиком фальшивого его бытия, то [его настоящим] заявлениям они не придали серьезного значения. Некоторые же из них, вроде Шахим бия, одобрили решение [Мухаммед Са'ид] ходжи и вообще проявили [по этому поводу] радость. Некоторые же, кроме возгласов: “ого!” “вот как!”, ничего не говорили. Мухаммед Са'ид ходжа, видя в этом хороший признак, в такой мере стал удовлетворен примирением [с Махмудом], что вернулся в Балх. Собравшиеся на /178a/ совещание балхские эмиры и сановники признали целесообразным, чтобы ходжа сам послал в высочайшую резиденцию донесение [о

примирении с Махмуд бий аталыком]. Мухаммед Са'ид ходжа сказал: “Мы пошлем сначала эти сведения бухарским эмирам, которые [в настоящее время] находятся в Карши выжидающими и колеблющимися. Не дай бог, если та хитрая лиса [Махмуд] отступится от своих слов и не будет соблюдать заключенного [с ним] договора, — в этом случае наше сообщение государю [об успешном исполнении] трудного дела окажется конфузным. [199]

Стихи:

О ты, с кем договор есть договор друзей подле моста?
Из твоего расположения рождается злоба, а из твоего величия унижение.
Полный занятости (внешне), а в середине пуст, как барабан,
Ты, которого хватает на одну лишь ночь, подобно однодневной свече, подобно (преходящей) розе. —

Так как восторжествовало мнение, чтобы написать о примирении с Махмудом бухарским эмирам и, между прочим, попутно упомянуть в письме о неуместности прибытия в Балх из Бухары войск, ибо это явится причиной беспорядков среди местного населения, то [это было выполнено и] бухарские эмиры получили это извещение в Карши. Ознакомившись с его содержанием так же, как и с отвиливанием от того, /1786/ чтобы было направлено в Балх [бухарское войско, бухарские эмиры] сколько не обсуждали письма балхских эмиров, оно [все же] послужило поводом для споров между ними. [В конце концов] написали в резиденцию государя, представив на высочайшее воззрение доклад [о происшедшем], и стали ожидать повеления того, кому повинуется весь мир, что он намерен по сему приказать. Тем временем случилось происшествие с Ходжей Мухаммед Амином райсом, которое вызвало выступление [бухарских] эмиров на Балх. Говоря подробнее, дело сводилось к следующему. Ходжа Мухаммед Амин, гордый своим назначением в г. Балх, прибыл туда. Там он получил известие, что его дом [в Бухаре] разграблен его зятем, Абулфейзом, библиотекарем, и потому направился в г. Бухару, к высочайшему двору. Он воспользовался событиями в Балхе и заключением мирного соглашения с Махмудом, чтобы сделать их предлогом для снискания благоволения к себе государя, [поэтому], когда он удостоился целованья [высочайшего] порога, то ему удалось вызвать у государя мира милостивое отношение к виновным [его] /179а/ слугам. Поэтому пыль, насевшая вследствие упомянутой причины на поверхность сердца Ходжи Мухаммед Амина, была удалена шлифовкою [высочайшей милости и внимания]: ему была пожалована взамен [за утраченный в Бухаре дом] хорошая его деревня, которую раньше отобрали в казну, чехарбаг Бибийи-Балхи, находившийся в самом Балхе. Гордый доставшимся ему чехарбагом, [названный ходжа] как можно скорее поспешил в Балх. После его прибытия туда обманщица-судьба произвела такое надувательство, которое ходжа и представить себе не мог. Короче говоря, дело было так. Государь предоставил большинство должностей по Балху бухарцам, [и вот] шутливая и дерзкая молодежь, [200] ищущая [повода для] смятения, прибавила несчастному Ходже Мухаммед Амину волнение и расстройство. Они взяли вернувшегося счастливого ходжу в ставку Адила аталыка, который [тогда] привел в [боевой] порядок все балхские войска, расседлали его коня, [сняв с него все], /179б/ разбили его приседельный барабан и стали над ним всячески глумиться. Они говорили ему: “Эй, нищенское отродье с сумою на плечах, каким ты нас искусством порадуешь, сколько ты должностей занимаешь? Ты посягаешь на власть и превосходство над нами? Вероятно, государь изгладил нас, рабов, из своих мыслей, совершенно забыв о нас!” Несчастный ходжа от такого огорчения совершенно стал невменяемым в своем деле. Когда известие об этом дошло в Бухару в докладе царским слугам, [а те доложили хану], то его величество, божественная тень, сильно возмутился. И [в Карши] было послано драгоценное [государево] письмо на имя Мухаммед Ма'сума аталыка и прочих эмиров. [В нем говорилось], что “благожелательные эмиры, считая [до сего времени] положение в Балхе и его районах безопасным, докладывали [по этому] о замедлении выступления труда. [Между тем] случившееся с Ходжей Мухаммед Амином

воочию убеждает, что хотя Махмуд и втянул голову в пазуху покорности и повиновения, [однако] некоторые люди в Балхе, из тех, что являются защитниками мятежа, подняли голову неповиновения. И [потому нами признано] соответственным чтобы “опора эмиров”, являющийся благожелателем государства [нашего] и доброхотом [высочайшего] порога, выступив из Карши, прибыл в балхскую провинцию и /180a/ наказал, совместно с эмирами и сановниками той области, ту шайку негодяев, которая осмелилась и дерзнула проявить непозволительное молодечество; наказал так, чтобы это послужило уроком для других и чтобы другим ничего подобного не приходило в голову”.

Ма'сум аталык и другие эмиры, [мечтавшие уже о возвращении из похода домой], узнавши о случае в Балхе и познакомившись с содержанием благословенного письма [его величества], предпочли поход возвращению [в Бухару] и поневоле, забив в барабан выступления на Балх, направились туда. Пересекая пространства, они переходили остановку за остановкой. В местности *Чилбир-и Ибрагим мирахур ²⁹⁰ они соединились с бесчисленными, как муравьи или саранча, войсками [племен] левой и [201] правой стороны. Бухарское войско, до сего раздумывавшее о своей малочисленности и о приходе Ни'матуллы дадхи, [теперь], с приходом многочисленного войска [племен] правой и левой стороны, сразу обрело новый дух. Быстро пройдя [через урочище] Казканаты ²⁹¹, войска расположились в местности Юрак-тепе ²⁹² и занялись там [наилучшим] устройством [разных] неотложных дел, а равно [соображениями], каким порядком осуществить способы [победоносной] встречи с [противной] стороной. До /180б/ берега Аму-Дарьи шли [отсюда], совершенно нигде не отдыхая; когда достигли крепости Келиф ²⁹³, то [у всех] исчез страх перед [неприятельскою] стороною, который до того ощущался в сердцах бухарцев.

**О ПРИБЫТИИ ИЗ ТЕРМЕЗА НИ'МАТУЛЛЫ ДАДХИ ВО ИСПОЛНЕНИЕ
ПОВЕЛЕНИЯ ГОСУДАРЯ, О СВИДАНИИ ЕГО С МА'СУМОМ АТАЛЫКОМ И О
ВЫЯСНЕНИИ НЕЗНАЧИТЕЛЬНЫХ ОБОСТРЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ МЕЖДУ
ЭТИМИ ДВУМЯ ЭМИРАМИ ВО ВРЕМЯ (ИХ) СВИДАНИЯ, А В ОБЩЕМ ОБ
УСТАНОВЛЕНИИ (МЕЖДУ НИМИ) НЕИСКРЕННЕГО МИРА.**

Летучие страницы случайностей времени, иначе — перья летописца на поверхности, украшенной словами, так повествуют. Ни'матулла, по неопытности свернувший с своей большой дороги, попал в Термез, как это было раньше упомянуто. Будучи исполнен надежды на такие же [лучшие] дни, [какие у него были до сего], стремясь в Бухару, он проводил дни в винопитии и тому подобном. В этой стадии он считал для себя великим спасением встречу с аталыком. Взявши войско, [составленное] из кунгратов и мангытов, он дорогою через Киз Кичик камыш подошел /181a/ к Келифу со стороны степи Кух-и лаля. Племена кунграт и найман, одетые в металл [кольчуг], сверкая под лучами солнца разными цветами, появились в это время перед [другою] стороною, ожидая встречи.

Ма'сум аталык и все бухарское войско, узнавши о приходе с такою злобою Ни'матуллы, сели на коней и выстроились против войска [другой] стороны. Оба войска, исходя из ложного представления, что что-то случится, одинаково держали в сердцах страх и опасения друг друга. Абдулла кушбеги, бывший одним из испытанных государственных людей, принял на себя миссию доброхота за государственные интересы. Он явился к аталыку и заявил о необходимости свидания представителей обеих сторон. Общее мнение [по этому предложению] было таково, что трое лиц: Абдулла кушбеги, Мухаммед Рахим парваначи и михтар Шафи' [202] мехтар-и калан, назначенный государем ведать монетным двором в Балхе /181б/ и считавший себя сородичем племени найман, должны отправиться [к войску Ни'матуллы дадхи] и рассеять у него всякие страхи

и опасения. Вся эта тройка отправилась к дадхе и ласковыми словами обнадежила милостивое к нему отношение опоры эмиров, [Ма'сума аталыка]. Дело закончилось тем, что аталык и дадха должны были свидеться и, договорившись до того, что та ржавчина неприятности, которая если и была на поверхности их мыслей в отношении друг друга, была бы [отныне] удалена полировкой милостивого и любезного обхождения и заключения [дружественного] союза и то, что соответствовало бы интересам государя и благополучию юрта, о том им следует стараться [совместно]. Однако племя найман не сдалось на такого рода увещание и стало чинить препоны к отъезду одного [Ни'матуллы] дадхи [в лагерь аталыка]. Дадха, успокаивая свое племя и улус, сказал: “В этом предприятии никто не будет у меня товарищем, кроме Фархада калмыка”, и отважно пустился в путь. Когда он достиг условленного места, аталык еще не садился на коня. [Вдруг] около трехсот человек из племен правой и левой стороны вынеслись на конях из-за рабата Келиф с шашками и копьями в руках и направились на дадху. Тот, испугавшись этой, столь неожиданной /182a/ напасти, поспешил к своим людям. [Узбеки из племени] правой и левой стороны, не достигнув своей цели, вернулись обманутыми в своих расчетах. Племена кунграт и найман, узнавши про этот случай, подобно морю пришли в волнение и кипение. Провозглашая слова “день — вам и день — нам” ²⁹⁴, захотели все вместе атаковать противную сторону. Дадха же, проявив выдержку, постарался удержать их от этого. Ради благополучия его величества [государя] дадха захотел, чтобы в его государстве [расстройство] не случилось нигде, кроме как в локонах красавиц, а волнения не произошли бы ни в каком месте, кроме буклей возлюбленных. Оба войска в волнении стали на своих местах. Ма'сум аталык, узнавши об [обычной] привычке вероломной судьбы и о дерзости людей правой и левой стороны, проявленной [ими] в этом нетерпимом поступке, подобно поднявшейся волне, набросился с упреками за глупость на Ибрагима мирахура, бывшего начальником этого буйного народа; аталык говорил “В нашем государстве по твоей милости, слепой осел, я, /182б/ одевшись в платье бесславия, при старости лет так опозорился! Что это за смятение, которое произошло благодаря тебе и теперь царит в обоих [203] лагерях?”. Аталык, сказавши эти слова с выражением [крайней] резкости [выхватил шашку] и поранил для острастки несколько человек, принимавших участие в этой истории. Ибрагим, погрузившись в водоворот стыда, захотел загладить происшедшее. Этот смелый эмир, как будто он был сыном Рустема, стал просить [разрешения] самолично отправиться к дадхе и, поймав испуганную птичку его сердца зернами дружественного договора, устроить свидание тех двух эмиров, [аталыка и дадхи]. Высшие военные чины одобрили эту мысль и мирахур, как блестящий метеор, появился среди войска кунгратов и найманов. Принесши извинения [Ни'матулле] дадхе за случившееся, мирахур обнялся с ним; после взаимных, [вежливости ради], расспросов [о здоровье и проч.] и /183a/ обмена ласковыми выражениями, было постановлено, что Ибрагим мирахур останется среди войска кунгратов и найманов, а Ни'матулла отправится в лагерь бухарцев. Когда такая договоренность окончательно была установлена, дадха вторично поехал к [бухарскому] войску. [В это время] Ма'сум аталык наверху рабата производил осмотр войскам и заметил, что дадха, проявляя смелость, едет к рабату в совершенном одиночестве. Абдулла кушбеги, сойдя вниз, к подножью рабата, предложил аталыку повидаться с Ни'матулла дадхой. Аталык спустился сверху рабата и сказал: “Свидание нужно устроить в специальной приемной”. Согласно такому желанию аталыка дадха прищипорил своего гнедого, с черной гривой коня и подъехал к указанному месту. В приемной комнате он заявил аталыку о защите его [от оскорблений или от более худшего]. Аталык, проявляя свое старшинство, заключил дадху в /183б/ объятия и стал отечески расспрашивать его, выражая ему любовь и ласку. Результатом встречи этих двух эмиров был крик радости, поднявшийся из среды обоих войск, и проявление [полного] удовольствия. Эти два эмира, [аталык и дадха], после обмена официальными формулами вежливости, повели беседу о переправе через Аму-Дарью. Дадха, извиняясь, сказал [аталыку]: “Переправа двух войск в одном месте может стать источником сумятицы и

задержки; если вы разрешите, то ваш преданный слуга переправит [войско] найманов и кунгратов через Термезскую переправу”. Аталык согласился на эту просьбу дадхи, находя ее основательною. В конце концов аталык, переправившись со всем бухарским войском у Келифа [на другой берег реки], вступил в пределы Балха. Аталык расположился во внешнем городе, в квартале Шершер, прочие эмиры — поблизости от него. Абдулла кушбеги избрал себе [204] местопребывание во внутреннем городе. Ни'матулла дадха, соблюдая осторожность, под предлогом многочисленности своего племени и улуса /184a/ перешел [Аму-Дарью] у Термеза и расположился лагерем в окрестностях Муминабада, ожидая распоряжений аталыка [на свой запрос]: “Если аталык желает, чтобы я вошел в город, то пусть он известит меня об этом письменно”. Аталык, прочитав подобное письмо, написал ответ такого рода: “В данный момент мы не приступили [еще] к выполнению [возложенного на нас] трудного дела, так что вам [пока] нечего беспокоиться о приходе сюда. Город Балх, как вы знаете, *не может вынести такого количества войск ²⁹⁵, так что изберите окрестности Муминабада местом своей лагерной остановки и останьтесь там на несколько дней. Во всяком случае, как только встретится необходимость в войсках найманов и кунгратов, я вас извещу”. Дадха понял, какие [иногда] маневры проявляет коварная судьба и по необходимости, кроме повиновения, ничего другого не мог предпринять, [поэтому] он удвлетворился песчаною землею [Муминабада в ожидании], пока что-либо появится из окошка потустороннего мира.

О ПРИБЫТИИ В ОБЛАСТЬ БАЛХА ХОШХАЛЯ ДИВАНБЕГИ МИНГА ИЗ /1846/ РАЙОНОВ ЧИЧЕКТУ И МЕЙМЕНА, О РАССТРОЙСТВЕ В ЕГО СОСТОЯНИИ И ОБ УБИЙСТВЕ СЕГО НЕСЧАСТНОГО

Изложение сего события таково. Последовавшее высочайшее повеление гласило: “Хошхалю диванбеги надлежит прибыть из Меймена и, действуя сообща с бухарскими эмирами, которые получили от нас [надлежащие] приказания, постараться устранить врагов и не потерять [нашего] благожелательного отношения к себе”. Хошхал, во исполнение сего распоряжения, направился с отрядом мингов в Балх и достиг [этого] города. Адил аталык, воображая, что Абдулла кушбеги, привезший из столицы [ханскую] печать, хочет Хошхалю возвести на престол [205] аталычества и посадить его в Балхе, высказал это предположение Ма'суму аталыку. Потворствуя друг другу, [оба аталыка], приложивши руки к грабежу палаток и юрт Хошхалю, его верблюдов и мулов, навьюченных сундуками [с разными вещами и тюками] дорогих тканей, предали на всеобщее разграбление. Хошхал, будучи окружен [враждебными бухарцами], целый день до утра скрывался в походной юрте Мухаммед Сайд ходжи, не имея возможности выйти наружу. Хошхал по отношению /185a/ к Адилу аталыку был подобен гире-довеску и позволял себе лишнее в беседах с ним, но бухарское войско было причиной чрезмерного [своеволия] Адила; Ма'сум аталык же и бухарские эмиры не находили возможным допустить в эти дни смуту и признали целесообразным, чтобы Хошхал вернулся в свою область, дабы эта неурядица легко была прекращена. Помолившись богу, Хошхал выехал из города; направляясь в Меймене он избрал дорогу левым флангом. Дальнейшее заключается в том, что вследствие аналогии, существовавшей между положением Хошхалю и Ни'матуллы [дадхи], Хошхал, считая Ни'матуллу для себя величайшей находкой, отправился на Муминабад. Ни'матулла тоже обрадовался приезду Хошхалю, он не знал, что это прибавит ему огорчения. Ма'сум аталык и Адил аталык, дышавшие чувствами взаимной дружбы, услышав о соединении [Ни'матуллы дадхи и Хошхалю], укрепили [еще больше] эту дружбу.

/1856/ Несколько дней прошли в неопределенном и неясном положении; ложные слухи, [шедшие] из Бухары в Балх и из районов Балха в Бухару, вместе с разными такими

словами, которые ученые люди не допустили бы принять, получили [широкое] распространение и породили в умах смятение и возбуждение.

ОБ ОТПРАВЛЕНИИ К МАХМУДУ [БИЙ АТАЛЫКУ] ЭВАЗА ИШИКАКАБАШИ, КЕРАИТА, О ПИСЬМЕ ГОСУДАРЯ ОТНОСИТЕЛЬНО ЭТОГО ПО ПРОСЬБЕ ДОБРОЖЕЛАТЕЛЬНЫХ ЭМИРОВ И ПОДРОБНОСТИ ТОГО, ЧТО СЛУЧИЛОСЬ ПО ВОЛЕ ЖИВОГО И ЛЮБВЕОБИЛЬНОГО (АЛЛАХА)

Когда просьба Махмуда дошла в [известное] время до подножья высокого престола и он заявил [в ней] о своей слабости и беспомощности, а настойчивые ходатайства эмиров [перед государем] о прощении сего заблудшего достигли крайних пределов, всеобъемлющее милосердие государя лишь искало предлога для прощения проступков [своих] мятежных рабов. Неотступные просьбы эмиров лишь усилили это желание [206] монарха. Признав за благо оказать внимание эмирам, он согласился на их просьбы. Мысль государя, подобная солнцу, утвердилась на том, чтобы послать Эваза ишикакабаши к эмирам, находящимся в Балхе, и что /186а/ порешат эмиры по этому вопросу, Эваз ишикакабаши представит [на высочайшее благоволение]. Вместе с тем было приказано личному секретарю изготовить письмо на имя Махмуда. И мулла Захид [] написал такое письмо. Когда государь просмотрел его, то сказал: “Мы этому проклятому столько сделали послаблений, что если пошлем ему письмо с такими выражениями, то его беспокойство еще больше увеличится”. Пришлось несколько раз переписать письмо, показывая его проект светносым очам [государя], и все оно ему не нравилось. Составитель черновика с целью обмана отдал листы черновика письма Туракули кушбеги. Кушбеги представил их хакану и в результате [государь] качнул головой в знак согласия. Содержание посланного письма было такое:

“Да будет известно убежищу власти и спутнику счастья Махмуду /186б/ аталыку, что внимание и милости наши по отношению к нему за его прежние заслуги были велики, но сам он, проявляя нерадение к повиновению, возглашаемому коранским стихом: *Повинуйтесь аллаху, повинуйтесь посланнику [его] и тем из вас, которые имеют власть ²⁹⁶ — свернул с большой дороги рабского служения нам; влекомый обманом бесовской корыстной гордости и внушением дьявольской страсти и вожделения, уклонился от правого пути и всегдашнего [нам] повиновения и, предпочтя неблагодарность, осмелился совершить такой проступок, который является причиной греха против религии и влечет наказание в будущей жизни. В данное время, когда молния вечного руководства сделалась путеводителем в его жизни, он удостоился счастья быть споспешествующим помощью того, кто есть аллах помогающий и споспешествующий, он продел голову рабского служения в ярмо покорности [нам]. Восстанавливая добрые отношения, он прислал [нам] просьбу такого содержания: “Вы — государь, а я раб, кающийся в своих проступках, что станется [со мною], стыдящимся своих неприличных выходов? Даруйте благостыню, смойте водою прощения и милости записанное в тетради прегрешений и в сборнике преступлений сего странника по путям заблуждения и помрачения”. [207]

/187а/ [Бросив милостивый] взор на [эту] просьбу и мольбу ²⁹⁷ \$\$\$ она привлекала и возможно совершеннейшую посылала в комнату Джа'фара. И таким образом, известно, что Атабэ каждое утро в пятницу посылала по новой рабыне к сыну. В ту ночь вместо такой рабыни в спальню Джа'фара вошла Аббаса. а он под влиянием [сильного] опьянения вином не почувствовал к ней похотливого влечения, [тем не менее] дело, составляющее потребность человеческой природы, между двумя сторонами [все же] состоялось. Аббаса сказала Джа'фару [по-арабски]: “Как ты нашел обман царевны?” Джа'фар ответил: “Что такое обман и кто царевна?” — “Я вот тебя обманула и я — царевна Аббаса”, — сказала Аббаса. Услышав эти полные соблазна и злобы слова, взволнованный Джа'фар отправился

к своей матери Атабэ и сказал ей: “Матушка, ты меня [очень] дешево продала! Подожди сколь велика будет опасность при таком положении!” — “Успокойся — отвечала Атабэ, — эта тайна останется между [нами] тремя!” Джа'фар сказал: — “Разве ты не слышала категорически выраженного хадиса: всякая тайна, что /1876/ произошла между двумя людьми, становится известной?” Так как судьба уже совершила свое дело, то упреки Джа'фара к Атабэ были бесполезны.

Стихи:

С судьбой нельзя воевать;
Невозможно пенять на рок!

Аббаса забеременела от Джа'фара. По истечении положенного периода беременности у нее родился сын, прекрасный, как луна. Из боязни Харуна мальчика поручили одному служителю, по имени Бурра [пшеничное зерно], и послали [его с ним] в Мекку. Тем временем между Зобейдой, женой Харун [-аррашида], и Ях'ей бармекидом, отцом Джа'фара, поднялась пыль вражды, потому что Ях'я имел отношение к управлению воротами гарема дворца халифа и по его распоряжению все ходы туда запирались после молитвы, совершаемой в середине промежутка между полуднем и закатом солнца и [вследствие этого] некоторым из гаремной прислуги и евнухов воспрещалось неуместным [208] образом входить в гарем и выходить из него. Зобейда явилась к Харуну с жалобой на Ях'ю; халиф сказал: — “То, что касается чести нашего дома и нашего благополучия, осуществляется Ях'ею и в этом отношении никогда еще не было совершено им такого действия, которое вызвало бы жалобу и нарекания”. Зобейда на это заметила: — “Раз дело обстоит так, то почему же он не удерживает своего сына от той дерзости, /188a/ которую он совершил и совершает?” Харун стал расспрашивать, в чем дело. Зобейда тотчас представила ему картину интимных отношений между Джа'фаром и Аббасой так, как она знала ее. Харун, весьма удивившись, сказал: “Какие же достоверные доказательства этого?” — “Нет более ясного доказательства, как ребенок”, — ответила Зобейда. — “Где же этот мальчик?”, — спросил Харун. — “Теперь он — в Мекке”, — сказала Зобейда. — “Кроме тебя никто не знает этой тайны?” — спросил халиф. — “Она известна всем рабыням гарема”, — заметила Зобейда. Харун тяжело вздохнул и заявил о своем намерении совершить паломничество в Мекку. Аббаса, [узнав об этом] послала быстрого, как ветер, гонца в священный город, чтобы увезти оттуда своего сына в Йемен ²⁹⁸. По прибытии в Мекку Харун занялся расследованием этого случая и убедился, что слова Зобейды соответствуют действительности. Тут же у /188b/ него созрела мысль об истреблении семейства бармекидов и Джа'фара. Совершив хаджж, халиф вернулся в Багдад, а оттуда переехал в свою резиденцию Анбар. Говорят, что в месяце сафаре 187 года ²⁹⁹ халиф” устроил столь пышное собрание [своих приближенных и знати], что ничье око не видело ничего подобного. Там он был исключительно внимателен и милостив к Джа'фару. В послеполуденную молитву Харун разрешил Джа'фару отправиться домой. Необычайно радостный Джа'фар привел к себе в дом музыкантов и занялся пьянством. [Тем временем] Харун, оставив прочих слуг, потребовал одного из них, по имени Ясир, и сказал: “Я приказываю тебе выполнить одно дело. Нужно немедленно это сделать, иначе мой гнев обратится на тебя!” Ясир сказал: “Владыка праведных, то, что ты прикажешь, я выполню!”. — “Иди, — сказал халиф, — и принеси голову Джа'фара бармекида”. Ясир, услышав эти слова, задрожал и опустил вниз голову. Харун вторично обратился к нему, сказав [угрожающим тоном]: “Если ты так не сделаешь, то моя ярость погубит тебя!” /189a/ Тогда Ясир отправился в дом Джа'фара и вошел без разрешения в собрание [гостей Джа'фара]. Джа'фар при виде такой дерзости, испугался [209] и спросил Ясира о причине [его появления]. Ясир передал ему приказ халифа. Джа'фар сказал: “Вероятно, приказание халифа вызвано сильным опьянением. Ты теперь вернись и доложи ему, что я-де убил Джа'фара. Если ты найдешь его

раскаивающимся [в этом приказании], то ты скажешь про меня: “вот он!” А в противном случае — ты выполнишь то, что тебе приказано”. Ясир не мог отказать Джа'фару в этой просьбе, и они оба вместе отправились к покоям халифа. Джа'фар сказал Ясиру: “Войди вторично к владыке правоверных, авось он раскается в отданном им повелении”. Ясир вошел к халифу. Харун спросил: “Что ты сделал?” — “Принес голову Джа'фара и оставил ее во дворе”. Харун сказал: — “Принеси [ее сюда] поскорее, иначе я прикажу отрубить тебе голову!” Поневоле Ясир вернулся к Джа'фару, отделил от тела голову этого /1896/ примечательного человека среди людей таланта и искусства, принес ее Харуну и бросил к его ногам. После халиф сказал Ясиру: “Представь мне такого-то и такого-то человека!” Когда эти люди явились к халифу, он им сказал: “Отрубите голову Ясиру, так как я не могу переносить убийцы Джа'фара!”. И эти люди поступили так, как им было приказано. Мунзир-и Багдади, принадлежавший к *людям пера ³⁰⁰, говорит: “Однажды на мои глаза попала книга расходов Харун-ар-Рашида и я увидел [в ней] один лист с перечнем подарков Харуна Джа'фару: за один раз было [выдано] 30 миллионов золотых динаров, что касается драгоценных тканей, китайского мускуса, индийской амбры, акбарабадских духов, луноликих рабынь из Гуджерата и периликих турецких мальчиков-рабов, — то всему этому и счета не было. На другом месте я видел цену нефти, для той рогожи, в которой сожгли тело Джа'фара — четыре дирхема и половина данга ³⁰¹.

Стихотворный отрывок:

О дитя века, если ты из груди жадности
Будешь когда-либо сосать два молока, благополучие и счастье,
То в колыбели времени не гордись своим превосходством,
Вспомни об эпохе великих бармекидов!

Событий и достопамятностей, связанных с фамилией бармекидов, /190a/ много. Пишущий эти строки, изложив настоящее вкратце, говорит: когда у Джа'фара родился от матери [?] сын, то поэты того времени составили в похвалу младенца оды и получили за это разные милости; я тоже [210] возымел желание последовать их примеру и, написав два-три двустихия, понес их Джа'фару. Джа'фар, как отец мальчика, столько пожаловал мне золота, что и сосчитать было невозможно. Если бы семь моих поколений его расходовали, то и тогда бы оно не кончилось. [Прошло много лет]. Однажды мне пришла охота пойти в баню. Там я сказал банщику: — “Пошли ко мне массажиста, чтобы он занялся мною”. Банщик приказал одному из подростков послужить мне. Когда он меня мыл, я в тот момент вспомнил и продекламировал тот стих, который я составил по /190б/ случаю рождения сына Джа'фара. Едва его услышал мой массажист, как задрожал и упал в обморок. Я взволновался и по глупости попрекнул банщика: “Я искал у тебя массажиста, который бы надлежащим образом выполнил поручаемое ему дело, а ты мне прислал какого-то идиота”. Банщик сказал: “Он никогда не был идиотом; повидимому, какая-то причина вызвала такое его поведение”. Когда подростка спросили, почему он впал в такое состояние, он сказал: “Я тот самый младенец, в похвалу которого были составлены стихи, [которые я услышал]” При этих его словах я не мог удержаться от крика и сказал: “Дитя, из всего того состояния, которым твой отец в свое время вознаградил меня, я отдам тебе половину”. Он же мне на это ответил: “Я не из того племени, которое берет назад то, что оно когда-либо подарило какому-нибудь человеку”. Присутствующие не могли удержаться от слез при виде такого величия души мальчика. Увы! какие превратности ниспосылает вероломная и непостоянная судьба! Впрочем, лишь аллах всевышний лучше всех осведомлен об истинном положении вещей ³⁰².

О ВОЗВЫШЕНИИ ЗНАМЕНИ СЧАСТЬЯ ТУРАКУЛИ КУШБЕГИ ИНАКА, О ДОСТИЖЕНИИ ИМ ПОЛНОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ И ОБ ОЦЕНКЕ ЕГО ЗАСЛУГ

О ПОВЫШЕНИИ ЕГО В ДОЛЖНОСТЬ ВЕРХОВНОГО КУШБЕГИ ПО ВОЛЕ /191a/ АБСОЛЮТНОГО ГОСУДАРЯ В ЭТИХ СТРАНАХ МИРА

Так как прещедрые благоуханные помыслы и обильное милостями светозарное сердце монарха всей земной поверхности имели неослабное попечение о штандарте счастья Туракули кушбеги инака в смысле увеличения его власти, то сей государь желал почтить его [еще большею] [211] милостью так, чтобы само время при виде сего закусило бы палец одобрения зубами похвалы и сказало бы: “прекрасно!”

Стихи:

Какой бы ничтожной пылинки не коснулась даже на одно мгновение твоя милость,
Та незаметная пылинка станет лучше, чем тысяча солнц.

Государь мира запросил о счастливом часе астролога ³⁰³ Абулфазла муллу Я'куба, который особенно выделялся из среды астрологов, и своим блестящим языком сказал: “Мне пришло в голову возвысить одного из своих достойных слуг, украшенного одеждой [блестящих] способностей, предоставлением ему нужной должности. Определи, какой должен быть счастливый час!” — Астролог в исполнении сего прибег к /191b/ рамлю ³⁰⁴ и, определив положение знака зодиака, доложил, что при наличии сосредоточия всего живущего [Убайдуллы хана], все часы счастливы, особенно сегодняшний день, суббота, который находится под знаком Солнца; в действительности, первый день лунного месяца принадлежит к счастливым дням, открывая с самого раннего утра перспективы осуществления всяких надежд и упований. Солнце же, восшедшее в знаке Овна, благоприятствует исполнению всего задуманного. Государь обрадовался и в упомянутый день, который по счету являлся 7 числом месяца сафара, запечатленного благом и победою, и был одним из первых дней весны, когда день бывает равен ночи ³⁰⁵,

Стихи:

[Когда] зефиры украсили землю зеленью
И мир стал образом цветущих лугов рая,

— победоносный монарх в благополучии и счастьях сел на коня и направился в чухарбаг Ханабат, который являлся одним из сооружений [212] сего государя, где и изволил расположиться. Он приказал вызвать к себе эмиров и сановников государства. Ответственные лица государства, /192a/ особенно Мухаммед Ма'сум аталык сарай, этот рассудительный эмир, знали о стремлении благородного высочайшего разума к увеличению почестей Туракули и притом в такой мере, что и высказать это невозможно, и о том, что прибытие государя в этот день в упомянутый чухарбаг и вызов эмиров сделаны специально для награждения должностью верховного кушбеги Туракули бия. Поэтому, когда этот эмир, обладающий чудесным дыханьем Иисуса ³⁰⁶, войдя в собрание, опустился перед государем на колени, как челобитчик, и государь мира, смеясь и расточая по его адресу жемчуг слов, пожаловал Туракули бию упомянутую должность, немедленно со всех сторон раздались громкие возгласы: “поздравляем, поздравляем!” [Вновь произведенный в звание] верховного кушбеги расцвел, как роза, и направился в свой дом. А тот дом принадлежал покойному Миру, Бек Мухаммед бию парваначи; после его смерти, /192b/ несмотря на то, что у него был сын, в отношении его была проявлена странная прихоть государя. Ввиду того, что этот дом находился поблизости высокого арка, он был взят у наследника, которому взамен его был отдан дом Ходжи Дилавера сарайи и Ник Кадама повара. Там уже постелили красивые паласы на [обширной] террасе и на целую неделю и даже больше натаскали запасы кандалята ³⁰⁷, и бедняки, нуждавшиеся в куске ячменного хлеба, теперь пользовались сладостями.

В тот же день, когда Туракули кушбеги удостоился получить упомянутое высокое звание, его величество подумал также и об Абдулле ходжи, во внимание к его прежним заслугам, и приказал прежде всего предоставить ему несколько должностей. На этом основании ответственное дело мирабства и [должность] кушбеги в Балхе с добавлением к этому управления Андхудом, — на что очень метил Али Са'ид диванбеги, — государь изволил пожаловать Абдулле кушбеги. Тот несчастный эмир [213] волей-неволей совершил [за это] надлежащие чествования государя [308](#).

Стихи:

Если ты умен, то пренебреги общением с царями,
Дабы ты мог оказаться вне моря волн (всяких) несчастий.
В одну ночь после того, как ты был осыпан золотом подобно созвездию Девы,
/193a/ Ты, возвеличенный милостями, падаешь вниз головою.

Увы, людям нашего времени следует иметь в виду, что те, кои съели мозг души и поглотили свет очей Абдуллы ходжи, [потом] хвастались полнейшею обособленностью от него. Больше того, они [в свое время] давали понять [всем], что если он и в ад пойдет, то они, сопутствуя ему, не покинут его, [а потом] они так от него открещивались, что говорили, что они его никогда не видели. Первый [из них был] Ходжи Шаттах, т. е. тот жулик без роду без племени, что был воспитан Ходжи Дилавером диванбеги; [когда] он стал у эмира кушбеги распорядителем всего имущества, то молва о его бесстыдстве столь широко распространилась, что он стал хорошо известен и в городе и в степи. Ослабление благополучия кушбеги единственно заключалось в том, что помрачение того Ходжи Шаттаха оставило след на репутации кушбеги, и последний признал недопустимую его службу [при себе]. [Вообще] правитель-кушбеги видел ли от кого-либо из людей то, что он испытал от этого презренного человека?

Стихи:

Люди не следуют образу жизни своих отцов,
/193b/ Но все идут в ногу с [своим] временем.
Друзья — у тех, кого приласкала судьба,
А враги у тех, кого она низвергла.

Таков обычай вероломного рока и *потому возьмите это в назидание себе, одаренные зоркостью ума [309](#).

Стихи:

Эта фальшь друзей, которую ты видишь,
[Не напоминает ли тебе] мух, кружащихся подле сладкого?
Пока существует [у тебя для них] стол, они кушают [214]
И, как пчелы, жужжат перед тобою.
Но наступает время, когда [твое] благополучие разрушается
[И твой] кошелек становится [пуст], как корпус рабаба [310](#);
Друзья перестают общаться [с тобою] и утешать [тебя],
И дружбы нет и в помине.

В конечном результате положение Туракули кушбеги по милости государя достигло такой степени, что эмиры и сановники ловили каждый его взгляд. Государь же неоднократно ему жаловал на дню по четыре дорогих халата; просил ли [Туракули] то или другое количество серебра и золота, государь [ничего] не жалел [для него]; он [даже] препоручил ему пожалование чинами и должностями. Современники его, посвоему обычаю [подхалимства], повиновались его письменным распоряжениям, касающимся

важных государственных дел, без всякого /194a/ ханского ярлыка. Что же касается государя, то он настолько вверился ему, что даровал ему право ухода от него, без особого каждый раз разрешения [311](#), так же как во всякое время, когда бы он не пожелал, он без отказа мог присутствовать на высочайших аудиенциях [или приемах] и никто ни в каком месте не мог ему чинить препятствий.

Стихи:

Если твое благоволение кинет взор в сторону человеческого общества,
То [простая] ива заиграет, как гитара, и атом проявит [известные] достоинства [312](#),
Существо милости есть великий [жизненный] эликсир,
Ибо счастье даже землю превращает в золото.

Расположение монарха к Туракули бию кушбеги [было таково, что] он стал интимным царским другом, наиболее правоверным в государевом царстве, убежищем всех его затей и дел и зрачком очей дальновидных людей. Этот человек, по характеру суфий, в конце концов стал таким, что среди эмиров оказался наивысшим. [\[215\]](#)

Стихи:

Чье утро [займется] с хорошим предзнаменованием в какой-либо день,
Оно развернет знамя, озаряющее мир.
У государя что ни день, то базар,
А у этого времени, как и у него, есть свой покупатель.

К числу прекрасных душевных качеств Туракули бия кушбеги относились его скромность и большое уважение к ученым и талантливым /194b/ людям. Он делал для них все то, чего они были достойны, в такой мере, что один из близких к нему людей даже попрекнул его. — “Вас государь так почтил и возвеличил, — сказал он, — что вы прошли на место великих людей [государства] и потому нет никакой нужды так скромничать перед каждым человеком; нужно и необходимо держать себя так, как подобает эмиру; приличествует никогда не поступаться своим положением”.

Туракули кушбеги в ответ на это заметил: “В данное время, когда моими друзьями стали дни могущества и величия, я считаю для себя необходимым не только не унижать своих друзей, но даже возвышать их, сообразно их достоинству, чтобы их расположение ко мне увеличилось. Вы сами хорошо знаете, чем я был, а теперь по милости всевышнего бога я, бывший в бездне ничтожества, возвысился и достиг столь великого благополучия. И в таком возвышении я меньше всего думаю о себе, ибо необходимо стараться, чтобы что-нибудь получили мои друзья и единомышленники. Если вы — мой искренний благожелатель, то вы не станете упрекать меня за мою скромность, которая в моем характере почтенна, и не будете мешать мне проявлять ее. Очевидно, вы не слышали, что

Стихи:

Скромность в высокопоставленных лицах похвальна.
/195a/ Если нищий скромничает, то это — в его характере.
Невоспитанный человек не только себе причиняет зло,
Но даже весь мир может спалить огнем.

[Положение]: он — живой, [аллах] — о нем сказано: “нет божества, кроме него, у которого повеление и к которому все возвращаются” [313](#), ясно доказано умами мудрых людей в бесконечных стадиях падений и возвышений при разных случайностях времени и в опасностях дней и [\[216\]](#) ночей, ибо этот мир является местом всяких случайностей и

превратностей судьбы, и умные люди никогда не обращали внимания на ложный блеск его фальши; предпочитая вечные блага этому преходящему миру, они поняли сущность того, что тленность всякого существа относится к категории обязательных явлений, а постоянное существование всякой твари есть вещь невозможная”.

Короче говоря, за несколько дней из чертога, [вечно] надзирающего бесподобного [аллаха], — да возвеличится его достоинство и власть! — сейиду Убайдулле Мухаммед бахадур хану был пожалован рескрипт: * ты возвеличиваешь, кого хочешь, скрепленный печатью [с надписью]: * ты даешь царство, кому хочешь, в руке твоей благо ³¹⁴ и был дан сему /1956/ справедливому государю в распоряжение отряд рабов всевышнего господя. Он же, сообразно [своему] могуществу и возможной силе, старался радеть о возвышении знамен веры, о подтверждении непреложного божественного закона и о повиновении повелениям святейшего князя пророков, — да почиет на нем до дня страшного суда благословение аллаха и его приветствие! Искренне, ради аллаха, он сосредоточивал свое неослабное внимание на устойчивом положении своих подданных и подчиненных. С помощью божественной милости и бесконечной благодати, — как было predetermined ему, — он свою жизнь целиком посвятил людям, так что по причине расстилания им ковра справедливости и вследствие его благодеяний и щедрости молва о его правосудии подчинила большую часть мира его велениям в отношении всего дозволенного и воспрещенного, разрешаемого и связуемого. Благодаря за божественные благодати и дары милосердия [творца], он давал своим подданным места и территории спокойствия на неприкосновенной арене безопасности. Девять лет он провел в пышности и счастье. Пишущий это говорит, что вступление к сему было таково. В 1122 году ³¹⁵ я направил на ристалище слов свое двигавшееся перо и при помощи его, благоуханного /196a/ и ароматного, украшал листы бумаги, подобно продавцам жемчуга на базаре красноречия и подобно тому, как нанизывают жемчуг на нитку, записывал события, касающиеся походов и мирной жизни его величества, божественной тени, как совершенно внезапно в это беспокойное время возник мятеж, и мир, до сего времени бывший в колыбели покоя, теперь пришел в расстройство, Дело было так. Когда период царствования [217] государя мира подошел к концу и время его жизни достигло крайнего предела, до него донесся из чертога величия зефир, принесший приглашение: *аллах призывает в обитель мира ³¹⁶. Сообразно коранскому стиху *в действиях аллаха ты не найдешь изменения ³¹⁷, — в дверь его сердца постучали кольцом требования [явиться туда]. Неблагодарное войско и бесчестные эмиры, запорошив глаза землею бессовестности, разбили /1956/ камнем возмущения счастливую чашу, показывающую мир ³¹⁸, и предали смерти искреннего и милосердного государя. Да проклянет аллах убийцу Убайдуллы [хана], его врагов и пособников до конца времен!

О МЯТЕЖЕ И СМУТЕ В МАВЕРАННАХРЕ, ОБ УБИЙСТВЕ СЧАСТЛИВОГО И ДОСТОХВАЛЬНОГО ГОСУДАРЯ-МУЧЕНИКА, СЕИИДА УБАЙДУЛЛЫ МУХАММЕД БАХАДУР ХАНА, ВСЛЕДСТВИЕ БУНТА МЯТЕЖНЫХ ЭМИРОВ И ВВЕДЕНИЕ В ЗАБЛУЖДЕНИЕ ВОЙСКА АГИТАТОРАМИ, О ГИБЕЛИ БЛАГОПОЛУЧИЯ СЕГО ЗЛОСЧАСТНОГО МОНАРХА, СОГЛАСНО ВОЛЕ ВСЕВЕДУЩЕГО ЦАРЯ, 28-ГО ЧИСЛА СВЯЩЕННОГО МЕСЯЦА МУХАРРАМА ЭТИХ ЗЛОПОЛУЧНЫХ ДНЕЙ

Хвала аллаху, царю духов и людей! Убайдулла хан был государь, с эпоху которого [ни в одном] цветнике государства с такою сочностью и очарованием не распускались розы, а перед оросительным каналом [ничьих] владений не росли столь стройные и красивые кипарисы, [как в пределах государства Убайдуллы хана]. Он был счастливый и удачливый монарх; он сиял царственным блеском и пышностью; храбрость его была известна во всем мире, а его геройство записано на скрижалях /197a/ времен. Он был

красивой наружности, имел приятные врожденные качества; был ласков в увещаниях, но рука его низвергала врагов; его стрела, выпущенная из лука, всегда попадала в цель; если она достигала вершины горы, то сокрушала ее до основания. Удар волны его гнева со дна вражеского моря выбрасывал землю на берег этого моря; натиск его ярости бросал огонь из каменного сердца на равнину очевидности. Он был славный и добродетельный государь, воздерживавшийся от запретных вещей, забав и игр он по милости творца выделялся из всех царей земли; на арене мира он прежде всех монархов загнал “чауганом” [своей] храбрости и неустрашимости шар правосудия и [218] щедрости ³¹⁹, а в заповеднике охоты времени он совершенством своего геройства, при помощи большого пальца текущего момента ³²⁰, без промаха попадал стрелою гнева в мишень жизни бунтовщиков, у волков из сада тирании и неприязни пятернею правосудия вырывал из пасти жало насилия /1976/ и притеснения. Он был государем, украшенным достохвальными качествами и прекрасными деяниями; во время войны он, подобно свирепому льву, всегда был жесток, а временами щедр; подобно облаку, он все время проявлял милости и благоволения; подобно ветру, дующему над сильным и слабым, он проявлял справедливость по отношению ко всем; по оказываемому им благоволению он был как солнце, одинаково светящее и низкому по происхождению и благородному; по щедрости он уподоблялся морю, которое не думает о своем уменьшении, в отваге был как стремительный поток, не задерживавшийся на спусках и подъемах.

Двустиишие:

В течение ста тысяч веков тихоходящей вселенной
Подобный тебе всадник не появлялся на мировой арене!

Этот государь любил часто повторять нижеследующие стихи:

Что весит под перстнем моим Бухара?
Да будет моею [вся территория] от Китая до Хорасана!
Что мне кружиться на своем скакуне по одному Турану?
Пусть будет у меня ареною вся земная поверхность!

От начала его власти и за все время его царствования все его подданные жили, покоясь в колыбели тишины и безопасности. В городе и степи, в области, округе и селении, благодаря безопасности, /198a/ дарованной государем, снизошли все условия для их процветания и населенности. Под влиянием его правосудия магнит оказывался бессильным притянуть железо; временами он был суров, временами милостив [в зависимости от проступков своих подданных]. При виде его ягненок сосал молоко из сосцов львицы, волк пасся вместе с овцою; в эпоху его [219] правления многие иначе, как в спускающихся на лоб локонах красавцев, не появлялись; в лучах его времени никакой кипарис не помышлял освободиться от оков рабского служения ему; в смысле истребления и укрощения врагов веры и государства, *которые распространяют на земле зло и не делают добра ³²¹, он проявлял чрезвычайную энергию и упорство; в отношении сокрушения развратных людей, бунтовщиков, врагов и мятежных элементов он прилагал особенные старания и усилия; непокорных ему, * их, не верующих в будущую жизнь, [который] мы делаем самыми низкими ³²²; посылал в пустыню оставления на произвол судьбы; будучи вспомоществуем божественною поддержкою и господнею милостью, он творил совершенное правосудие; он был пышен и полон /1986/ запальчивости; подобного ему по импозантности и величавости не бывало.

Двустиишие:

Государь, вязавший врагов и доброжелательный монарх,
Прославитель веры, помощник народу, назначенный [непреложной] Истиной, — Убайдулла хан.

Действительно, он был украшен и разубран всеми [похвальными] качествами. В начале его правления эмиры, войско, свита и слуги — все от чистого сердца любили и уважали государя; жертвуя за него своею драгоценною жизнью, они считали для себя все его августейшие повеления я распоряжения непреложными, как сама судьба.

Стих:

Каково бы ни было повеление, мы — рабы, повинующиеся ему.

Действительно эмиры и войска столь прельстились приветливостью и милостями сего владыки мира, что [в их глазах] выше его [никого] не было, но [со временем] в характере государя произошли глубокие изменения: он стал вершить государственные дела легкомысленно, опрометчиво и с быстрым раскаянием о сделанном; поступая с чрезвычайно самонадеянною и необыкновенною смелостью, он не соблюдал осторожности и не считался ни с выдержкою, ни с серьезностью [положения], ни [с необходимым] замедлением, ни с продуманностью [данного /199a/ дела], ни в какой мере не согласуя свои действия с арабским выражением: “продуманное слово, что неприступная крепость, а поспешность есть светильник раскаянию”. [220]

Стихи:

Смелость не нравится рассудку;
Безумие и смелость — равнозначуци.

Государь мира во второй половине своего царствования уклонился с пути прежних царей и от постановлений и обычаев своих отцов и дедов. Он тратил свою энергию на воспитание и приближение людей низких и слабых, презренных, ничтожных и бездеятельных; питал склонность к общению с негодьями, с гаремными евнухами и женщинами. Все эти обстоятельства, недостойные поведения государя, послужили к гибели его царствования; общение с презренными и недостойными людьми оказало свое влияние.

Стихи:

Общайся с тем, кто во всех отношениях приятен;
Покой души несет сердечное спокойствие.
Тот же, кто невежественен [во всех отношениях], у того беспечность составляет [неотъемлемое его]
качество,
Общение с ним подобно смертельному яду.

Известно, что хороший собеседник подобен парфюмеру: если из /199б/ его ароматов до тебя ничего и не донесется, то все же ты будешь ощущать [пропитавшую] его приятную пахучесть. Глупый друг похож на кузнечный горн: если ты его не разожжешь огнем, будешь вне себя от его дыма.

Стихи:

Проходи не останавливаясь мимо кузнечного горна,
Ибо отовсюду тебя коснется огонь и дым;
Иди [лучше] к парфюмеру, потому что около него
[Твое] платье пропитается благовониями от его запахов.

Да, большое значение имеет, с кем ты водишься! Посему государю неизбежно следует общаться с людьми учеными, мужами опыта и разума, дабы впечатление от их бесед отразило свет умственного превосходства на страницах государевой жизни.

Стихи:

Всякого общающегося с умными людьми
Никоим образом не коснется никакое огорчение.
Когда он успокоит смуту водою [своей] опытности, [221]
То никакая пыль недостатков не коснется лица его совершенства.
Если он положит основание [своему] высокому положению на благоразумии,
То никакой явный ущерб не коснется его достоинства.

Мудрецы говорят, что у государя нет [иного] выбора [людей], как из среды [своих] министров и прочих их приближенных; [между тем] необходимо, чтобы близкими к ним были люди ученые, разумные, нравственные, бескорыстные и великодушные, которые не говорили бы /200a/ государю только льстивые слова и не устраивали ему забав и развлечений. В “Саде Чистоты” [323](#) написано, что государю нужно воспитать таких совершенно верных советников, которые бы обладали способностью сохранять интимные тайны и с достоинством держаться независимых взглядов в важных государственных делах. Второе условие миродержавия такое, чтобы государь приближал к себе большинство таких людей, которые были бы украшены совершенством ума, честности, таланта и скромности, чтобы им сопутствовали справедливость, доверие, благочестие и добросовестность и чтобы они среди равных себе отличались правдивостью и доброжелательностью в советах.

Стихи:

Общение с хорошими людьми бывает подобно мускусу.
Если его благоухание воспримется мозговыми центрами и душою,
То их действие направится к знанию,
А слова будут проводниками к мудрости [324](#).

Точно так же в книге “Светильник царям” [325](#) рассказывается, что, Нуширван [326](#) спросил однажды верховного жреца: “Отчего зависит падение государства?” — “От трех причин, — отвечал великий мобед, — первая — скрывание от государя сведений [об истинном положении вещей в его царстве]; вторая — воспитание народа в духе презрения к нему, и /200б/ третья — *тирания сборщиков податей”. — “На каком основании ты [222] так говоришь?” — спросил Нуширван. — “Когда до государя не допускают поступления сведений о его царстве, то он останется беспечным в отношении врагов и друзей, и отсюда возникновение в разных местах смут и мятежей. Второе, — когда воспитывают народ в беспринципности, подлости и лести, то он по низости своей природы становится корыстолюбивым, на каждого смотрит глазами жадности, не признает авторитета великих и благородных людей, пренебрегает почтением к великим личностям и по этой причине становится обижаемым государем. Вследствие этого сказано: “падение государства зависит от возвышения низких”, ибо когда презренные люди возвышаются, то, естественно, что государство приходит в упадок.

Стихи:

Если подлые достигнут высокого положения,
То рынок государства разорится.
Два хлеба не есть воздаяние за высокое положение,
Напротив, они достойны лишь того, чтобы закрыть отверстие колодца.

Третье, — когда сборщики податей и государственные чиновники /201a/ притесняют население, то последнее в отношении государя начинает иметь дурные мысли; народ становится опечаленным и питающим отвращение [к верховной власти], он отвращается от занятий земледелием, мало снабжает войско фуражом, уклоняется от службы [интересам государства].

Стихи:

Тирания сборщика податей разрушает мир,
Превращает сердца угнетенных в шашлык,
Измельчает в муку государственные дела [и]
Благополучие [царства] выпускает из рук.

Увы! Все эти три условия оказались применимы к правлению сейида Мухаммед Убайдуллы хана; его приближенные и наперстянки оказались низкими и недостойными людьми. Они, отличавшиеся дьявольскими характерами, сбили с доброго пути этого государя, в священном месте играли разные мелодии на рабабе и тамбуре и не переставали заниматься разными играми, забавами, шутками и скоморошеством. [223]

Стихи:

О горе, от низких людей, о горе!
Собеседником царей должен быть хороший человек.

С другой стороны, к государю получили доступ подлые люди и ложные известия; дети ремесленников и торговцев пытались приблизиться к самым почетным должностям. Во время августейшего с ними времяпрепровождения приближенные говорили [государю] неуместные речи, смешанные с жалобами [на кого-либо] и возбуждающие смуту. Эти /201b/ негодяи только и делали, что жаловались государю на эмиров и военных; выискивая по своему произволу подходящий момент, они слышанное что-либо от государя в преувеличенном виде передавали эмирам и военным.

Стихи:

Не давай подле себя места сплетнику,
Потому что он в одну минуту создает целую сотню смут.
Не давай переносчику покоиться подле тебя,
Ибо он и про тебя в конце концов наскажет много плохого!

Когда государь склонился к общению и сблизился с этими презренными негодяями, подобными псам” которых следовало бы побить камнями, он отказался от бесед и общения с учеными и доброжелательными людьми и под действием льстивых речей этих подлых людей уклонился с правильного пути; его благоуханные мысли отвернулись от эмиров и войска, а эти последние, равно как свита и слуги государя, видя такое к себе отношение его, тоже отвратили от монарха сердце и в их умах возникло волнение

Стихи:

Если у тебя врагом будет умный человек, то это лучше,
Чем тебе стать другом и братом дурака.

Ма'сум аталык сарай, который пережил своих современников, в это /202a/ время один нес тяжкое бремя [управления] государством, пил [за это] из немилостивой руки государя неприятную чашу его гнева. Сколько он не прикладывал к сему своего ума,

сколько по чувству своего доброжелательства и искреннего расположения к монарху не употреблял усилий и [224] энергии отклонить его от дружбы с жадными дворцовыми евнухами и скверными людьми и направить на путь добродетели, — ничего из этого не вышло. Государь мира, будучи горд своей смелостью допьяна напиваться и своею отвагою, никогда и никак не слушал [аталыка], не поступал по словам этого доброжелательного советника и был глух к его справедливым речам.

Стихи:

Не уничтожай того, чему послушны благородные люди;
Тысячелетиями они держатся за одну тонкую мысль, —

несмотря на то, что разум говорил ему тысячу раз о содержании арабского выражения: виночерпий не утоляет жажды.

Стих:

Скажи сердцу, чтобы оно послушало хадис о добродетельных людях.

Словом, эмиры и войско пришли к заключению, что в натуру государя проникла холодность и недоброжелательство и что он нисколько не расположен к ним. Между эмирами, войском, министрами и святыми /2026/ государства возникли нелады и противоречия. Государь и войско подозревали друг друга во враждебных замыслах, между ними не осталось надлежащего доверия и искренности. Предвестием смуты государства и началом заката власти государя была дружба его с Ни'матуллой дадхою, этим дерзким и наглым человеком, дружба, которая для государя была хуже вражды. Обстоятельства, [при которых особенно сблизился государь с дадхою], уже упоминались при описании событий в Самарканде. Конец же могущества государя и падение почета были вызваны Балтуи сараем и недостойным гаремом монарха.

Стихи:

С дурными людьми меньше сиди, ибо общение с ними — плохо,
Если ты чист, то они замазуют тебя.
Солнце ведь при всей его величине
Закрывается же ничтожным облаком.

Подробности этого сводятся к следующему. Часть дворцовой [225] челяди, особенно Балту-и сарайи и некоторые чиновники и служащие казначейства поняли, что государь немилостив по отношению к эмирам и служилому сословию. По своему недалекому уму они решили, что эмиры и служилые, продев голову в ярмо покорности и повинования, будут терпеть любой [образ действий] государя с его рабами в этом царстве, не имея возможности выразить свое возражение или одобрение. Эти недостойные глупцы, пугая и устрашая [народ] узбеками, принялись свободно распоряжаться и нарушать законы; они стали без всякого стеснения и не задумываясь о последствиях, притеснять народ и /203a/ командовать служилыми людьми. Дошло до того, что, выпустив указы, они завладели землями и танха узбеков. Построив новые мельницы, они превратили пахотные земли мусульман в кучи пыли и скопища воды. Те земли, на которые выдавались бераты для получения военными их довольствия, кои значились за ними по расходным дафтарным записям ³²⁷, [эта клика] стала считать своими *землями, освобожденными от всяких налогов ³²⁸. Они растеряли листы дафтара, и военные [таким образом], кроме бумаги, ничего не получали.

Стихи:

У государя, дафтарные записи которого не в порядке,
И государство будет в беспорядке.

Помимо всего этого, [вызвало неудовольствие и то обстоятельство, что] индийцы были сделаны как бы господами мусульман: в торговых делах они безнаказанно чинили правоверным одну неприятность за другою ³²⁹. Если, например, мусульманин в этой торговле проявлял [226] некоторую медлительность, то индиец гнал коня гордости на мусульманина, и никому не было возможности узнать, как и почему; если /203б/ мусульманин обращался с претензией к индийцу или индиец к мусульманину, то они защищали индийца и решали дело не по шари'ату, а просто по распоряжению Балту-и сарайи ³³⁰, отбирали у мусульманина [имущество] силой. Если такие правонарушения и докладывали государю, то [его] слуги представляли их [в превратном виде]. Волей-неволей мусульмане стали взывать о справедливости к единому истинному царю, требуя возмездия неверным [индийцам] у всемогущего карающего аллаха.

Стихи:

Ты желаешь иметь государство цветущим, постарайся же сделать народ культурным и зажиточным
И оградить его дома от бед, причиняемых насильниками.

Тирания и несправедливость безнравственного Балту-и не были известны государю и он казался [ему] облеченным в платье совестливости и справедливости.

Стихи:

Для чего человек воспитывает злонравного по природе?
Для чего человек пригревает у себя за пазухой змею?
Колоквинт ³³¹ нельзя сделать съедобным, сколько бы не сдобривали его сахаром.
Розы не произрастят тот, который умеет производить лишь шипы.

Государев чиновник, ведающий сбором податей, мехтар Шафи, этот еретик [из племени] джуги ³³², бесславное имя которого войдет на веки вечные в страницы истории и до дня страшного суда останется мишенью для стрел проклятья и всяческого поношения всего человечества — захотел по своей крайней порочности ввести в государстве /204а/ необычные новшества, именно — изменение [курса] танги и перемену [в ее чеканке], чтобы один одинарный кружок танги ходил за две четвертных танги. Этим было разорено множество народа. Мехтар [227] Шафи' стал занимать [целых] семнадцать должностей. К его обязанностям, как мехтара, была присоединена весьма важная должность заведывания финансовыми делами государства. В течение одного года он получал с государства сорок налогов. Этим своим гнусным поступком он [еще] гордился и чванился; творя всяческие насилия, он нисколько не помышлял о возмездии в день страшного суда.

Стихи:

Поставь над подданными богобоязненного человека,
Ибо строителем государства является воздержанный муж.
Злонамеренный у тебя тот, кто пьет кровь народа,
Кто ищет для тебя пользу в мучениях людей.
Управление в руках тех людей преступно,
Из-под рук которых подымаются с мольбою [к небу о заступничестве] руки [угнетаемых].

С подарками, которые государь жаловал своим слугам [Мехтар /2046/ Шафи' поступал так]: ту вещь, которая стоила десять тенег, он, оценив ее в сто тенег, отдавал за эту сумму ³³³. Несчастливым узбекам не стало мочи дышать, а [Мехтар Шафи'] представлял государю всю выгоду такого своего распоряжения. Этот нечеловек поступал с людьми как змея или скорпион. Приближенные же государя, люди недостойные и презренные, считали роскошной тканью любую старую тряпку, которую выдавал им мехтар; они прикрывали его гнусные деяния одеждой доброжелательства по отношению к государству. Государь же, лишенный в подобных делах всякого опыта, слушался всего того, что ему говорили.

Стихи:

Кто вступил на путь насилия,
Тот наложил оковы на свои руки и ноги.
Сколько бы дней он не поднимал высоко свою голову,
Она в конце концов слетит у него с плеч.

Помимо всего, причиной упадка царствования рожденного феей государя был тот скорпион, который стал сущностью всего нестроения государства; дело в том, что у монарха был гарем, не заслуживающий [228] никакого уважения, и самую большую любовь он питал к Биби Падша. Ее калмыки и слуги больше всего чинили в государстве бесчинств, так: что городское и сельское население пришло в изнеможение от /205a/ насилий и притеснений служащих [Биби Падша]. Государь же, куда бы не ехал, в объезд ли ханства, на поклонение ли мазарам святых, на охоту ли — всюду брал с собою Биби Падша, не разлучаясь с нею даже и на один час. Любовь к ней настолько проникла в его сердце, что чем бы она в государстве не завладела, государь все переносил и от всей души поощрял [ее к такого рода поступкам].

Стихи:

Увы! Он ради одной женщины
Разорвал на куски рубашку и бросил.

Александр [Македонскому] сказали: “Государь суши и моря, женись на многих женщинах, чтобы после тебя осталось на память потомство”. Александр ответил на это: “Память обо мне — [мой] блестящий меч [завоевателя] и моя хорошая репутация”.

Стихи:

За один миг плотского наслаждения, — прах ему на голову!
Стать слабою женщиною не дело отважного мужчины
Тому, кто управляет мужами мира, ради чего делаться слабою женщиною?

Затем к числу причин, вызвавших падение правления государя [Убайдуллы хана], следует отнести поведение матери его величества. Эта женщина вызвала возмущение тем, что потребовала от эмиров и /2056/ военных, чтобы они в праздничные дни и в девятый день месяца зи-л-хиджжа ³³⁴, являлись к ней на салам ³³⁵, она начала вмешиваться в дела управления государством и входить в подробности сего, полагая по незнанию своему, что ее осведомленность в дворцовых делах дает ей право решать важные дела всего государства. Эта вертихвостка, подобно бесу, выскочила из той бутылки, где ей было место, и, севши на седалище управления царством, стала так распоряжаться, что большинство эмиров и военных, — о простонародье говорить уж не [229] приходится, — оказались в оковах и цепях у этой бесперой. Она делала все, что хотела, и ни у кого не было силы [противиться ей], кроме как печальными возгласами: ах! ох!, — потому что

Ишан ходжа сарайи была матерью ею величества. Волей-неволей люди стали относиться к ней с презрением, полагая надежду на то, что авось из сотни воплей хоть один произведет действие. Люди плакались единому истинному царю, взывая: “О прекрасная Бухара, тебя называют переносящей тиранство и убивающей тирана! Мы видим [твою] угнетенность, а убиения тобою тирана мы этого пока не видели!”

Сообразно арабскому выражению: “дела зависят от времени”, известно, что причиною упадка государства еще прежде было и то /206a/ обстоятельство, что государь за свое время поступал противно установившимся отношениям к семейству святейшего руководства степенью [совершенства], центра круга упования [на аллаха] и непреложной истины, осведомленного о тайнах создания и бытия, познавшего степень хакиката, открывавшего истины тариката, пребывавшего в богомыслии в келье дворца потустороннего мира, неотлучно находившегося при завесе небытия и бытия, т. е. Ходжи Джуйбари ³³⁶, каждый из славнейших потомков которого был розою в цветнике величия и развесистым деревом в саду достоинства ходжей. Несмотря на то, что государю мира было известно, что великие монархи, его отцы и деды, всегда питали “большую склонность к этому высокодостоинному семейству и выказывали ему полное почтение и уважение, он, вопреки этому, проявлял к этим великим людям невоспитанность в обращении и грубость; он смотрел на них весьма презрительно, на их исконные наследственные милковые земли выдавали бераты и взимали с них поборы, а людей, /206б/ уполномоченных этими великими ходжами, заключали в тюрьму и в оковы.

Стихи:

О ты, получивший доступ к государству,
Ты знаешь ли, что надо меньше всего мучить человека?
Сотни расправ мечом не разрушат так царство,
Как исторгнет из него душу насилие над народом. [230]

Несмотря на то, что в руках [Джуйбарских] ходжей были указы и документы [прежних] государей, свидетельствовавшие [об их правах на земли], государь поручил их рассмотреть дивану и мехтару казначейства.

Двустиишие:

Не закрепляй права оказывать справедливость за диваном,
Ибо диван, весьма возможно, применит справедливость по-своему.

В действительности, вполне оправдалось арабское выражение: когда аллах пожелает что-нибудь, найдутся способы для осуществления сего.

Между всеми этими событиями последовавшее выступление Туракули вызвало еще большую смуту в государстве. Дело было так. Государь поставил некоего Туракули, сына раба, на место Абдуллы кушбеги, дал ему инакское достоинство и заодно посадил его выше перваначи. Так как государь не был умудрен жизненным опытом, то выюк сильного двугорбого верблюда взвалил на тучного и слабого верблюда, приказав отправлять дела [глупому] филину.

Стихи:

Не прося у зловещего филина покровительства [достойного] феникса,
/207a/ Не тянись жадно к тому, что отрывает воробей.

Это государю тоже не прошло даром и стало также причиною увеличения смуты [в государстве] и поводом к волнению узбеков. У этого народа еще больше взволновались сердца. Поневоле подчинившись первенству и распоряжениям этого сына раба, эмиры и войска от такого недостойного действия [хана] впали в раздумье, были озадачены своим делом и огорчились самоуверенными поступками государя. Опечаленные невероятным ударом, они не нашли против него средства, не видели иного пути, как терпеливо переносить [все выпавшее на их долю]. За помощью против государя они обращались к единому истинному царю [царствующих], но их мольбы не сразу были удовлетворены. Беспечность же так охватила государя, что и в столь [опасный] день [его жизни] она его не покидала. Святейший творец [вселенной], — да будет он **[231]** прославлен! когда захочет поразить, он милем ³³⁷ беспечности помрачает глаза [даже] дальновидному человеку, чтобы скрыть от него истинную дорогу.

Двустиише:

Под влиянием предопределенного судьбою
/2076/ Все мудрецы становятся слепыми.

Когда насилия и притеснения [дворцовых] слуг и распоряжения женщин в этом государстве достигли крайних пределов, а очевидная немилость государя относительно эмиров и армии дошла до последней степени, так как государю [все] вспоминались самаркандские события, — то сколько не говорилось ему о доброжелательности [к нему] эмиров и о благорасположении войска, он совершенно не верил и даже предпринял твердые шаги к разрушению устоев некоторых из эмиров, приняв во внимание сообразные со временем обстоятельства. Так как намерения государя, с одной стороны, и эмиров и армии — с другой, оказались в вопиющем противоречии, то коварная и непостоянная судьба, ищущая всякого предлога [для своего вероломства], состроив [в данном случае] глазки, опрокинула [в одночасие] целый мир. Это хорошо выразил мудрый в таком стихе:

/208a/ “Дело, которое господь делает, судьба бессильна изменить”.

Каждый проницательный человек, смотрящий в таких случаях глазами размышления, знает, что поднимающийся ураган гнева единого всемогущего начинает дуть сокрушительными порывами и в одно мгновение низвергает в прах унижения [гордый] мир, но когда зефир [божественной] милости и [вышних] даров подует в розовом цветнике [человеческой] души, сообразно с коранским выражением: *аллах благоволит к своим рабам ³³⁸, то в мире распускается бутон спокойствия и безопасности. *Это не трудно для аллаха ³³⁹.

Стихи:

Не ищи веселящих [тебя] плодов в саду власти.
Потому что немало плодов в нем таких, которые суть перевороты.

Подробности сего события таковы. Когда узбекам и таджикам стало известно, что по причине несоответствующих действий самоуверенного монарха группа дворцовых людей и неверующих рабов **[232]** забрала в свои руки разного рода [государственные] дела и совершала произвол и насилие, а государь им этого не воспрещал и в силу разговоров с презренной кучкою не знавших ни рода, ни племени людей он даже не признавал недопустимыми совершаемые ими злые дела, то доверие эмиров и искренняя привязанность армии к монарху оказались в корне подорванными, и [обе стороны] стали подозревать друг друга в коварных замыслах и по необходимости стали во враждебные отношения. Однако и эмиры, и армия ничем не обнаруживали своего /2086/ недовольного

состояния, им [как и всегда] импонировало уважение к особе государя и его могущество, [поэтому] они поневоле пили невкусную чашу из руки монаршей неблагосклонности к ним, соблюдая по внешности неизменное пред ним коленопреклонение.

Стихи:

Искать дружбу врага то же,
Что соединять воедино огонь и воду.

Но, положивши в сердце отомстить, они открыли ворота возмущения ключами мятежа; прогрессируя в развитии бунта, они забыли прежние [ханские] благодеяния; признавши больше несуществующим фальконет ³⁴⁰ уважения к государю, они решили приступить к делу.

Стихи:

Если враг хвалится дружбою,
Умный человек не станет считать его [своим] другом.
Змея по своей природе такова, какою она существует.
Хотя бы она и вылезла из своей шкуры. —

Стихи:

Росток мести, который посажен в груди [человека],
Предопределен к тому, что он даст.
Дерево скрытой злобы приносит такие плоды,
Что не дай бог их никому вкусить.

Государь знал о нерасположении и недоброжелательстве к себе /209a/ узбеков, но по чрезвычайной смелости и избытку отваги, обманываемый своею свитою и подогреваемый лестью слуг совершенно с этим не считался, не обращал на это обстоятельство никакого внимания и оставался в этом отношении беспечным. Внешне он оказывал Ма'суму [233] аталыку милостей и внимания больше, чем это представить возможно, с другими [же эмирами] он при встречах обходился очень грубо, не соблюдая [никакого] благоразумия. И сколько доносчики не отягчали государевых ушей [сведениями] о кознях и о порочных замыслах врагов, он ничего не слушал и, согласно арабскому выражению: судьба делает слепым зрячего, для его светозарного ума все оставалось скрытым; он не обнаруживал ни своей слабости, ни безвыходного положения. Этот бесстрашный человек, укрепивши на своей благословенной голове корону [со словами]: * я надеюсь на аллаха ³⁴¹, отважно вращался среди военных и не ощущал в своем обширном, как море, сердце никакого страха. Он сделал лишь такого рода распоряжение, чтобы Туракули кушбеги постарался держать наготове сотню ружейных стрелков; Балтуи сарайи и Му'минбек, хранитель [ханской] печати, тоже приготовили бы каждый /209б/ по ста пятидесяти артиллеристов с их снаряжением и всем бы им выдавали из казны [полагающиеся] рационы, чтобы все они день и ночь по очереди спали и, будучи назначены в четыре сборных пункта, были бы всегда настороже. Государь такую меру и удовлетворился.

О ПРОЯВЛЕНИИ КОЗНЕЙ И ЗАМЫСЛОВ ВРАГОВ, ПОИМКЕ В СИЛОК ХОДЖИ ДАВЛАТА САРАЙИ И О ТОМ, КАК НАИВНЫЙ ГОСУДАРЬ СМОТРЕЛ СКВОЗЬ ПАЛЬЦЫ НА ДЕЙСТВИЯ НЕРАСКАЯННОГО ВОЙСКА

Когда кинжал несправедливости оросил водою зелень, [когда] верхушки бутонов разгладились рукою зефиров, [когда] острия копий шипов поднялись под сенью завязей

роз и [когда] инкрустированная золотом головка розы появилась перед дождевым обстрелом весенних туч, весна бросила свою ртутную рубашку из лучей чистой шлифовки на зеркало небесной сферы и стала сыпать стрелами гроз из лука радуги.

Четверостишие:

Весеннее облако водрузило свое знамя в углу неба.

/210a/ И от [любовного] воркованья голубя роза разорвала у себя на теле платье.

Орошенный водою шиповник запорошил землю глаза нарциса.

Тюльпан проворно разбил свой шатер по соседству с лилией.

Суть дела заключалась в следующем. Среди народа распространились слухи, что ходжа Давлат, Нусрет-и сарайи и Джавшан-калмык, [234] недостойные и презренные враги, стакнувшись с несколькими военными, злоумышляют против государя, поставив целью уничтожить его. В это время, когда банда низких людей осмелилась обманным путем поднять бунт, когда коварство и злые замыслы этой дерзкой шайки и их вражда [к государю] стали ясны, близкие к государю лица доложили ему, что внутренние враги, Давлат сарайи, Нусрет Табарайи и злополучный Джавшан-калмык, осмелившись проявить неблагодарность к своему благодетелю-государю, объединились с несколькими обиженными [государем] военными и замышляют причинить августейшей особе [монарха] вред и беспокойство, что эти неблагодарные уже вступили в стадию /210б/ осуществления своих злых умыслов и что их злополучная мысль освободилась от сдерживавшего их страха [перед государем]. Его величеству нужно охранить свою жизнь, необходимо постараться пресечь подобные замыслы неверующих и неблагородных проходимцев, очистив территорию цветника государства от валежника и колючек этих наглых бунтовщиков и укоротить у этой банды неверных и неблагодарных злоумышленников бунтовщицкие руки, [тянущиеся] к его запретной стране. Если же в подобном деле будет допущено безразличие, то как бы потом не пришлось горько раскаиваться, но будет уже поздно! Государь, услышав про это неприятное дело, покачал головою и затем сказал: “то поле, на которое осмелились бы выступить эти люди, кажется очень далеким от того, что они способны были явно осуществить в отношении моей царственной жизни свои злодейские замыслы; есть люди, которых я сам считаю своими врагами, но для меня было бы бесчестьем предполагать врага в каких-то более ничтожных людях, чем свои слуги. Кто больше /211a/ всего равен львам мира, тот не будет думать о том, каким образом ему отринуть вой шакала, да и что стало бы [с ним], если бы он еще стал думать о хитрости какой-то лисы?”.

Стихи:

Тот, кто идет во след за львами,

Как может высказать слабость перед лисою?!

[Арабское выражение]: “он подчинил льва и потерпел поражение от барана” тоже относится к этому случаю. [235]

Стихи:

Видел ли кто, чтобы букет колючек мог соперничать с розою?

Видел ли кто-нибудь глину, ставшую золотом? — Неустрашимый государь считал врага слабым и ничтожным. И к тому же государь относил все такие слова к лживым наветам, не допуская в душе возможности подобного случая. Великие же люди говорили,

что врага не следует считать ничтожным и слабым; хотя враг незначителен, но его козни и коварство сильны.

Стихи:

Хотя бы враг и был ничтожен, из осторожности
Ты считай его великим и печалься о своем деле.
Мудр тот, кто всегда страшится врага.

Стихи:

Первый признак ума тот,
Что [обладающий им] все время боится злого.

/2116/ Что удивительного в том, что сильная пятерня какого-либо баловня судьбы скручивается рукою слабого! Что странного в том, что меч, покоряющий мир, которому все, казалось бы, подчиняется, ломается под противодействием ему пастушеской палки?

Стихи:

Когда ты милостиво отнесешься к злобному скорпиону,
То не смотри, что он мал; если он мал, [все равно] уничтожь его.

Как часто случается, что кровожадный страшный лев погибает от укола шипа.

Стихи:

Не смотри на врага, что он мал, а считай его умным,
Ибо и ехидна при своей незначительности способна причинить человеку смерть.
Не считай себя безопасным от мстительного врага;
Хотя бы он был мал, ты все же разmozжи ему голову!

Стихи:

Если в пути врагу попадетса колючка,
Он может ее вонзить в твою ногу.

Короче говоря, сколько не говорили государю доброжелательные к нему лица об укрощении и искоренении этой бесстыдной и злостной шайки, государь мира ко всему оставался глух. **[236]**

Стихи:

Не будь беспечен в отношении того, чье сердце ты оскорбил!

Когда же эти нечистые и подлые люди раз за разом яснее солнца */212a/* сделали достоянием широкой гласности свои враждебные замыслы по отношению к государю, то под этим предлогом [Ходжу] Давлата сарайи заключили в оковы, а все его имущество конфисковали в казну. Джавшан калмык, этот злополучный коновод всего, скрылся, словно под землю провалился, так что его и признаков не нашли, а Нусрети сарайи был оставлен под подозрением и его не коснулись.

Двустиишие:

Невинный с разбитым сердцем в тюрьме,
А виновный, далекий от подозрения, посмеивается.

Стихи:

Не будь беспечным и молчаливым по отношению к коварству врага,
Потому что конь хотя и погружен бывает в сон, он ударами ног поражает в затылок [врага]
Не считай себя в безопасности от врага, ищущего несправедливости,
Потому что он — вероломный и скверной нравственности.
Внешне он, [как собака], бьет хвостом дружбы,
А внутренне — стучит в двери беспечности.

К военным, установившим извне дворца преступную связь с [упомянутыми дворцовыми] служителями, государь отнесся безразлично и, выжидая подходящего случая, ничем [пока себя] не проявил.

Двустиишие:

Враг в горении мятежа — пленник страдания,
/2126/ Уничтожь его смрад, пользуясь удобным случаем!

Государь мира захотел сафьян земли окрасить кровью [своего] царствования. Биби Падша, жена его величества, и его мать — обе явились ходатайницами [за пострадавшего ходжу Давлата] и объединились в своих просьбах за этого злополучного. По бывшим примерам он был пожалован халатом и все, что у него было отобрано, возвращено ему. За Джавшан калмыка, с железным сердцем, ходатаем явился Туракули, который стал просить государя о его прощении и помиловании. Государь на первый раз отказал в этой просьбе.
[237]

Двустиишие:

Нечистый по природе, хотя на первых порах и соблюдает верность,
Напоследок все же отвернется от этого с целью заставить человека страдать.

Туракули, считая себя очень близким к государю лицом, был очень сконфужен, что его заступничество [за Джавшан калмыка] оказалось безрезультатным. [Но он не успокоился] и стал осаждать государя неотступными просьбами, проявляя их так много, что и представить невозможно. Добросердечный государь по своей неопытности оказался непредусмотрительным и по крайнему милосердию своему решил преступление Джавшан [калмыка], было ли оно или не было, простить. Государь */213a/* земной поверхности, несмотря на то, что знал про злые поступки Джавшана, который неоднократно обнаруживал возмутительное беспокойство, не согласовал свои действия с арабским выражением: кто испытывает испытанного, того постигает раскаяние — и не слышал хадиса: нельзя укусить правоверного дважды с одной стороны.

Стихи:

Птичка, напуганная сетью,
Может ли потом успокоиться зернышками?

В конце концов неотступные мольбы Туракули [за Джавшан калмыка] перевернули мир и привели в расстройство вселенную. Смысл арабского выражения: “назойливая просьба — ничтожнейшая вещь: польза [от нее] в существующем настоящем, а в

большинстве случаев она несет вред для будущего”, стал как нельзя больше подходить к его положению, в такой мере, что все это следует поскорее описать.

Стихи:

Когда враг стал обижен [тобою], ты не считай себя в безопасности.
У оскорбленного есть свои виды, не считай же себя в безопасности.
Если он на первых порах обойдется с тобою по-хорошему,
То напоследок ты много перенесешь от него неприятностей.

Туракули не знал, [что]

Стихи:

Лучше [всего] пристыженный смутьян государства,
Лучше [всего] отрезанная голова презренного Джавшана.

Каждый, упускающий случай погубить [своего] врага, в конце концов спешит к своей гибели. **[238]**

Стихи:

/2136/ Ты послушай моего совета, потому что благодаря ему
Ты станешь весел, а [твой] друзья будут довольны:
Когда нога врага выбросит камень,
Ты подними его поскорее и ударь им по его голове.

Двустиишие:

Когда попадается в твои руки побежденный тобою враг,
Разум требует от тебя, чтобы ты не давал ему пощады.

Одною из причин убийства государя и гибели царства была незадачливость Туракули. Он принадлежал к числу молодых дворцовых слуг, ни на иоту не имел ума и был лишен здравомыслия, так что его всегдашними собеседниками являлись [разные] шуты и клоуны; он общался с людьми пустыми, с низкосортными стихотворцами, с опиофагами и болтунами и не имел никакого представления об управлении государством. Дело в том, что этот сын раба был зачислен в штат дворцовых слуг и, получивши надлежащую дрессировку, был занят лишь играми и забавами, но государь по [своему] легкомыслию и неопытности, как не прошедший хорошей школы жизни, не вкусивший ни горячего, ни холодного от судьбы, предпочел этого дворцового никчемного казачка */214a/* Абдулле кушбеги. Нет более ясного подтверждения недостатка в государе как то, когда он перекладывает счастливое [спокойное] седло с коня на спину осла и службу феникса приказывает исполнять филину; предоставив малому человеку место великих людей, делает его правителем государства, главным из эмиров и украшением собраний военного сословия.

Стихи:

Нельзя попусту опираться на место, занимаемое великими мужами,
Разве только в том случае, когда у тебя налицо все основания для того, чтобы быть великим.

О НЕОСНОВАТЕЛЬНОМ РЕШЕНИИ СЛАВНОГО ГОСУДАРЯ ОТПРАВИТЬСЯ В СТРАНУ БАЛХ, О ЗЛОСЧАСТНОМ ЕГО ВЫЕЗДЕ ИЗ ГОРОДА [БУХАРЫ], О

КОВАРСТВЕ И ЗЛОДЕЙСТВЕ, ПРОЯВЛЕННЫХ В ЭТИ ДНИ НЕБЛАГОДАРНЫМИ ЭМИРАМИ И ВОЙСКАМИ, О РАНЕНИИ НЕСЧАСТНОГО ГОСУДАРЯ НЕСПРАВЕДЛИВЫМ КИНЖАЛОМ ЗЛОСЧАСТНОГО ВРЕМЕНИ

Так как государь уже давно решил отправиться в Балх, то он высказал эмирам это намерение; и в то время, когда солнце вышло из **[239]** /2146/ зодиака Водолея и вступило в знак Рыб ³⁴², миродержавного государя охватила мысль о выступлении в Балх. Хотя из Балха и от Махмуд [бия аталыка] не было известий, которые были бы побудительной причиной для такого марша, тем не менее государь, невольно как-то, стремясь скорее осуществить это бесполезное путешествие, приказал перенести свою резиденцию из высокого арка. Эмиры, военачальники, близкие ко двору сановники и дворцовые служители, все стали отговаривать государя от этого бесцельного предприятия, но государь ничего не хотел слушать и спешил скорее выступить в путь. Он не знал арабского выражения: медлительность — от всемилостивого [аллаха], а поспешность — от сатаны. Проявивши поспешность с этим путешествием, он спокойное государство привел в смятение.

Стихи:

Кто с поспешностью стремится чем-либо овладеть,
Тому камень жестокости разбивает ногу его достоинства.

Мудрые люди говорят, что медлительность и обдумывание украшают все дела; по причине поспешности много дел терпит вред: каждое /215a/ же важное дело, которое начали исполнять обдуманно и не спеша, приходит к благополучному концу; то же дело, что бросаются делать сгоряча и легкомысленно, в большинстве случаев не доводят до желательного конца и, возможно, что это вызывает расстройство [целой системы].

Стихи:

Совершай не торопясь дела мира,
Ибо в деле не годится горячность,
Если ты слишком горячо зажжешь светильник,
То немудрено тебе и сгореть от него, подобно мотыльку.

Сколько эмиры не оказывали сопротивления поездке [государя в Балх], тот [оставался непреклонным и] докучал им своим решением выступить туда. Этот трудный вопрос никаким образом не разрешался. Волей-неволей эмиры, поставивши в известность об этом затруднительном положении мать его величества, Биби Падша, и государев гарем, обратились к ним с просьбою, чтобы [эти близкие государю женщины] насколько возможно постарались отговорить его от этого путешествия, которое только вызовет смуту в государстве и беспорядок среди [государевых] слуг, однако и это обращение не принесло пользы. **[240]** Астрологи доложили государю о разных предвидимых затруднениях и неблагоприятных предзнаменованиях [для его выступления в Балх]. Они подробно объяснили [ему], что нынешний год представляется таким, что благоприятное влияние звезд в нем исключается, что предвидится несчастье, что благоприятствующие начала судьбы сменятся жестокостью и потому в данное время не рекомендуется начинать ни одно дело.

/2156/ Стихи:

Судьба рождает хорошее и дурное;
[А] звезды бывают иногда друзьями, иногда врагами.

Государь не придал никакого значения словам астрологов. Ма'сум аталык, сумев уловить благоприятное настроение государя, начал его отговаривать [от поездки в Балх]; он сказал:

“Мы — слуги, поддерживающие престол вашего величества, воспитаны вечно для царствования вашим, [дающим нам] жизненный покой; подобно рыбе в воде, мы [неразрывно] связаны общением с вами. От этого путешествия, которое вы избрали, ничего другого в результате не будет, кроме огорчения”. И сколько этот эмир не приводил убедительных доводов в пользу отмены этого путешествия, сколько не старался в этом отношении — ничего не вышло.

Стихи:

Что касается нашего друга, то он ни за что не ухватился,
И все, что мы ему высказали, он ничего не принял во внимание.

Государь, будучи недоброжелательно настроен к аталыку, /216a/ вообразил другое в его словах, отнеся их к трусости и страху этого эмира; поэтому он сказал своим приближенным: “Аталык, трепещи за свою жизнь и опасаясь своей гибели, — потому что в душе боится меня, — подобно совершенно растерявшемуся человеку черезчур старается отговорить меня от этого путешествия. Другие же эмиры, следуя ему, открыто повторяют то же самое”.

Аталык, услышав эти слова государя, пришел в такое волнение, что как-будто стал изранен тысячью уколами кинжала и как-будто отведал чашу с ядом из рук виночерпия злой судьбы. Проявляя покорность, он не стал больше отговаривать государя и сказал: [241]

Стихи:

“Где и [кому] я скажу, что при такой сжигающей боли
Мой врач посягнул [на эту] беспомощную душу?
Можно ли кому-нибудь высказать ту мысль,
Что мой друг как сказал, так и поступил?!”.

Все это дело кончилось тем, что эмиры и вельможи государства, начальники армии и инаки дворца единодушно написали государю прошение о его задержке [с выступлением в Балх] на несколько дней; они /216b/ просили, чтобы его величество, луна нижайшей [своей] свиты, провел бы в Бухаре месяц сафар и справил бы здесь праздник Навруза [Новый год], а после этого он может выступить туда, куда стремятся его благословенные высочайшие мысли.

Стихи:

Поводья сердца вложи в длань терпенья, если тебе нужно
Подхватить шар жизни човганом усилия.
Не гони скакуна легкомыслия на арену поспешности,
Ибо в конце концов он с бесчестьем сбросит тебя на землю.
Не проявляй поспешности и не отвращай лица ни от мягкости, ни от суровости,
Ибо, кроме выдержки и спокойствия, нет [других] признаков мудрости [в человеке].

Так как государю не свойственны были обдумывание и медлительность, то он изорвал прошение эмиров и укорил их глупостью; он остался, [как и всегда], беспечным в отношении вращения жестокой судьбы и обид изменчивого колеса фортуны, не принял во

внимание [необходимости] терпения и не учел [справедливости] арабского изречения: снисходительность есть ключ к успеху. Посему сказано, что красноречие есть ключ безопасности, т. е. жестокость характера и отвратительная лесть являются причинами разрушения основ государства и крушения /217a/ принципов чувства уважения [к правителю], но снисходительность, приветливость и благодетельствование суть причины укрепления поводов к почтению и средства к созданию основ уважения [к государю]. Говорят, что грубость и резкость отталкивают друзей, а ласковость и приветливые речи располагают [к человеку] и врагов. Сказал [в Коране] всевышний аллах: если бы ты был суров и жесток сердцем, то они, верно, удалились бы от тебя ³⁴³. [242]

Стихи:

Рок имеет руку с пятью пальцами;
Если он захочет человеку причинить страдания,
Он вкладывает ему два пальца в оба глаза, а два в заушные впадины,
Один же накладывает на рот и говорит: “молчи!”

Государь по своей самоуверенности принудительным порядком распорядился правительственный центр устроить в чахарбаге Пули Марза, а сам, лично прочитав пятничную молитву, сел на коня и с поспешностью, не сказавшись никому из эмиров и сановников, [покинул город]. Мехтар-и мушрифу ³⁴⁴ было приказано, чтобы слуги [двора] выстроили военных в ряды и отобрали из молодежи шестьсот наиболее проворных и /217b/ расторопных, оделив их подарками. Это распоряжение государя получило огласку между благородными людьми и простонародьем, так что [все решили], что государь делает это выступление только с целью физически уничтожить Ма'сума аталыка, что хочет это осуществить в любом месте, где потребуют этого обстоятельства, [что], вызвав из Термеза Ни'матуллу дадху, с его помощью предполагает успокоиться насчет этого эмира, чей проступок против государя в Самарканде глубоко запечатлелся в сердце его величества, точно резьба на камне. Согласно значению стихов:

Если у тебя нет на родине дел, соответствующих твоему желанию,
Ты все же не оставайся бесстрастным пленником хижины одиночества,
Отправляйся в путь и, продолжая пребывать [даже] без собственного дела
В любой стране, куда ты направляешься, и в любой земле, которой ты достигнешь, —

аталык был очень расстроен тем, что [государь] взял столь небольшой отряд в это путешествие; безотвязная мысль об этом стала постоянною спутницею его сердца; оно болезненно сжалось у него, а мысли пришли в волнение. Он старался предпринять какие-либо меры в отношении этого ужасного происшествия; советовался по поводу его, но решительно ничего не мог придумать, потому что, если бы он стал докучать государю, /218a/ чтобы тот не ехал, то государь отнес бы это к трусости и страху аталыка, а если бы аталык отнесся безразлично к поездке государя и не отговаривал от нее, то [это было бы бесчестно, ибо он знал], что это является причиной расстройства государства. [243]

Стихи:

Мудрец сказал: — “судьба — это будущее, но
Ты ни в каком положении не пренебрегай своими планами:
Если твое намерение сообразно велению судьбы,
То все совершится по желанию твоего сердца и ты будешь счастлив исполнением твоего дела.
Если же произойдет противное тому, что ты наметил, то ты извини постигшее тебя;
Каждый, имеющий светлую голову, рассчитывает на чью-либо помощь.

Хотя у государя в отношении названного эмира не выходили из ума неприятные воспоминания о том, что он допустил в отношении его личности [в Самарканде], однако

государь сам избрал это беспричинное выступление [в Балх] и никакими средствами его нельзя было отговорить [от него]. Поэтому упомянутый эмир пребывал в подозрении чего-то дурного. [Тем временем] люди, жадные до всяких происшествий, с дьявольскими характерами, любители смуты, передавали аталыку разные речи, причем к словам, отвечающим действительному положению, добавляли разные удивительные и нелепые известия.

Стихи:

Все носит примесь хитрости, коварства и обмана,
Нет правды и благородства, нет терпеливости и выдержки.

/2186/ Эти безумные люди говорили: “Если бы у государя не было в голове намерения совершить то самое важное дело, то почему он не слушается эмира, который по чувству благонамеренности старается направить государя в этом путешествии через области Андхуда и Шабургана? И как будто хочет вызвать Ни'матуллу, сделавшего Термезский район проходом в ад, чтобы с его помощью разрушить крепость тела эмира [Ма'сума аталыка]. Такого рода лживые речи велись в этой злосчастной партии. У аталыка все мысли пришли в смятение; конечно, он совершенно не разделял мнения о необходимости государю поехать в Балх, а [наоборот], старался отговорить его от этого, потому что по существу эта поездка грозила смутами и разрушением его государства, однако ничего из усилий аталыка не получилось.

Стихи:

Пока человек не узнает, какова внутренность дыни,
То каким образом расскажет он о ее вкусе, руководствуясь лишь воображением? **[244]**

Да будет известно людям и мужам ученым, что блестящим доказательством сказанного служит такое обстоятельство. Государю не приходило [раньше] в светоносную голову, что он будет страшиться аталыка, как бы тот не разрушил основ его здания. Государь неоднократно */219a/* призывал к себе этого эмира в свою частную комнату и там давал лишь ему одному аудиенцию; кроме милостливого отношения и любезности со стороны государя, этот эмир ничего не видел. И если бы государь [теперь] освободился от этого страха, то у кого была бы возможность говорить разные праздные разговоры? В данное время светозарное и благородное сердце кроткого государя было от этого подозрения чистым и блестящим, как зеркало. Второе то, что заключив новый договор и союз для устранения подозрений к эмиру, [Убайдулла хан доказал] свою любовь к этому эмиру наиболее совершенным образом.

Стихи:

Я раздумываю о том, как бы мне бросить тень [покровительства] на его голову,
А он — в горести, как я разрушил свое основание.

Так как роковые люди, которые по своей дьявольской природе не меньше [значат], чем сам сатана, доводили до сведения эмира разные, возбуждающие смятение, речи,

/2196/ Стихи:

Есть в мире сотни тысяч дьяволов с человеческими лицами,
Так что ты. смотри, не считай [непрерменно] за человека каждого с человеческим лицом,

то эти дьявольские характеры явились источником сего ужасного происшествия. Они воздвигли такую смуту, что в прошедшие века ни с одним государем не случилось ничего подобного.

Стихи:

Такого беспримерного положения в течение длинного ряда лет
Не слышало ухо времени и не видело око государства.

Словом, когда государь всемерно стал настаивать на своем намерении выступить в Балх, что в результате кроме смуты ничего не дало, а аталык, начальники войск и ближайшие придворные старались его отговорить от этого, — тогда несколько обиженных [государем] военных, смертельно уязвленных острием терзающего конца копья [245] нерасположения к ним монарха, не найдя целительного пластыря на свои раны, предпочли умереть, чем жить, поэтому они воспылали к нему враждою и, в шутовой форме критикуя его, ополчились против него.

Стихи:

Всякое коварство, которое может прийти в голову,
Мы проявили; теперь же должно [ожидать] безрассудства.

Было одно время, когда эти бесславные, подобные Езиду ³⁴⁵, решили /220a/ освободить свое сердце от вражды к государю из Хусейнова потомства, особенно от [последствий] поездки [государя] в Самарканд, когда их дикость и вражда к нему достигли крайнего напряжения и были готовы [к его свержению]. День и ночь [заговорщики] не имели покоя относительно своих коварных и злобных замыслов и все придумывали [какой-либо] изменнический план действий, [однако] никоим образом задуманное дело не подвигалось вперед. Мир Хусейн джуги и Абдулла шейх, двое заблудших и бесчестных людей, по происхождению своему принадлежавшие: один к [оседлому составу] подданных, а другой к [кочевым] аймакам, ложно назвались: один сейидом, а другой — Шейхом. Самые их гнусные поступки и действия указывают на ложное их происхождение по прямому смыслу коранского стиха: *он не из твоей семьи, он — делатель самый неправый ³⁴⁶.

Стихи:

Всякий, носящий имя Хасана,
Берется за устройство всяких дел, [а делает их не так, как надо]:
Подкова железная, а он не подковывает ею,
То, что требует тонкого обращения, — разрубает мечом.

И вот эти, не боящиеся бога, нечестивцы, подобно /220б/ девам-искусителям [своего] времени, в результате всего доведут до конца свое презренное дело, но уже скоро последует и то, что основы их коварства и злобы разрушатся.

Стихи:

Злонравие не несет с собою доброго имени;
Мужем не станет женщина, если ее назовут Хайдаром ³⁴⁷. [246]

Эти [презренные], низкого происхождения люди, без достаточной причины питая злобу к государю, лестью и ложными обещаниями подговоривши группу злоумышленников, захотели путем колдовства известить бесподобную личность государя,

занявшись чтением навыворот [соответствующих] молитв и стихов Корана. Те два негодяя, [Мир Хусейн джуги и Абдулла шейх], считая себя в чародействе учителями самих ангелов Харута и Марута ³⁴⁸, ни во что ставили жрецов фараона [при их состязании с Моисеем]. Упорным преследованием своей цели эти презренные выждали подходящее время, чтобы обманом и хитростью покрыть блестящее солнце государства и погасить освещающую мир свечу власти концом рукава обмана и подлости. И вот эти двое чародеев приступили к несправедливому пролитию крови, двое тех, в отношении которых было правильно сказано: *они несчастны и в настоящей жизни, и в /221a/ будущей ³⁴⁹.

Стихи:

Убийством шаха из зависти эти два неблагодарных
[Только и] дышали, раздувая горн лжи.
И в темную ночь, приложив все усилия,
Они рассекли волос [своего] намерения острием коварства.
И когда государь принял мученичество, вследствие их поступков,
Они получили возмездие за свое злое дело.

Подробности сего вкратце таковы. Так как зловещий Джавшан [калмык] желал унижить высокий дом государя, то, считая намерение его отправиться в вышеуказанное путешествие подходящим для сего случаем, он и занялся этим делом и не успокоился до тех пор, пока его гнусное дело не осуществилось.

Стихи:

/2166/ Все платье его, с ног до головы, есть хитрость и коварство.

Под [разными] предложениями эта мятежная шайка собралась за городскими воротами, с кладбищ и из старых мечетей вероломных узбеков и стала их улаживать всякой неправдой и хитростью. И случилось так, что их план совпал с тем, что было предопределено судьбою. Они взяли к себе Нусрати-сарая, Кабули Ширы, маленького щенка, и подлого Табарая и, устроив дьявольское коварство, повели убедительную речь:

“Убайдулла хан желает погубить тот бутон из сада миродержавия, который именуется принцем Абулфайзом, потому что он знает, что [247] узбеки утихомирены и спокойны. Если же мы уберем Убайдулла хана, то на его место сядет Абулфайз султан. В этом случае необходимо поступить с Убайдуллою так, чтобы брат его освободился от страха за свою жизнь и узбеки волей-неволей удовлетворятся его царствованием. И вы, выразившие готовность служить Абулфайз султану, если являетесь искренними доброжелателями этого принца и поскольку вы недовольны Убайдуллою ханом, вам необходимо для сего объединиться с /222a/ нами. Если вы в этом отношении проявите беспечность и нерадивость, то не мудрено, что вы Абулфайз султана потеряете”.

Эти два неблагодарных негодяя и те внутренние враги, уклонившись с правильного пути в надежде, что они станут потом в государстве [значительными] людьми, объединились для этого отвратительного дела и установили беспрепятственное сношение с высоким арком. Злосчастный Джавшан, увидевши, какой благоприятный оборот приняло [затеянное им] дело, очень довольный сообщил эту радостную весть бесславному мятежному эмиру и неблагодарным войскам. Все страшно обрадовались. Словом, Джавшан успокоил этих людей в отношении некоторых, [до сего имевшихся у них], сомнений. Желая получить у них помощь, Джавшан потребовал несколько людей для проникновения в высокий арк. Каждый из тех низких душ назначил по несколько человек; все они /2226/ были бездомники, дети скверных отцов и матерей — не женщин,

считавшие жизнь ни во что и предпочитавшие смерть жизни; говорят, что большинство этих людей были достойны виселицы. Они то и получили назначение к зловещему Джавшану. Что касается государя мира, то он продолжал быть настолько беспечным, что у него ничего другого не было на уме, как поездка в Балх; гордясь своею неустрашимостью, он не принимал никаких мер.

Двустиишие:

Каждый, кто сделает какое-либо дело необдуманно, тот теряет свое достоинство
Ты ищешь царство, так положи в основание своему делу [определенный] план

Тем временем один человек из племени туркмен, имевший отношение к заговору, признательный государю, и по чувству доброго мусульманина, написал о затевавшемся злодеянии на бумаге и подбросил написанное в дом Туракули. Туракули, прочитавши донос, поверг его на благословенное воззрение государя. Тот, язвительно засмеявшись, сказал: **[248]** “Эмиры хотят меня таким способом запугать и воспрепятствовать моему путешествию [в Балх], которое уже на пороге. Они не знали, [по-видимому], что лев из чащи государства не обманывается подобного рода хитростями, и не понимают, что высокопарящий феникс царства /223a/ совсем не думает о хитрости и коварстве мелких пташек с воробьиной душой”.

Государь мира был [совершенно] чужд опытности и лишен мудрости. Чрезмерная самонадеянность овладела его головой и, гордый своею отвагою и смелостью, он не обратил никакого внимания на то, о чем ему доносили, и даже совсем не прочитал написанное [туркменом], оставшись глух к коранскому стиху: *не подвергайте сами себя гибели ³⁵⁰. Мудрые люди сказали: “Двое людей далеки от мудрых поступков и лишены путей знания: первый тот, кто полагается на свою силу и отвагу; при всех обстоятельствах такой человек подвергает себя гибели, и [именно] смелость его служит тому причиной; второй тот, кто становится заносчивым, слушая речь врага, и обманывается словами того, кто от него не может быть в безопасности; несомненно, что дела такого человека придут в упадок и его постигнет раскаяние.

Двустиишие:

Не считай себя безопасным от козней врагов,
Думай [о них и] возьми другое направление!”

/223б/ Государь был чужд обоим из этих положений: он обманывался и гордился почтительностью [к себе] коварных эмиров и скромностью злопамятного и тиранического войска.

Двустиишие:

Всякого, кто гордится словами врага,
[Ожидает то, что] свеча его разума помрачиться и перестанет светить.

Сладчайший из поэтов, шейх Са'ди, сказал:

Стих:

Не будь безучастен ко врагу и к его ухищрениям:
Да не будет того, чтобы ты неожиданно стал его добычею
Говорят, что Каюмерс выразился так:
“Враг не становится другом, через [расточаемые перед ним] басни”.

[Всегдашние] собеседники государя были люди легковесные, презренные и подлые, не имевшие ни капли ума; они поддерживали [249] необдуманность и неблагоприятные монарха, смеялись над кознями и коварством [его] врагов и говорили: “Хоть и могучи бесовские руки, но до божественной группы людей им не достать; каким образом у низких людей окажется сила и как могут причинить вред ничтожные пылинки земли [столь далекой] звезде Арктур? У проклятых [этих людей] откуда найдется сила [для причинения] мучительного огорчения [государю]?”

Двустиише:

Кто такая собака? Бессильная лисица —
Может ли она погубить страшного льва?”

Эти негодяи, говоря подобные обманчивые слова, отбросили /224a/ всякую предосторожность и не приняли во внимание [необходимую] осмотрительность.

Двустиише:

Просвещенный, хотя бы и смертельный, враг
Лучше невежественного друга. —

Государь, погружившись в беспечность, не думал о стреле несчастья и попал в пучину беды.

Стих:

Как думаешь о нем, — до сих пор еще содрогается душа.

Умный человек, размышляя, знает, что никакой нет более крепкой твердыни, чем осторожность и предусмотрительность, и ни одного государства нет более опасного, чем то, которое в беспечном состоянии; в соответствии с указанием [хадиса]: не заслуживает поспешный прославления, государь не знал, что в деле нужны замедление и серьезность.

Стихи:

Будь осторожен на этом пути, [ибо каждый] путь полон опасности.
Ступай осмотрительно, потому что вокруг волнение.
Как только туча станет лить дождем, ты представляй себе,
Что будет наводнение и твоему дому грозит опасность.
Не будь беспечен там, где требуется осторожность, и буду начеку.
Потому что осторожность есть щит от стрелы несчастья.
Человек предусмотрительный и думающий о последствиях
Всегда знает, что его может ожидать; это решено!

Государь мира видел, что те мятежные элементы в своем /224b/ выступлении проявляют слабость и нерешительность, когда же они готовы были осуществить свое намерение, наивный государь, обманутый поведением этих бунтовщиков, не слушал никаких речей доносчиков. [250]

Стихи:

Судьба одна и та же: она одинаково распространяется и на злых, и на добрых
На этом основании все планы [и предположения] — ошибочны.
Она создает тысячи картин,
Из коих ни одна не сходится с теми, которые мы представляем себе.

Государь не знал, что

Двустиишие:

Дружбу создают, как молоко мешают с сахаром,
Тогда как вражда более жестокосердна, чем стрела и секира.

Кроме того, он еще возгордился тем обязательством, которое приняли на себя по отношению к нему эмиры и войско.

Двустиишие:

Если муж нарушает принятое на себя обязательство,
То он превзойдет все [в своей подлости], что ты можешь себе представить.

О ВОСШЕСТВИИ НА МОГУЩЕСТВЕННЫЙ ПРЕСТОЛ АБУЛФАЙЗ СУЛТАНА. О КОВАРСТВЕ КОЛОВРАТНОГО НЕБА И О ПОЯВЛЕНИИ СОРОКА ЧЕЛОВЕК.

Осуществление сего случая было угодно судьбе.

Стихи:

Я не знаю, что такое правосудная судьба,
Ибо в страдании надлежит плакать.
Если все, что существует, [существует] велением бога,
То кого ты расспросишь, почему все это и отчего?
Да! Все, что есть греховное и добродетельное,
/225a/ Имеет [свои] причины, но первопричина [всего] — господь;
Когда он захочет, он приводит в расстройство [ту или иную] страну
И уничтожается несчастьем ее глаза.
Там, где судьба разбивает шатер предопределения,
Никому не подобает хвалиться предопределенными [ему].

Презренные люди, объединившиеся в перечисленные дни [для заговора на жизнь государя], только и ждали подходящего дня [для осуществления своего замысла]; они знали, что если откладывать такое серьезное дело, то [их] тайна может обнаружиться.

Двустиишие:

Всякая тайна, которая прячется под завесою ночи,
При наступлении дня становится для всех ясна.

По смыслу выражения “или сила смоеет нас, или мы прольем кровь”, зловещий Джавшан [калмык], сразу [решившись на злое дело], утром, к среде, 27-го числа священного месяца мухаррама 1123 года, [т. е. **251** 17 марта 1711 г.] сообщил заговорщикам: злосчастному Нусрат сарайю, подлому Кабули [Ширу] и Балтуи сарайю, чтобы в глухую полночь, /225b/ когда ночь оденется в черное платье и набросит на себя темно-синий плащ.

Стихи:

Когда расчешут концы кудрей ночи
И напишут письмена нечестия на (скрижали) судьбы, —

те жестокие [люди] группой в сорок человек с кинжалами у поясов и стрелами на плечах подошли к подножию высокого арка и по осыпавшейся земле поднялись к стене крепости. Топорами они прорубили в нескольких местах отверстия, через которые и проникли внутрь арка.

Двустистишие:

Когда опустеет логовище льва,
То шакал отважно входит в него.

Так как Нусрати сарайю было сказано: “Когда мы проникнем в высокий арк, то зажжем огонь; чтобы нам удостовериться в [правильности избранного пути] на крыше помещения [Абулфайз] султана пусть будет зажжена свеча, она нам и будет служить указанием”, то сообразно с этим и поступили. Эти жестокосердые по свету свечи вошли в /226a/ помещение принца и возложили на благословенную голову сего счастливец царский венец, опоясали его золотым поясом, осыпанным драгоценными камнями и, выведя его из тесной комнаты, напали на подлого Балту-и сарайя, который был опьянен вином тщеславия и гордости. Отрубив голову этому презренному, тело его с высоты арка сбросили вниз.

Четверостишие:

Когда во время принятия его души Азраил взял [его] пьяным,
Он унес его в злополучное место, чтобы выбить из него опьянение.
Вышли к нему навстречу адские виночерпии,
Чтобы устранить от него радость и веселье.

Войдя в тюфячное помещение ³⁵¹, заговорщики тем же порядком послали во след Балтую мехтара Шафи'. После этого взяли [Абулфайз] **[252]** султана к воротам арка. Русские же [охранявшие ворота] в то время, когда эти сверепые, как Марс, люди показали народу, как ичкимеры ³⁵², свою суровость, — подобно черепахам, втянули свои головы в место сна ³⁵³ и лежали не дыша. Заговорщики, захватив ворота, взошли на *балкон /226b/ оркестра ³⁵⁴ ударами рукояток ножей и плетками подняли музыкантов и заставили их бить в большой царский барабан, с провозглашением имени Абулфайз султана.

Стихи:

Рокот барабана миродержавия, ибо государь, — перед воротами,
Утром или вечером слышится по-разному.

Звуки большого барабана в этот полночный час охватили весь город; горожане повскакали со своих постелей, недоумевая, в чем дело. Те же сорок злодеев, каждый со свечой, осветили весь арк. Начальники этого мятежного народа, то есть эмиры и взбунтовавшееся войско, которые только и ждали этого момента, войдя поодиночке в арк, посадили на золотой трон Абулфайз-султана и устроили торжественный прием. Поздравив принца с восшествием на престол, каждый с выражением рабской покорности подвел к нему коня и, [затем] поднявши могущество Абулфайз султана из океана земли, вознесли его до апогея небес ³⁵⁵. Прочие же важные дела отложили до прибытия Ма'сума /227a/ аталыка, который, собственно, и являлся началом этого бунта. Так как аталык медлил своим появлением, то Султан токсаба и Надир-токсаба с несколькими другими лицами отправились к аталыку и сообщили ему о всем происшедшем. Аталык, ощутив в своем сердце радость [по поводу происшедшего], на словах тем не менее отнесся отрицательно к совершившемуся. Бунтовщики стали уговаривать его [изменить свою

позицию] и, [наконец], прибегли к более настойчивым убеждениям. Аталык, сам бывший источником этого мятежа, под влиянием совершившегося [253] факта погрузился в глубокое раздумье. Ему пришла мысль, что необходимо последовать смыслу коранского стиха: *возвращайте отданные вам на хранение вещи их владельцу ³⁵⁶, насилие же и неблагодарность в отношении своего господина и благодетеля являются запрещенными действиями, как справедливо сказали по-арабски: “насилие слуг более тягостный поступок, чем стать неверным”.

Двустиишие:

Как бы собака не вдела в ухо кольцо преданности [хозяину],
Она никогда не забывает и одного [своего] куска.

И аталык с надменностью сказал: “Что вы ко мне пришли? Чтобы я стал обвинен в этом гнусном деле, которое является тяжким грехом в этом мире и влечет наказание в будущей жизни?” Мятежники, продолжая настаивать, сказали: “Теперь бесполезно раздумывать, опора эмиров, когда дело уже сделано. Если вы проявите нерешительность, то, /2276/ возможно, что вас постигнет неприятность”.

Аталык, весь объятый раздумьем, [как ему быть], сколько не напрягал свой дальновидный ум, покрывало судьбы спустилось на его пронизательные очи и он не видел соответствующего выхода из положения. Сколько не предлагал ему советов его разум, разрешающий малейшие затруднения, все же стрела превратности судьбы направляла поводья его намерения — сохранить свою репутацию честного человека — в другую сторону. Поскольку нужно было на что-нибудь решиться, аталык вспомнил, что мятеж не осуществился бы, когда б легко было предотвратить его, и буря случайности поднялась не для того, чтобы утвердить основание раздумья потому, что предопределение сделало уже свое дело. И аталык, решившись, без раскаяния повязал на свой лоб /228а/ повязку восстания против своего благодетеля; не обращая внимания на смысл арабского выражения: “неблагодарность более тяжка, чем неверие, [так как] последнее касается лишь одного человека, а первое затрагивает двух”, он запачкал наличие преданности [своему повелителю] пятнами на своей репутации и существо [своей] чистоты и [своих] убеждений загрязнил мусором обмана и хитрости; он, этот мятежный эмир, выставив щит послушания, в силу корыстной фальши и сатанинских замыслов выявил все то, что было скрыто в глубинах его страстей, в его нечистом внутреннем я.

Шаим-и Аби поспешил в арк. Сделав поклон Абулфайз-султану, изъявил претензию на звание аталыка. Султан, покачав головою, [254] напомнил [ему] следующее: “Удивительно, какой теперь пошел народ и какие стали странные люди! Столько лет кушали хлеб-соль моего брата и соблюли ли ему верность, когда поставили меня? Словно все эти люди без стыда [и совести] и совершенно беспечны в отношении коранского стиха: *верующие, будьте верны в исполнении своих обязанностей ³⁵⁷, и я буду верен завету с вами ³⁵⁸.

Стихи:

/228б/ Мой выпивавший вино наставник, — да будет радостна душа его!
Сказал: “воздерживайся от общения с вероломными людьми”.

О ПОЛУЧЕНИИ ИЗВЕСТИЯ УБАЙДУЛЛОЙ ХАНОМ О ВОСШЕСТВИИ НА НЕБОВИДНЫЙ ПРЕСТОЛ СЕЙИД АБУЛФАЙЗ СУЛТАНА И О ПРОБУЖДЕНИИ СЕГО НАИВНОГО ГОСУДАРЯ ОТ СНА БЕСПЕЧНОСТИ

Убайдулла хан, опьяненный сном беспечности и гордившийся своею силою и отвагою, узнав об этом ужасном происшествии, вскочил с постели страха; он понял, что сделала судьба по указанию ведающего случаи, непостоянного рока и какую игру с ним сыграла фортуна. Он был поражен дерзостью и смелостью войска; в сильном изумлении он смотрел во все стороны. И сколько ни искал из среды своих приближенных и доброжелателей [кого-либо, кто бы ему помог в эту минуту], — никого не нашел.

Стихи:

Когда перестало быть счастье подругою его сна,
То пред ним закрылся путь здравого суждения.
/229a/ Он раскаялся во всем им сделанном,
Но это было уже бесполезно.

Слабоумный Туракули, в ту ночь предававшийся [разным] удовольствиям, узнав о происшедшем, поспешил к государю и подтвердил ему об ударах в большой царский барабан с накарра ханы и о выступлении [на сцену] Абулфайз султана; вслед за ним явился Афлатун калмык, который тоже рассказал об этом горестном происшествии.

Двустиишие:

Кто знает, что будет завтра,
Разве только тот, кто создал это “завтра!”. [255]

Смелый государь, природе которого были свойственны мужественная энергия и беззаветная отвага, потребовал оружие и, вооружившись с ног до головы, приготовился вступить в бой с [своими] восставшими слугами. Первым делом он обратился с приказанием к одному из входивших в состав его ночной стражи. “Пойди, — сказал он, — и справься о Ма'суме аталыке”, в надежде на то, что за день до этого птичка сердца аталыка, в силу арабского выражения — “каждый человек есть раб милостей” была поймана зерном [царской] милости и настроение аталыка сделалось радостным, благодаря пожалованию ему халата и пояса, и между государем и аталыком были закреплены новые узы верности. Возможно, [следовательно], что он [и теперь] крепко стоит на своей /229б/ верности [государю].

Двустиишие:

Хорошо закрепить друзей союзом любви,
Но что пользы, если в таком союзе нет верности!

Государь сказал: “Аталык мне — вместо отца. На мою голову обрушилось такое тяжкое дело, что и представить невозможно. Этому эмиру следует отправиться и погасить пламя ярости [моих] слуг и военного сословия и удержать это мятежное и враждебное сборище от безобразного дела и гнусного поступка, которое с точки зрения шарията и разума — позорно”. Посланный отправился, но, потерпев неудачу, вернулся и доложил, что аталык, облекшись в платье бесстыдства и осмелившись открыто заявить о своей неблагодарности, нарушил верность [государю], перестал соблюдать истину коранского выражения: *он был верен в исполнении своего обещания ³⁵⁹ и бросил прочь от себя истинное и /230a/ точное веление хадиса “нет веры у того, кто не соблюдает верности”; он забыл прежние благодеяния государя и считает несуществующим оказанный ему почет и уважение; посадивши на престол Абулфайз султана, он [теперь] в высоком арке наводит порядок и расправу по его государству. Мысли его величества пристально устремились к этому вероломному эмиру, хотя по существу это являлось совершенно неуместным.

Государю следовало бы постараться [самому] исправить этот случай и не упускать времени из рук. [256]

Стихи:

Мой друг лишился привязанности друзей,
Нарушивши старую дружбу.
Нас больше не привлекает ни союз [с тобою], ни верность:
Подобно пузырям на поверхности воды были твои обещания.

Государь, услышав эти слова и осознав мучительное событие, тяжело вздохнул, понявши, что настало время проститься с молодостью и закончить радости жизни, что судьба ухватила его за шиворот и тащит за собою.

Стихи:

Все эти дела и тяжелые переживания, — о которых ты говоришь, — как будто и не были”.
То бесконечное счастье, — о котором ты говоришь, — как будто и не наступал”.
Еще не успел я донести до своих губ остаток питья из чаши жизни,
Как рука судьбы разбила о камень чашу моего желания.

Государь читал такое четверостишие:

С враждебной [тебе] судьбой не спорь и уходи!
Не вмешивайся во вращенье рока и уходи!
Есть одна чаша яда, именуемая смертью,
[Поэтому] выпей хорошенько чашу, вылей остатки на этот мир и уходи!

Несчастный государь, выпив принятое им из рук судьбы, этого насильника-виночерпия, питье раскаяния, погрузился в море растерянности и скорби. Ему вспомнилось: “Я хотел постараться медленностью исправить сооружения врагов, но, увы! я не знал, что поступать снисходительно и ласково со змеею и нежно гладить руку с мечом, достойно порицания и упрека”.

Стихи:

Почему умный человек совершает такое дело, которое приносит раскаяние?
Если можешь, проведи сегодня оросительный канал,
Ибо, когда огонь разгорится, он сожжет мир.
Не допускай, чтобы натянул тетиву лука
Враг, так как он может поразить [тебя] стрелою.

И сколько государь не смотрел вокруг себя, он не нашел ни одного преданного человека, который бы помог ему в этом случае.

Двустиишие:

/231a/ Не имею я ни одного сердечного друга, которого я мог бы попросить быть полезным в моем деле!
Нет у меня никого, кто разделит бы со мною горе, которого бы я спросил, что он думает о мыслях,
терзающих мое сердце! [257]

С гневом посмотрев на Туракули, государь сказал: “Куда делись все калмыки, про которых, ты говорил: “Я вооружил их и снабдил всем необходимым”?... Что случилось с ружейными стрельцами, которых ты расхваливал, что они-де и в темную ночь попадут в глаз муравья и змеи? Эх, ты, рабское отродье, презренный безумец! Больше всего ты

виноват в том несчастье, в котором я очутился”. И государь ударил Туракули в горло, как копьем, бывшею у него в руке стрелою и ранил его.

Затем он сказал: “Не найдется ли кто-нибудь из присутствующих Здесь слуг стражи, который бы посоветовал что-нибудь в этом случае?”

Джанибек ишикакабаши из племени бахрин и Мухаммед Шакир мирахур из племени сарай, которые были в то время в ночном карауле и соблюдали признательность государю за его хлеб-соль, доложили следующее:

“Наше мнение [всегда] было таково, что сосредоточию вселенной в самом начале, особенно после происшедшего в Самарканде, нужно было проявить должную осторожность и предусмотрительность и быть готовым к этому ужасному событию, — о чем неоднократно докладывалось [вашему величеству], — таким же образом, как это известно [из /2316/ истории]. Ибрагим имам первый раз, когда посылал в Хорасан эмира Абу Муслима, дал ему напоследок такое наставление: “Если ты хочешь, чтобы продолжались [твои] речи с требованием и важные дела осуществились бы сообразно [твоему] искреннему желанию, ты постарайся уничтожить каждого, кто возбуждает в тебе сомнение и кого ты подозреваешь в злых умыслах, потому что одна из мер предосторожности у государей такова:

Двустиише:

К кому у тебя не лежит сердце,
Ты удали его поскорее со сцены.

Точно также говорят: “Средство против [нежелательного] события нужно употреблять до его наступления”. Все это видно из рассказа о змее и о всаднике на верблюде. Сладкоречивые рассказчики так повествуют в книге “Сияния звезды Канопус” ³⁶⁰. Один человек, ехавший на [258] верблюде, в своем пути достиг места, где останавливался какой-то караван, который разложил костер. После его ухода порывы ветра раздули пламя, которое подожгло бывшие здесь лесные заросли. В них находился /232a/ грамдный змей и большая ядовитая ехидна, которые [мечась в пламени], никакого выхода из него не могли найти; они были близки к тому, чтобы изжариться подобно рыбам. Змей, увидев всадника, сказал:

Стихи:

Что станет, если ты по [своему] милосердию окажешь милость
И разаяжешь узел нашего безвыходного положения?

Всадник был человек богобоязненный; он почувствовал сострадание к положению змея, взял бывшую у него торбу, надел на конец палки и протянул с верблюда к змею. Тот воспользовался этим случаем и влез в торбу. Человек вытащил торбу из огня и, открыв ее, сказал змею: “Ну, иди, куда хочешь!”. Змей ответил: “Оставь эти слова! Я никуда не пойду, пока не ужалю тебя и твоего верблюда”. — “Я сделал тебе добро, вытащив тебя из пламени, — сказал человек, — неужели воздаянием мне за это послужит то, что ты сказал?”

Двустиише:

С моей стороны было проявление верности,
К чему же с твоей стороны такое мучительство?

Змей ответил: “Да, ты сделал добро неуместно и проявил сострадание не заслуживающему того, чтобы оно осуществилось. Наконец, /232б/ ты сам знаешь, что я — проявление зла и, кроме зла по отношению людям, ничего доброго от меня и представить нельзя.

Стихи:

Так что вполне соответствует здравому смыслу поступок,
Сделать зло чистым и добрым людям.
За те низкие качества, которые свойственны человечеству,
Никоим образом невозможно сделать добро.

С другой стороны и то, что меж нами и вами существует издревле вражда, как сказано в Коране: вы враги друг другу ³⁶¹. Ты проявил в этом деле неосторожность и оказал неуместное милосердие, чем и вверг себя в погибель. Во всяком случае я тебя ужалю, чтобы другим не повадно было так поступать, как сделал ты”. — “Откажись, змей, от [259] этой мысли, — сказал человек, — ведь я поступил с тобою гуманно и проявил к тебе человечность!”. — “Я ведь тоже поступаю в данном случае по-человечески, — ответил змей, — потому что у людей, кроме этого, обыкновенно другого не бывает”. — “На каком основании ты так говоришь, — спросил всадник, — нужно доказательство!”. — Неожиданно в это время появилась корова. Змей крикнул ей: “Послушай, /233a/ корова! В чем заключается воздаяние за добро?”. — “Если рассуждать с человеческой точки зрения, то за добро платится злом, потому что люди питаются моим молоком, берут моих детей, а в конце концов поручают меня мяснику, он перерезает мне горло и изрубает мои кости и мясо на куски”, — отвечала корова. — “Ты слышал?” — спросил змей, обращаясь к человеку. Тот, поразившись этим, сказал: “Божественный закон свидетельствует о ней!”. Отправились дальше; увидели [тутовое] дерево. Змей спросил у дерева то же самое. Дерево ответило: “По обычаю людскому за доброе дело платится злом, потому что люди сидят в моей тени, находя защиту от солнечного зноя; кушают мой тут, вместе с тем бросают в меня тысячи камней и палок. В конце концов срубают топором мои ветви, закладывают пилу под самый мой корень, /233б/ [срезают меня] и жгут на огне.

Двустиишие:

Я раздумываю, как бы прикрыть тенью его голову,
А он соображает, каким бы образом ему вырвать меня с корнем”.

Змей сказал: “Вот я доставил двух справедливых свидетелей; что ты теперь скажешь?” Человек пришел в волнение, что ему делать, чтобы спасти свою жизнь от гибели?! Случайно они оказались в поле зрения лисицы, которая увидела страшно взволнованного, с трясущимися руками и ногами человека на верблюде. Человек, неожиданно увидев лисицу, воскликнул: “Вот появился и судья, потому что свидетеля без судьи не бывает; спроси лису!”. Когда лисица выслушала их речи, она сказала: “О человек на верблюде, ты в конечном итоге не знаешь, что за добро платится злом. Теперь объясни мне, какое доброе дело ты сделал, за которое ты оказался заслуживающим зло?”. Человек рассказал происшедшее. — “Я считала тебя за умного человека, почему же ты говоришь нелепости?”, — спросила лисица. [260]

Двустиишие:

/234a/ Достоин ли умного человека говорить несообразные с истиной слова?
Не украшает ученого говорить речи, противоположные тому, что случилось.

Я никогда не поверю, чтобы змей при своей величине и массивности поместился бы в этой торбе; ведь это смахивает на ложь! — “Если ты не веришь, — сказал змей, — то торба готова для того, чтобы я влез в нее; ты воочию в этом убедишься”. Лиса сказала: “Если я эту картину увижу собственными глазами и справедливость твоих слов станет мне известна, я во всяком случае постановлю справедливое решение, чуждое лицемерия и [всякой] задней мысли”. — Змей, возгордившись от елов лисицы, [сейчас же] залез в торбу. Лисица [обращаясь к человеку] сделала такое указание: “[теперь] ты обрел врага в заключении, не давай же ему возможности [жить].

Двустиишие:

Когда враг попал в руки и побежден тобою,
Распоряжение разума таково: не давай ему пощады!”.

Человек завязал покрепче торбу и с такой силою ударил ею о землю, что от змея и следа не осталось.

Джанибек ишикакабаши сказал: “Я привел эту причту для того, что если бы государь мира соблюдал осмотрительность и думал бы [об опасности], то не изволил бы возгордиться смешанными с обманом /2346/ словами врагов и, во всяком случае, не стал бы пленником этого гибельного положения.

Двустиишие:

Кто гордится словами [своего] врага,
У того свеча разума потемнеет и не даст света. —

Теперь, когда дело уже ушло из рук, когда эмиры и войско выжгли на своих нераскаянных лбах клейма мятежа и, дерзко взявшись. [за осуществление своей цели], — авось трудное дело-де удастся, — по мере возможности стараются довести его до конца, — нам, рабам, приходит на мысль, что вам надлежит отправить ставку и гарем в поместье джуйбарских ходжей, а самому, своею благословенною персоною, направиться в крепость Бек-Мухаммеда парваначи или в Тараб, где румцы ³⁶² уже готовы, имея рколо двухсот ружей. И если [**[261]** даже] один день за это время прошел бы в [безопасности для вас], большинство рабов, помня хлеб-соль своего господина, явятся послужить [вашему величеству] и не пожалеют отдать жизнь за своего государя. /235a/ В эту темную ночь, когда нельзя отличить друга от врага и когда никто не знает, о чем думает и помышляет благожелатель и что затевает бунтовщик, только одно определение известно, что враг овладел высоким арком. Положение государя представляется [нам] трудным. Если же говорить об отдаленных крепостях, [куда можно укрыться], то существует крепость Чарджуй, равно Андхуд, и в которую из них благоугодно будет направиться государю, одинаково будет хорошо. Но оставаться [здесь] в этом месте, проявляя [излишнюю] смелость, является причиною [грядущего] огорчения, так как сказано:

Четверостишие:

Кто тебя боится, того и ты бойся, мудрый человек!
Если же тебе придется вступить в бой,
То не видишь ли ты, что когда кошка слабеет,
Она [в отчаянии] выцарапывает тигру глаза [своими] когтями.

И другие тоже стихи:

Когда судьба бессильна [что-нибудь сделать], она ласкает [человека],
[Уподобляясь] ужасному дракону, который играет с муравьем.

Поскольку сущность убийства и мученичества злополучного государя была предрешена в судебном установлении судьбы сообразно коранскому выражению: *когда наступит их срок смерти, они тогда ни на один час не отсрочат ее, как и не ускорят ³⁶³, то она [теперь] была /235б/ окончательно утверждена, письменное решение рока запечаталось печатями: *все, что на ней [на земле], — исчезает ³⁶⁴. И до слуха государя донесся голос, взывающий: *возвратись к господу твоему удовлетворенным, удовлетворившим ³⁶⁵.

И государь сказал: “Вы говорите, что нужно ехать в такую-то и такую-то крепость, это — один из видов совета, но как я могу освободиться от собственной мысли, что я сам сделаю весь народ растоптанным конями несчастий, и государство, о благоденствии и процветании которого я за это время [так] старался, ввергну в погибель ради спасения лишь единственной своей жизни? Все, что в предвечности мне суждено, я предпочту перенести, но никогда не сделаю такого бесславия. Я очень хорошо отдаю себе отчет в том, что обратившись [262] спиной к врагу, я предпочту бегство [всему прочему]. Я не сделал зла? этой группе узбеков, чтобы мне стать причиной такого [позора]. Если эти неблагодарные негодяи замышляют против меня злое, я поручаю их богу”. И государь прочитал такие стихи:

“Вследствие превратностей судьбы постигли меня сцепления разных обстоятельств,
Хотя для рока эти сцепления не имеют значения,
/236а/ До каких же пор возможно переносить страдания горестей судьбы!
Увы, нельзя больше [их] переносить!
При всем [своем] расстройстве и [несчастном для меня] круговороте судьбы я, однако,
Ни на шаг не отступлю от пути упования на аллаха.
В тетрадах узбеков не бывает письмен, трактующих об искренней преданности,
Как не найдешь коранского содержания в [обычной] переписке.
Я надеюсь, что он [аллах] возьмет мои упавшие руки
В тот день, когда все [мои] дела рухнут”.

Такого рода слова говорил государь, пренебрегая советом своего караула, потому что этот совет не соответствовал его характеру, которому были свойственны: храбрость, энергия и мужество, — почему он и не послушал караула. Он считал для себя бесчестьем выказать страх и бежать. Он сказал: “Если мне [еще] не суждено погибнуть, то первопричина найдет для себя причину, если же моя жизнь приблизилась к концу, то что за важность, — я почту за счастье быть в почетном ряду мучеников.

Двустиишие:

Наше сердечное желание — быть у порога святейшего друга [т. е. аллаха],
/236б/ Потому что все то, что приходит к нам, делается по его желанию.

Что мне делать? Вот, если бы я имел при себе друзьями пятьдесят молодых храбрецов, то я знал бы, как сразиться с этим мятежным презренным сбродом! Но, увы! Я уйду из этого мира несчастным. А теперь будет то, что до тех пор, пока во мне теплится хоть одна искра жизни, я по смыслу коранского стиха: *тот держится за крепчайшую опору, которая несокрушима ³⁶⁶, запасшись терпением и возложив упование на милость аллаха, — никуда отсюда не двинусь. [263]

Стихи:

Тот человек непоколебим, который не уходит с места,
Хотя бы он и блуждал вокруг земли, подобно небесной сфере
Он как феникс, которого и потоп не может сдвинуть с места,
И не воробей, который падает от сотрясения воздуха, производимого туфаком ³⁶⁷.
Если в одном случае бывает зло, а в другом — добро, то возможно, что и наше дело
Кончится благополучно, а впрочем — будь что будет!.. —

Все, что я сделал — сделал я сам; слов советчиков я не послушал и не позаботился обеспечить себя от опасения этой жестокой и бесстыдной банды. Сожаление — бесполезно [говорит арабская пословица] и судьба совершает свое дело.

Стихи:

Нет у меня руки, чтобы вцепиться в рок,
Нет у меня и ноги, чтобы удержаться от этого несчастья”.

Хошхал катаган, правитель Самарканда, которого государь считал своим хорошим доброжелателем, был потребован им из Самарканда /237a/ перед выступлением в Балх, так как он предполагал его оставить для охраны столицы. Благополучно достигнув Фатхабада, он должен был явиться на поклон к государю. Когда же произошел этот ужасный случай, государь несколько раз посылал [к Хошхалю], чтобы он явился к нему и посоветовал, что делать. А тот бородатый глупец медлил прибытием и все охал и говорил: “Смотри-ка! что делается!?”. У этого неблагодарного глаза, что видели в чем благо, были пусты, как глаз нарцисса, лишенный дара зрения, а уши, слушающие совета, как фиалки, были лишены способности восприятия звуков. И хотя он претендовал на искреннюю привязанность к государю, однако теперь стал слеп и глух [к его положению и призыву].

Четверостишие:

В каждом, кого мое сердце считало другом, я стал сомневаться
Подобно тому как добрый человек, увидевши врага, бывает приведен в замешательство.
Ни к вражде, ни к дружбе современные люди,
Как я вижу, особого доверия не питают. [264]

Мухаммед Рахим парваначи и Мухаммед Яр ишикакабаши, эти /237b/ подлые люди, были в то утро в [государевом] карауле; они, неблагодарные, подвели свои нечистые глаза сурьюмою бесстыдства, изгладили концом пальцев неблагодарности начертания государевых благодеяний, которые были вырезаны на их каменных сердцах, как орнамент на камне; рисунки даров, которые заполняли страницы бытия этих глупцов, они уничтожили указанием [на собственную] подлость и солнце царской благосклонности, всегда согревавшее луч их желаний, закрыли облаком вероломства.

Стихи:

Я признаю того другом, кто подает другу руку [помощи],
Когда тот бывает в расстроенном состоянии и в несчастье.

Эти бессовестные [Мухаммед Рахим и Мухаммед Яр], не повидавши государя и говоря: “какой от нас [ему] прок!” — сели на неоседланных лошадей и уехали в город.

Двустиишие:

Как жаль, что в среде людей невиновным считается
Тот, кто не проявляет признательности за благодеяния, оказанные ему господином.

Все, что случилось с государем, произошло от него самого, потому что он сам воспитал эти узкогорлые сосуды, низких людей, и с их помощью сделал своими врагами Ни'матуллу дадху и других и упал в /238а/ пучину бедствия.

Стихи:

Умный враг лучше, чем глупый друг.

Короче говоря, в ту ночь, когда происшествия одной ночи повлекли последующие несчастья, когда черная, как смола, завеса мрака сообразно коранскому выражению: *мы сделали ночь покровом [для вас] ³⁶⁸, [простерлась] над головою этого несчастного, его [светлые] дни почернели и омрачились. Злополучному государю стало известно, что драгоценная [его] жизнь, представляющая основной капитал временного характера и величайшее счастье, не благоприятствует ему и судьба отказывает ему в помощи.

Стихи:

Ты не думай, что круговорот жизни всегда проходит однообразно:
Временами бывают радости свидания, временами — горести разлуки. [265]
Не будь беспечен, ибо могущественный виночерпий из чаши времени
Дает тебе иногда выпить чистое благополучие, а иногда страданье угнетения.
Мир не бывает всегда в одном и том же состоянии.

После же сего осуществляется положенный аллахом предел. Несомненно, веления аллаха покоятся на том, что время не остается в одном положении и здоровью противопоставлена болезнь, дабы одно положение являлось [у человека] причиной благодарности [его к творцу], а второе — причиной терпения, [как] существует богатство наравне с /238б/ бедностью, чтобы просящий [воссылал] хвалу добру. Это же является причиной большого вознаграждения. У Соломона печать попала в руки демона, пока другие не сделали доблестного деяния из-за несчастного стечения обстоятельств; Иосиф попал в темницу, чтобы народ не стыдился необычайных происшествий и постигающих его бедствий. Аллах всевышний говорит: *когда цари входят в какой-нибудь город, то разоряют его, а знатных из его жителей делают униженными ³⁶⁹, поэтому государь [был в двойственном настроении]: он надеялся на наступление утра победы и вместе с тем искал опоры к терпеливому перенесению [худшего, что его ожидало].

Его уважаемые жены и их служанки, которые были в том печальном дворце, если бы видели во сне, [что их ожидает], то они умерли бы со страху; в эту ночь они предавались плачу и воплям.

Стихи:

Все [они] несчастные из [страха пред] безжалостным мечом
Со всех сторон подняли крик:
О ночь, не есть ли ты день страшного суда?
Почему бы тебе в конце концов не пройти быстрее?
За печальной ночью, возможно, появится солнце.

Вдруг к берегам горизонта из пучины мрака прибыл корабль рассвета.

Стихи:

/239а/ Утро, как военачальник, белое знамя
Водрузило на вершине темно-синей крепости [ночи],

Омыло кровью разноцветное лицо времени,
Вытащило [из ножен] золотой кинжал одоления [мрака].
Утро, как счастливый громогласный шах,
Ступило на свежую зелень мира,
Кровью меча, рассыпающего пламя, оросило ее
И закрутило аркан насилия со всею злобою. [266]

Несколько человек из ночного караула государя с мыслью, что авось все происшедшее примет другое освещение, стали появляться пред глазами государя, но когда увидели, что

Стих:

Губы его сухи, а глаза — влажны.
Эти несчастные поодиночке убралась в город и у государя никого из военных не осталось.

Стихи:

О друзья, увы! Я остался без друга,
Я стал пленником в руках горестной разлуки! —

кроме Афлатуна калмыка, который из чувства преданности к государю решил пожертвовать за него своею жизнью; крепко ставши на своем решении, [Афлатун калмык] сказал:

Стихи:

Наличность своей жизни я полагаю за тебя,
Душу, которую я имею, я отдаю за твое дело.
Что мне жизнь, если я не могу отдать ее за тебя,
[Если] сердце можно отдать тебе, то почему [жизнь] нельзя /239б/ отдать [тебе]?!]

**О ВКУШЕНИИ НАПИТКА МУЧЕНИЧЕСТВА СЧАСТЛИВЫМ,
ДОСТОХВАЛЬНЫМ, ПОКОЙНЫМ ПРОЩЕННЫМ ГОСУДАРЕМ-МУЧЕНИКОМ
ПО ВОЛЕ ВСЕПРОЩАЮЩЕГО ЦАРЯ [ВСЕГО СУЩЕГО] И О
ВОЗНИКНОВЕНИИ В МАВЕРАНАХРЕ СМУТ И ВОЛНЕНИИ ПО ПОВЕЛЕНИЮ
ПОЛНОМОЧНОГО ТВОРЦА**

Утром, когда кавалерия на ристалище небес копьями сверкающих лучей и обогранными в крови дня мечами нанесла поражение войску царя звезд, и солнце на востоке, подняв свое победное копьё, выставило над ним свою кровожадную голову,

Стихи:

В то утро, когда озаряющее мир солнце
Отделило голову ночи от тела дня, —

бессовестные эмиры и неблагодарные, полные тирании войска, заявивши в арке о своей готовности служить Абулфайз султану, решили убить Убайдуллу хана и [тем самым] освободиться от страха, который они чувствовали [пред ним] в своих порочных и злых сердцах, потому что: [267]

Четверостишие:

Кто видел, чтобы два Джемшида были на одном пиршестве?
Кто видел, чтобы два меча были в одних ножнах?
Тесно бывает государству при двух царях,
Как никто не слышал, чтобы на одном небе светили два месяца.

/240a/ Те заблудшие люди разбили камнем возмущения чашу, показывающую мир счастья, сокрушили топором бесславия палаты веселия и, пустив на ветер небытия [вызванною ими] бурей напастей гумно желания, увидели благо в том, что убийце следует поступить по своему влечению к этому гнусному делу. Из числа лиц, жаждавших крови [хана], руководитель дьявольского сброда и главарь проклятого войска, Султан Токсаба, за кровь братьев Тагма и Абдуссамада, которых государь приказал казнить в Балхе за их бунт и неблагодарность, приняли на себя почин [совершать злодеяние]. К ним примкнул Кучак минг, глупый, как осел, за кровь брата, презренного Аллаберды минга. Эти неблагодарные бесстыдники, направившись в пучину злополучия, забыли о хлебе-соли [своего] благодетеля; они кликнули такой клич: “Кто воспользуется имуществом и достоянием Убайдуллы хана, того они и будут, и никаких неприятностей за это тому человеку не причинится”. Племена правой */240b/* и левой стороны и хитай-кипчаки, — среди узбеков никто не превосходил этот народ смелостью, — * аллах прогневался на них и приготовил для них геену ³⁷⁰, — эти хищники, превратившись в неверных, ринулись к рабату, [в котором находился Убайдулла хан].

Двустиишие:

Где те глаза, которые бы посмотрели на то лицо?
Где ноги, которые бы пошли в ту сторону?

В районе ханской ставки они разбились на ряды. Не придавши [никакого] значения соблюдению почтения к ханской власти, что по шариату вменяется [верующему] в обязанность и нарушение чего в путях миродержавия является непозволительным деянием, они считали [задуманное ими] незаконное деяние дозволенным. Закрывши лицо щитом бесстыдства, они двинулись вперед шагами подлости. Несчастный государь под влиянием беспокойства от [ожидаемого] нападения, с сердцем, полным крови, и с душою, полною трепета, с глазами, источающими тысячи капель слез, терзая слух обитателей [сего] цветущего дома. и стражей сего купола света громкими выкриками арабского стиха: **[268]**

Смерть продается, так купи ее!
Эта жизнь нечто такое, в чем нет добра,

говорил:

Стихи:

Где сила ног, которая бы мне помогла
Опередить смертный час на несколько [хотя бы] шагов?

/241a/ Абу Али [Сина] ³⁷¹ говорит:

От пропастей земных до высей небосклона
Все тайны я решил вполне;
Сдалась мне вся хитрость и препона,
Но смерть темна и мне.

Отважный государь, схвативши лук и стрелы, оказался один среди этого стада свиней. Меткою стрелой он отправил в ад несколько человек из этих нечестивцев. Вдруг перед благословенными очами государя появился звероподобный Артык ябу; государь, поразивши его стрелой в горло, не убил насмерть, а заставил упасть на землю.

Двустиишие:

Небо сказало: “Да будет благословенна та рука, [которая сделала это],
Да будет тысяча похвал тому большому пальцу, [который так хорошо натянул тетиву]!”

Афлатун [калмык, честно] выполняя условия самопожертвования [за государя], проявил необычайное мужество.

Стихи:

Хорошо для раба рисковать жизнью ради своего господина;
Рабом перестает быть тот, кто убьет своего господина.

Отважный государь, потирая руки, говорил: “Вот если бы у меня оказались такие друзья, как Афлатун, я бы знал, какую устроить охоту на [этих] свиней!”

Стих:

С судьбой нельзя воевать.

Четверостишие:

Не старайся согнуть судьбу концами пятерни,
/241б/ Потому что твоя рука совершенно не имеет [для этого] силы. [269]
Судьба не бывает столь полезна,
Чтобы все, что от нее исходит, нравилось бы.

Поэтический отрывок:

В эту минуту все философы сошлись на том,
Что — что сделает человек с судьбою, [повелевающей]: “будь!” и то получает бытие? [372](#)
Когда основы благополучия стали неустойчивы, вследствие их потрясения,
То несчастная слабость проникает в ноги Платона [Афлатуна];
Когда благонравие склоняется в сторону несчастья,
То бесполезен делается “Канон” в руках Абу Али [Сины] [373](#).

Кучак хайван, этот осел по своей природе и пустой человек из мастерской этого мира, раненый стрелой государя, подобно раненому кабану, бросился на государя и вцепился в него своими нечистыми руками.

Стих:

Если лев попадет в плен к собаке — это тоже зависит от судьбы.

Лев войны, второпях одевши кольчугу, оставил под нею кинжал и, придя в сильное волнение, ударил Кучак хайвана вместо кинжала кулаком [с такой силой], что пустая, как тыква, голова этого заблудшего еретика едва не раскололась. [Но в этот момент] подлая чернь и распутные подонки общества, *как скоты и даже больше, чем они — блуждающие

[374](#), набросились на государя сзади, ухвативши его за спину, /242a/ которая была опорой государства, и повалили его на землю.

Стихи:

Подобный Соломону упал к ногам муравья;
Один [ничтожный] комар напал на могучего слона

Хвала живому, который не умирает!

Стихи:

С тех пор, как царь царей мира сказал последнее прости царству [сего] мира,
Государство и вера распростились с полной безопасностью.
Благодаря тому хану мира, жизнь людская была в безопасности
До того момента, как этот владыка мира распростился с жизнью [сего] мира, [270]
Тот Убайдулла хан второй, государь — завоеватель мира,
Корону Дария и престол Ардевана покинул навеки, —

сообразно тому, что сказал аллах благословенный и всевышний: *...[как] и в день Хусейна, когда вы восхищались своею многочисленностью и когда она не принесла вам никакой пользы, так что земля показалась вам тесною, тогда как она была просторна [375](#), в точности совпало с происшедшим.

Что мне сказать? Какого рода сделать пояснение к этому из ряда вон выходящему событию? Потому что эти нечестивые не приняли во внимание значение коранского выражения: *кто убьет правоверного умышленно, тому воздаянием будет геенна, в которой он будет вечно [376](#), и изрубили кинжалами несчастного государя; как [имаму] Хусейну, его /242б/ голову отрубили безжалостным мечом злобы, сделав его истинным мучеником. *Поистине мы принадлежим аллаху и поистине к нему возвратимся [377](#).

Стихи:

О друзья, тысячи возмездий [создаются] руками этого лазурно-яревого небесного свода!
Сегодня, вследствие его несправедливости, подол земли окрасился в гранатно-красный цвет.
Никто не знает, до каких пор и ради чего существует небосвод — судьба,
У которой в обычае вероломство, насилие и кровопролитие.
Вот и с Убайдуллой ханом, который ударом пятерни поражал львов,
Что случилось, что он в конце концов погиб от руки какого-то опиофага?
Земля Бухары стала равниною Кербела [378](#), о мусульмане,
Потому что в месяце мухарреме принял мученичество тот зверски убитый государь.
Как Хусейну, ему отрубил голову тот Шимр, одетый в кольчугу:
Злой новый Езид поднял его голову со всею жестокостью.

Нежное тело хана эти кровопийцы оставили лежать испачканным в земле, смоченной кровью.

Стихи:

Лицо его [столь нежное, что] ему становилось больно от листика розы,
Тело его, отягощавшееся даже от [падавшего на него] волоса,
Вдруг были убиты многими ударами жестокого меча.
Кровью и землею покрылся тот шах. [271]

Этот злополучный монарх выпил чашу мученичества 26 числа месяца мухаррема 1123 г. [379](#), и его благородный дух, полный милости божией, /243a/ направился в

священные сады [рая], положивши во прах свою драгоценную царскую корону, которую он не склонял и перед кесарем ³⁸⁰; его победный царственный трон, стыдившийся [присутствия на нем самого] Александра [Македонского], упал в угол, в место, заросшее бурьяном и колючкою. При этом несчастью невесты вращающегося купола уселись на ковре золы и на кровле, охраняемой зарею, по обычаю всех видящих несчастье, омыли свои лица кровью очей, а утро разодрало свои одежды; Юпитер сбросил с плеч плащ своего превосходства; впечатление от этого ужасного события достигло до Плеяд; земля при сем несчастье посыпала голову прахом унижения; ковровые дорожки и слуги все рассеялись, подобно звездам Большой Медведицы.

Стихи:

О царство, подобно утру, раздери [свои] одежды до [самого] пупа!
/243б/ О государство, как вечер, распusti свои волосы до [самых] плеч!
О венец, упади во прах, так как развязался узел царства!

Стих:

О, когда разбита счастливая чаша государства, испей яд!

После этого нечестивые убийцы, подобно ордам Гога и Магога, бросились в гарем и ставку хана. Руки взбушевавшихся военных поднялись на грабеж [разных] сокровищ; бывшая в таком порядке казна была предана на поток и разграбление. Эти скоты ринулись на газелеоких и прекрасных, как гурии, [обитательниц гарема, кои были, как] *черноокие, укрытые в шатрах ³⁸¹. Они сорвали с них платья и унесли с собою все, что нашли в ханской ставке и его гареме из ковров, покрывал, из золота, серебра и дорогих материй; вытащили из ушей матери его величества и [его жены], Биби Подша, серьги, стащили у них с ног обувь, так же поступили и с другими обитательницами гарема. Наиболее удивительным было то, что в ту ночь мать его величества, все жены и служанки гарема, с целью прощания с государем при его злополучном отъезде в Балх, собрались в этот дворец горести /244а/ “неожиданно попали в эту беду. В отношении периликих, подобных райским гуриям, красавиц, с лицами, пленяющими сердце, и с прелестными [272] волосами, из коих каждый был промыт свежим благовонным мускусом,

Стих:

Омывших лица водою жизни,

эти неверующие, грубые еретики, подобные нечестивому Езиду, коих *плотская страсть с силой увлекает ко злу ³⁸², запорошив зрачки своих глаз прахом бесчеловечности, проявили все то, что было скрыто в их грубых чувственных натурах и в их нечистом внутреннем я. Подонки общества, грубая чернь, обратив в свою добычу гаремных служанок и благородных обитательниц гарема, посадили их простоволосых и? босых на крупы лошадей [позади себя] и увезли; [и эти несчастные] в тот день воочию увидели ужасы судного дня [там, куда они были отвезены].

Стихи:

От таких жестокостей, кои были проявлены этими людьми,
Если с неба не падают дождем камни, то как прекрасен воспрещающий [их]!

Хотя не бывает в обычае у этого народа оскорблять во время /244б/ смуты жен и дочерей государя, однако это случилось, будучи осуществлено, вопреки вере, этой незаконной бандой, перед которой поистине обезьяны имеют превосходство!

Стихи:

По времени никто такого насилия
Не помнит ни из близких, ни из дальних.
Вопли понеслись ввысь из мира;
Рыданья огласили город и степь.

В целях спокойствия Абулфайз султана эти бесстыдные люди отрубили голову того главы царей и, принеся ее к султану, бросили [к его ногам].

Четверостишие:

О горе! у птички-души не осталось ни зерна,
Не осталось никакой связи ни с близкими, ни с чужими.
Увы и увы! В течение жизни
Из всего сказанного мною ничего не осталось, кроме басни. [273]

[Абулфайз] султан, увидев благословенную голову брата, проявил необычайную жалость.

Четверостишие:

Кто разбил вдребезги форму чаши —
Ведь руке дозволено разбить ее?
Кто разбил печать, которая соединена с перстнем,
[И этот] столь прекрасный с головы до ног образ?

Пожертвовавший своею жизнью [за хана] Афлатун сложил свою голову у ног своего господина. Дата его мученичества определяется выражением: “Счастливым Афлатун пожертвовал своею жизнью” [383](#).

Стих:

Как прекрасно кончить жизнь с хорошей репутацией в ореоле мученичества!

/245a/ Дивана-султан, бывший в родстве с государем, увидев его благословенную голову, заплакал, пришел в сильное волнение и задрожал, как в лихорадке.

Двустиишие:

Если я заплачу, то каменное сердце превратится в кровь,
Если же я зарыдаю, то горы превратятся в Аму-Дарью.

[Дивана-султан] доложил [Абулфайз] султану, что он возьмет голову этого единственного в мире мученика, приложит ее к телу и, облекши последнее в саван, похоронит в усыпальнице его предков.

Стихи:

Искренний друг, верный товарищ,
Который в [своей] дружбе не имеет [ничего], кроме верности!

Султан уважил его просьбу и приказал так и сделать. Дивана-султан, этот мудрый и умный человек, взял голову страдальца, этого вождя царей, отнес ее и приложил к туловищу; согласно коранскому стиху: *мы не дадим погибнуть награде того, кто делал благие дела ³⁸⁴. За это Дивана-султану народ сказал: “Спасибо!”

Все джуйбарские ходжи, судьи этих пределов и все городское и /2456/ сельское население, кроме бесчестных узбеков, выйдя из города, с плачем раздобыли саван, сильно замешкавшись, потому что не оказалось [274] на него под рукою двух газов бумажной материи. Мир шаб, сын Пехлеван Арифа, проявив свою верность [убитому хану], достал для него саван, какой подобает убитым.

Стихи:

Человека, имевшего еще утром на голове корону, украшенную драгоценными камнями,
Я увидел вечером с кирпичом под головою ³⁸⁵
Пусть вникнут посему в обычай вероломной судьбы,
Когда понесут носилки с трупом несчастного убитого!

Стихи:

Мир со всеми его украшениями и драгоценностями
Не стоит причиняемых им огорчений и бедствий.

Горожане взяли носилки с трупом князя мучеников и, жалобно восклицая, так что согнутое в дугу небо проливало слезы жалости, с плачем и рыданьем говорили:

Стихи:

Нас разлучили с тобою несчастные дни,
Что нам сказать о несчастных днях?!
Чего только они не наделали!

Отнесли [тело хана] в благословенный мазар великого ходжи ³⁸⁶, — да почиет над ним благословение [аллаха]! — и похоронили его в усыпальнице царей рядом с его отцом [Субхан-кули ханом].

Стихи:

Положили с поднятым лицом в склеп, /246a/
Предали земле и вернулись обратно.
Увы, увы! Твое стройное тело в земле!
Увы, увы! Та чистая жемчужина — под землею!
Уместно было бы быть тебе [у всех] на глазах,
А ты занял место под землею, увы, увы!
Подобно весеннему облаку пойду-ка я и горько поплачу [над твоей могилой].
Авось ты еще появишься из-под [орошенной моими слезами] земли.

Стихи:

Ах, какое мучительное, уничтожающее [всякий] покой несчастье!
Ах, от сего мучительного вращения [судьбы] — [все] полно несправедливости, [275]
Потому что образ, начертанный жизнью, ею же и стерт,
Потому что жемчужину, просверленную жизнью в течение тридцати лет, она сама же и разбила!

Время жизни этого государя-мученика было тридцать лет, а время его царствования было девять лет.

Стихи:

Что девять несчастий было, что девяносто, да хотя бы и девятьсот,
Раз сказали, что “власть принадлежит всевышнему аллаху”.

Впрочем всевышний аллах лишь один знает сущность вещей!

Стихи:

Не привязывайся, пока можешь, сердцем к этому миру,
Ибо он непостоянен и нелюбезен,
И всякая часть кирпича, что ты видишь,
Одинаково подойдет под голову как Кейкубада, так и Александра. /2466/
Каждая ветвь кипариса, что поднимается среди цветника,
Показывает образ сребротелой стройной красавицы;
Всякая роза, что находится в розовом цветнике,
Есть тот же вид красавицы,
Кроме крови царей, в этом тазу [мира] ничего нет;
Кроме праха красавиц, в этой степи [мира] ничего нет!

О ТОМ, КАК ЗАНЯЛОСЬ МЯТЕЖНОЕ ВОЙСКО РАСПРЕДЕЛЕНИЕМ ДОЛЖНОСТЕЙ И О ТОМ, КАК РАЗГОРЕЛИСЬ ГОЛОВЫ У БУНТОВЩИКОВ К ГРАБЕЖУ И ЗАХВАТУ ИМУЩЕСТВА ХОДЖЕЙ ДВОРЦА, МАХРАМОВ И ШАГИРДПЕША

Каллиграф вечности, изображающий царскую монограмму, не вписал в книгу жизни никакой твари с вечным существованием; художник, изобразитель образов созданий, не начертал на поверхности возможностей ничего иного, как — *всякая вещь уничтожается, кроме его естества ³⁸⁷; портной из мастерской платья бытия не сшил ни одного костюма, не украшенного небытием, а расстилающий ковры во дворце судьбы не зажег ни одной свечи красоты, которую не погасил бы порыв ветра несчастья.

Стихи:

С тех пор, как судьба стала созидателем этого мира,
Никто не нашел ни одной веселой розы в саду жизни без шипов огорчения.
/247a/ На лужайке бытия розу жизни
Ранневесеннюю, стойкую против губительных заморозков, никто не нашел. [276]

Когда бессовестные эмиры и мятежные жестокие войска, сообразно коранскому стиху: *тех, которые убиты на пути аллаха, не считайте мертвыми ³⁸⁸, беспричинно убили государя, тень аллаха, сделав его мучеником, и достигли своей нечестивой цели, — у них исчез из мысли дьявольский страх [перед убитым ханом] и они начали по-своему наводить порядок и чинить расправу. Сорок человек из этих негодяев, надвинув до бровей чалмы с ядоносным жалом, стали посещать царскую аудиенц-залу. Мир Хусейн джуги, по происхождению своему принадлежавший к аймакам, прозывался “преестественным плутом”; этот лжец обманом выдал себя за потомка пророка и, считая себя за главу [народности] джуги, претендовал на самую первую роль [в государстве]. Этот бессовестный, похваляясь своим гнусным деянием и мерзким поступком, [как убийство государя], требовал за это поощрения, всячески добиваясь, чтобы его сделали шейхулисламом или накибом. [Вообще] каждый из этих еретиков, как ворон или коршун, [алчно] искал [себе добычу]; /2476/ [все они], как маленькие зверьки с серебристыми хвостиками, виляли своими хвостами; подобно дрофам распускали свои подолы и, похваляясь: “мы это сделали, мы то устроили!”, требовали себе награды. Терраса аудиенц-

залы [хана], привыкшая к мелодическим голосам соловьев, теперь огласилась каркающим вороньем.

Стихи:

Я вижу веранду дворца, лишённую светлого месяца;
Я вижу луг, лишённый стройного кипариса.
Вместо чаши с вином [сюда] слепые поставили жаровню с углями;
Вместо звуков цимбал и флейты раздаётся карканье ворон и воронов.
В том месте, где пребывал государь с подругами-красавицами,
Поселились волки и лисы, нашли приют вороны и галки.
Вместо солнца стали тучи, вместе сахара — яд;
Простой камень заменил собою жемчуг, а колочки — лилии.

Презренный Джавшан, который был источником всего происшедшего, получил должность верховного кушбеги и важное отправление дел инака. Перстень Соломонов попал [таким образом] в руки сатаны. Своих детей и родственников, наделённых дьявольскими свойствами, он сделал исполняющими разные обязанности при государевом дворце. [277]

Кабули, хищный тигр, пожирающий собак, Табарои захватил /248a/ должность великого михтара. Абдулла кушбеги, это фальшивый человек, видя такие странные дела, взволновался и считал, что лучше умереть, чем жить; он раскаиваясь [теперь] в своем недостойном поступке и в своих неблагоприятных действиях, погрузился в пучину ошеломленности; его руки и ноги дрожали и он говорил: “Что сделала судьба! Какой обман совершило небо! Прежде чем поразил безжалостный кинжал Убайдуллу хана, я готов был подставить свою грудь тысяче кинжальных ударов, лишь бы он стал невредимым. Увы, я не знал этого! У меня в сердце [теперь] одна мысль, почему я не был убит у его ног! Куда я денусь [сейчас] с таким бесчестьем? На что нужна мне [теперь] жизнь?” — Мир кушбеги думал, что после Убайдуллы хана Абулфайз султан даст ему большое продвижение по служебной лестнице; когда же он узнал о возвышении Джавшана, то понял, что близок момент, когда он отправится вослед Убайдуллы хана; при этой мысли он погрузился в глубокое раскаяние.

Стихи:

К чему теперь раскаиваться, когда дело совершилось!
Сожаление [тоже] бесполезно!

/248b/ Действительно, то, что представлял Абдулла ходжи, то Джавшан сохранил в памяти: по расположению Ма'сума аталыка [Абдулла ходжи] получил назначение в Чарджуй. Туракули, который был в общем участником не столь длительной жизни [хана], тоже отправился в Чарджуй вместе с Абдуллой ходжи. Что касается бунтовщиков из высокого арка, то, освободившись от иностранцев, они по-своему забили в литавры и затрубили в трубы; они потребовали от [Абулфайз] султана, чтобы он пожаловал подарками от казны командный состав и рядовых армии в том предположении, чтобы сделать своею добычею птичку сердца этого сословия через приманку ее зерном ласки. Однако, сколько в казне не искали [для этого денег и вещей], ничего не нашли, потому что все было разграблено. Поневоле пришлось найти выход из этого положения: предприняли поход против главного евнуха гарема и всех тех, что были близки к его величеству, хану-мученику, взяли в подозрение и стали чинить им несправедливости, как это свойственно тиранам, — [278] /249a/ накладывая на них штрафы и грабя их. Одних взяли в добычу словами, других притеснением. Поскольку военные в эти времена пострадали от тирании и жестокости [придворных], то теперь, воспользовавшись моментом, они не

удовлетворились присвоением имущества этого сословия, а посягнули на самую жизнь [ханских слуг]. Удовлетворяя свое сердечное желание, [военные] полностью осуществили в отношении дворцовых чинов то, что задумали. Эти несчастные махрамы и [дворцовые] слуги заплатили им ценою своей крови, более дорогою, чем цена всего того, что ими было за это время приобретено. Спасенья же они ниоткуда не видели. Узбеки, опьяненные грабежом имущества дворцовых слуг, — опять повторю, грабили своих жертв по нескольку раз, — в конце концов удовлетворились лишь их смертью.

Стихи:

Таков всегдашний обычай голубого небесного свода:
Когда он видит [у кого-нибудь] веселье, то приносит [ему] бедствие
Если бы роза была свободна от шипов,
То в мире всегда было бы наслаждение [жить];
В этом старом доме нашей жизни было бы хорошо, /249б/
Если бы меньше было горестей и страданий.

О ТОМ, КАК УВЯЛ БУТОН В РОЗОВОМ ЦВЕТНИКЕ ГОСУДАРСТВА АБДУЛЛА СУЛТАН, СЫН УБАЙДУЛЛЫ ХАНА, ПОД ВЛИЯНИЕМ ГУБИТЕЛЬНОГО ОСЕННЕГО ВЕТРА СУДЬБЫ, [ПРОНЕСШЕГОСЯ] В ЭТО ВРЕМЯ.

Когда рука предопределения всемогущего царя дописала тетрадь жизни Убайдуллы хана, то по прошествии одной недели после убийства достохвального и стяжавшего милость божью государя те злодеи-тираны признали за благо [покончить и с его сыном]. Дорогой ребенок хана-мученика, по имени Абдулла султан, был совсем младенец, не видевший света, у которого губы еще не были обмыты от [материнского] молока и в отношении которого нельзя было применить значение коранского стиха: *если кто захочет, чтобы кормление грудью было законченное ³⁸⁹. Иначе говоря, эта сережка правительственной власти и миродержавия, этот бутон розового цветника счастья не успел распуститься вполне, как был [279] с корнем вырван; этот кустик сада мирообладания, еще не понюхавший весенней росы, уже увял под действием несчастья от пронзительного осеннего ветра судьбы; эта единственная жемчужина моря покорения /250a/ вселенной, совершенно выделившаяся из [родной] раковины, была быстро и даром отдана водолазом положенного ей времени ангелу смерти.

Стихи:

Увы! Лепестки едва распустившейся розы
Уже осыпались под холодным ветром осени.
О горе! Корень розового куста веселья подрезан.
О какая тоска! Плодоносящей ветви радости не осталось
О сердце, испусти вопль! Покой души ушел.
О глаза! Восплачьте кровавыми слезами, ибо погас свет очей.
Был один (лишь) бутон из того розового куста мироукрасительного сада,
Которого в круговороте [времен] ты помнишь под именем Абдуллы второго.
[К нему] отнеслись беспощадно: этот Езид вырвал тот бутон с корнем.
Увы! Опять вопли [жалости] объяли правоверных!
Боже! Ниспосли беды на головы этих тиранов
И пребольно поразил их несчастьями гнева [своего] всемогущества!

Этого царевича закопали в землю вместе с его матерью.

ОБ УБИЙСТВЕ МИР ХУСЕЙНА ДЖУГИ И О КОНЦЕ ЕГО ЖИЗНИ

/2506/ Острозычное перо, придя в движение по поводу конца того зачинщика, невежды и завистника, [Мир Хусейна джуги, у жены которого], *на шее будет ветвь из пальмовых волокон ³⁹⁰, таким образом рассказывает. Этот джуги, друг Абу Джахля и товарищ Абу Лахаба, иначе говоря, этот непомерно заносчивый [человек], гордившийся своею ложью, теперь [оказался в таком положении], что его гнусные дела и поступки указывали на бесполезность его происхождения.

Стихи:

Отвратительные качества не свойственны человеку с хорошей репутацией,
Мужчиной не будет женщина, если ее назовут Хайдаром ³⁹¹.

Этот еретик, похваляясь своим злодеянием, домогался того, чтобы стать ему в этом государстве шейхулисламом или накибом. Лучшая часть народа, в глазах которой этот вредный соблазнитель казался **[280]** [ядовитым] скорпионом, подняла громкий протест против таких невозможных его домогательств, воздела руки к небу и громогласно возопила: *господи наш, не возлагай на нас того, что нам не по силам! ³⁹² и стала просить всемогущего и мстительного царя покарать этого негодного неверующего по слову: *не думай, что аллах не внимателен к тому, что делают нечестивые ³⁹³, они скоро узнают, какая будет им участь, когда *они получат свою участь ³⁹⁴.

/251a/ Они только и думали, каким бы способом отправить в ад этого безбожного еретика. И вот истинно всемогущий творец всех тварей в непродолжительном времени устроил по слову своему: *отплатой за зло пусть будет соразмерное ему зло ³⁹⁵. [Хусейн джуги] был повешен своими друзьями.

Стихи:

Всякое питье, которое ты заставлял пить других, ты [в конце концов] выпьешь сам.

Этот вредный смутьян уподобился проклятому черноризцу фараону в отношении Моисея, собеседника аллаха, глупому Немвроду по отношению Авраама, друга всемилостивого, Абу Джахлю по отношению Мухаммеда, верного посла господня, и преступному Езиду в отношении в бозе почившего мученика имама Хусейна. Говорят, что в месте повешения лицо этого проклятого отвернулось от киблы и повернулось на север, к аду.

Стихи:

Ты делаешь зло и рассчитываешь получить добро,
Возмездием же за злой поступок не бывает добро.

Абдулла шейх, этот сбившийся с пути человек, происходивший из **/2516/** податного населения харохара и ложно выдавший себя за потомка [суфийского] шейха в целях избежать уплаты государственных податей, в происшедшем перевороте был единомышленником и соучастником Мир Хусейна [джуги]. [Теперь] этот бесчестный человек, узнавши о всем [потом] происшедшем, сумел так [хорошо] исчезнуть, что никто не видал [больше] его признаков. **[281]**

Стихи:

По зависти убили государя эти два неблагодарных [человека],
Они были единомышленниками и обрели очаг коварства.

Во мраке ночи, употребив все свои усилия,
Стрелою хитрости они расщепили волос [своего] намерения.
[И когда] их [зло]деяниями осуществилось убийство шаха,
Они нашли возмездие за свое дело.

Из сорока человек [заговорщиков], т. е. из тех, что искали жизни государя, каждый имел в своей грязной мысли что-либо получить [за свое участие]. И каждому [главарю заговора] дали по одному старому платью стоимостью в один саван и плюнули в бороды этим еретикам; кроме проклятия, ничего они себе не прибавили, в базарных рядах этим злодеям посыпали головы сухим лошадиным пометом, возглашая: “Вот награда за ваш поступок, поскольку вы были помощниками и /252a/ пособниками убийц государя!” Во всяком случае, то, что взяли на свою ответственность эти презренные, то их и постигло, по точному смыслу коранского выражения: *они вкусили пагубу своих дел, и последствия дел их были бедственны ³⁹⁶.

Стихи:

Есть дерево возмущения против [своего] благодетеля,
Которое плодоносит погибелью и огорчениями.
Кто посадит [от такого дерева] отросток, плодоносящий бедою,
Тот уже больше не увидит [себя] с веселым лицом.

О боже, убийц сего покойного государя с их помощниками и соучастниками ты [несомненно] сделаешь пленниками того, что сказано в твоём предвечном слове: *соберите беззаконников, товарищей их ³⁹⁷, *на лютую для них муку ³⁹⁸.

Проклятие аллаха на убийце милостивого государя-мученика и на помощниках и на пособниках [его], клянусь святостью пророка, его семьи и всех сподвижников его! Аминь.

ОБ УБИЙСТВЕ СЧАСТЛИВЫХ ХОДЖЕЙ ХОДЖИ ДАВЛАТА САРАЙИ И ХОДЖИ НИХАЛЯ И ИХ ОТПРАВЛЕНИИ В ВЕЧНЫЙ ПОКОЙ ИЗ СЕГО ДОМА НЕСЧАСТЬЯ И ОГОРЧЕНИЯ

Ходжа Давлат и Ходжа Нихаль сарайи, которые были /252a/ приближенными царского дома и лицами, облеченными доверием гарема [282] государева дворца, выделялись из всех придворных благочестием и набожностью, и [вот] воля единого вечного и непрестанно существующего потребовала, чтобы эти старые слуги по чувству преданности поспешили во след за своим господином. Ибрагим диванбеги не получил [своей] доли из грабежа [ханского добра], и зловещий Джавшан, считая, что ему* надо дать его долю, послал к диванбеги [этих] двух искренне веровавших ходжей. Несмотря на то, что он два раза секвестрировал их имущество, все же из того, что потом забрали у них, было столько наличности и вещей, что диванбеги, [что называется, весь] стал засыпанным этим. Ходжи поняли, что желательный [им] листок упал с ветви их счастья и бедствие посыпало их головы землею унижения, что они больше не жильцы на этой земле. Естественно, что обратившись с мольбою к преславной Мекке, — да увеличит аллах почет ее! — они доложили эмирам, чтобы те дозволили им отправиться в священную область Мекки, дабы, потеревшись о благословенный порог [Меккского храма] своими черными [опозоренными] лицами, сделать их белыми. Так как меч вечного руководства стал путеводителем их [жизненных] /253a/ обстоятельств, то ходжи получили милосердный приказ: “Войди в среду слуг моих, войди в рай мой!” ³⁹⁹ Эмиры согласились на просьбу ходжей. Ибрагим диванбеги приказал одному из своих людей, Араб есаулу, проводить ходжей до Аму-Дарьи. Когда они доехали до местности Шор-Куль в Каракуле, то бесчестный Джавшан, найдя предлог и обещая слепому Араб есаулу государственную

должность, между прочим, написал ему, чтобы, не доезжая до берегов Аму-Дарьи, он прикончил ходжей. Этот слепой, нравственно испорченный осел, в надежде на получение [обещанной] должности [400](#), с корнем вырвал ростки жизни этих богатых ходжей; пересекши безжалостным мечом нити их жизни, он сделал их мучениками.

Стихи:

О, как прекрасна жизнь с добрым именем и смерть в мученичестве!

*Мы во власти аллаха и к нему возвратимся! [401](#) [283]

[Не все ли равно, где умереть], на миру ли или в подземелье:

Поскольку ты смертен, ты в конце концов опять [превращаешься] в землю!

Ослепленный Араб [есаул] из-за мирской должности, которую ему /253б/ обещал Джавшан, подобно проклятому Шимру [убийце Хусейна], стал лишен [вечного блаженства в будущей жизни], а вместе с тем, приняв ответственность за жизнь этих невинных людей, он стал мишенью упреков и укори́зн диванбеги.

Стихи:

Видел ли ты, что сделал [этот] слепенький осел?

Он перенес обиды, а другой — золото [402](#).

Мученики-ходжи в своем суфийском служении были учениками убежища духовного руководства, сферы иршада и осведомленного о [высших] истинах, святейшего ишана, шейха Хабибуллы, — да приветствует его аллах! Святейший шейх, убедившись в зрелости [суфийской] покорности ходжи Давлата, выдал ему диплом на право быть самому шейхом — руководителем. Рассказывали, что на месте убийства ходжей было явлено чудо ходжею Давлатом. Случай этот был таков. Слепой Араб [есаул] и посягавшие [на жизнь ходжей] из-за их имущества и верховых и вьючных животных, бывших с ними, в том месте старались всячески мучить ходжей. Некто, происходивший из деревень Каракульского района, был там и получил задание мучить ходжу; этот прохвост настолько сильно скрутил несчастного ходжу, что тот так /254а/ закричал, что, казалось, вопль его дойдет до самого неба. Ходжа сказал: “Пусть сгорит твой дом! Что я тебе сделал, что ты так грубо осмелился поступить?!” И в ту ночь дом этого злосчастного сгорел до тла, его соседям же огонь совершенно не причинил вреда. Этот случай известен со слов Аюб ходжи из Каракуля. Убийство ходжей произошло в месяце рабиуссани, спустя три месяца после убиения государя-мученика [Убайдуллы хана], в тот же год. Дата — хронограмма мученической смерти Давлат ходжи такова: [284]

Стихи:

Пусть останется в конце концов в мире от этого насилия жестокость.

У каждой улады бывает [своя] печаль, после каждого вкусного блюда бывает пресыщение [403](#).

Полон яда приготовленный стол, наполненный кушаньями этого дольного мира;

Каждый, кто вкушает от него много или мало, становится больным.

Он [поэт] сказал дату [смерти] полного ума Ходжи Давлата [в словах]:

Убитый мученик в [эту] эпоху — *этот счастливый ходжа [404](#).

**ОБ УБИЙСТВЕ И НАКАЗАНИИ [ЗА ЗЛОЕ] ДЕЛО ЗЛОВЕЩЕГО ДЖАВШАНА,
ЕГО БРАТЬЕВ И САЛАХ ИБРАГИМА И О ПРИСОЕДИНЕНИИ ИХ К
ПРОКЛЯТОМУ ШИМРУ.**

/2546/ В месяце джумадиулаввале 1123 года ⁴⁰⁵, когда Джавшан освободился от страха, охватившего его нечистое существо, словом, после убийства хана-мученика, он, видя высокий арк свободным от иноземцев, решил занять ханские покои и [потому] протянул во все стороны свои мерзкие руки. Он забрал все, что было в казначействах [арка] из золота, серебра, платья, материй, дорогих халатов и т. п., что оставалось за это время на память славному хану-мученику от [предшествующих] благородных царей и великих государей.

Стихи:

К чему сокровища, которые собрали? Другой их взял.
К чему перенесенные беспокойства и страдания?
[Ведь другой успокоился] за их счет.

Не удовлетворившись этим, этот оскорбляющий сердца тиран простер руки насилия и злодейства на имущество и достояние евнухов, махрамов и сборщиков податей. И, подозревая их всех в дурных /255a/ замыслах, отнял все у них. В конце концов дошел до того, что имущество мусульманина, имевшего хотя бы малое отношение к государю-мученику, он приказывал отнимать. Наконец, он не остановился на этом произволе. Стараясь о разрушении основ семейства людей почтенных и с хорошей репутацией, он прилагал усилия к разглашению о них всяких [285] [чинимых ими] несправедливостей. Его расправа с людьми дошла до того, что затмились времена правления Ибн Зияда и жестокого Хаджаджа, например, если он слышал хотя бы одно слово, не нравившееся ему, одинаково предавал смерти [виновного], а семью и достояние [его] уничтожал. Семейства, [до того] бывшие высокими, он делал низкими.

Стихи:

Скверный характер, укоренившийся в природе человека,
До самой смерти остается в нем.

В течение нескольких дней банда низких людей диким образом соединила цветущую поверхность жизни [людей] с подземельем смерти. Особенно досталось сборщикам податей, шагирд-пишаям и прочим служащим государя, кои по ночам, постеливши постель покоя, дрожали за свою жизнь, как языки поднимающегося кверху пламени, [думая], как /255b/ бы им сохранить до следующего дня от ножниц расправы Джавшана нить своей жизни.

Двустиишие:

В его время день для людей превратился в ночь,
Ночью же, страшась его, люди теряли сон.

Хвала аллаху! Сила ярости и зверские свойства этого тирана так свладели человеческими душами, что некоторые из его гнусных качеств ни в какой мере не получили удовлетворения. Сборщики податей и дворцовые служащие всякий раз, как шли к Джавшану по тому или другому делу, дрожали, как плакучие ивы, или содрогались подобно ртути и читали молитвы или привязывали на себя талисманы, предохраняющие от несчастья.

Стихи:

От множества насилий жестокосердого тирана
Из груди людей из конца в конец пронесся вопль.

Этот еретик ввел [никем] не признанные новшества и насадил другие пути и обычаи. Этот заблудший дерзко входил в интимные комнаты государева гарема, куда никому и в голову не приходило /256a/ проникнуть, и никто не мог ему воспретить этого. Его высокомерие и надменность достигли такой степени, что эмиры и военные боялись одного сурового его вида, и ему пришла мысль отправить несколько именитых [286] эмиров к государю-мученику, чтобы, следуя примеру Махмуд бия аталыка ⁴⁰⁶, сделаться ханом. Хотя этот лицемер с большими усилиями посадил на престол сейид Абулфайз султана, погубив [много] человеческих жизней, он все же не считался с ним и никого знать не хотел, кроме себя; власти Абулфайза он не придавал [никакого] веса и с его приказаниями не считался; себя он сделал верховным кушбегием, а своих недостойных детей и близких возвел на разные высокие посты. Он управлял с таким произволом из государева дворца, что казалось, будто перстень Соломона попал в руки сатаны. Жизнь [Абулфайз] султана /256b/ была очень стеснена и он нуждался в необходимых средствах для своего существования, так что государь оказывался ни в чем не вольным. Естественно, что у [Абулфайз] султана закралось в сердце против Джавшана неприязненное чувство, феникс [его] правления стал печальным от бесед с [тем] зловещим филином, а высоко взмывающийся сокол государства вышел из себя от общения с этой песьей мухой.

Однажды государь, тяжело вздохнув, открыл Ма'суму аталыку [свое недовольство Джавшаном] за заносчивость этого дьяволоподобного Аримара. Аталык, посадивший в садике сердца своего деревцо вражды к этому злобному развратителю, только и ждал [этого] момента. Он понял, к чему говорил ему это государь и, сказавши: “слушаю и повинуюсь!”, поведал эту тайну своим друзьям; они, ахнувши, сказали:

Стихи:

“За эту весть вполне допустимо пожертвовать нам своею жизнью,
Потому что подобное радостное известие является упоением нашей жизни, даже [мало того], это
благодетельное решение послужит причиною спокойствия мира”.

Стихи:

/257a/ Лучше [иметь] пристыженным раскольника-царя,
Лучше [иметь] низкорожденного Джавшана с оторванной головою.

Разумеется, эмиры оказались единодушны в необходимости схватить этого неблагодарного негодяя. Потребовавши его из его дома, который был ему могилой, в помещение аталыка, они схватили его в наказание за его поступки вместе с его братом Салахом. Привязав к шее руки этого могучего человека, эмиры первым делом, для примера, отправили его в тюрьму. Подвергши там многим пыткам этого безбожного [287] Немврода в целях нахождения [взятой им] личной государевой казны, его [потом] вместе с братьями, Салахом и Ибрагимом, подобно баллистам, повесили за шею согласно коранского изречения: *отплатой за зло пусть будет соразмерное ему зло ⁴⁰⁷, отправивши его в геенну огненную со всеми ее бедствиями, каковое обиталище он сам себе избрал.

Стихи:

Тот, кто предпринял насильственные действия,
Он [тем самым] положил оковы на свои руки и ноги.
Сколько времени он гордился собою,
И судьба в конце концов свалила его с ног.
Всякому, обнажившему кинжал для насилия,
Небо тем же кинжалом отхватит голову.

/2576/ Кто не устроил наковальни с крепкой поверхностью,
У того кузнечный молот не в состоянии бить по ней надлежащим образом.

Кто делает то, чего он не находит? — Иди [всегда] вослед тому, что держишь в своем уме!

Известно, что в конце концов жестокость и несправедливость тиража над угнетенным им приводит [насилъника] к божескому наказанию, и заключительным аккордам его угнетения являются муки и кары в том мире. Возмездием за неблагодарность служит *жестокая мука [408](#), согласно арабскому выражению: разве не удалил всемиловитый от неблагодарного благо?

Стихи:

Вина, падающая на бунтовщика за мятеж,
Знай наверняка, та же, что падает на нечестивца за [его] неблагодарность.

Говорят, что этот низкий человек имел [родственное] отношение к Мухаммед-кули-хану — убийце и являлся в тридцать девятом поколении потомком [убийцы имама Хусейна], Шимра, *одетого в кольчугу [409](#). Могилу этого нечестивца, тесную и темную, куда его бросили, городское и сельское население отметило тем, что бросало на нее камни, проклидало [покойника] и поносило [его].

Стихи:

/258a/ Кто в мире натянул лук тирании,
[Разве тот] не сделался мишенью для стрелы вечного проклятия? [\[288\]](#)

Действительно то, что из его могилы поднимался смрад и голос: “Я сгорел!” и восклицание: *войдите в огонь! [410](#) достигало до слуха детей злочестивца и [всех его] близких. Джавшан, этот враг [царствующего] дома, думал, что скакун судьбы до дня страшного суда оставит у него в руках поводья могущества и воли, чтобы управлять ими по своему желанию и усмотрению. Это служит доказательством того, что у судьбы есть много своих причуд, так что она за короткое время бросила камень неожиданного разлада в стекло дома его благополучия. Да, всякий порядок, противный основному принципу, долго не остается; всякое здание, фундамент которого зиждется на ветре чувственных страстей, скоро разрушается.

Стихи:

Что могут сделать чары фараона при [их] призрачном волшебстве,
Когда [Моисей], собеседник [аллаха], берет свой чудодейственный посох? —

Несколько стихов доказывают суждения о том незадачнике.

Стихи:

У кого нет в природе благородства,
Неудивительно, если он оказывается низкого происхождения.
Дурной раб, низкорожденный черкес,
/258б/ Не стыдится своих скверных поступков.
Когда он возвышается в [своем] достоинстве через благополучие своего государя,
Он извлекает из ножен коварства меч уничтожения. Палач, он убил своего благодетеля!
Не надейся же получить от подобного человека спасение: Он дерзко убил государя,
Убили его по божественному предопределению,

Как хорошо написал тусский красноречивец [Фердавси].
О дерево, плоды которого от природы горьки ⁴¹¹,
 Запомни наизусть эти слова,
Потому что они действительно более всего сюда подходят.
Что мне сказать об этом [человеке], поступками подобном бесу?! [289]
Из поколения в поколение передаются привычки [и обычаи].
 Не любуйся дурными жемчугами:
 Змееныш делает то же, что и большая змея.
 Когда у раба бывает подобный [скверный] нрав,
 То пусть ничье око не видит лица его!
Не буду больше упоминать об этом негодном человеке,
 Лучше, если я сокращу о нем речь.

Хвала аллаху и благодарение! В конце концов дни этого безжалостного злодея убийцы хана кончились и основы коварства и обмана этого мерзавца разрушены; он отправился в преисподнюю по милости /259a/ всемогущего и отомщающего [аллаха]. — Сборщики податей, несчастные шагирд-пишеи царского дворца, были очень довольны [злым концом Джавшана], а народ, который был так напуган всем злом, которое излучал на него тот нечестивый мятежник, [теперь] получил от него освобождение.

Стихи:

Недалеки от здравого смысла такие слова:
 Тюрьма врага не лучше, чем могила.
Джавшана, - голова которого да будет отрезана от тела! -
 Господь да лишит его упования на саван!
Государь, успокоивший своим правлением мир,
 Отрубил той собаке голову.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

О ГОРОДЕ МИРА БУХАРЕ И ИЗЛОЖЕНИЕ ЖИЗНЕННЫХ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ ВЕЛИКИХ ТЕОЛОГОВ, МИЛОСТИВЫХ ШЕЙХОВ, ЗНАМЕНИТЫХ ПОЭТОВ И ТАЛАНТЛИВЫХ УЧЕНЫХ ВСЕХ [ВИДОВ] ИСКУССТВА, КОТОРЫЕ [ПРОЦВЕТАЛИ] В МАВЕРАННАХРЕ ВО ВРЕМЯ ПРАВЛЕНИЯ ГОСУДАРЯ- МУЧЕНИКА.

Пишущий эту превосходную по своим достижениям в науке и искусстве картину и составитель этого, отмеченного изяществом, очерка, будучи компилятором и собирателем материала с гумна талантливости и совершенства историков, говорит следующее. Однажды ночью я /259б/ погрузился у себя в спальне в раздумье и из сил выбился, странствуя в пуетыне размышления, каким бы мне образом закончить этот труд. Как вдруг от вдохновителя из потустороннего мира на меня снизошло осенение по смыслу [арабского изречения]: заключительная часть — в добром деле — упомянуть в заключение о великих мужах веры, кои суть [290] великие теологи и уважаемые [суфийские] шейхи. Поэтому я приступил к изложению данных об этом высокопочтенном сословии, каковое изложение является наиболее превосходным из упоминаний [о них]. Естественно, что [мое] благоуханное перо стало испускать счастливый аромат слов для упоминания тех великих людей, кои жили, по повелению всемилостивого [аллаха], в царствование достохвального государя-мученика. — его величества, сейид Убайдуллы Мухаммед бахадур хана, — да почиет на нем милость и благоволение [аллаха]! — и большинство которых пишущий сие знал и бывал при них.

Да будет известно мироукрасительному мнению идущих путем божественного промысла и разрешающему трудности разуму уникальных представителей областей

искания истины, что государство Мавераннахра, особенно чистый и прекрасный город Бухара, от времен минувших людей и прежних дней искони являлся местопребыванием великих теологов, достопочтенных шейхов, [местом] собрания уважаемых ученых и писателей, рассыпающих перлы своих талантов, которым /260a/ суждена блаженная кончина. Бухара является территорией, в которой земля, благодаря своей исключительной чистоте, подобна рукаву св. Марии; мелкие камни ее вод по своей чистоте более лучшей воды, чем сердолик и яхонт; сладость ее источников и рек, в высокой степени чистых, определенно вызывает ревность в сердце прочих вод; ее прекрасный умеренный климат, подобно чудодейственному дыханию Иисуса, способен оживить столетних мертвецов.

Четверостишие:

Темнота ее кажется синего цвета;
Ее воздух по своим качествам подобен живительному зефиру;
Утренний ветерок способствует произрастанию в ее земле свежей райской зелени;
Воздух скрывает в ее водах сладость райского источника Кевсера.

Она — область с таким [достойным] обществом людей, о которых никакое ухо мудрых людей не слыхивало. Она — государство, отмеченное таким всеобщим признанием [ее достоинств], подобного которому око старца-мира не видело нигде на поверхности земли, несмотря на то, что оно много веков [подряд] следило за вращением вселенной. Обитатели этого священного города твердо и искренне идут широкой дорогой по закону лучшего из людей, — да будет ему мир и привет! [291] Население этой благостной страны в отношении охранения сферы ислама /260б/ и крепкой веры во всем мире [является] знаменем; разного рода ученые, не находящиеся в странах с большими городами, имеются в ней разных специальностей, какие только можно пожелать; различные остроумные и красноречивые люди и искусные мастера, подобных которым в других странах и областях даже и в единственном числе невозможно сыскать, здесь многочисленны. Ясное указание на это мы имеем в словах сладкоречивого попугая потустороннего мира, Ходжи Хафиза Ширазсага:

Двустиишие [арабское]:

Приличествует человеку почет и уважение,
Раз он является обитателем Бухары.

О ГОСПОДИНЕ, УБЕЖИЩЕ РУКОВОДСТВА В ИСТИННОЙ ВЕРЕ И В СФЕРЕ ИРШАДА, ОБ АХУНДЕ МУЛЛЕ ОСМАНЕ.

Благоуханное перо [пишущего эти строки] приемлет смелость первым делом упомянуть ту благородную личность, скрижаль ароматных воспоминаний о которой является местом запечатлений истин божественных творений, поверхность ее светозарного сердца служит местом нисхождения беспредельных озарений [божественными] милостями, сокровищница же груди полна сверкающих перлов науки; в его счастливом внутреннем тайнике сложены разного рода таланты.

Четверостишие:

О ты, бросающий венец на [головы] людей, руководящих истинною верою,
В твоём море одна капля является океаном волн,
Подобно блистанию утреннего света во мраке ночи,
/261a/ Вселенная нуждается в блеске свечи твоего лица.

Точка в списке свитков вечного духовного руководства, ключ, открывающий начало книги предвечного, сфера суфийского водительства, отмеченный святостью вождь высокославных шейхов, советник многих известных государей, учитель идущих путем тариката, [богато] разукрашенный ковер целого ряда страниц запечатленного счастьем времени, луг, [испещренный] узорами постановлений слова всепрощающего царя, личность, к которой обращено счастье, то есть великий господин, [отмеченный] степенью святости, поучающий чтению чтецов корана [своей] эпохи, благосклонно принятый в чертоге царя мздовоздателя, ахунд мулла Осман, которого долгие годы искренне преданные [292] [благочестию] и верующие люди называют верным и вполне соответствующим истинному и правому пути веры, сохранил в своей памяти Коран со всеми [закрывающимися в нем религиозными] постановлениями, запечатлев его в своем сердце столь же неизгладимо, как узор на камне. Будучи постоянно занят чтением слова аллаха напевным порядком, он никогда не был свободен от прославления всевышнего творца. Все, стремившиеся изучить коранские постановления, собираясь вокруг его благородной персоны, становились участниками и получающими удовлетворение во всех науках умозрительного и повествовательного характера. /261б/ во всех выводах [из них] и во всех [их] принципах. Этот чистый сердцем муж с самого начала и до конца [своего жизненного пути] вспомоществуемый господом, шел по широкому пути шари'ата и следования заповедям святейшего и лучшего из людей, являющегося величайшим чудом, [пророка Мухаммеда]. Его величество, [покойный] государь, тень аллаха, чувствовал к этому святому мужу такое расположение, что приглашал на большинство своих благородных собраний, получая [большую] пользу для себя из его советов, увещаний и знаний, пока неожиданно-высоко взлетающий Феникс, его чистая душа, не отправился в обители милосердия царя славы, сопровождаемый приближенными чертога единого всевышнего. Чудеса, проявленные этим великим [ахундом, Муллой Османом], многочисленны.

О ЗНАТОКЕ ШАРИ'АТА, ВЕРХОВНОМ СУДЬЕ ЭМИРЕ ШИХАБУДДИНЕ, — ДА РАСПРОСТРЕТ ВСЕВЫШНИЙ АЛЛАХ НАДОЛГО ЕГО ПРАВОСУДИЕ НАД ГОЛОВАМИ [ОБИТАТЕЛЕЙ] МИРА!

Так как удовлетворяющий нужды всех тварей и создатель высоких степеней [среди людей] проявил свою священнейшую особу и свое непорочное начало в ослепительном блеске шари'ата и во все /262a/ увеличивающейся блестящей общине верующих, то его величество, блаженной памяти, сейид Субхан-кули Мухаммед хан, великий родитель его величества государя, после кончины судьи эмира Насира пожелал, чтобы огород веры и воздух цветника пророческих постановлений восприняла новую зелень и освежение и были бы столь цветущи и приятны, что могли бы служить для ищущих большой дороги шари'ата и для разыскивающих долину тариката блестящим аргументом и ясным доказательством. Для осуществления сего большого дела [покойный государь [293] Субхан-кули], признал, что лучше и соответственнее, чем эмиру Шихабуддину, которому по праву наследства принадлежит должность судьи, согласно положения: наследство получается наследственным порядком. На этом основании его величество, в бозе почивающий государь, возложил на эмира Шихабуддина обязанности имама [соборной мечети столицы]. Упомянутый муж проявлял полное внимание и уважение к покойному государю, естественно поэтому, что последний, сделав [эмира Шихабуддина] имамом, после того [специальным] указом возвел сего князя потомков пророка в должность судьи [бого]хранимых областей. /262a/ Он стал, [благодаря сему], избранным среди равных себе. Когда же взшел на небовидный престол его величество, достоинством равный Соломону и степени Александру [Македонскому], победоносный государь [Убайдулла хан], то тем же порядком последовал новый [высочайший] приказ на имя господина убежища шари'ата, сообщавший ему новый блеск и значение.

Эта квинтэссенция равных ему являлся в науке единственным, не имевшим себе соперников; его вера и набожность вошли в поговорку; ни в каком случае он не пренебрегал истиною и справедливостью. И действительно, божественный шариат, благодаря его правосудию, получил такой блеск, какого он не имел ни при одном судье. Эта достопочтенная личность была красноречивою и гостеприимною; его милосердным и благодетельным столом пользовалось очень много народа. Этот сейид был старшим сыном покойного ишана казия, эмира Джалалуддина Хусейни. Эти сливки дома величия и предел семейства тех, кто при/263а/ надлежит к ходжам в своих отношениях и любви к богатым и бедным, к тем, кто приказывает, и к тем, кто получает приказания, был всегда одинаков и никогда не казался превосходящим и превосходным. Ему было поручено устранение с должностей мударрисов и мутеваллиев столицы ввиду проявленной им справедливости. Этот муж всегда обращался к людям с приветливым видом. Когда мера его жизни наполнилась, то неожиданно во исполнение велений судьбы, разрушитель всех наслаждений, [т. е. смерть], позвякал цепочкой в двери его покоя и птичка его души, услышавши голос: *о ты, упованием покоившаяся душа ⁴¹², выпорхнула из клетки его тела. *Подлинно мы — во власти аллаха и к нему возвратимся ⁴¹³. Время жизни сего достопочтенного мужа [294] достигло предела шестидесяти одного года; он приложился к дому божьего милосердия 22 рабиулаввеля 1122 года ⁴¹⁴. Он похоронен поблизости Шейхулалама ⁴¹⁵.

О ПАЛОМНИКЕ К СВЯТЫМ МЕСТАМ АРАВИИ, СУДЬЕ ЭМИРЕ АБУЛБАРАКАТЕ.

Происхождение сего сейида восходит к тому явлению, которое есть /263б/ плод древа абдалмутталибова семейства и ветвистое дерево отрасли рода хашимитов, кои были почтены господином величия [Мухаммедом] и получили признание в словах [пророка]: я не прошу у вас в отношении его ничего, кроме дружбы и близости ко мне — и кои были отмечены особым почетом через пожалование их словами: подлинно я оставил вам две сущности — книгу аллаха и мое уважение. Общеизвестно, что корень розового куста его благополучия, проросши глубоко под землею, [поднялся ветвями ввысь] и, пройдя через Плеяды, укрепил свои основания и разветвления, будучи вспомоществуем небесами.

Убежище вразумления, вместилище благодеяний, приют благожелательных отношений, сфера непрочности божественных ученых, умножающий украшения престола присутствующего [государя], знание всех благородных особ человеческой мудрости, побудитель к совершенствам чувственного порядка, проявление памятников учености, энциклопедичности и славнейших достижений в науках платоновского порядка, устроитель шариата и веры, святейший ишан, судья Эмир Абулбаракат, — да продлит аллах благословенный и всевышний возможность отправлять ему правосудие среди людей! — в начале царствования покойного государя-мученика занимался изучением наук в высокой мадрасе его величества Мирзы Улугбека под руководством ученых и превосходных мужей. [Там он выделился тем, что] во время диспута объяснял [спорные положения] ссылками на изречения пророка и вел /264а/ ученые речи неподражаемым языком, а не так, как это может обойти район изложения и письменной формы [обычное] перо. В разного рода науках и знаниях прикладного характера, в которых он был чрезвычайно сведущ и талантлив, он получал много для себя полезного и отрадного. После смерти судьи, эмира Шихабуддина, по смыслу положения — наследство получается наследственным порядком, а также и потому, что для замещения славной и благородной должности [судьи г. Бухары] [295] не было более достойного человека, чем этот муж, он был назначен 26-го рабиулаввеля 1122 г. ⁴¹⁶ судьей областей г. Бухары.

О КНЯЗЕ СЕЙИДОВ, ЧЕСТНОМ ВОЕННОМ СУДЬЕ, ЭМИРЕ ИБРАГИМЕ.

Убежище шари'ата, сфера правоты, разрешитель затруднений, различитель всех тонкостей, измеритель основных положений существа дела, связующий все повествуемое и умопостигаемое, заимствующий достохвальные и полезные озарения [науки], а равно — похвальные наставления [из божественного закона], блюститель нравственности и юрисдикции ⁴¹⁷ в судебных решениях по шари'ату, председатель собраний людей мистического пути, знающий [об уничтожении] своей самости, /2646/ видящий признаки принадлежащего к последователям [соловья созерцательной жизни], мавляны [Джелалуддина Руми], компетентный в познании настолько, что звезды его светозарного сердца являются светлыми восходами и фонарями сияний божественных истин, запечатление острых мыслей, изъяснение своих, прямо идущих к цели, мнений, светильник по пути веры, раскрывающий бесконечные трудности, разъясняющий значение [вещей] от начала до конца; тот, в отношении достоинства которого изречение святейшего пророка, да благословит его аллах и да приветствует: почти ученых, потому что подлинно они почтены аллахом, как нельзя более подходит; тот, у которого мышление разъясняющее трудности темных мест на скрижалях времени, занималось разрушением спорных научных положений; тот, обширный разум которого не просматривал ничего иного из примечаний к набело переписанным книгам, кроме данных по научным проблемам в дискуссионном порядке; этот сейид, [военный судья эмир Ибрагим], всякий раз, когда водолаз его мышления нырял в море идей, так много извлекал оттуда драгоценных жемчужин познания, что никакой иной водолаз не был в состоянии столько собрать их. Этот высокочтимый муж по своему происхождению принадлежит к сливкам домов великих сейидов и вместе с тем является квинтэссенцией семейства благородных ученых /265a/ [296] теологов. Его родиной является раеподобный город Самарканд; первые познания в науках он приобрел в этом же благодатном городе, а для более углубленного их изучения и приобретения навыков в диспутах он прибыл в прекрасный [город] Бухару, где получил от падишаха должность садра ⁴¹⁸; после переселения [в другой мир военного] судьи Абдуллы он удостоился звания [на его место] военного судьи. Этот муж был одарен [всеми] похвальными качествами, тонкостью природы, был приветлив в речах, прекрасен по [своим] поступкам и отличался остротой истинного ума. При своей многоучености и разнообразии талантов эта счастливая особа занималась религиозными проблемами, разрешением [разных] научных вопросов, шарад и [толкованием глубокомысленного] “Шабистана” ⁴¹⁹; он много обращался к слушанию исторических трудов; любил компетентных лиц [в той или иной области]; был прекрасным собеседником и воспитанным человеком. Слова: почтение к заповеди аллаха и милосердие его к людям аллаха — вполне подходят к нему, [как характеризующие его нравственный облик]. В самом деле, возведение его в должность судьи [г. Бухары], каковая является весьма важной ⁴²⁰, вызывалась самой необходимостью, но /2656/ неожиданно течение его судебной деятельности прервалось, потому что уполномоченный смерти так сильно постучался дверным кольцом в дом. того счастливец, что птичка души его быстро вылетела из клетки тела.

Стихи:

Не следует человеку много трудиться под этим бирюзовым сводом,
Так как в конечном итоге смерть не положит ему перед дверью багажа, чтобы он взял его в путь в тот мир.
Если бы ты в своем величии [даже] стал ногами на небо,
То в конце концов все же твое место будет под землею. [297]
Небо не устраивает человеку колыбели,
Потому что оно не устраивает ему потом и гроба.

Время жизни этого мужа было в пределах 53 лет; 15-го числа месяца шевваля 1127 г. ⁴²¹, соответствующего году Обезьяны, он приложился к дому милостей всепрощающего владыки. Похоронен под куполом мазара св. Шейхулалама ⁴²².

ОБ УЧЕНЕЙШЕМ ИЗ УЧЕНЫХ ТЕОЛОГОВ, ОБ АХУНДЕ МУЛЛЕ САДРУДДИН А'ЛАМЕ.

Основа истины, все заимствующий из шари'ата, знающий стадии познания и спиритуалистических знаний, шествующий по пути дальновидности и опыта, водолаз за божественными велениями, открыватель /266a/ завесы с белизны и черноты, меняло жемчужин тайн [божественных] наук, развязывающий узы затруднений и ловец всего разбросанного и приведенного в порядок.

Стихи:

О, как прекрасны рисунки идей твоего светлого разума,
Проявившиеся в общих и в частных научных результатах!
Полезное, сообщаемое тобою, — ключ, открывающий [скрытые] значения,
Твои слова есть большая дорога для выводов из основного положения.

этот отмеченный счастьем муж, упорядочивающий божественный правый закон, ученейший из ученых в мире ахунд Мулла Садруддин а'лам, принявшись за преподавание толкования на Коран, объяснений собрания изречений пророка, наследственного права и арабской грамматики с комментариями [достиг того], что все ученые и педагоги присутствовали на его собраниях, учились у него и из его уроков получали пользу. Все студенчество Мавераннахра в сфере его талантливых уроков, излагавшихся живо и занимательно, все время поучалось доброму и было очень довольным, потому что во время дискуссий и бесед он всем своим существом вел таковые повествовательно и по-научному, делая объяснения красноречивым языком, а не так, как это делает неповоротливое /266b/ двуязычное перо, стремящееся неудачно излагать и объяснять разные роды наук и дисциплин, потому что его совершенный талант был изощрен ученостью. Нет сомнения, что в настоящее время в Мавераннахре [298] подобный сему мужу человек если и найдется, то это будет редкостью. К нему обращаются из отдаленных областей за разъяснением сомнительных риваятов ⁴²³ и он очищает и освещает зеркало мыслей от [насевшей на него] пыли неясностей.

Стихи:

Все, что в области живописи зависит от изучения [ее],
То сердце в силах представить это.
Десять указаний заключены в одном его пальце
И сотня их в одном его кулаке.

Этот превосходный ученый в начале своей жизни получил образование в Мадрасе эмира... ⁴²⁴, в области Несеф, на своей родине, воздух которой столь же живителен, как [и чудодейственное] дыхание Иисуса. А потом его величество, покоритель мира, хан мучеников, стремившийся привлечь в Бухару все, что было более талантливо, отличил его из /267a/ среды его сверстников назначением на славную должность а'ламулулама ⁴²⁵. Этот путник по дорогам тариката, глубоко погружившись в море наук, доставляет заблудившихся в пустыне невежества и умственной: темноты к станциям осведомленности и знания. Впрочем, аллах наиболее осведомленный об истинах вещей!

О ГОСПОДИНЕ, САМОМ ЗНАЮЩЕМ ИЗ ЗАКОНОВЕДОВ, СЕИИДЕ БОЖЕСТВЕННОГО ЧЕРТОГА, ЭМИРЕ ХАБИБУЛЛЕ МУФТИ.

Он — основа шари'ата, знание тариката, убежище сейидского достоинства, сфера познания юриспруденции, ключ к открытию запоров божественных станций, светильник

собрания, все до тонкости взвешивающего и все до точки знающего, раскрыватель указаний, касающихся действительных положений наук повествуемых и умопостигаемых, [299] оценщик драгоценных камней истинных и общепринятых риваятов, общепризнанный превосходный ученый. Он происходит из цветника сейидского достоинства и благородства, он — кипарис из Джуйбара ⁴²⁶ изящества, благородство последствия дома величия и квинтэссенция семейства ходжей. Со стороны своего родителя он ведет свое происхождение от того проявления [лучшего из тварей], при посредстве бытия которого /267б/ Всевышний творец создал тварей и благородную личность которого украсил лучезарною печатью коранского стиха: ты высок по своим природным качествам ⁴²⁷. Через его благородную родительницу его род восходит к той святочтимой особе, которая была первым величественным другом святейшего князя пророков и которая подтвердила пророческую миссию его святейшества без требования со стороны последнего какого-либо чуда и которая есть “друг по пещере” ⁴²⁸, из чертога владыки величия он обратился с правдивым призывом и обратился к пророку Омара. Если бы подобное высокоответственное личное дело удалось бы кому-либо, то стало бы величайшею редкостью.

Несравненный эмир Хабибулла муфти в течение некоторого времени занимался преподаванием в высокой Мадрасе Абдуллы хана, имел много учеников, которые изучали у него право и грамматику, а затем, по смерти судьи Мир Ибрагима, получил от государя назначение преподавать в Мадрасе Джуйбар, но не успел приступить к преподаванию, как из библиотеки судьбы уполномоченная смерть постучала кольцом в двери его аудитории; птичка его души взлетела ввысь и присоединилась к общению с приближенными чертога величия в священных лугах рая. /268а/ Его жизнь продолжалась в пределах пятидесяти лет. 6-го раби-ас-сани 1128 г. ⁴²⁹ он был погребен поблизости [мазара] св. Шейхулалама.

О БЛИЗКОМ К ЧЕРТОГУ ВСЕВЫШНЕГО, СУФИ ДИХКАНЕ

[Он —] степень духовного руководства, заслуга в иршаде, самое совершенное проявление блеска абсолютного начала, ясность преимущества озарений, позаимствованных [от божества], сопутствующий сердцам и душам наблюдающих внутреннее состояние образов и [300] подобий, познавший связи тайного и явного, раскрыватель тайн как лично засвидетельствованных, так и общеизвестных, садовник садов проявления [истины] и мастер искусственных цветов в цветнике мысленного значения, — да продлит всевышний аллах тень его руководства над главами людей!

Эта степень святости по происхождению — бухарец; проживает на одном урочище, принадлежащем к туману Харкан-руд, имеет много муридов и последователей. Большая часть ремесленников Бухары дала ему, совершенному духовному наставнику, “руку желания [Истины]” ⁴³⁰. Он — прекрасный собеседник и приветливый человек. Устроив свою /268б/ жизнь в духе духовного руководства [масс], он обходит по большей части город и базары в сопровождении своих муридов и последователей. От сего великого мужа проистекли многие чудеса и знамения. Он имеет много детей и жен; его богатство и поместья — неисчислимы; основа материального благополучия сего мужа — земледелие и сельское хозяйство. Он чрезвычайно радеет о добрых делах и в данное время в Бухаре подобного ему современника не найдется. [Впрочем] лишь аллах всевышний самый знающий!

О ГОСПОДИНЕ, УБЕЖИЩЕ ШАРИ'АТА, СУДЬЕ ЛУТФУЛЛЕ

[Он] — собрание человеческого благородства и добродетелей, [он —] место устремлений великих людей, [исполненных] духовных совершенств, [он тот], ароматы

цветника непорочной природы которого вдыхает нос души, а мускусные зефиры его истинного ума проникают до глубины мозга. Этот муж в ранней молодости служил сначала при его величестве, величественном, как Джемшид, пышном как Соломон, государе, Абдулазиз хане, и под тенью его воспитания и милости сделался [сначала] молоденьким пажем, затем достиг того, что как молодая ветвь упований на цветник обладателей учености, благодаря сочащимся каплям из облака [милостей] упомянутого высокочестного государя, так возрос, что прошел через Лотос Крайнего предела, [произрастающий у престола /269a/ аллаха]. Он был отмечен красивою внешностью и характером, душевною чистотою и видом [какой-то] таинственности; был известен красноречием, добродетелями, прекрасною нравственностью и добрыми качествами. Во [301] дни высокого счастья имел всегда склонность и желание общаться с теологами и учеными; вся его энергия была ограничена исследованием [разных научных] проблем и приобретением основ и ответвлений наук. В паломничестве в Хиджаз его величества хана, паломника к двум священным городам Аравии, он был его искренним другом. После совершения обрядов хаджжа он вернулся в Бухару и несколько лет преподавал при мечети на своей улице; учащиеся, собираясь на его уроки, извлекали полезное из всех наук и обогащались знаниями, пока [ангел Азраил], принимающий души, не лишил этот непостоянный мир талантов и достойных уважения качеств сего мужа. Время его жизни было 66 лет; он приложился к божественному милосердию в 1117 году ⁴³¹.

ОБ УБЕЖИЩЕ ШАРИ'АТА, ВОЕННОМ СУДЬЕ АБДУЛЛЕ.

/269б/ Он был талантливый человек, не вызывавший никаких сомнений [в отношении своих достоинств], отличавшийся быстрою сообразительностью и живостью характера; был известен добронравием и большою скромностью. Этот муж, украшенный всеми науками и наделенный разного рода талантами, получил образование в Балхе у досточтимого судьи Абу Насра; по прибытии в Бухару к его величеству, убежищу халифского достоинства, этот кипарис при протокте талантливости вырос на лугу милости и внимания его величества, покойного государя. И всегда солнце милостей этого государя ярко освещало счастливую жизнь этого мужа. Счастье, сопровождаемое высочайшим благоволением к его стремлению, возвело его на высшие ступени величия и положения: он был удостоен должности военного судьи и включен в цепь великих и известных уважаемых бухарских ученых. Следуя всегда правилу: уважать повеление аллаха и оказывать милосердие народу аллаха, он всегда насаждал семена любви и расположения в садике сердец ученых, поэтов, благочестивых мужей, эмиров, бедных и народа вообще; он никогда и никого не /270a/ оскорбил никаким грубым словом и резким выражением; в разговорах был чрезвычайно приятен, красноречив и весел. Но неожиданно, повинувшись велениям рока, уполномоченный смерти так сильно постучал кольцом в двери покоев сего счастливого мужа, что птичка души его, испугавшись, выпорхнула из клетки его тела и направилась к гнезду вечности. Всевышний аллах [впрочем] наиболее осведомленный об истинах дел и вещей! [302]

ОБ УБЕЖИЩЕ ШАРИ'АТА, АХУНДЕ И СУДЬЕ ХАМИДЕ.

Он — раскрывающий указания на истины наук повествуемых и умопостигаемых, он — меняло жемчужин подлинных и общеупотребительных риваятов, он — кипарис при оросительном канале совершенного превосходства, славный и несравненный во всех науках. Риваят, казавшийся ученым законооведам слишком тонким по своему истолкованию, разрешался у сего мужа таким образом, как был написан им поразительный риваят относительно мятежа и возмущения Махмуд [бия аталыка]. Составив постановление о том, что этот проклятый [Махмуд] стал мятежником, он доставил его [Убайдулле хану] за своею печатью. Его /270б/ величество, государь-

мученик, во время покорения Балха, скрыв его на своей благословенной голове, овладел твердынями города. Этот превосходный ученый происходит из знатных людей хазары Сагарджа ⁴³².

После того, как мы покончили с жизнеописаниями великих ученых и достопочтенных шейхов, приступим к упоминанию сладкоречивых поэтов.

Просвещенным мыслям умных людей и проницательных мужей известно, что в прекрасном [городе] Бухаре и его окрестностях было столько теологов, ученых, благочестивых и святых мужей, что и сосчитать невозможно. Если бы пишущий эти строки постарался представить подвиги и похвальные деяния всего бесчисленного сонма этих мужей, то нужно было бы написать отдельную книгу. На этом основании, во избежание излишних подробностей, [моя] мысль придала плавно движущемуся перу другое направление, заставив его повернуть от большого количества [знаменитых людей] к упоминанию небольшой группы великих мужей, почему, проявив смелость, мое перо приступило к изложению данных о некоторых превосходных писателях, замечательных своим красноречием, и об остроумных поэтах, которые являлись всегдашними сторонниками ритмической речи, этого существа украшения их [стиля]; все это [сделано **[303]** мною] на основании хадиса пророка, — да благословит его аллах и да /271a/ приветствует! — поэты — князья слова: поистине аллах есть сокровище под божественным престолом и ключи к нему — в языке поэтов.

О МУЛЛЕ СЕЙИДА, ПОЭТЕ, — ДА ПРОСТРЕТ АЛЛАХ ТЕНЬ [СВОЕГО] ПОКРОВИТЕЛЬСТВА НАД ЕГО КРАСНОРЕЧИЕМ!

Убежище красноречия, опора элоквенции, взвешивающий редкости суждений, ум вершин проницательности, отличительный признак остроумия, декламатор тонких произведений, избранник времени, украшающий слово, проницательный критик; князь на троне поэтов Бухары, есть мулла Сейида, который известен своей тонкой критикою поэтических произведений, а быстрое постижение которым [всех] тонкостей и трудностей несомненно. Вообще говоря, из всех шествующих путем поэзии он пользовался наибольшею популярностью в разных видах стихов. Он сообщил свежесть лугам остроумия сочащимися каплями своего красноречивого пера; он озеленил конечными выводами своих красноречивых суждений луга литературы и придал слову блеск крайним богатством [своего] языка, ибо одним стилем он не выражался.

Из его блестящих поэтических произведений славны мухаммас и /271b/ шехрашуб ⁴³³.

Он был муж остроумный и шуточный; проживал в *верхнем этаже ⁴³⁴ мечети Надир диванбеги тагай, не домогался посещать дома эмиров и ханский дворец, довольствуясь тем куском хлеба, который приходился на его долю; в похвалу государя-мученика составил несколько од. По происхождению мулла Сейида был бухарец; во время жизни достохвального счастливого хана, [Убайдуллы], попугай его души, перестав разговаривать, вспорхнул [и улетел].

Помещаемый здесь его мухаммас приводится, как воспоминание [о его поэтическом творчестве].

Мухаммасы:

Пришла весна! Неси же в сад одежду счастья
 И отблеском розоцветного вина придай лицу шафранный цвет.
 Если ты ищешь, подобно Хызру, вечной жизни [304]
 Не выпускай из рук и в старости шафрано[цветного] вина:
 Старое вино уносит из сердца воспоминание о молодости
 О сердце, ты воспиталось в любви вместе с горестью и унынием,
 Ты воспитало голову, полную боли в пустом обществе.
 Напрасно ты, мотылек, кружишься вокруг своей свечи:
 Ты обучаешь любящего жертвовать своею жизнью.
 Что за /272a/ безчувственность [с твоей стороны]?
 Светильник утра знает способ, как ему погаснуть.
 До каких пор небо будет показывать мне свою молодую луну?
 [Доколе] ноготь меропрятия будет развязывать узел моей нити?
 Все, что я захочу сделать любому человеку, то в ту же минуту это с ним и случится,
 Потому что раскаяние не заставит меня до боли кусать свои губы.
 Подобно смеющейся розе, я [ведь] израсходовал дни [своей] молодости.
 С начала ночи до рассвета я испытываю страсть к той лунолицкой;
 В уголке безнадежности я страшусь своей злополучной судьбы;
 Внутри груди [у меня] рана на ране.
 Как много я выпью крови за завесою сердца, чтобы сохранить
 От зорких глаз чужого эту сокровенную тайну!
 Однажды ночью пришел, о Саиб ⁴³⁵, в мой дом тот, одетый в розовый кафтан,
 Подобно Сейида, я встал и сотворил молитву, Саиб,
 Чтобы мне удалось убить его. Да! и я сделал, Саиб, неизбежное.
 Я удивляюсь, что Саиб опять меня извиняет.
 Клянусь жизнью, что я оскорблен за себя этим душевным другом!

О СОЛОВЬЕ ЦВЕТНИКА КРАСНОРЕЧИЯ, О ЧЕСТНОМ ПО ПРИРОДЕ ПОЭТЕ, КАСИМ ХОДЖЕ.

/2726/ Известный, остроумный писатель, мускусное перо, совершающее волшебство, словоукрасительная редкость времени, глашатай намеков, полных [всяких] тонкостей, воспроизводитель цветов на лугах красноречия, цветущий луг в саду мелодической элоквенции, седалище превосходства и совершенства, достойное творца тварей прошедших и настоящих.

Четверостишие:

О ты, сделавший из слова россыпи жемчуга,
 Ты славен своим красноречием! [305]
 Ум и разум говорит о тебе и научает
 Писать письма судьбы на челе ⁴³⁶.

Он принадлежит к лицам бухарского происхождения и является сыном судьи Ходжи Шаха'лама и [отраслью] благородного ветвистого дерева святейшего Мирзы Шарифа; он был человек остроумный и острый на язык. Он возвышал знамя поэзии изяществом [выражений] и уверенностью [слога]; любил молодежь и красивых безбородых юношей. Ежегодно составлял ко дню Нового года и к [апрельскому празднику] Красных тюльпанов похвальные стихотворения в честь государя, удастаиваясь получить за них парчевые и шелковые с золотыми и серебряными /273a/ узорами халаты. В день Красных тюльпанов получал из средств государя по тысяче тенег на расходы; причем и [другие] поэты были участниками в пользовании названной суммой. Имел всегда пристрастие к употреблению опия и гашиша.

Рассказывают, что во время правления хана-мученика к подножию его престола прибыл из Ирана посол. Однажды один из эмиров, принадлежащих к кругу вельмож,

устроил в честь посла празднество, на котором присутствовал Ходжа Касим. Не воздержавшись, он громко сказал:

Двустиише:

Голова моя [служит] прахом пути,
Всех четырех вождей: Абу-Бекра, Омара, Османа и Хайдара.

Кызылбаш, изменившись в лице, сказал:

Двустиише:

В сказанных словах обнаруживается ошибка невежд:
Когда стрела криво полетит из лука, это является бесчестьем [стрельца].

/2736/ Присутствовавшие восприняли слова кызылбаша как укоризну, тогда Ходжа Касим экспромтом сказал [двустиише]:

Кто отрицает трех друзей высочайшего [пророка],
У того на бороде показывается краснота женских менструаций ⁴³⁷.

О ПРЕКРАСНОМАНЕРНОМ ПОЭТЕ МУЛЛЕ САРАФРАЗЕ

У этого острословца каждая блестящая строчка стихов является уникальной; по красоте [его стихи] — волшебный купол, ибо каждое двустиише его поэзии есть цветущий дом ⁴³⁸, он — известный в разных [306] странах мира остроумец, парадигмам стихов которого, в редкостных и живых рифмах, стараются подражать красноречивые поэты; он служит для всех шествующих по арене красноречия примером последования в каждом своем поэтическом отрывке. По происхождению он из раеподобного Самарканда, известность же стяжал в Бухаре. Он живет на положении студента и нисколько не исполнен гордости своим поэтическим талантом. Он муж — удовлетворенный своим положением, остроумный, приятный собеседник и скромный; любит одеваться в цветное платье. В какое бы время он не составлял блестящих поэтических панегириков государя, он [всегда] удостоивался получать приличествующий халат. Он так привык и пристрастился к употреблению опия и гашиша, что в /274a/ настоящее время, погрузившись в море формы слова, он уже не в состоянии составлять стихи и потому у него нет дивана. Его стихотворений имеется мало и потому удовольствуемся приведением одного его двустииша:

О ты, плативший в каждом деле [любой] душе жестокой расправой,
[ты] Подобен зубу с тех пор, как сам собою двигаешься, [пока в конце концов] не упадешь.

О ВЫСОКОМ ПО ПРИРОДЕ ПОЭТЕ, МУЛЛЕ ФИТРАТЕ, — ДА ВОЗВЫСИТ АЛЛАХ ИЗЯЩЕСТВО ЕГО СТИЛЯ!

Убежище красноречия, осведомленный о риторике, украшенный остроумием избраннык времени, красноречивый человек, все до тонкости видящий, — мулла Фитрат, прирожденный Платон. Стих его [каждой] оды, в котором упоминается его имя, есть [самый] восхитительный из всего стихотворения. [Он — второй] Саиб по обдумыванью [формы стиха], каждое полустишие в стихотворениях которого является уникальным, хорошо овладел правилами науки красноречия и основами риторики, и форма его творчества лучше, а язык его красноречивее, чем таковые же у подобных ему и равных ему. Он — подражатель плеяде славнейших поэтов Бухары, не имеющий подобного по

обилию положительных нравственных качеств и по множеству одобрительных свойств; он любим равными себе, благодаря обилию у него прекрасных нравственных черт, малости чувственных влечений, а равно и за свою скромность.

/2746/ По происхождению он из райского города Самарканда; он меньше всего добивался посещать дворец государя и дома змиров. Будучи по ремеслу вышивальником золотом, он этим ремеслом и довольствуется; [307] его стихотворений [поэтому] мало попадает, посему нам приходится удовлетвориться приведением одного его четверостишия; оно следующее:

Что это за палка для игры в поло из завитка кудрей и что это за шар подбородка?
Что это за обленная в турецкий кафтан прелестная телом?
Что это за бровь, одним движением отдающая приказания,
Что это за очи, которые разговаривают с прозорливыми людьми?

Больше сего не слышно [о его стихах].

ОБ ИЗЯЩНОМ ЧЕЛОВЕКЕ ИЗ ИРАНА, О ГОСПОДИНЕ ПОЭТЕ, МУЛЛЕ МУЛХАМЕ

Исследующий тонкости метафор, воспроизводитель цветов на лугу красноречия, отмеченный пронизательностью, [все] до тонкости видящий, украшенный словом, нанизывающий рубины красноречия, ювелир перлов /275a/ элоквенций, — поэт Мулла Мулхам, двустишные поэмы которого подобны скрытым жемчужинам, а драгоценные камни лирических стихотворений которого превыше всего того, что вмещается в зобу мыслей; его отличный язык достоин подражания; для людей поэтической одаренности он является уголком идейности. Пишущий эти строки имел возможность наблюдать его превосходство при многих беседах с ним. Он — муж, лишенный чувственных влечений, скромный, отмеченный хорошей нравственностью, быстротою ума, славный своею природной добротою среди бухарских поэтов. Он свободен от недостатков и порочных наклонностей, свойственных большинству теперешних поэтов. В газалах он лучший и исключительный из равных и подобных ему. В отношении раскрытия состояний любви и любовных тонкостей у него есть диван двустишных поэтических произведений. Он предпочитает [все] уединение и не ищет службы у государя и эмиров; он не ведет образ жизни, свойственный поэту, и продажу своих стихов не занимается. В большинстве бывает так, что его стихи уничтожаются, выйдя из-под его пера, и не становятся общим достоянием. По происхождению он — бухарец; по профессии — отделыватель внутренности домов, /275б/ заработком от этого он и содержит себя. Его поэтический псевдоним “Мулхам” обозначает “вдохновленный потусторонним миром”. А аллах всевышний лучше осведомлен об истинности [всех] дел. [308]

Закончена переписка этой книги, с помощью всевышнего аллаха в пятничный день месяца шавваля 1214 г. ⁴³⁹ хиджры пророка — да благословит его аллах и да приветствует приветствиями обильными и многочисленными.

Комментарии

1 Фузайл б. Ияз, умерший в мухарреме 187 (декабрь-январь 802 — 803 г.), являл оригинальный тип “совестного” суфия-разбойника, впоследствии, впрочем, расставшегося с разбоями и грабежами. О нем см. в Тазкират ал-Авлия, Аттара (по изд. R. A. Nicholson, I, Lond. — Leide, 1905, pp. 74 — 84); в Нафахат ал-Унс, Джамии (по изд. W. Nassau, Calc., 1858, pp. 41 — 42). Приведенными словами Фузайли Ияз выражает ту мысль, что сколь ни драгоценна для него услышанная молитва с вытекающими из нее последствиями, но он

готов ее бросить под ноги справедливого государя, как золото, которым осыпают на востоке встречаемых царей.

2 Биографических данных о философе Абузарре Джумхуре в доступных источниках не содержится.

3 Дадха — буквальное значение — “радеющий о правосудии”, чиновник десятого класса в бухарской служебной иерархии. В описываемое время должность дадха была придворной, на его обязанности лежал прием к хану просителей, обращающихся с жалобами и сообщение им ханских решений. Слово это, между прочим, в персидско-русском словаре Гаффарова (т. 2, под ред. Л. Жиркова, М., 1937, стр. 940) переводится как “судья” (в Средней Азии), в каковом значении оно никогда здесь не употреблялось.

4 Джемшид — четвертый царь из мифической династии Пишдадов древнего Ирана, который был якобы строителем городов, насадителем ремесел и искусств, земледелия и культуры хлопка, поделившим народ на сословия или классы, вообще был мудрым правителем, организатором и новатором.

5 Бахрам — планета Марс.

6 Коран, 16₉₂.

7 Сахибкиран — рожденный во время соединения двух планет: Венеры и Юпитера или Венеры и Солнца, в переносном смысле — счастливый; под этим прозвищем был известен Тимур, но потом восточные историки этим титулом стали называть вообще государей, как и наш автор, прилагающий его к Убайдулле хану.

8 Правил Мавераннахром в 1645 — 1680 гг.

9 13 октября 1682 г. н. э.

10 Во всех списках дар-ас-салам — убежище мира, город мира.

11 ра'айя. Можно думать, что получение довольствия от подданных происходило путем отдачи известных населенных районов или отдельных селений войсковым частям в кормление, вроде икта эпохи сельджуков [См. А. А. Семенов, Очерк позем.-податного и налогов, устройства б. Бухарского ханства, Ташкент, 1929, стр. 63].

***12** Коран, 7₃₂, 10₅₀, 16₆₃.

***13** Коран, 7₉,

***14** Коран, 3₂₅,

***15** Коран, 4₇₂,

***16** Коран, 2₂₃ и 3₄₄.

17 Т. е. употребленное в качестве жаропонижающего средства миндальное масло не дало результата.

18 23 джумадиулаввалля 1113 г. соответствует 26 октября 1701 г. См. примеч. 1, стр. 26.

***19** Коран, 39₂₈,

***20** Коран, 2₁₅₁,

***21** Коран, 18₄₄, 19₇₉.

22 сарайи — относящийся к сараю, дворцу хана; по-видимому, та “дворцовая \$\$\$” был главный евнух, так как прежде в Средней Азии, как и в шахском Иране, \$\$\$ ходжа означал также евнух.

23 После Субхан-кули хана остались два взрослых сына: Убайдулла и Асадулла.

24 Из этого можно понять, что за последние годы правления Мавераннахром Субхэн-кули хана всеми государственными делами вершила клика дворцовых людей во главе, быть может, с главным евнухом. И распорядки этой безответственной кучки высшей дворцовой челяди были таковы, что вызывали справедливые нарекания военного сословия и населения.

25 шахрий ва сахрайи. Из этого можно заключить, что дворцовые люди разных рангов вербовались из разных слоев оседлого и кочевого населения. В прямом значении слово шахри обозначает относящегося к городу, горожанина, а слово сахрои — относящегося к степи, степняка; до самого последнего времени эти понятия прилагались (в Миянкале, по крайней мере) для обозначения оседлого населения и кочевого вообще. Синонимами этих слов были: шахршин и сахрашин (или бадияшин), т. е. буквально — живущий в городе, горожанин, а распространительно — оседло живущий, и живущий в степи, степняк-кочевник.

26 О слове парваначи см. примечание 192 на стр. 259 “Муким-ханской истории”.

27 каба — длинный кафтан, надеваемый под широкое верхнее платье, каковым в Средней Азии был халат, а в Иране — джаббэ.

***28** Коран, 3₂₅.

29 В тексте стоит арабское слово истихарэ, каковым обозначается гадание в отношении задуманного по первой попавшейся странице и строчке Корана, стихотворений Хафиза и др.

30 Во всех списках приводится эта дата, соответствующая 23 сентября 1704 г. н. э. В кн. “Мусульманские династии” Лен-Пуля [перев. В. Бартольд, СПб., 1899, стр. 272]. и у E. de Zambaur'a (Manuel de Genealogie et de Chronologie pour l'Histoire de l'Islam Hanovre, 1927, p. 273) год начала правления Убайдуллы хана показан 1114, т. е. 1702 г. Во всяком случае, в списках “Убайдулла-наме” что-то напутано: принимая во внимание вышеприведенную дату смерти Субхан-кули хана — 23 джумадиулаввалля 1113 г. хиджры, что соответствует 26 октября 1701 г. н. э., и дату провозглашения ханом Убайдуллы султана — 23 джумадиулаввалля 1116 г. (23 сент. 1704 г.) и последующее затем погребение Субхан-кули хана, — выходит, что похороны последнего произошли через три с лишком года после его смерти, тогда как по мусульманскому обычаю хоронят покойника в день смерти. Несомненно, что упоминаемые в тексте 23 и 25 джума-

диулавалля должны относиться к 1114 г. и соответствовать 1702 г. н. э. По “Мукимханской истории” дата смерти Субхан-кули хана — 21 раби'-ас-сани 1714/14 сент. 1702 г.

31 Арк здесь обозначает внутреннюю крепость г. Бухары, ее кремль или цитадель (о слове арк см. прим. 230 в “Мукимханской истории”, стр. 263). Выражение “высокий арк” (арки али) существовало в бухарском обиходе до последних дней эмирата и употреблялось в просторечии в значении дворца, здания центрального правительства.

32 Файзабад — селение с близлежащим мазаром к сев.-востоку от г. Бухары, по дороге к сел. Бахауддин.

33 Ходжай-и бузург (великий Ходжа) — прозвание известного патрона Бухары, шейха Бахауддин “накшбенда” (ум. в 1389 г.), гробница которого находится к сев.-востоку от г. Бухары (около 9 км), при селении Бахауддин.

34 25 джумадиулавалля 1116 г. хиджры соответствует 25 сентября 1704 г. н. э.

35 Абдулла хан, шейбанид, правил с 991/1583 по 1006/1598 г. в качестве самостоятельного государя.

36 Мулла Мушфики — придворный поэт Абдуллы хана, оставивший “Диван” и ряд других поэтических произведений, — умер в 994/1585 — 1586 г. или в 996/1587-1588 г. Литогр. изд. известного сборника исторических хронограмм Сейид-Ракима (Тарих-и Касира), Ташкент, 1932, стр. 317

37 Эта ода приведена нашим автором с некоторыми сокращениями по сравнению с текстом Мушфики, имеющимся в принадлежащем мне его рукописном “Диване”, датированном 992/1584 г. (л. 27а-б).

38 Тарана — особые мелодии, входящие в состав двенадцати основных музыкальных пьес восточной музыки, так наз. “макомов”, имеющих вокальные и инструментальные части.

39 Зухра — планета Венера, а по представлениям восточных поэтов — небесный музыкант.

40 Канун — струнный музыкальный инструмент о 36 струнах.

***41** Коран, 35₁ Вся предшествующая тирада означает: “когда солнце погасло на западе и показались на небе звезды...”

42 бандаган. Это слово употреблено здесь, конечно, не в значении рабов в буквальном смысле, а как нарицательное для всех ханских служащих.

43 Хатем-Тай — имя бедуина, необычайная щедрость которого вошла в пословицу и послужила канвою для очень популярной книги “Хатем-Тай-намэ” на персидском и тюркском языках.

44 Нуширван [Ануширван] — персидский царь из династии сасанидов (ум. в 679 г. н. э.)

45 Мустафи — государственный контролер по финансовой части.

46 Мушриф — чиновник, ведавший выдачей и учетом выдачи из казны разных пожалований, вроде платья, поясов, кольчуг и т. п. вещей. См. А. А. Семенов, Бухарский трактат о чинах и знаниях, Сов. востоковедение, V, стр. 141.

47 Семейство бармакидов, родоначальником которого был буддийский жрец из Балха, — старинный таджикский род, члены которого при дворе арабских халифов-дов в течение почти 50 лет занимали должности первых министров (до 863 г. н. э.).

***48** Коран, 14₃₂ и 5₁.

***49** Коран, 18₈₃.

50 “Равзат ас-сафа” (Сад чистоты) — известное сочинение по всеобщей истории, на таджикском языке, составленное Мирхондом в конце XV в. Об этом труде см. подробности в нашем “Опис. персидских, арабских и турецких рукописей Фунд. библ. САГУ”, Ташкент, 1935, стр. 38 — 39, № 62.

51 Аналогичный вопрос приписывается известному султану Махмуду Газневидскому (388/998 — 421/1030), когда он явился в г. Рей на помощь тамошнему князю Мадждед-ад-давлэ. Задав подобный вопрос последнему, он лишил его власти и присоединил его владение к своей империи.

***52** туракуш. Можно думать, что это лицо было специальным палачом, приводившим в исполнение смертные приговоры над принцами крови. О его судьбе см. в конце книги.

***53** азиз, что может также означать и суфия, дервиша, у которых термин азиз — возлюбленный означает лицо, принадлежащее к последователям суфизма.

***54** Абдулхалик Гидждуванский — среднеазиатский суфий, один из столпов т. наз. “восточного суфизма” — родился и скончался в Гидждуване (в 575/1179 — 1180 г.), лежащем в 18 км от ст. Кизыл-Тепе Среднеазиатской железной дороги.

55 Шейх Дервиш “Ордшекени” (уничтожающий сокрушающий гнев) был учеником шейха Эмира-Хурда, умершего в 719/1319 — 1320 г. Подробных данных о нем не сохранилось.

56 Суфи Чубин, по-видимому Ходжа Мухаммед Суфи, — один из учеников Бухарского I шейха первой половины XIV в., Ходжи Баба Семаси (см. ниже). Его могила находится в сел. Сухар, примерно в 16 км от г. Бухары (“Хазинат-ал-Асфия”, Муфти Гулам Мухаммеда Лагорского, Кунпор, 1312/1894, т. I, стр. 542 — 543, “Тахфат-ал-Заирин” Насируддина Хусейна, Бухара, 1328/1910, стр. 43 — 44).

57 Ходжа Ариф-и Ривгари происходил из сел. Ривгар, лежащего приблизительно в 45 км. от г. Бухары; умер в 715/1315 — 1316 г. и похоронен в родном селении (см. “Хазинат-ал-Асфия”, стр. 541 и 543).

58 Халиф Осман — третий преемник Мухаммеда, редактор Корана, убит в 23/644 г. Упомянутый здесь мазар Ходжа Аубана (в просторечии ходжа Убан) лежит на северо-запад от города Бухары; там же развалины большого города того же имени. Мне

привозили иногда оттуда разные древние вещи (главным образом бронзовые) и монеты; среди них были очень интересные по работе и по оформлению. Берне, посетивший Бухару в начале 30-х годов прошлого столетия, также упоминает о Ходжа Аубане, откуда ему удалось приобрести несколько превосходных серебряных греко-бактрийских монет. Помимо этого, Бёрнсу приносили множество антиков из того же места; все они состояли из сердолика и других камней с изображениями людей и животных; на некоторых из них были надписи, отличавшиеся от всех тех, которые ему “случалось видеть прежде, и походившие отчасти на индийские”. (Бёрнс, А., Путешествие в Бухару, т. II, М., 1848, стр. 451 — 452).

59 Ходжа Баба Семаси — один из наиболее известных учеников Ходжа Али Рамитани; происходил из сел. Семаси в Рамитанском округе; умер в 755/1354 г.

60 Ходжа Али Рамитани пользовался в Бухаре большой известностью и авторитетом в среде последователей суфизма, происходил из большого сел. Рамитан, лежавшего в 15 км от г. Бухары; умер в 721/1321 г. По некоторым восточным источникам, его мазар находится в Хорезме, но свидетельство нашего автора опровергает это утверждение, равно как и личные впечатления покойного Л. А. Зимины, посетившего Рамитан в 1915 г. По его словам, мазар ученика ходжи Али, ходжи Бабайи-Семаси, находится верстах в двух к северо-западу от сел. Рамитан (Хазинат-ала-асфия”, т. I, стр. 543 — 545; Зимин Л., Отчет о двух поездках по Бухаре с арх. целью. Проток. засед. и сообщ. членов Турк. Кр. любит. археолог. XX, Ташкент, 1915, стр. 146 — 156).

61 Слово “инак” среднеазиатские авторы пишут различно; например, хивинские историки XIX в. Мунис Мираб и обычно Агехи пишут его как *** что по-арабски значит “обнимание”, “охватывание” (р.кп. их трудов “Фирдаус-ал-Икбаль” и “Риаз-ад-Давлят” в Институте востоковедения АН УзССР за инв. № 821/1 — 821/2 и 945); другие пишут как *** (вероятно, производя от староузбекского глагола инанмак — верить, доверять), что значит поверенный в делах, доверенное лицо, доверенный сановник. Наш автор пишет это слово то как *** то как ***. В узбекской Бухаре существовали два чина: великий инак (иноки калон) и малый инак (иноки хурд); на обязанности первого лежало доставлять приказы хана лицам неэмирского звания и бесчиновным лицам служилого сословия, кои удостоивались собеседования с ханом; малый Инак был второе лицо после кушбеги, он прикладывал печать на обороте эмирского указа, выдаваемого на тот или иной чин, и при приеме послов с письмами от владетельных особ он брал от посла письмо и, вскрыв, передавал для прочтения личному Секретарю хана (Л. Будагов, Сравн. словарь тур.-тат. нареч., т. I, СПб., 1871, стр. 212, и Н. Ханьков, Описание Бухар. ханства, СПб., 1843, стр. 183 и 187, А. А. Семенов, Бухарский трактат о чинах и званиях, “Сов. востоковедение”, V, стр. 148 — 149. В Позднейшее время существования Бухарского эмирата инак являлся чиновником одиннадцатого класса в восходящем порядке; его титул был имаратпанах).

62 каламдан — букв. пенал, коробка для хранения тростника для письма. В Бухаре подобные пеналы делались в старину из меди, позже из папье-маше; медные покрывались затейливой резьбой, нередко с серебряной насечкой, из папье-маше — лаком и живописью. В этом длинном ящичке помещалась чернильница, несколько штук тростниковых перьев, костяная пластинка, на которой они чинились, кусок вишневого клея для склейки порвавшейся бумаги, губка для смывания неправильно написанного и иногда небольшие ножницы.

63 По мусульманским воззрениям, жизнь человека по существу представляет собой содержание пяти дней или пяти моментов человеческого бытия: любви, воспроизведения себе подобных, владычества, строительства и борьбы.

64 Шейх Саади Ширазский — величайший поэт Ирана, родился, вероятно, в 1184 г., в 1291 г. н. э.

***65** По средневековым верованиям, заповедные сокровища-клады охраняются ужасными змеями-драконами.

66 В ркп. №№ 9, 605 и 1532 за словом Улуг-таг стоит еще Кабир-тау, что означает одно и то же — “большие горы”. В ркп. № 1533 этого последнего слова нет; очевидно, надо Кучук или Кичик-тау. Об этих горах см. примеч. 39 в “Мукимханской истории”, стр. 240.

67 Ургутское владение лежало на юг от Самарканда в Зеравшанских горах и причислялось к Самаркандскому вилаету; центром его был город (позже селение) Ургут в предгорьях, в 30 км с лишком к юго-западу от Пянджикента. Ургут принадлежит к числу очень древних населенных пунктов Средней Азии.

***68** Ургут кемулки-убуд. Речь идет, очевидно, о крепости или замке Ургут, в котором жил владетель Ургута.

69 Полуфарсанг приблизительно равен 3,5 — 4 км. О слове фарсанг см. примеч. 26 в пашем переводе “Мукимханской истории”, стр. 238.

70 Гисар-и Шадман — “Веселый Гисар” или просто Хисар — название бухарской провинции с главным городом того же имени, лежавшей по южным склонам? Гисарского хребта. Название Гисари Шадман встечается в литературе и чеканилось на монетах, выпущенных местными феодалами.

71 Во всех списках год хиджры не указан; можно думать, имеется в виду тот год, в котором вступил на престол Убайдулла хан, т. е. в соответствии с примечанием I, стр. 26, 1702 г.

72 Т. е. приближался, учиня несколько раз коленопреклонение. Между прочим, при последних мангытах, как я сам видел, все сановники приближались к эмиру на коленях, как бы ползком.

***73** Коран, 2₁₁₁, 3₅₄₅ и 52, 6₇₂, 16₄₂, 19₃₆, 36₈₂ и 10₇₀.

***74** Коран, 14₄₃.

***75** Коран, 18₁

76 Нун или ал-Калям — название 18-ой суры Корана.

77 Современный Шахрисябз с его округом.

78 Чарсу, букв. четыре стороны, — базарный перекресток двух улиц — рядов; так как базары на Востоке были крытые, то чарсу обычно был под куполом и внутри представлял круглое высокое помещение с лавками по сторонам.

79 накиб — лицо сейидского происхождения, которое ведало устройством, снаряжением и расположением войск во время похода, передвижений и войны, а также

надзирало, чтобы лица, пригодные для определенной должности, не допускались на неподходящие для них места.

80 Ходжи Сейид-атаи были потомками шейха Сейид-Ахмеда, прозывавшегося Сейид-Ата; он был родом из Ташкента и пользовался большой популярностью и влиянием в суфизме. Умер в Арале, в Хорезме в 961/1291-92 г. (подробности о нем см. в “Тухфат-ал-Заирин” Насируддин-тюри, литогр. изд., Бухара, 1328, стр. 86 — 88).

81 баамал-и аталики яъни умдат улумараи. Таким образом, можно думать, что должность аталыка прежде была действенного порядка и термин “аталык” не был только почетным званием, каким он являлся в последнее время существования Бухары.

82 Должность “дадха-есаул” в то время соответствовала, видимо, генерал-адъютанту, исполнявшему поручения ревизионного и наблюдательного порядка. За последнее время, насколько мне известно, этой должности в Бухаре уже не было.

83 В г. Бухаре судья был только один, который до самого последнего времени носил только ему одному присвоенный титул “верховного судьи”.

84 Должность а'ляма, или (по-татарски) аглама, была юридического характера; он был старейший муфтий, без печати которого риваят (письменная юридическая консультация) была недействительна.

***85** мухимм-и раясат ва ихтисаб. Эта должность занималась лицом, носившим в Бухаре до самого последнего времени название раис (букв. глава, начальник) ; на его обязанности лежало наблюдение за нравственностью обывателей, за соблюдением ими предписаний веры, за правильностью меры и веса на базарах и т. п. Раис соответствовал мухтасибу классического Востока.

86 В последнее время, при мангытах, кушбеги (иначе называвшийся кулл-н кушбеги) был первым после эмира лицом в ханстве; он исполнял функции, так сказать, премьер-министра, и через него проходили все дела ханства, которые он и докладывал эмиру; по выбытии последнего из столицы кушбеги заступал место эмира и не мог никуда выехать из цитадели (арк) столицы.

87 миршаби. О термине миршаб (собств. миришаб), в значении “начальник полиции”, см. примеч. 174 в нашем переводе “Мукимханской истории”, стр. 257.

88 Курултай, или курылтай, — староузбекское слово из монгольского языка; означает общее собрание, всеобщий совет.

89 До рыбы, на которой, по верованию мусульман, держится земля.

90 Т. е. Али, четвертый преемник Мухаммеда.

91 По нашей эре мухаррем 1114/28 мая — 26 июня 1702 г. Дата, очевидно, неверная, если принять во внимание, что Субханкули хан умер 14 сентября 1702 г. См. примеч. 440 в “Мукимханской истории”, стр. 278.

92 25 мая — 22 июня 1705 г.

93 Чарбагом или чахар-багом в Средней Азии называется большой сад с текучими водами, с лужайками и даже участками земли под теми или иными культурами.

94 Шагирд пиша был многочисленный разряд нечиновных служащих, исполнявших поручения при высших военных чинах, вроде кушбеги, правителей области и т. п.

95 Рахш — название знаменитого коня Рустама, национального богатыря и героя Ирана.

96 Касаба. Название этого селения во всех списках написано очень неотчетливо: так, в ркп. за № 1532 оно написано, как Касби, в ркп. № 910 и 1533 — как Кси, в ркп. № 605 — как Кабиби.

97 Пайандаз — обычай стелить дорогие ткани, ковры и шелковые платки на пути следования почетного гостя.

98 Бишкент — ныне лежащий в развалинах город на пути из Кубадиана к Термезу, подле кишлака Туркмен. Описание его развалин см. в моей статье “По границам Бухары и Афганистана”, II, в “Историческом Вестнике” за 1902 г., апрельская книга, стр. 114 — 115.

***99** иди асхи — мусульманский праздник жертвоприношения, иначе — Курбан-байрам — празднуется 10-го числа месяца зилхиджже.

***100** унгусл. Разумеется деление кочевых узбеков на две группы: племена так наз. левой стороны, занимавшие более привилегированное положение в силу того, что на левой стороне находится у человека сердце, и племена правой стороны, стоявшие на втором месте. Центром всех этих племен в ту эпоху была Шахрисябзская область, как это видно из настоящего труда.

101 Феридун и Кей-Хосров — легендарные цари древнего Ирана, воспетые Фердовси в его знаменитой эпопее “Шах-Наме”.

102 Крепость Дабусия, или Кал'аи Дабус, лежала на берегу р. Зеравшана (Кухак в древности), подле теперешнего города Зиауддина. Наиболее обстоятельное описание развалин Дабусии см. в статье Л. А. Зимина “Калаи Дабус” в “Проток. и сообщен. членов Турк. Кр. любит. археолог.”, год XXI. Ташкент, 1907, стр. 43 — 64. Она же в “Проток. и сообщ. членов Закасп. Кр. любит. археолог. и истории Востока”, вып. II, Асхабад, 1916, стр. 9 — 16.

***103** Коран, 3₈₃.

***104** Коран, 19₆₇.

105 махд-и улья. Титул этот в Иране прилагается только к матери шаха.

106 11-е зулхиджже 1116 г. хиджры соответствует 6 апреля 1705 г. н. э.

107 Т. е., по местному обычаю, щедро одарил (как это усматривается из дальнейшего изложения).

108 Наккара — род барабана, остов которого глиняный, напоминающий формой наш горшок среднего размера, но более сильно суживающийся книзу. На отверстие остова натягивается мембрана из тонкой кожи, которая идущими от него жильными бичевками удерживается в нижней части остова. Наккара составляли неотъемлемую принадлежность среднеазиатских оркестров и служили для выбивания ритма.

***109** Коран 6₉₆, 36₃₈ и 11₁₁.

110 Я'куби Чархи — шейх суфийского ордена “накшбендия”, происходил из сел. Чарх в районе г. Газны в Афганистане. Был современником и учеником известного шейха XIV в. Бахауддина “накшбенда”. Потом переселился в Бадахшан, откуда был вызван учеником и заместителем Бахауддина, ходжей Алаутдин-“аттаром”, у которого окончил курс суфийского совершенствования. Он был духовным наставником ходжи Ахрара. Умер в 851/1447 — 1448 г. в Гисарской области. Его мазар находится подле современного Сталинабада в Таджикской ССР. См. Нафахат ал-Унс, Джамии (в издании W. Nassau), Калькутта, 1858, стр. 455 — 457, и Сафинат ал-Авлия, Дара Шекуха, Каунпор, 1884, стр. 80.

111 саркуб.

112 У арабской буквы нун, при ее отдельно взятом начертании или в конце слова, точка находится в середине, между загнутыми концами кривой, образующей эту букву.

113 сал.

***114** губсар (иначе сангач) — баранья шкура, очищенная от шерсти, мягко выделанная и плотно сшитая в форме бурдюка; она надувается воздухом. Отверстие, через которое в нее надувают воздух, плотно завязывается; человек может пуститься на ней вплавь по любой воде, работая руками и ногами. Для переправы большого количества людей несколько губсаров связывают вместе, на них настилают камыш, и на этих своеобразных плотках (сал) усаживаются группы людей.

115 Ишикагаян — телохранители ханские, набравшиеся, невидимому, из представителей узбекских племен менее благородной и почитаемой правой стороны по сравнению с более высокой левой стороной. Можно думать, что эти ишикагаяны у Убайдуллы хана составляли самую надежную воинскую часть.

116 Хадис — предание о поступках и словах “пророка”, сказанных по тому или иному поводу.

117 Коран, 11₁₃.

***118** Коран, 99₁.

119 Удайчи — нечто вроде церемониймейстера при дворе среднеазиатских ханов и эмиров и поместных правителей: придворный, сопровождающий посла или лицо, представляющее потентату страны, и вводящий его в комнату последнего. Отличительным признаком “удайчи” в Бухаре была длинная и довольно тонкая палка, красиво разрисованная узорами.

120 ил.

121 Закат — в первые века ислама — очистительное отчисление с имущества мусульманина в размере 1/40 его стоимости на благотворительные дела; позднее — налог со скота и купеческих товаров.

***122** Такого точно стиха в Коране нет, последние четыре слева — в суре 38, ст. 32.

123 Это сокращение арабского выражения: “нет могущества и силы, кроме как у всевышнего великого Аллаха”; оно произносится в гневе, в большой горести и удивлении.

124 Арабское [не коранское] выражение.

125 Месяц зилхиджжа 1116 г. хиджры начался 27 марта 1705 года.

126 Шейхула'лам (наставник мира) — прозвище известного бухарского шейха Сайфуддина Бахарзи, ученика знаменитого хорезмского шейха Наджмуддина Кубра, убитого монголами в 1221 г. при взятии Ургенча. Шейх Сайфуддин ум. в 658/1260 г.; его мазар находится за стеною г. Бухары, в местности Фатхабад. Туда обычно отправлялись на поклонение бухарские эмиры сейчас же после вступления своего на престол.

127 Байсун — город, лежащий на большой дороге из Бухары в Гисар к северу от Ширабада и Термеза.

128 В ркп. ИВ АН Уз № 9, 605 и 1533 — “выхвативши из ножен шашку отваги, устремился на неприятелей. На первых порах он послал в путь небытия нескольких храбрецов из вражеского войска”.

129 Шимр — имя военачальника омеядского халифа Езида [60/680-64/683], убившего Хусейна, сына Алия, в равнине Кербела; синоним жестокого, безжалостного человека.

130 Добавлено в ркп. №605, л. 51-а.

131 По восточному обычаю отрубленные головы врагов, особенно если они посылались как трофей хану, коптились во избежание порчи и разложения.

132 15 мая — 12 июня 1706 г.

133 кабли ва хисари — буквально, те, что были перед (крепостью) и крепостное население.

134 На полях ркп. за № 605, л. 60-я, пометка: “множество москитов в Карши, от которых я сам жестоко пострадал, — явление там старое. Зия Хайдар”.

135 “Ахлак-и Джелали”, или “Джелалева этика”, — хорошо известный на мусульманском Востоке труд по этике, составленный Джелалуддин Мухаммед бен Асад ас-Сиддики ад-Даввани (ум. в 908/1502 — 1503 г.).

***136** Коран, 28₂₅.

***137** Коран, 86₉.

138 Повидимому, понимаются конские бега, конские скачки

139 6 марта — 3 апреля 1707 г.

140 Коран, 48₁.

141 По-видимому, — хадис, арабский текст которого во всех списках приведен с большими грамматическими ошибками.

142 айан-и мамлакат.

143 Разумеется, очевидно, братство по царствованию, так как Муким хан был внуком Субхан-кули хана, отца Убайдуллы хана; последний, следовательно, приходился дядей Муким хану.

144 Икта' — пожалование земель с отказом государя от податей с живущего на этой земле населения в пользу жалуемого лица. (Подробности об икта' см. в моей работе “Очерк позем.-податн. устройст. б. Бухарского ханства”, Ташкент, 1929, стр. 7, 26 — 28).

145 Фервердин — первый месяц солнечного иранского года, соответствующий февралю — марту.

146 Коран, 35₁₀.

147 Восточные календари или альманахи содержат разного рода астрономические и астрологические таблицы и указания на благоприятные и несчастливые дни для начала того или иного предприятия.

148 Кеяниды — имя мифической династии древнейшего Ирана.

149 Ак-Сарай (Белый дворец) — великолепный дворец Тимура, построенный им на своей родине, в г. Шахрисябзе, стоивший больших трудов и средств, строился в течение нескольких лет и не был окончен до смерти Тимура. Теперь от него сохранились лишь руины.

150 Джабут — имя одного из узбекских племен.

151 Фарахин — не известный мне округ, входивший, вероятно, в состав Шахрисябзского вилаета.

152 Коран, 3₁₅₃.

153 Не известное мне название, по-видимому, крупного оросительного канала или речки.

154 суха — соответствует астрономическому термину Алькор [название весьма маленькой звезды в созвездии Большой Медведицы, подле Мицара].

155 Старое тюркское слово курчи означало оруженосца (от кур — оружие). Тимур образовал корпус называвшихся этим именем солдат-хлебопашцев, которые оберегали засеянные поля (Будагов Л., Сравн. словарь турецко-тат. наречий, т. II, СПб., 1871, стр. 73): Радлов отмечает, что слово курчи означает также “смотритель магазина” (какого?) *ein Magazin Aufseher* (В. В. Радлов, Опыт словаря тюркских наречий, т. II, СПб., 1899, стр.

954-955). В позднейшей Бухаре термином курчи обозначались военные охранявшие склады пороха, патронов и проч. принадлежностей “огневой стрельбы”.

156 масит — название узбекского племени.

157 Не следует смешивать с районом современного Ханабада, главного города теперешней афганской Каттагано-Бадахшанской провинции.

158 В тексте стоит непонятное для меня слово ***, обозначающее какой-то военный музыкальный инструмент.

159 Бузанджир — предок Чингиз-хана.

160 Санджаровский штандарт — невидимому, знамя или штандарт последнего “великого сельджука” султана Санджара правившего с 511/1118 по 552/1157 г.

161 Магилян — род колючего кустарника.

162 Салу Чехаръек — по левую сторону Аму-Дарьи, в теперешнем Северном Афганистане. Повидимому, к нему причислялась и местность, противолежащая на левом берегу с переправой. Вамбери отождествляет его с нынешним перевозом-переправой через Окс, Ходжа Салу. (История Бухары, т. II, стр. 85). Теперь в Афганистане эти районы, кажется, не составляют особой административной единицы и на картах не обозначаются.

163 Во всех списках стоит это малопонятное предложение. Неизвестно, относилось ли это ко многим токсабам и мирахурам вообще или здесь пропущены имена определенных токсаба и мирахур.

164 сарапарда, т. е. завесы, протягивавшиеся на столбах четырехугольником, внутри которого разбивался шатер хана и палатки его сановников.

165 хафтан — род ватной куртки (или, вернее, короткого халата), надеваемого под боевые доспехи (кольчуги, панцыри).

166 По средневековым представлениям мусульман, вся земля окружена горами Каф.

***167** Коран, 22₁.

168 Словом гальча равнинное население Бухары и Самарканда называло обитателей горных районов Зеравшанского и Аму-Дарьинского бассейнов. Термин этот происходит от слов гар — гора, отсюда Гарджистан (Гарчистан).

169 Повидимому, разумеется г. Муминабад, лежащий на пути от Куляба в Сарай, в недалеком расстоянии от Аму-Дарьи.

170 Разумеются, по-видимому, перебежчики из балхских эмиров в лагерь Убайдуллы хана.

171 Т. е. древки стрел вошли в тело и торчали оттуда прямыми линиями, как прямостоящая, с острым концом внизу, линия буквы алеф.

172 Т. е. похожие на глаз отверстия кольчуг сочились кровью.

173 Стих этот во всех рукописях имеет погрешности в метре, и потому я не уверен в правильности даваемого перевода.

174 Буквально “каждый из бухарских молодых людей и бахадуров”.

175 Собственное имя Надир Лулу означает в переводе редкая жемчужина; в тексте игра слов: Надир Лулу, желая показать свою жемчужину....

176 Один из арыков или рукавов Балх-Дарьи, орошавший западные районы Балха.

177 Коран, 8₄₃.

***178** Коран, 3₁₁₃.

179 Здесь игра слов: собственное имя Дуст (мирахур) означает также понятие друг.

180 Арабское выражение, взятое не из Корана.

181 В тексте буквально: “Когда (войско), обнимающее (крепостной) район, сделало ту крепость точкою центра...”

182 Коран, 9₂₆,

183 Такбир, в переводе с арабского, — произнесение слов “аллах акбар”, т. е. “аллах велик!”. Воскликание этой формулы сопровождало обычно сражения и битвы мусульманских войск.

***184** Коран, 13₁₃.

185 Эльвенд — гора в Иране, подле г. Хамадана.

186 Ср. слова фараона в Коране, 26₂₈ и 28₃₈.

***187** Арабское выражение. Оно, видимо, было издавна в употреблении в мусульманском мире; см., например, рассказ о посещении ал-Газали Омара Хейяма, приводимый автором VII века х. (см. статью проф. В. А. Жуковского, “Омар Хейям и странствующие четверостишия” в Сборн. статей учен. проф. б. В. Р. Розена СПб, 1897 стр. 331).

188 сур — труба, в которую, по верованию мусульман, вострубит архангел Исафиил в день страшного суда.

189 Текстуально: “Когда земля извергнет свои бремена” (Коран, 999).

190 То есть убил еще несколько человек.

191 Буквально: “впереди — победа и одоление”.

192 Телец — знак зодиака, соответствующий апрелю.

193 Этого арабского выражения нет в Коране.

194 Обычная метафора таджикских поэтов в значении: утренний зефир не способствовал раскрытию бутона в его время.

195 Термин , часто употребляемый в тексте, означал в Бухаре, как и в старину в Иране, личного секретаря, на обязанности которого лежало ведение переписки государя, составление его бумаг и писем. Здесь, повидимому, термину гари (секретарство, исполнение обязанностей секретаря) придается значение несколько иное, более широкое и не личное, а государственное. При этом присоединение к Бухаре обширной и важной приграничной Балхской области прибавляло ханскому , проживавшему обычно в столице ханства, в Бухаре, новое дело, новые обязанности по Балху, почему, можно думать, для подчеркивания этого и упоминается здесь “секретарство” исполнение обязанностей по Балху.

196 Знак зодиака Близнецы соответствует месяцу марту.

197 Созвездие Рака соответствует июню месяцу.

198 Коран, 101₈.

199 Бахрган — водолазы за жемчугом.

200 Т. е. в боевых походах, совершаемых в конном строю.

201 Андхуд — современный Андхой; город в северном Афганистане, лежит на западе от Мазари-Шерифа на большом караванном пути от г. Керки на юг Афганистана; Шапурган находится между Мазари-Шерифом и Андхоем (несколько к югу), на караванном пути от Аму-Дарьи (Келиф).

202 По воззрениям средневековой медицины, болезни в человеке происходят от нарушения равновесия в составляющих его организм четырех началах: жара, холода, влаги и сухости.

203 мизадж.

204 Кого автор подразумевает под рабами (хана), трудно сказать; вероятно, он разумел здесь не только его эмиров и приближенных, но и начальников войсковых частей и самые войска, что вполне вероятно, так как возможность смерти Убайдуллы хана в походе, вдали от Бухары, на противоположном берегу Аму-Дарьи, вызывала разнообразные опасения и чувства среди его несогласных эмиров и беспокойных, слабо дисциплинированных войск.

205 Арабское выражение.

206 Азазил, или Азazel, — имя падшего ангела по мусульманской космогонии.

207 Банги — курительщик банга, опия из конопляных листьев и белены.

208 Обычай выражения полной покорности; сдача на милость победителя. Неоднократно упоминается в “Мукимханской истории”.

209 В тексте стоит выражение: “аз ма'бар-и Керки гузашт”. Если читать, здесь арабское слово, как ма'бар, то это будет означать переправу, брод; если же его произносить, как ми'бар, то оно будет иметь смысл перевозной лодки, парома, понтонного моста. Так как в том месте, где на левом берегу Аму-Дарьи находятся Керки, а на противоположном — Керкича, река является наиболее узкой, то не исключена возможность, что здесь был и понтонный мост и перевоз на лодках. Переправа же вброд, у Керки мне неизвестна, так как река здесь глубока и быстра.

210 Здесь автор имеет в виду очень распространенную на Востоке историю о двух влюбленных, Фархаде и Ширин, которая послужила сюжетом для ряда поэм различных авторов. Поскольку эмир, назначенный Убайдулла ханом правителем Шахрисябза, носил имя Фархад, то автор, как бы отождествляя его с героем упомянутой любовной истории, область Шахрисябзскую считает как бы эквивалентом красавицы Ширин.

211 Что соответствует 1708 — 1709 году нашего летоисчисления,

212 гяз шариатский т. е. законный, определяемый правилами мусульманского права, равный локтю, приблизительно 65 см.

213 Муэzzин-бача (по форме мулла-бача — студент).

214 Овечий базар.

215 Масджид-и калан (букв. “великая мечеть” — большая соборная мечеть. в г. Бухаре, отличалась обширностью и могла вместить приблизительно до 10 тыс. человек, “если не всех внутри, то по крайней мере так, что им всем будут слышны слова намаза”. (Н. Ханыков, Описан. Бухар. ханства, СПб, 1843, стр. 94). Минарет при этой мечети тот, который известен под именем “Башни смерти”; он — самый высокий в Бухаре.

216 В толще минаретов на разной высоте делают узкие, продолговатые, со сводчатой аркой, окна-отверстия для освещения внутренней винтовой лестницы, по которой муэzzин поднимается на верх минарета кричать призыв к молитве. Верх минарета обычно оканчивается куполообразной кровлей, покоящейся на ряде продольных сквозных арок, образующих круглую аркаду, отделяющую самый минарет от его купольного покрытия. В этой аркаде, называемой кафаса-йи менар, и располагается муэzzин для призыва на молитву.

217 Разумеется известный таджикский историк Мирхонд (по обычному сокращенному произношению], умерший в Герате в 903/1495 г.

218 мамлакат. Здесь разумеется один из монгольских владетелей Ирана, ильхан Кейхату (690/1291 — 694/1295], введший в обращение бумажные деньги в 1294 г. н. э. и вызвавший этим народный бунт. Эти бумажные деньги обозначались китайским словом чао; наш автор тоже употребил этот термин, но в применении к выпуску низкопробной серебряной монеты, поэтому мы перевели это слово как “новые деньги”.

219 По нашему летоисчислению 1708 — 1709 г.

220 нарин — встречается также в значении одного из казнохранилищ; см. Рашид-ад-дин, Сборник летописей, в переводе А. К. Аренде, М. — Л., 1946, стр. 299.

221 Арабское выражение, заключающее вторую часть целого хадиса.

222 Т. е. к сумасшедшему, или полоумному, носившему кличку “пятисотманный”. Маном же в г. Бухаре XIX в. называлась мера веса, равная 8 пудам, или 128 килограммам [более точно — 7 пудам, 32 фунтам 48 золотникам, по Н. Ханькову. Описание Бухарского ханства, СПб, 1843, стр. 114). В середине XVIII в. по данным, собранным Е. А. Давидович, большой бухарский батман весил не больше 26 кг. См. Е. А. Давидович. К вопросу о размерах мискала и батмана в Самарканде и Бухаре в XV — XVIII веках. Доклады Академии наук УзССР за 1951 г., № 5.

223 яки ра ба чари джари карданд, — т. е. основная монетная единица, одна тенга, хотя и уменьшилась в стоимости в четыре раза, но ее принуждали брать за полноценную тенгу.

224 Соответствует 1709 — 1710 г. н. э.

***225** Коран, 18з.

226 “Люди сердца” — суфии, исповедующие спиритуалистическое понимание мира, которое, по их мнению, достигается очищением сердца от всего чувственного, свойственного человеческой природе.

227 Т. е. обладающий престолами Бухары и Балха.

228 Арабское выражение.

229 Галия — ароматическая черная помада из мускуса и амбры, употребляемая для волос и бровей.

230 Тарикат (с арабского, буквально — путь) мистический путь, которым идет в поисках абсолютной истины суфий или дервиш, руководимый своим наставником (пиром, шейхом или имамом).

231 Хакикат (с арабск., буквально — истина) — высшая стадия мистического пути, на которой адепт суфизма достигает полного воссоединения с абсолютным, растворяясь в нем, как капля в океане, и переставая совершенно сознавать свое обособленное индивидуальное бытие.

232 Ходжа Ахрар — известный среднеазиатский ишан, крупный землевладелец и реакционный политический деятель, умерший в 896/1491 г., а по другой версии — в 895/1490 г. На полях рукописи за № 1532 Гос. Пуб. библ. УзССР на л. 142 написано против имени шейха Ходжи Абдуррасуля рукою Мир Хусейн тюри, сына эмира Хайдара, в 1224/1809 г.: “этот ходжа из святых аллаха ибн Меджнун ибн Ходжа Хашим ибн Ходжа Мухаммед ибн Хазрет-Махдум-и А'зам”.

***233** Коран, 2₅₇.

***234** Коран, 39₅₅.

235 Коран, 26₂₁.

236 В тексте — Яджудж и Маджудж, что соответствует библейскому народу Гог и Магог, который перед концом мира выйдет из своих обиталищ и поднимется на другие

народы. По мусульманским представлениям Александр Македонский загнал эти народы далеко на Восток и выстроил в защиту от них великую стену.

237 Заххак — мифический чужеземный властитель Ирана, якобы имевший страшный и отвратительный вид, из плеч которого поднимались две черных змеи, кормившиеся человеческим мозгом убиваемых им людей. Согласно легенде, после тысячелетней тирании Заххака произошла первая революция в мире, когда под предводительством кузнеца Каве восставший народ сверг тирана Заххака.

238 Т. е. 13 мая 1709 года н. э.

239 Таково было старинное название Зеравшана. Так он назывался при тимуридах и даже раньше, а затем это название встречается в литературных и разных документальных памятниках — до половины XIX в. Слово кухак значит “горка” и упрочилось за р. Зеравшаном по имени возвышенности Кухак, ныне Чупан-ата, к востоку от Самарканда, которую Зеравшан омывает с одной стороны (В. Л. Вяткин, Материалы к истор. географии Самаркандск. вилаета в Справ. книжке Самаркандской области за 1902 г., Самарканд, 1902, стр. 28).

240 Джериб — мера измерения площадей, равная 3609 квадратных локтей или одному танабу. В разных актах джериб и танаб употребляются безразлично. Танаб в разных местах был. различен — от 400 до 980 кв. сажений.

241 Джибачи (в просторечии — дживочи) — букв. “закованный в броню”, в позднейшей бухарской служебной иерархии — четвертый чин в восходящем порядке.

242 Коран, 31₂₆.

243 Буза — род хмельного пива, приготовляемого из проса.

244 Коран, 3₁₅₃.

245 Коран, 2₂₈₆

246 Стих суфийской окраски в значении: или ты избери мистический путь к высшей Истине, или предпочти ему обычную жизнь.

247 Тиша — плотничный инструмент в виде топора с нешироким лезвием.

248 Слово “шатир” означает скороход, а “пари” — ангелоподобное, поразительной красоты существо; таким образом, слово “шатирпари” означает скорохода, подобного пари. Скороходы составляли неотъемлемую принадлежность ханов, эмиров, областных правителей (миров, или хакимов) и других высокопоставленных лиц. Они посылались с поручениями, когда требовалась особая быстрота, недостижимая на коне; они же бежали впереди при торжественных выездах своих господ.

249 ишикакабаши — главный начальник охраны высочайшего порога, на обязанности которого лежал надзор, чтобы в бытность хана в г. Бухаре никто не мог выехать верхом из арка; вместе с тем это лицо управляло и туманом Каракуль.

250 арбаб-и вилает — разумеется, повидимому, арбаб Бухарского района, который являлся главным начальником оросительной системы г. Бухары с его окрестностями.

251 фукара-и сахра, дословно — народная масса степи, так как не только у нашего автора, но и у других среднеазиатских писателей термин этот всегда противопоставляется выражению "мардум-ишар" в значении не вообще население города, а столицы, г. Бухары.

252 азиз — дорогой, почитаемый, каковой эпитет прилагался к дервишам, к суфиям, идущим по мистическому пути (тарикату); этот термин вполне соответствует обращению "возлюбленный" святоотеческих писаний православной церкви.

253 Ханифитская община — последователи одной из четырех школ мусульманского законоведения, — школы Абу Ханифы.

254 Арабское выражение, взятое не из Корана.

***255** Т. е. Ходжа Абдуррасул, как глава суфийского ордена, имевший слепо преданных ему последователей среди самых различных классов населения, предлагал с их помощью уничтожить непокорных эмиров.

256 Т. е. прощение должно быть даром победителя.

257 Коран, 18₁, в полном виде он читается так: "истинно, мы помогли тебе победить верною победою".

258 Так называемая LXVIII сура корана. Можно думать, что Убайдулла-хан был, не чужд писательских занятий и написал специальное объяснение этой суры.

259 Дабуси-шах, или Кал'а-и Дабус (Дабусия), — один из древнейших городов Средней Азии.

260 Ариман (в Авесте — Анрамаинью) — злой дух, властитель зла и демонов.

261 Такие камни или плиты неоднократно упоминаются в Коране и ими грозит аллах нечестивцам и непослушным его велениям.

262 Андалиб.

263 Кутвалом в Бухарском ханстве называлось лицо, производившее казенные (ханские) постройки за счет ханских средств и по указаниям хана; иначе говоря, кутвал был заведующим строительной частью правительственной власти.

264 Соответствующем 1709 г. н. э.

***265** Коран, 35₁₀. Весь этот стих (по переводу Саблукова) читается так: "бог посылает ветры; они поднимают пучу, и мы гоним ее на омертвевшую страну и оживляем ею землю после омертвения ее: так будет и воскресение".

266 зар' (арабск.) — мера длины, равная одному гязу (около 1 метра).

267 Джуйбар — главный бухарский оросительный канал, проходящий через весь город.

268 кишт — посев, нива. Может быть здесь разумеется разведение плодовых деревьев из семян путем их посева.

269 Автор хочет сказать: “до чего привлекательны плоды айвы, желтоватые, как лица влюбленных, слегка покрытые пушком и очень ароматные”. В Средней Азии айва — превосходная приправа к плову.

270 мудджа — сорт шпината, так наз. баргест. Камизак, или кумузак, — повидимому, то же, что Будагов приводит под формой кумыздак — щавель (ср. Словарь турецко-татарских наречий, II, стр. 66).

271 Гута — неизвестное мне плодовое дерево. В Бухаре его теперь не знают.

272 арусак (букв. — кукла) — сорт сливы.

273 Тут-мурваритак (собств. мурваридек) с мелкими и очень вкусными ягодами белого цвета.

274 Хар-тут, названный так потому, что он имеет хар (шип)

275 тарх. Это техническое выражение можно понять и в буквальном смысле, ибо среднеазиатские архитекторы чертили на бумаге свои планы со всеми расчетами и деталями. Несколько таких планов прошлых времен хранится в Институте востоковедения АН УзССР. О них см. статью проф. Н. Б. Бакланова; Герих, Геометр. орнамент Ср. Азии и методы его построения, “Сов. археология”, IX, 1947; стр. 101 — 120.

276 Харимом называется все запретное, куда непосвященному невозможен доступ; т. е. стены были столь высоки, что невозможно было видеть, что делается внутри этого сада-дачи, и только звезды свободно могли любоваться его внутренностью.

***277** Это, повидимому, изменение коранского стиха (суры IX, ст. 37): обещал аллах верующим обою пола сады, по которым текут реки; в них они пребудут вечно, живя в прекрасных жилищах, среди садов Эдема (ср. также стихи 90 и 101 той же суры).

278 Метафора эта имеет в виду тот лотос, что, по верованию мусульман, растет на седьмом небе и называется “лотосом крайнего предела”, ибо дальше него не могут заходить небожители.

279 Хавернак — название чудесного замка, построенного подле позднейшего г. Куфы, в Месопотамии, хирским царем Ну'маном для бежавшего к нему персидского царя Бехрам-Гура из доисламской династии сасанидов. Седир — одно из зданий в системе построек этого замка.

280 аз у бихишт нишан. В числовом отношении эти слова дают цифру 1121, т. е. год сооружения этой загородной дачи хана с большим садом вокруг нее.

281 Т. е. в 1709 г. нашей эры.

282 Т. е. в Балхской области и в сопредельных с ней районах.

283 Мирзабаши — буквально “начальник мира или писцов”, что соответствовало нашему понятию “начальник или правитель канцелярии”. В позднейшей бухарской чиновничьей иерархии мирзабаши был третьим чином, а предшествующее здесь название караулбеги обозначало лицо, бывшее в пятом чине в восходящем порядке.

284 Дагала — старобухарское слово, означающее короткое верхнее платье.

285 тас — так в Бухаре называли газет, тяжелую одноцветную шелковую ткань, затканную золотой или серебряной ниткой.

***286** каба-и зарбафт.

287 20 октября 1709 г. н. э.

288 мухрдар — хранитель ханской или эмирской печати, прикладывавший ее к разным актам, исходящим от хана. Без печати эти документы считались недействительными.

289 Ташрабат — повидимому, современный Таш-Курган, лежащий на пути из Балха в Гури, на пересечении путей с запада на восток и с севера на юг.

290 В переводе означает: “Длинный повод Ибрагима мирахура”.

291 Т. е. “Гусиное крыло”.

292 Т. е. “Холм-сердце”.

293 Лежала на левом берегу Аму у Келифской переправы на каменной скале естественного происхождения.

294 Арабское выражение, не из Корана.

***295** бардашт-и инкадар лашкарха надарад. В это время, (как, впрочем, раньше и позже), при передвижениях войск в Бухаре интендантской части в нашем смысле не существовало, и все довольствие воинских частей ложилось на население; при этом очень часто массы войск в местах временных стоянок и при движениях походным порядком вели себя так, как будто они были в неприятельской стране, чиня грабежи, насилия и убийства.

***296** Коран, 4₆₂.

297 В одной лишь рукописи за инв. № 1532 имеется указание, что с этого места несколько листов утрачено (азинджа чанд варак уфтада аст); во всех прочих списках текст писан подряд. Таким образом, письмо Убайдуллы хана остается неоконченным, и последующий текст начинается с глагола, оканчивающего предложение. Пропуск отсутствующего текста мы обозначили точками.

298 Йемен — юго-западная часть Аравии.

299 январь — февраль 803 г. н. э.

300 ахл-и калам. Здесь разумеются не писатели, а чиновники правительственных канцелярий, главным образом центрального аппарата. Этот термин, — в этом именно смысле, — употреблялся и в средневековой Бухаре.

301 Данг равен 1/6 дирхема.

302 Трудно сказать, вставлен ли этот эпизод о судьбе бармекидов в качестве пояснения или нравоучения к какому-либо эпизоду, утраченному в рукописи настоящего события, или же он взят переписчиком просто для того, чтобы чем-нибудь заполнить в этом месте утерянные листы или пробел в данном труде.

303 мунаджим.

304 Собственно, гаданье на песке; для получения ответа на заданный вопрос на песке ставят несколько рядов точек, потом точки каждого ряда соединяют прямыми линиями; при четном количестве точек все они окажутся соединенными, при нечетном остается одна точка вне соединения. Результат каждого ряда, черта или точка, записывается и получающаяся комбинация черточек и точек и соответствующее ей предсказание отыскивается в особой гадательной книге, служащей ключом ко всем этим действиям, под рубрикой заданного вопроса.

305 Т. е., очевидно, дело было 7-го числа месяца сафара 1121 года, что соответствует 18 апреля 1709 г.

306 Этот, популярный у восточных авторов, эпитет в смысле “оживитель”, “воскреситель”, отнесен к любимцу Убайдуллы хана, Туракули бию.

307 кандалят — род твердой халвы, делающейся из смеси сахара, муки и зерен миндаля, абрикоса и проч.

308 То есть, должен был послать за это богатые подарки и, возможно, устроить в честь хана пышное празднество (той).

***309** Коран, 9₂.

310 Широко распространенный по всему Востоку струнный щипковый музыкальный инструмент с отвисшим продолговато-круглым корпусом; в одних случаях рабаб имеет 4 струны, в других — 5 (четыре шелковых и одна серебряная). См. Семенов А. А., Среднеазиатский трактат по музыке Дервиша Али (XVII в.), Ташкент, 1946, стр. 10, п. 19.

311 На востоке никакой посетитель и никакой гость не может уйти без дозволения того, к кому он пришел.

312 Стих этот в оригинале грешит против метра и во всех списках написан по-разному, часто с опущением диакритических точек, почему я не ручаюсь за правильность его перевода

313 Арабское (не коранское) выражение.

***314** Коран, 111₂₅.

315 1710 — 1711 гг. н. э.

***316** Коран, 1026,

317 Коран, 35₄₂,

318 Баснословная чаша мифического царя Ирана, Джемшида, в которой он мог, якобы, видеть отражение всего происходящего в мире. Здесь — метафорическое выражение.

319 Разумеется очень когда-то распространенная на Востоке игра в поло, в которой главную роль играли палка с загнутым концом (чауган) и шар (гуи).

320 При стрельбе из лука большой палец (шаст) правой руки играл важную роль; на него надевалось особое кольцо, чтобы удобнее было захватывать тетиву при натягивании: лука.

***321** Коран, 126₁₅₂,

***322** Коран, 11₂₂, 12₃₆, 16₆ и 95₅.

323 Известное историческое сочинение “Равзат ас-сафа” Мирхонда.

324 Имеется в виду действие мускуса, возбуждающее сердечную и умственную деятельность, а равно способствующее, по мнению восточной медицины, интенсивным научным занятиям.

325 В тексте — Сирадж ал-Мулук. (Светильник царям). Повидимому, имеется в виду арабский труд XII в. Абу Бекра ат-Туртуши или его персидский перевод Таки-ад-Дина.

326 Нушираван, или Ануширван, — царь Ирана доисламской эпохи, из династии сасанидов; правил с 591 г. по 579 г. до н. э. О нем в преданиях всех мусульманских народов сохранилась память, как о якобы справедливом государе.

327 Дафтарными записями в Средней Азии назывались записи приходо-расходных поступлений не только денежного порядка, но и природы (движение поступлений податей в натуре, подарков правителей и прочие записи, кому пожалована и выдана такая-то вещь, передана во временное пользование земля и пр.).

328 милк-и халис. См. документы к истории аграрных отношений в Бухарском ханстве XVII — XIX вв., сост. О. Д. Чехович под ред. А. К. Арендса, Ташкент, 1954, а также А. А. Семенов “Очерк поземельно-податного и налогового устройства б. Бухарского ханства”, Ташкент, 1929, стр. 4 — 22.

329 Упоминаемые здесь торговые сделки, несомненно, обозначают торговлю деньгами (воспрещаемую Кораном), а индусы являлись в Бухаре искони ростовщиками, дававшими деньги небольшими суммами за огромные проценты; при неплатеже в срок на проценты набавлялись новые проценты и должник крепко закабался. Очевидно, потачка властей ростовщикам способствовала особенному разгулу ростовщичества.

330 Во всех списках, по-видимому, ошибочно *** я исправил это, согласно вышеприведенному, во всех случаях сарайи.

331 ханзал — плод растения с тем же именем; отличается весьма неприятным горьким вкусом.

332 джуги — совершенно особняком стоящее племя в Средней Азии, очень мало исследованное; некоторые причисляют джуги к цыганам.

333 Тут что-то имеется в виду, противное установившемуся в Бухаре порядку, где подарки давались бесплатно; по-видимому, для пополнения пустой казны Убайдуллы хана прибегали ко взиманию за подарки платы.

334 В этот день паломники в Мекке останавливаются у горы Арафат и совершают полагающиеся по культовому ритуалу обходы этой горы.

335 На салам к ханам и эмирам сановники являлись обычно ежедневно, утром и вечером. Церемония эта состояла в том, что они проходили перед ханом и кланялись ему, произнося традиционное “салам алайкум”! (Да будет мир над вами!).

336 Речь идет об известных джуйбарских ходжах, о предке которых и об их значении в Бухаре см. подробности в статье В. Л. Вяткина, “Шейхи Джуйбари” в сборнике “В. В. Бартольд”, Ташкент, 1927, стр. 3 — 19, в документах “Из архива шейхов Джуйбари. Материалы по земельным и торговым отношениям Ср. Азии XVI в.”, М.-Л., 1938, и в исследовании П. П. Иванова “Хозяйство джуйбарских шейхов. К истории феодального землевладения в Средней Азии в XVI — XVII вв.”, М.-Л., 1954.

337 мил — раскаленный железный стержень, которым на Востоке ослепляли людей, выжигая им глаза.

***338** Коран, 10₁₈.

***339** Коран, \$\$\$14₂₃.

340 джазаил(!) — старинное мелкокалиберное огнестрельное оружие, стрелявшее свинцовыми ядрами.

***341** Коран, 11₅₉.

342 Т. е. когда окончился январь и наступил февраль.

343 Коран, 3₁₅₃.

344 мехтар-и мушриф — собственно, две разных должности, в данную эпоху, по-видимому, объединившиеся в одном лице.

345 Езид — сын первого омейядского халифа Моавии и его преемник (60/680 — 64/683); по его приказанию был убит имам Хусейн, сын халифа Алия.

***346** Коран, 11₄₃.

347 Хайдар, имя собственное, мужского рода, в переводе — лев.

348 Харут и Марут ангелы, свергнутые с неба за любовь к земной женщине,

349 Коран, 22₁₁.

***350** Коран, 2₁₉₁.

351 Тушак хана — так называлась в бухарском арке кладовая, где хранились не только постельные принадлежности, но и предметы вооружения, лошадиная сбруя и т. п.; там же, видимо, тогда жил и заведовавший этим мехтар (См. А. А. Семенов “Бухарский трактат о чинах и званиях” в Сов. востоковедении, V, стр. 144).

352 Ичкемер — большая (иногда до полутора метров) ящерица пустыни, называемая также в просторечии “земляным крокодилом”; при встрече с человеком принимает угрожающий вид.

353 Т. е. русские рабы, составлявшие личный ханский конвой, накрылись одеялами и притворились спящими.

354 Наккара хана — род террасы с навесом, выходившей на площадь, где в определенное время дня играл небольшой оркестр, исполнявший классические пьесы, так наз. макамы.

355 По-видимому, разумеется поднятие Абулфайза с земли на белом войлоке кверху; этот древний обычай у тюрков Средней Азии заменил коронование царей у европейских народов. Это поднятие на белом войлоке вступившего на престол хана существовало в Бухаре и Хиве до самого последнего времени.

356 Коран, 4₆₁.

***357** Коран, 5₁.

***358** Коран, 2₃₈.

***359** Коран, 19₅₅.

360 Это сочинение, в оригинале называемое “Анвар-и-Сухейли”, представляет блестящую персидскую переделку знаменитых индийских басен Бидпая; автором ее является Хусейн бен Али Ваиз ал Кашафи, умерший в 910/1505 г. Есть английские переводы этого труда.

361 Коран, 2₃₄ и 7₂₃.

362 Т. е. происходящие из Рума, б. византийской империи, а потом Турции; можно думать, что здесь идет речь о турках-османах.

***363** Коран, 7 и 16.

***364** Коран, 5₂₆.

***365** Коран, 39₂₈.

***366** Коран, 2₂₅₇.

367 туфак — трубка, из которой стреляют глиняными шариками через сильное выдыхание.

***368** Коран, 38₁₀.

*369 Коран, 37₃₄.

370 Коран, 18₆.

371 Т. е. Авиценна, знаменитый средневековый философ, врач, многосторонний ученый, поэт и музыкант, умерший в 1037 г. н. э. Нижеприводимое его стихотворение дается в переводе акад. Ф. Е. Корша (“Персидские лирики”, М., 1916, стр. 9).

372 Коран, 2₂₁₁; 3₄₂ и 5₂; 6₇₂; 19₃₆; 10₇₀.

373 Канон — знаменитый медицинский свод Авиценны, в течение ряда веков бывший настольным пособием всех врачей Востока и Западной Европы. См. Абу Али ибн Сина (Авиценна), “Канон врачебной науки”, кн. 1, изд. АН УзССР, Ташкент 1954.

*374 Коран, 7₁₇₈ и 25₄₆.

*375 Коран, 9₂₅.

*376 Коран, 2₉₅.

*377 Коран 2₁₅₁.

378 Кербела — город и местность в Месопотамии, где в 680 г. н. э. погиб Хусейн, сын четвертого преемника Мухаммеда, халифа Алия.

379 16-го марта 1711 г. н. э.

380 Кайсар, особенно Кайсари Рум, т. е. цезарь римский; разумеется турецкий султан — наследник царства ромеев, как называли себя византийцы.

*381 Коран, 5₇₂.

382 Коран, 12₅₃.

383 Афлатун-и фаррух джан бедад — в числовом отношении эта фраза дает хронограмму 1123, т. е. 1123 г. хиджры — 1711 г. н. э.

*384 Коран, 18₂₉.

385 Под голову покойника на мусульманском Востоке подкладывали кирпич.

386 Т. е. в гробницу шейха Бахауддина Накшбанда.

*387 Коран, 18₈₈

*388 Коран, 3₁₆₈.

*389 Коран, 2₃₃. Приведенному выражению предшествует фраза (по переводу Саблукова): “Родительницы грудью кормят детей своих полные два года, если кто захочет, чтобы кормление грудью было законченное”. Таким образом, автор хочет сказать, что этому царевичу не было еще и двух лет.

***390** Коран, 111₅.

391 Мужское имя Хайдар означает “лев”.

***392** Коран, 2₂₈₆.

***393** Коран, 14₄₃.

***394** Коран, 26₂₂₈.

***395** Коран, 12₃₈.

396 Коран, 15₉.

***397** Коран, 37₂₂.

***398** Коран, 3₂₀, 9₃ и 34_; 21₆; 15₇ и 34₂₄.

399 Коран, 39₂₉ — 30.

***400** амал. Дело в том, что Араб есаул был из числа мулазимов Ибрагима диванбеги, т. е. принадлежал к числу его челядинцев, исполнявших разные мелкие поручения; за особую расторопность, усердие и энергию мулазимы могли перейти в сословие амалдаров, т. е. правительственных чиновников.

***401** Коран, 2₁₅₁.

402 Т. е. Араб есаул заслужил за свой поступок ругань диванбеги, а Джавшан получил от этого личную выгоду.

403 В тексте стоит непонятное для меня в этой фразе слово лэт (кусок), почему я перевел этот стих вольно.

***404** ин ходжай-и бадавлат — в числовом отношении образует 1123, т. е. год убиения ходжей.

405 17 июня — 16 июля 1711 г.

406 Вышеупоминавшемуся балхскому эмиру, убившему Муким-хана и севшему на его место.

407 Коран, 12₃₈.

408 Очень часто встречающееся в Коране выражение.

***409** зи-л-джавшан. Здесь игра слов: имя убитого Джавшана означает по-арабски кольчуга.

***410** Повидимому, парафраза стиха 10 из суры XVI, относящегося к жене Ноя и жене Лота: войдите обе в огонь.

411 Из знаменитой сатиры великого поэта X — XI вв. н. э. Фердавси на современного ему султана Махмуда газневидского, осуждавшей жадность, тупость и скупость последнего.

***412** Коран, 39₂₇.

***413** Коран, 2₁₅₁.

414 20 июня 1710 г.

415 Т. е. в Фатхабаде.

416 25 мая 1710 г. н. э.

417 Т. е. он определяет по первому взгляду, имеет ли в характере данный субъект мистические наклонности в духе знаменитого выходца из Балха, великого суфийского поэта Джелалуддина Руми (ум. в 1273 г.), основателя известного турецкого дервишского ордена “мавлеви”.

418 садр — эмир, ведавший учетом и надзором за вакфами, находившимися в предместьях г. Бухары на пространстве одного фарсанга, приблизительно 7,5 км. (См. Семенов А. А., Бухарский трактат о чинах и званиях, стр. 141).

419 Разумеется сочинение Яхьи Сибака Нишапури (ум. в 952/1448 г.), известное под именем Шабистан-и Нукаат ва Гулистан-и Лугат, т. е. “Опочивальня тонких мыслей и розовый цветник слов”. Оно является собранием разных причудливых историй, шарад и загадок в прозе и стихах. Очень популярно на Востоке и вызвало комментарии и объяснения к нему.

420 Потому что судья г. Бухары являлся как бы своего рода начальником всех судей ханства, аттестуя их перед ханом, и обращая внимание на правильность их решений. Хан советовался с ним по разным правовым вопросам.

421 14 октября 1715 г.

422 В. Фатхабаде, близ Бухары.

423 риваят — выписка или справка из авторитетнейших источников по мусульманскому праву (составленная коллегией муфтиев), на основании которой судья выносит свое решение.

424 В тексте: ***, ввиду отсутствия диакритических точек чтению не поддается.

425 Так назывался самый ученый из законоведов (факихов), сокращенно именованный а'лям. Он назначался обычно из мударрисов, т. е. преподавателей высшей школы, и являлся своего рода главою муфтиев, законоведов-юристов; а'лям своею печатью удостоверял справедливость приводимых муфтиями цитат из шариатских книг по данному делу и только с его печатью такие заключения (риваяты) муфтиев были действительны.

426 Тут игра слов: Джуйбар как имя собственное означает местность в Бухаре, где жили до самого последнего времени известные джуйбарские ходжи, к которым

принадлежал и этот муфтий; джуйбар как существительное нарицательное означает местность, изобилующую ручьями или реками, водою вообще.

427 Коран, 184.

428 Разумеется первый преемник Мухаммеда, Абубекр, скрывавшийся с ним в пещере во время бегства пророка из Мекки в Медину.

429 30 марта 1718 г.

430 То есть, переводя на обычный язык, стали его официальными послушными последователями и учениками, в чем “дали ему руку”, символически этим актом закрепив свое вступление в число его учеников или муридов.

431 Начался 25 апреля 1705 г., окончился 14 апреля 1706 г.

432 хазара — район, доход с пахотных земель которого может содержать тысячу воинов. Древнее селение Сагардж (по-бухарски) лежало в районе г. Самарканда; в данную эпоху Сагардж был городом особого удела. Развалины Сагарджа — в 4 клм. от сел. Янги-Кургана. (В. Бартольд, Туркестан в эпоху монгольского нашествия, II, СПб., 1900, стр. 98, 130 и 523).

433 Мухаммас — длинное строфическое стихотворение, состоящее из пяти строфных куплетов, где все строки представляют заимствование из какого-либо лирического стихотворения известного поэта, а по три строчки к ним каждый раз добавляет автор мухаммаса. Шехрашуб — красавица, сводящая с ума весь город, но здесь, возможно, имеется в виду особая форма поэтического произведения.

434 балахана.

435 Саиб, Мирза Мухаммед-Али-йи-Тебризи — знаменитый поэт, ум. в 1088/1677 г.

436 Предпоследняя строка во всех списках имеет погрешности и в метре, и в смысле, поэтому ее перевод и зависящий от нее перевод последней строки невразумительны.

437 Очевидно, намек на окрашенную в красный цвет бороду посла.

438 Здесь непереводаемая игра слов, основанная на смысле арабского бейт — двустипшие и дом, так что по точному переводу каждый его поэтический бейт есть цветущий бейт (дом).

439 Т. е. в феврале 1800 г. н. э.